АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ΛΕΟΝΤΟΣ ΔΙΑΚΟΝΟΥ

ΙΣΤΟΡΙΑ

ЛЕВ ДИАКОН

ИСТОРИЯ

ПЕРЕВОД

М. М. КОПЫЛЕНКО

СТАТЬЯ

М. Я. СЮЗЮМОВА

КОММЕНТАРИЙ

М. Я. СЮЗЮМОВА, С. А. ИВАНОВА

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
ЧЛЕН-КОРРЕСПОНДЕНТ АН СССР

Г. Г. ЛИТАВРИН

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА · 1988

ББК 63.3(0)3
Д-44

Редактор перевода
С. А. ИВАНОВ

Рецензенты:
Я. Н. ЩАПОВ, М. В. БИБИКОВ

ББК 63.3(0)3

$Д\frac{0504020000-366}{042(02)-88}$ 25—88—I

ISBN 5—02—008918—4

ОТ РЕДАКТОРА

Лев Диакон — один из крупнейших византийских авторов второй половины X в. В десяти книгах своей «Истории» он описал современные ему события внутренней и в особенности внешнеполитической жизни империи. Его повествование охватывает преимущественно 959—976 гг., хотя в ряде экскурсов он сообщает факты, относящиеся к более позднему времени (вплоть до 992 г.).

Труд Льва Диакона, близкого к придворным кругам и весьма осведомленного автора, — ценный и интересный источник не только по истории Византийской империи, но и Болгарии и Древней Руси: балканские войны киевского князя Святослава в 968—971 гг. составляют один из основных сюжетов его сочинения. Сообщаемые им при этом сведения нередко уникальны. Важно, что историк не просто излагает ход событий, а пытается их осмыслить, дать им оценку. В отличие от предшественников — хронистов-компиляторов IX—X вв., Лев Диакон создал свое сочинение в жанре исторического повествования. Между тем «История» Льва Диакона была переведена с греческого на русский язык только раз — в 1820 г., через год после первой полной публикации греческого оригинала. Исполненный ошибок и неточностей перевод Д. Попова не только безнадежно устарел — он давно стал поистине библиографической редкостью. Русский (советский) читатель, в том числе и историк, не владеющий языком оригинала, до сих пор вынужден знакомиться со Львом Диаконом лишь по хрестоматиям. На другие языки «История» переводилась преимущественно также выборочно. Полный латинский перевод был опубликован в 1828 г., немецкий — в 1961 г. Греческие ученые давно работают над новым изданием Льва Диакона, но оно еще не появилось.

Необходимо дать краткие пояснения в связи с тем, что книга выходит в свет после смерти М. Я. Сюзюмова.

Профессор Уральского университета, зав. кафедрой истории древнего мира и средних веков, Михаил Яковлевич Сюзюмов (1893—1982) был одним из крупнейших советских византинистов. «Историей» Льва Диакона он заинтересовался еще на заре своей научной карьеры, опубликовав в 1916 г. не утратившее до сих пор значения исследование об источниках, использованных византийским историком при написании своего сочинения.

Замысел ученого — подготовить русское научное комментированное издание «Истории» Льва Диакона — приобрел конкретные формы за несколько лет до знаменательной даты — тысячелетия

походов князя Святослава на Балканы. По просьбе М. Я. Сюзюмова перевод памятника был сделан профессором Алма-Атинского университета эллинистом М. М. Копыленко, а сам Михаил Яковлевич занялся вступительной статьей и комментарием. К 1972 г. работа в общих чертах была завершена, и рукопись представлена «на суд» коллег-византинистов.

Однако выход книги в свет задержался на полтора десятилетия, так как статья и комментарий требовали дополнений, а сделать их Михаил Яковлевич не успел. Найдя силы для завершения ряда проблемных статей, имевших принципиальное значение для обоснования собственной концепции истории Византии, М. Я. Сюзюмов уже не возвращался к труду Льва Диакона.

После смерти ученого некоторые его не публиковавшиеся работы были подготовлены к печати. Доработку рукописи «Истории» мы с С. А. Ивановым взяли на себя. Внимательное ознакомление с ней убедило нас в том, что статья и комментарий, несмотря на незавершенность, сохраняют научную значимость и носят яркий отпечаток исследовательской индивидуальности и таланта автора, принесших ему широкую известность в мировом византиноведении. Перевод «Истории» после внесения в него ряда уточнений был также признан вполне соответствующим греческому оригиналу.

Редактируя и дополняя рукопись статьи и комментария (который обновился на треть), мы стремились максимально сохранить основные идеи М. Я. Сюзюмова, манеру его интерпретации источников и стиль изложения. В тех случаях, когда какая-либо мысль автора нуждалась в конкретизации, мы обращались к другим его трудам, в которых эта мысль звучала определеннее. За истекшие пятнадцать лет появились многочисленные исследования, критические издания ряда византийских источников, имеющие значение при анализе текста «Истории» Льва Диакона. Это ставило перед нами серьезные научные и этические проблемы. И все же мы старались сохранять оригинальный текст М. Я. Сюзюмова.

Проявив инициативу в деле завершения подготовки к печати «Истории» Льва Диакона, мы нашли всемерную поддержку у сотрудников сектора византиноведения Института всеобщей истории АН СССР и кафедры истории древнего мира и средних веков Уральского университета. Мы благодарны сотрудникам сектора византиноведения, обсуждавшим рукопись перед сдачей ее в печать и сделавшим ряд полезных замечаний и рекомендаций. Хотим выразить особую признательность профессору П. О. Карышковскому за великодушную и бескорыстную помощь. Собственную же работу мы расцениваем как вклад в увековечение светлой памяти М. Я. Сюзюмова — ученого, оставившего яркий след в развитии марксистского византиноведения и современной византинистики в целом.

Г. Г. Литаврин

ИСТОРИЯ

КНИГА ПЕРВАЯ

1. Если и имеется какое-либо из благ, приносящих пользу в жизни, то во всяком случае не меньше, а больше всего оказывает нам услуги, является необходимой и полезной история [1]. Она вскрывает разнообразные и многоразличные деяния, которые возникают и естественным порядком, под влиянием времени и обстоятельств, и в особенности по произвольному решению лиц, занимающихся государственными делами [2], и учит людей одно одобрять и ставить себе в качестве образца, другого же гнушаться и избегать, чтобы не осталось в неизвестности и проводилось в жизнь все полезное и ценное и чтобы никто не делал попыток ввергнуть себя в ужасные и вредные начинания.

Таким образом, история словно воскрешает или вдыхает новую жизнь в умершее, не позволяя ему погрузиться и исчезнуть в пучине забвения, и признана важнейшей среди всех полезных людям вещей. В мое время произошло много необычайных и чудесных событий: на небе являлись устрашающие видения, случались ужасные землетрясения, разражались бури, проливались неистовые ливни, бушевали войны и по всей вселенной бродили вооруженные полчища, города и страны сходили со своих мест, так что многим казалось, будто наступает перемена жизни и к порогу приближается ожидаемое второе пришествие Бога-спасителя [3]. Я решился не умолчать о полных ужаса и достойных удивления событиях, но поведать о них в назидание потомкам, если провидению не будет угодно уже теперь привести паром жизни к пристани смерти и изменить образ мира сего [4].

Берясь за труд, превышающий мои силы, я хочу, чтобы меня не постигла в усердии моем неудача, хочу приблизиться к величию всего случившегося [5] и подобающим образом о нем рассказать. Постараюсь изложить свою историю по возможности подробно. Я, составитель ее, Лев, сын Василия [6], родина моя — Калоэ [7], прекраснейшее селение Азии [8], расположенное у холмов Тмола [9]

близ истоков реки Каистра[10], которая, протекая мимо Кельвиана[11], доставляет своим видом усладу зрению и, разлившись, впадает в залив знаменитого и славного Эфеса[12]. Но приступим к рассказу об общественных делах, стараясь как можно ближе держаться истины, ибо правдивость больше всего приличествует истории. Люди, сведущие в науке, говорят, что риторике присуща сила выражения, поэзии — мифотворчество, истории же — истина[13].

Я полагаю, что мне не следует касаться событий, происшедших в царствование василевса[14] Константина[15], прозванного Багрянородным, сына Льва, перед рождением и смертью которого была, говорят, видна на небе комета[16], предвещавшая его появление на свет и кончину, — об этих событиях достаточно писали другие[17]. Я представлю в своем сочинении, что случилось после его царствования, и опишу то, чему я сам был свидетелем (ведь глазам, как утверждает Геродот, следует больше доверять, чем ушам[18]), и то, о чем я слышал от очевидцев.

2. Когда в ноябре месяце 3 индикта 6467 г.[19] упомянутый василевс Константин покинул жизнь и обрел покой в ином мире[20], самодержавную власть принял его сын Роман, уже вышедший из юношеских лет[21] и приближавшийся к зрелому возрасту. Это был муж прекрасный лицом, приятный в общении, приветливый, полный всяческих достоинств, добрый и благосклонный ко всем подданным и вообще доблестный во всех отношениях. Но он чрезмерно предавался юношеским страстям и забавам и всех, кто его побуждал к такому [времяпрепровождению], приглашал к царскому столу, чего делать не следовало[22]. Этому василевсу Роману пришло на ум ниспровергнуть с божьей помощью могущество критских арабов[23], не в меру возгордившихся и замысливших погубить ромеев. Радуясь недавно случившемуся с ромейской державой несчастью[24], они часто разоряли ее приморские области. Я расскажу кратко о бедствии, постигшем ромеев.

Василевс Константин, будучи более не в силах сносить дерзость критян и их внезапные набеги, собрал боеспособное войско, снарядил большое число огненосных триер[25] и отправил их к Криту, надеясь одним ударом овладеть островом. Но из-за трусости и неопытности полководца, жалкого бездельника родом из пафлагонцев[26], бывшего евнухом при дворе, хотя и украшенного славным достоинством патрикия[27] (имя его было Константин, а прозвище Гонгила[28]), все собранное войско было, за исключением нескольких человек, разбито и уничтожено варварами.

3. Желая возместить ущерб, нанесенный этим поражением, василевс Роман[29] назначил стратигом-автократором[30] для ведения войны против Крита Никифора Фоку[31], достойнейшего из магистров[32], командовавшего тогда войсками Востока (ромеи эту должность называют доместиком схол[33]), как человека несокрушимой силы, предприимчивого, деятельного и опытного в военном

деле. Этот Никифор, по приказу василевса собрав войска Азии, посадил их на корабли[34], отправился в плавание и прибыл к Криту с большим числом быстроходных огненосных судов (ромеи именуют их дромонами). Когда наступило время высадки, он на деле показал свою опытность в ведении войны. Он привез с собою на судах сходни, по которым, спустив их на берег[35], перевел с моря на сушу вооруженных всадников[36]. Пораженные новым для них и удивительным зрелищем, варвары стояли на месте по отрядам, соблюдая неразрывный строй, ожидая приближения ромеев. Расчленив фалангу на три части, стратиг ромеев Никифор велел воинам сомкнуть щиты и выставить копья, приказал вынести вперед знамя с изображением креста и, возгласив боевой клич[37], двинулся прямо на варваров. Завязалась ужасная битва[38], стрелы сыпались градом; варвары не смогли устоять против натиска ромейских копий, ряды их расстроились, и они, обратясь в бегство, изо всех сил устремились к своему укреплению. Ромеи, преследуя их, перебили несметное число. Так успешно окончилось для ромеев их первое нападение и сражение. Когда варвары заперлись, как было сказано, в своей крепости[39], стратиг созвал войска и разбил перед городом критян лагерь[40]; триерам и прочим фортидам[41] он приказал находиться всем вместе в безопасной гавани, охранять подступы с моря и преследовать, сжигая жидким огнем, всякий замеченный варварский корабль, который попытается отплыть[42]. Тщательно все предусмотрев и подготовив, он вверил отряд отборных воинов стратигу Никифору по прозванию Пастила, человеку мужественному, участвовавшему во многих войнах; много раз бывал он пленен агарянами[43] и столько же раз убегал из плена; на лице и на груди его было множество рубцов от ран, полученных на поле брани. Ему-то, бывшему в то время стратигом [фемы] Фракисиев[44], было поручено обойти во главе отряда остров и обследовать его. Никифор Фока наказал ему бодрствовать и трезвиться[45], не предаваться бездействию и праздности[46], чтобы не навлечь на себя беды со стороны неприятелей; обойдя страну и совершив какой-либо славный [подвиг], Пастила [должен был] возможно скорее вернуться в лагерь.

4. Но благо никогда не дается людям в чистом виде, к нему всегда присоединяется зло; успехам сопутствуют неудачи, удовольствиям — огорчения, и невозможно в полной мере насладиться счастьем[47]. Так случилось тогда и с ромеями. Вступив в страну цветущую и во всем изобильную (земля там богата прекрасными плодами и разными соками, пастбищами и скотом), они, вместо того чтобы строго следовать, как это положено, наставлениям стратига, полностью пренебрегли ими, забыли о них, предались праздности и неге. Прятавшиеся в удобных для обороны лесистых горах варвары увидели, что [ромеи] невоздержаны и беспечны, вышли из лесов и ущелий, построились в боевой порядок и напали

на них сомкнутым строем. Ромеи, хоть и были совершенно пьяны и нетвердо держались на ногах, все же выступили против варваров и мужественно им сопротивлялись. Стратиг Пастила отважно сражался и сокрушал ряды варваров, но конь его, пораженный в грудь стрелами и копьями, упал и испустил дух. Он быстро соскочил с коня и, отражая некоторое время натиск варваров мечом, многих из них перебил. Истекая кровью, израненный множеством стрел, он пал мертвым на пространстве между сражающимися войсками. Когда он погиб, ромеи обратились в бегство, а преследовавшие их варвары перерезали почти всех, будто жертвенных животных, так что очень немногие из этого отряда вернулись невредимыми в лагерь [48].

Когда Никифор узнал о постигшем ромеев несчастье, он осудил неразумие и беззаботность погибших. Опасаясь превратности и непостоянства судьбы [49], он признал необходимым не мешкать более, не тратить попусту времени и во что бы то ни стало завершить войну, покуда варвары, осмелев, не стали нападать из засад и выступать против них соединенными отрядами.

5. В то время как Никифор Фока все это обдумывал и принимал решение (а он был мужем изобретательным и предприимчивым, из всех известных нам людей наиболее способным задумывать и совершать полезные дела, благоразумным и не склонным к наслаждениям; сверх того он отлично умел использовать время и обстоятельства, обладал непобедимой силой и крепостью тела: говорят, что однажды, когда на него напал один из храбрейших варваров, обычно начинавший бой, Никифор направил в его грудь копье и нанес обеими руками удар такой силы, что оно прошло тело насквозь, пронзив переднюю и заднюю стенки панциря) [50], так вот, ему пришла в голову мысль обойти кругом город и тщательно все осмотреть, чтобы выбрать наиболее подходящее для приступа место. Завершив обход, он убедился, что будет трудно [не только] ворваться в город, [но] и подойти к нему: с одной стороны надежной преградой служило море, с другой стороны возвышалась ровная и гладкая скала, на которой были воздвигнуты стены, представлявшие собою необычное и удивительное строение. Они были сооружены из земли, перемешанной с плотно сваляными свиными и козьими волосами, ширина стен была такова, что по их гребню во всю длину свободно могли проехать две колесницы; высота их также была вполне достаточной; помимо этого, вокруг стен были вырыты два очень широких и глубоких рва [51].

Увидев, как мы уже сказали, что город укреплен и совершенно неприступен, Никофор придумал следующее средство. Он выстроил стену на всем протяжении от южного берега до противоположного и запер таким образом город критян у моря. Варвары уже не могли теперь безопасно совершать вылазки на берег, а он получил возможность начинать или не начинать сражение

по своему усмотрению. Стена была построена быстро, и Никифор устремился к новой победе, о которой мы сейчас расскажем. Он созвал всех военачальников к своему шатру и громко провозгласил следующее:

6. «Я думаю, что никто из вас не забудет жестокости и зверства потомков рабыни, агарян, которым этот остров достался благодаря злостному попущению судьбы, не забудет и то, как они нападали и уводили в рабство людей и как гибельно отразилось это на ромеях. Разве не превратилось в пустыню почти все морское побережье из-за их разбоя? Не из-за их ли набегов опустела бо́льшая часть островов? [52] Вот почему провидение не позволило этим лжецам, этим ненасытным зверям, этим праздным обжорам [53] истребить до конца христианский народ. Воля властителя направила сюда нас, чтобы мы всемерно воздали за причиненные нам страдания. Доказательством сказанному служит недавняя [наша] победа. Мы едва успели завершить плавание и выйти на остров, нас еще мутило от путешествия по морю, а мы уже с помощью Всемогущего [54] обрекли большинство варваров мечу, остальных же без труда заперли в городе. Заклинаю вас, соратники, не склоняться к праздности и неге, пусть недавнее наше несчастье послужит вам примером. Если бы отправившиеся с Никифором Пастилой для обозрения страны не пренебрегли моими наставлениями и не предались излишествам и наслаждениям, они не погибли бы столь ужасно. Нарушив мои предписания, они понесли заслуженную кару за свое неразумие. Остерегаясь бедственной участи товарищей, нам следует быть воздержанными и бдительными, со всем рвением и усердием разведать и выследить притаившихся здесь, подобно зверям, варваров, выгнать их из пещер и берлог и уничтожить. Не станем же тратить время в праздности и пьянстве, но будем ромеями и докажем в сражениях мужество и благородство нашего рода!» [55]

7. Стратиг кончил свою речь, воины приободрились и начали рукоплескать. Обнажив мечи, они выказали готовность повиноваться ему и следовать за ним, куда он пожелает. Но он убедил их не двигаться и сохранять спокойствие до тех пор, пока он, выбрав удобное время, не прикажет им вступить в бой. Отобрав из [всей] армии наиболее храбрых и ловких воинов, он вышел из лагеря глубокой ночью, не производя никакого шума, чтобы варвары не заметили его ухода и не причинили беды оставшемуся войску.

Выйдя таким образом из лагеря и пройдя часть страны, он узнал от пленных, что на какой-то возвышенности собирается варварское войско числом около сорока тысяч и что оно намеревается внезапно напасть на ромеев, прогнать их с острова и освободить осажденных в городе критян. Раздобыв эти сведения, стратиг дал шедшему с ним отборному войску день отдыха, а поздним вечером, взяв с собою проводников из местных уро-

женцев[56], выступил в поход; он шел весьма быстро при ярком свете полной луны и, не сбавляя шагу, окружил возвышенность, на которой глубоким сном спали варвары. Затем, приказав трубить в трубы и бить в тимпаны, он стал взбираться на гору. Услышав лязг оружия, раздетые, застигнутые врасплох, устрашенные неожиданным нападением, варвары обратились в бегство. Но спастись было невозможно, так как все склоны горы были заняты ромейской фалангой.

Таким образом, за короткое время состоявшее из сорока тысяч варварское войско стало жертвою ромейских копий и было полностью истреблено[57]. К этому новому трофею полководец присоединил еще и другой трофей: он приказал отрубить головы у всех убитых и нести их в походных сумках в лагерь; каждому, кто принесет голову, он обещал денежную награду. Все воины с радостью стали выполнять этот приказ, в особенности отряд армян[58]. Они отрезали головы варваров и укладывали их в сумки[59]. Ночью стратиг вернулся в лагерь.

8. На следующий день, как только лучезарное светило поднялось над горизонтом и устремилось к вершине небесного свода, [Никифор] приказал насадить часть варварских голов на копья и расположить рядами на воздвигнутом им валу, другую же часть бросать камнеметами в город. Когда критяне увидели строй копий, утыканных головами, и убедились, что эти головы и другие, что летели по направлению к городу и ударялись о зубцы стен, принадлежали их соотечественникам и родственникам[60], их охватил ужас и безумие: они оцепенели от неожиданного душераздирающего зрелища. Раздавались вопли мужчин и рыдания женщин, и казалось, что город, где все рвали на себе волосы и оплакивали горячо любимых близких, уже взят.

Но они совсем не собирались уступить ромеям и признать себя побежденными[61]: надеясь на неприступность своих укреплений, они старались не терять мужества и в полном вооружении ожидали натиска ромеев, намереваясь дать отпор каждому, кто приблизится к ним. Стратиг же [велел] трубить к сражению и, побуждая войско встретить опасность грудью, двинул его на стены. И вот завязалась битва, во время которой взору предстало множество подвигов силы и отваги; повсюду свистели копья, снежным вихрем проносились стрелы, из метательных орудий беспрестанно летели камни, ударявшиеся о зубцы стен. Необходимость вынудила и варваров сражаться мужественно. Упорно защищаясь, они стреляли со стен из луков, метали секиры[62] и низвергали огромные камни. Они не пренебрегли ни одним средством обороны и причинили [ромеям] не меньше вреда, чем испытали сами. Опасность надвинулась на них вплотную, а надежды на спасение не было, поэтому они напрягли последние силы и отважно сопротивлялись противнику.

9. Ромейский стратиг Никифор убедился в том, что стены

города иадежио укреплеиы, совершенно иедоступны и иеодолимы (нх нельзя было захватить с одного натнска, так как онн были очень высокн н опоясаны двумя рвамн, глубнна которых равнялась высоте стен); [ои видел] также, что варвары сопротивляются отчаяиио, сверх всяких снл, и решил не сражаться более с обезумевшимн, ндущнми на верную гнбель людьми, прекратнть бесплодные попыткн овладеть стенамн снизу, под градом стрел, не подвергать иапрасио уиичтожеиию войско ромеев, а обречь осажденных иа голод, до тех пор пока не будут в достаточиом колнчестве нзготовлеиы «черепахн» и другие осадные орудия [63]. Он отложил сражеине, протрубнл фалангам воннов сигнал к отступленню н вериулся в лагерь. Свой стаи он окружил валом и обвел его иадежиым рвом, после чего стал упражнять войско н укреплять ежедневиыми учеииями военную опытиость фаланг [64]. По его прнказу искусиейшие техниты строилн осадные машиины. При каждом удобиом случае ои устранвал нападения н обстрелы; в этом месте [Никифор] со всем войском провел у стен города зиму.

КНИГА ВТОРАЯ

1. Таким образом, ромейский стратиг Никифор, как уже упоминалось, переправил свое войско на остров Крит, вступил в борьбу с тамошними варварами, часть из них сделал добычей меча, а остальных очень скоро и без особых усилий подверг осаде в городе, подле которого он провел зиму [1], ежедневными учениями готовя воинов к предстоящим сражениям. В это время Хамвдан [2], предводитель живущих по соседству с Киликией [3] агарян [4], муж сообразительный и предприимчивый, с юных лет несомненно превосходивший всех соотечественников в военном искусстве, узнал о морской экспедиции ромейского войска против критян и решил, что настало удобное время безнаказанно ворваться в восточные владения ромеев и, не потеряв ни капли крови, разорить их, захватить большие богатства и снискать себе вечную славу [5]. И вот, собрав самых сильных и мужественных арабов и агарян, Хамвдан вступил в ромейские пределы, сжигая и грабя все на своем пути [6].

Узнав о нападении [Хамвдана] и о его наглом, насильственном продвижении, самодержец Роман послал против него Льва Фоку, родного брата Никифора, начальника воинских сил Европы (ромеи именуют эту должность доместик Запада) [7]. Лев был мужем храбрым, доблестным, необычайно разумным, из всех известных нам людей наиболее способным находить правильное решение в затруднительных обстоятельствах; я полагаю, что в сражениях ему сопутствовала некая божественная сила [8], побеждавшая всех его противников и делавшая их покорными.

2. Много битв разразилось во время его начальствования над войском, и ни в одной противник не одержал над ним верх, всегда на его стороне была полная победа. Случилось как-то, что через Истр [9] переправилось скифское войско (народ этот называют гуннами) [10], стратиг Лев не мог вступить с ними в открытый бой — враги похвалялись неисчислимостью своих отрядов, а войско, которое он привел с собою, было незначительно и неспособно

к сражению, поэтому он решил не подвергать себя и своих воинов явной опасности, но напасть на скифов скрытно и свершить нечто мужественное и отважное, снискав себе этим громкую славу. И вот, подкравшись незаметно лесом к гуннам, он из засады осмотрел их расположение и точно подсчитал число врагов, затем глубокой ночью, разделив фалангу на три части, подступил к скифам, внезапно напал на них и в течение короткого времени учинил такую резню, что лишь немногим из огромного числа неприятелей удалось ускользнуть [11].

Именно этого стратига Льва самодержец Роман переправил в Азию, чтобы он всеми доступными ему средствами воспрепятствовал разбойничьим устремлениям варваров и отразил их дерзкие, бесстыдные набеги. Как только Лев переправился из Европы в Азию, до него стали доходить слухи о наглости и жестокости Хамвдана; он увидел сожженные храмы и деревни, разрушенные укрепления и опустевшие селения, из которых все жители были насильственно уведены в плен. [Полководец] решил не подвергать воинов явной опасности и не выставлять в открытом бою против многочисленных, хорошо вооруженных, одержавших не одну победу, гордых неожиданными удачами варваров свое малочисленное, плохо подготовленное, напуганное благополучием агарян и каждодневными их успехами войско. Он предпочел устроить засады на ключевых горных склонах, откуда было удобнее следить за продвижением врагов, и, когда они будут проходить по скользким ненадежным тропам, напасть на варваров и стойко с ними сражаться [12].

3. В то время как стратиг Лев все это обдумывал и принимал решение, ему пришло на ум ободрить своих воинов речью, побудив их выступить в случае нужды против варваров и смело действовать в бою. Выйдя вперед и помолчав немного, он стал воодушевлять воинов такими словами: «Соратники! Зная вашу отвагу, воинскую доблесть и опытность, общий наш господин и государь послал нас под моим верховным командованием в изнуренную набегами и грабежами Хамвдана, поверженную на колени Азию. Вот почему я склоняю вас не к тому, чтобы вы храбро сражались, — я полагаю, что незачем поощрять речами к мужеству тех, кто с юных лет отличается доблестью и отвагой, — но хочу, чтобы вы побеждали врага [благоразумием и] рассудительностью. Ведь военный успех зависит обычно не столько от силы натиска на противника, сколько от мудрой прозорливости и умения вовремя и с легкостью одержать победу. Вы сами ясно видите многочисленные, несметные ряды врагов, рассыпавшиеся по близлежащим долинам: о нашем же войске я скажу, что оно бесстрашно и могуче силой и духом, однако никто не может утверждать, будто оно велико и фаланги его готовы к сражению. Поэтому нам как истинным ромеям следует хорошо подумать и посовещаться о том, как найти выход в затруднительных обстоятельствах, как дей-

ствовать не во вред себе, а на пользу. Не будем же, проявляя отчаянную храбрость, безрассудно устремляться к неизбежной гибели; необузданная отвага сопряжена обычно с опасностью, а рассудительная медлительность может привести к спасению тех, кто к ней прибег».

4. «Исходя из этого, воины, я советую вам не подвергать себя опасности, безудержно устремляясь на варваров, расположившихся на равнине: не лучше ли, устроив засады в неприступных местах, ожидать приближения врагов, а затем уже [всей силой] обрушиться на них и храбро сражаться? Так, я думаю, мы с божьей помощью победим неприятеля и отберем все награбленное им у наших соотечественников. Часто удается уничтожить врага неожиданным нападением: внезапным приступом легко сокрушить бахвальство и спесь. Сохраняя юношескую отвагу и приобретенное в боях благородство, начинайте сражение, когда я подам знак трубами!»

Вот какую речь произнес стратиг [13]. Войско криками и рукоплесканиями выразило свое одобрение, признало его советы наилучшими и изъявило готовность следовать за ним повсюду. Он обложил засадами всю дорогу, проходившую по крутым, отвесным, рассеченным ущельями вершинам и вдоль изрезанных оврагами склонов, обильно поросших деревьями и различными кустарниками. Заранее заняв скрытые места, стратиг ожидал приближения варваров.

Хамвдан же кичился и чванился своими многолюдными отрядами, хвастал и бахвалился обилием добычи и многочисленностью пленных; он все время уклонялся в сторону от дороги, сидя на крупной необыкновенно резвой кобылице, и появлялся то перед войском, то позади него, потрясая копьем, которое он то устремлял в пространство, то, трепещущее, снова притягивал к себе. Когда кончился доступный для лошадей путь, варвары сгрудились на труднопроходимых, узких, неровных тропинках; их строй рассыпался, и каждый стал как попало взбираться по кручам. Вот тогда-то полководец протрубил сигнал и, подняв из засады своих воинов, устремился на варваров.

5. Все они [до этого момента] держались за рукояти мечей и [теперь], обнажив их, стали налево и направо истреблять вражеское войско, утомленное тяжелым переходом, тогда как сами были исполнены сил. Сам Хамвдан едва не попал в плен к ромеям, но, будучи весьма изобретательным и очень находчивым в трудных обстоятельствах, он отвлек ромеев от преследования тем, что велел рассыпать по дороге золото и серебро, которое в изобилии вез с собою. Ромеи стали подбирать золото, а ему с немногими телохранителями удалось тем временем бежать от опасности. В этом бою ромеи истребили такое число варваров, что и теперь еще повсюду видны там, говорят, груды человеческих костей [14].

Таким образом, стратиг добился с помощью оружия и хитрости победы, уничтожил многолюдное войско варваров и обратил в бегство Хамвдана, сбив с него спесивое чванство, обнажив его постыдное малодушие и трусость. Затем он [приказал] снести в одно место доставшуюся в бою добычу, а также награбленное варварами у ромеев, созвал всех воинов и разделил большую часть между ними[15]. Плененных [варварами жителей] он снабдил всем необходимым на дорогу и отправил по домам, а захваченных в этой войне агарян заковал в цепи и, вознеся благодарственные молитвы провидению, с победным гимном отправился в путь к самодержавному властителю, готовясь к торжественному въезду в Византий[16]. Воины рукоплескали полководцу, заслуженно восхищаясь им, и прославляли мужа, равного которому не породило живущее поколение; видя, что ему всегда сопутствует удача в битвах, они почитали его счастье божественным даром.

Когда Лев достиг Византия и вошел в город с обильной добычей и множеством пленных агарян, самодержец Роман·принял его с честью; во время триумфа в театре[17] Лев изумил зрителей огромным числом рабов[18] и [количеством] захваченного добра; государь по достоинству оценил наградами и почестями его ратные подвиги. Так благодаря полководцу Льву, была спасена Азия[19], а побежденный Хамвдан стал беглецом и скитальцем.

6. Родной брат Льва, о котором шла речь, Никифор Фока (следует повторить в главных чертах рассказ о нем и продолжать последовательное изложение нашей истории) подступил к городу критян и провел там зиму, готовя войско к сражению и сооружая осадные машины. Он успешно выполнил все согласно своим намерениям, а когда зимнее положение солнца стало понемногу изменяться к весеннему, вооружил своих воинов, расположил их глубокой фалангой и под звуки труб и шум тимпанов двинулся приступом на город. В то время как стратиг укреплял передние ряды и выстраивал воинов в четырехугольник, из-за [вражеского] вала высунулась, ломаясь и кривляясь, какая-то беспутная девка и стала самым наглым и бесстыдным образом ворожить и распевать заклинания[20]. Среди критян, говорят, в большому ходу прорицания, колдовство, вымогательства у алтаря и суеверия, проникшие к ним давно от манихеев и Моамета[21]. Но наглая девка не только чародейством обнаружила свое распутное бесстыдство: подняв выше дозволенного платье и обнажив тело, она осыпала проклятиями и насмешками стратига. Тогда один меткий лучник, натянув тетиву, пустил в разнузданную бабенку стрелу. Свалившись с башни на землю, она расшиблась и испустила дух, поплатившись жалкой смертью за дерзость. Сразу завязалась жаркая битва, и критяне некоторое время сопротивлялись; стоя на стенах, они упорно отражали натиск ромеев и многих ранили.

7. Увидев это, стратиг быстро подвел камнеметы и приказал бросать в варваров [камни]. Затем он придвинул к стенам осад-

ную машину (ромеи называют это изобретение «бараном», потому что железо, насаженное на бревно, пробивающее городские стены, действительно напоминает по форме баранью голову). Под градом тяжелых камней, извергаемых камнеметами, варвары стали поспешно отступать. Когда «баран» уперся в стену и стал наносить по ней сильные удары, множество воинов, вооруженных камнеломными орудиями, спустились в ров и начали подкапывать укрепление, вырубая и выламывая камни, служащие ему основанием. Камень в этом месте оказался, к счастью, песчаным и потому довольно легко уступал и поддавался [усилиям воинов]. Тем временем «баран» не переставал бить по стене и постепенно сокрушал это прочно сложенное, труднорaзрушимое сооружение. Посланные в ров воины подрыли часть стены так, что под ней образовалось достаточное углубление и она стала нависать; затем они подперли стену прямыми бревнами, натащили сухого, легковоспламеняющегося дерева, подожгли его и вылезли из подкопа. Пламя разгорелось, подпорки обуглились, и две башни вместе с находившейся между ними частью стены, внезапно растрескавшись, осели и рухнули, обвалившись на землю [22].

Изумленные неожиданным зрелищем и устрашенные сверхъестественностью происшедшего, критяне некоторое время уклонялись от сражения. Но вскоре, вспомнив о том, что им грозит пленение и рабство, враги плотно сомкнули строй, с поразительным мужеством встретили устремившуюся через пролом в стене фалангу ромеев и, презирая опасность, с нечеловеческой яростью вступили в бой за свою жизнь. Но в конце концов множество [варваров] пало на поле битвы, новые отряды обрушились на них с тыла — и наступление [ромеев] стало непреодолимым; не было больше возможности сопротивляться столь сильному натиску, и враги обратились в бегство, рассыпавшись по узким проходам между домами. Ромеи преследовали их и нещадно истребляли. Те, кто уцелел, избежав гибели в сражении, побросали оружие и стали молить о пощаде. Увидя это, стратиг пришпорил коня, пустил его во весь опор и, примчавшись в город, стал сдерживать ожесточение воинов [23], убеждая их не убивать людей, бросающих оружие, не поступать безжалостно и свирепо с безоружными и беззащитными. Бесчеловечно, увещевал он, губить и уничтожать как врагов сдавшихся и покорившихся. Этими словами полководец с трудом остановил кровожадный порыв своего войска.

8. Взяв, таким образом, город приступом [24], стратиг отобрал для себя лучшую часть военной добычи и поработил самых сильных пленников; все это он сохранил наилучшим образом для предстоящего триумфа, а остальное отдал на разграбление войску. Воины разбрелись по домам и захватили много ценного имущества. Говорят, что в городе критян были собраны огромные, неисчерпаемые богатства, — ведь они долгое время благоденствовали, пользуясь милостивым расположением судьбы и не испы-

тывая никаких бедствий, которые, подобно керам[25], несет с собой переменчивое течение времени. Опустошая пиратскими разбойничьими набегами берега обоих материков, [критяне] накопили неисчислимые сокровища. Так силою ромеев был покорен и захвачен вражеский город.

После того как все ценное было вынесено из города, Никифор приказал разрушить окружавшие его стены и, проломив их во многих местах, вывел свое войско в новые области. Разграбив их, обратив жителей в рабство, он без кровопролития подавил всякое сопротивление и, войдя на крутой высокий холм, находившийся недалеко от разоренного города, приказал всем воинам строить там небольшую крепость. Это место показалось ему безопасным и удобным для укрепления: оба склона холма были отвесны, перерезались глубокими оврагами и орошались неиссякаемыми ключами, текущими с вершины.

Воздвигнув прочное, неприступное укрепление, Никифор поместил в нем достаточный гарнизон и дал городу имя Темен[26]; затем замирил он весь остров, населил его, собрав в общины армян[27], ромеев и других переселенцев. Оставив для охраны острова огненосные суда, он погрузил на корабли добычу и пленных и отплыл[28] в Византий. Самодержец Роман принял его с великими почестями[29], весь город собрался на его триумф в театре, изумляясь обилию и великолепию добычи. Там можно было увидеть груды золота и серебра, варварские монеты из чистого золота, вытканные золотом одежды, пурпурные ковры, всякого рода драгоценную утварь тончайшей работы, сверкающую золотом и камнями; в неисчислимом количестве были там самые разнообразные доспехи: шлемы и мечи, золоченые панцири и копья, щиты и тугие луки; всего этого было такое множество, что казалось, будто река изобилия втекает в город, и всякий находившийся в театре мог бы сказать, что туда снесено все богатство земли варваров. Следом шла собранная в несметном множестве толпа обращенных в рабство варваров.

9. После того как Никифор при восторженном изумлении всего народа справил триумф, самодержец Роман преподнес ему роскошные дары и вручил ему власть над Азией. Будучи, таким образом, вторично удостоен звания доместика, он переправился через Босфор, собрал войско, выстроил его в неприступную, несокрушимую фалангу и вступил в землю агарян. Узнав о наступлении Никифора, варвары сочли невозможным оставаться на месте и устраивать засады либо сражаться в строю: они решили отражать нападения ромеев, укрывшись в крепостях и ведя при всякой возможности перестрелки. Они очень боялись столкнуться лицом к лицу со стойким, непоколебимым мужем. А он, подобно буре, сметал все вокруг, опустошая поля, порабощая многолюдные селения. Предав огню и мечу все на своем пути, он устремился против крепостей и с первого приступа овладел мно-

гими из них. Те же укрепления, которые имели прочные стены и охранялись множеством воинов, [Никифор] осаждал при помощи машин и вел непримиримую войну, побуждая своих воинов к упорству в сражениях. Всякий ревностно выполнял его приказы — ведь он возбуждал и поощрял храбрость воинов не только словами, но и примером, всегда с удивительным мужеством сражаясь впереди фаланги, идя навстречу опасности и доблестно отражая ее. Взяв и разрушив в короткое время более шестидесяти агарянских крепостей [30], он захватил огромную добычу и увенчал себя такой блистательной победой, какая до него еще никому не доставалась [31]. Воинов, собравших неисчислимые богатства, он вывел из [земли агарян] [32] и распустил по домам [33], а сам поспешил к самодержцу, чтобы получить награду за свои подвиги.

10. Как раз на половине дороги стратига встретило известие о том, что повелитель Роман переселился в иной мир; ошеломленный неожиданной вестью, он не стал продолжать путь и остановился. Говорят, что самодержец Роман ушел из жизни следующим образом. Взяв власть в свои руки, он проявил себя как кроткий, скромный и заботящийся о подданных правитель, но затем какие-то негодяи, рабы брюха и того, что под брюхом, втерлись к нему в доверие и подчинили его своему влиянию, развратили добродетельный нрав юноши, приучили его к роскоши и необузданным наслаждениям, возбудили в нем склонность к противоестественным страстям. И вышло так, что во время постов, предназначенных боговдохновенными людьми для очищения душ и устремления к возвышенному, эти погубители, захватив с собою Романа, отправлялись охотиться на оленей [34], скача по неприступным горам. [Однажды], когда они возвращались оттуда, самодержец был совершенно разбит и едва дышал. Некоторые передают, что у него от неумеренной верховой езды начались смертельные спазмы, большинство же подозревает, что его опоили ядом, принесенным из женской половины дворца. Но, так или иначе, Роман оставил жизнь в цветущем возрасте после трех лет и пяти месяцев самодержавной власти [35].

Вслед за смертью василевса царская власть перешла [36] по решению патриарха Полиевкта [37] и синклита [38] к малолетним его сыновьям Василию и Константину, которые находились еще на попечении кормилиц, и к их матери Феофано. Хотя она была из незнатного рода, но превосходила всех женщин своего времени красотой и соразмерностью телосложения, поэтому самодержец Роман и взял ее в жены [39].

Никифор же — я снова возвращаюсь к нити своего рассказа, — узнав о перемене верховной власти, не мог ни на что решиться, его приводили в смятение различные мысли. Неопределенность обстоятельств, превратность и непостоянство судьбы не давали Никифору покоя: он сильно подозревал, что здесь не обошлось без влияния Иосифа [40], питавшего к нему вражду. Этот евнух имел

большой вес при дворе василевса и кичился чином паракимомена [41].

11. Никифор хотел было тотчас же поднять мятеж, но у него не было наготове достаточного числа воинов [42] — ведь войско по его же приказу разошлось по домам, — и он побоялся вступить немедленно в столь трудную борьбу. Поэтому он предпочел повременить с выступлением, решив войти в Византий, отпраздновать триумф и в том случае, если правители вверят ему войско (а ведь он знал, что, кроме него, никто не отважится противостоять натиску варваров), вновь собрать воинов [43], взвесить все обстоятельства и уверенно вступить в борьбу за верховную власть. Поразмыслив таким образом и приняв решение, Никифор направился в Византий, [где был] восторженно встречен народом и синклитом; во время триумфа он показал всю захваченную добычу, отдал отобранные у варваров богатства в государственную казну и удалился в свой дом на покой.

Иосиф опасался пребывания Никифора в столице, потому что тот, пользуясь благодаря своим победам и доблести в сражениях горячей любовью войска и восхищением народа, мог поднять мятеж против правителей. Именно поэтому он пригласил полководца во дворец, чтобы [теперь, когда] он остался без войска, схватить его, ослепить и отправить в изгнание [44]. Полководец был удивительно проницателен и легко постигал коварные замыслы людей; он разгадал мерзкую хитрость Иосифа и отправился в великую церковь [45], чтобы посовещаться с патриархом Полиевктом, мужем, в совершенстве изучившим божественную и мирскую премудрость, с юности выбравшим путь монашества и лишений, превосходившим всех людей откровенностью суждений, которая была дана ему, скопцу, достигшему глубокой старости, не только природою, но также нестяжанием и простым безукоризненно скромным образом жизни.

Придя посоветоваться к Полиевкту, Никифор сказал ему: «Прекрасную награду получаю я за все мои подвиги и труды от того, кто верховодит во дворце: он думает укрыться от великого и всевидящего ока, беспрестанно пытаясь причинить мне смерть, — а ведь я милостью всевышнего расширил ромейские пределы, никогда ничем не погрешил против державы и оказал ей больше благодеяний, нежели кто-либо другой из людей нашего времени, разорив огнем и мечом обширную страну агарян и сравняв с землей столько городов. А я думал прежде, что всякий муж совета благосклонен, справедлив, не питает постоянно и беспричинно злых умыслов».

12. Выслушав эту речь, патриарх возгорелся усердием, отправился вместе с Никифором во дворец, созвал синклит и обратился к нему с такими словами: «Несправедливо поносить и подвергать позору тех, кто не щадил себя для счастья ромейской державы, претерпевал опасности и труды, проявил честность и

непритязательность по отношению к соотечественникам; [таких людей надлежит] скорее прославлять и награждать. Если вы верите, что я посоветую вам наилучшее, я сейчас же выскажу свое мнение. Мы — ромеи, и нами управляют божественные законы, поэтому мы должны в честь праотцев наших беречь детей самодержца Романа, которых мы вместе со всем народом провозгласили самодержцами; мы обязаны воздавать им такие же почести, как их предкам. И так как варварские племена не перестают разорять ромейскую землю, я советую вам этого мужа (он указал на Никифора), отличающегося проницательным умом, доблестного в битвах, одержавшего множество побед, — вы ведь и сами это признаете, почитая его среди прочих людей как бы богоподобным, — назначить автократором-стратигом и вручить ему командование войском Азии, чтобы он предотвращал и сдерживал натиск иноплеменников. При этом следует взять с него клятву, что он не станет злоумышлять против властей и синклита. Самодержец Роман еще при жизни воздал достойному мужу такую честь и определил в завещании, чтобы его как человека благомысленного не отстраняли от этого командования».

Таково было мнение, высказанное патриархом, и совет согласился с ним, присоединился к нему и сам паракимомен Иосиф, но отнюдь не по доброй воле, а под сильным давлением синклита [46]. Собравшиеся обязали Никифора страшной клятвой никогда не отвергать власть малолетних государей и не замышлять ничего нечестивого против их правления. В свою очередь [члены синклита] поклялись не смещать и не назначать никого из стоящих у власти на высшие должности без его согласия и управлять государством, сообразуясь с его советами, по общему разумению. Никифор был провозглашен стратигом-автократором Азии, после чего собрание закончилось, и все, выйдя из дворца, разошлись по домам.

КНИГА ТРЕТЬЯ

1. Когда наступила середина весны и лучезарное светило, постепенно склоняясь на северный край небосвода, направило свою колесницу к созвездию Тельца [1], Никифор выступил из Византия и переправился на противолежащий берег в землю Азии. Он прибыл в Каппадокию [2] ([тамошний] народ назывался раньше троглодитами, так как скрывался в пещерах, расщелинах и подземных лабиринтах, имевших вид нор) [3] и, разбив там лагерь, стал повсюду рассылать письма, призывая войско отовсюду направиться к нему. Пока сходилось войско, он обучал бывших при нем военному искусству, возбуждал и укреплял их дух ежедневными упражнениями и часто, приказывая трубить в трубы, бить в тимпаны и бряцать на кимвалах, обучал их круговым движениям и поворотам в полном вооружении, заставлял вскакивать на коней, стрелять из луков в цель и метко бросать копье. Он не пренебрегал ничем из того, что было изобретено для ведения войны. Таким образом стратиг учил войско [4] и поджидал прибытия остальных воинов, намереваясь вести войну главным образом против Хамвдана и тарсийцев [5].

В это время паракимомен Иосиф, зная изобретательный, рассудительный, отважный и доблестный нрав Никифора, опасался, как бы он, собрав войско, не затеял выступления против него. Сердце его содрогалось, и он порицал себя за неразумие, из-за которого не только не уничтожил воинственного мужа, как бы попавшего живым в его сети, но позволил ему окружить себя такой воинской силой. Он погрузился в глубокое раздумье, лишился покоя и считал свое существование невыносимым. Размышляя, он перебирал множество средств лишить стратига могущества и вот придумал хитрость, давшую ему надежду избавиться от власти Никифора, которую он ощущал как секиру, повисшую над его затылком [6].

2. Он призвал к себе Мариана [7], который был облечен достоинством патрикия и начальствовал над италийскими войсками,

но отличался непостоянным и горячим нравом. Вступив с ним в укромном месте в беседу, Иосиф раскрыл свои сокровенные мысли, он сказал: «Если ты, положившись на меня, примешь начальство над Востоком, я в скором времени провозглашу тебя самодержцем и возведу на царский трон». На это Мариан возразил: «Перестань поощрять и подстрекать обезьяну на борьбу против вооруженного великана[8], перед которым трепещут не только соседние племена и народы, но все, на кого взирает солнце от восхода до заката. Однако если ты, находясь в затруднении и печали, хочешь выслушать мое мнение, то я его тебе сейчас сообщу. Ты ведь знаешь Иоанна, именуемого Цимисхием[9], мужа тщеславного, чрезмерно честолюбивого и искусного в военном деле, которого воины уважают и почитают вторым после стратига? Вот ему, если желаешь, предложи начальство над войском. Я полагаю, что он как муж необыкновенно сильный и отважный справится с этим; воины последуют за ним, куда бы он их ни повел, а ты добьешься того, чего желаешь. Иначе не думай пошатнуть эту неразрушимую и неколебимую башню».

Воспользовавшись этим советом, Иосиф сместил с должностей и отправил в изгнание всех родственников Никифора и других близких ему людей[10]; затем он послал скрепленное печатью письмо упомянутому патрикию Иоанну, стратигу фемы Анатоликов[11], мужу крепкому и храброму, отличавшемуся непреодолимой, непревзойденной силой. Письмо было следующего содержания: «Подозревая Фоку в недоброжелательстве и коварстве, желая пресечь злодейский замысел, который он скрывает в своем сердце, я решился посвятить твою светлость в тайну, чтобы с твоей помощью остановить его необузданные стремления. Со дня на день собирается он произвести переворот и захватить царскую власть. Но я, предупреждая это предательское намерение, немедленно отнимаю у него попечение над войсками и передаю его твоему великолепию[12]. Спустя некоторое время я возведу тебя на самое высокое место в государстве, закуй только поскорее в цепи чванливого, тщеславного Фоку и пришли его к нам».

3. Как только Иоанн получил, распечатал и прочел это письмо, которое, как я уже говорил, сулило ему (если он отстранит Никифора от начальствования и удалит его от войска) командование на Востоке, а впоследствии высшую власть и обладание всей державой, он снялся с того места, где находился, и поспешил к стратигу. Войдя в шатер Никифора и усевшись рядом с ним (он приходился Никифору двоюродным братом со стороны матери), Иоанн сказал: «О благородный, ты спишь глубоким сном, более глубоким, как говорят, чем Эндимион[13], а управляющий дворцом василевса, почтенный Иосиф, с неистовым и кровожадным усердием готовит тебе гибель; насколько это от него зависит, непобедимый стратиг ромеев уже убит, кровь его уже пролита, и кем? О труды! О битвы! О доблесть! Двуличным чело-

вечишкой, в котором нет ничего мужского, женоподобным кастратом, искусственно созданной бабой, не знающей ничего, кроме того, что происходит на женской половине. Проснись же, друг, сделай милость, обрати все наши мысли на то, чтобы не погибнуть, подобно рабу, но совершить нечто благородное и мужественное! Пусть знает Иосиф и всякий, кто окажет ему предпочтение, что они вступают в борьбу не со слабыми, взращенными в неге женщинами, а с воителями, силы которых неодолимы, перед которыми дрожит в страхе варвар!» С этими словами он вынул письмо, хранившееся у него на груди, и вручил его стратигу.

Прочитав послание Иосифа и вникнув в его убийственный и зловещий смысл, Никифор притих и на мгновение потерял сознание (ему в то время нездоровилось), а затем, придя в себя, обратился к Иоанну: «Скажи, о доблестнейший, что нам теперь придумать?» — «Как! — воскликнул Иоанн, — ты еще думаешь, что предпринять? Ты не просыпаешься, хотя уже слишком поздно, не хочешь стряхнуть этот крепкий сон со своих глаз, но спрашиваешь, что нам, коль скоро мы попали в тиски неминуемой гибели, делать? Мы — предводители столь многочисленного вооруженного войска, преисполненного мужеством духа, пышущего жаром телесной силы; мы должны, я полагаю, решиться на опасную борьбу за верховную власть. Несообразным и невыносимым кажется мне, чтобы жалкий евнух, пробравшийся из пафлагонской пустыни [14] к управлению государством, руководил стратигами ромеев, чтобы он водил их за нос, как рабов! Так следуй же немедля моему совету, если не хочешь, чтобы тебя схватили и обрекли на тяжкие беды».

4. Выслушав этот совет, Никифор обрел бодрость духа, надел на себя вооружение и поспешил вместе с Иоанном и всем бывшим в его распоряжении войском в Кесарию [15], там он расположился лагерем и стал дожидаться остальных воинов. Через несколько дней все войско Азии собралось вокруг него; в один из первых дней июля, на рассвете, когда солнце уже проливало свои лучи на землю, предводители войска вместе со стратигом Иоанном обнажили мечи [16] и, обступив шатер Никифора, провозгласили его самодержцем и всемогущим василевсом ромеев, пожелав ему править долгие годы. Стратиги и лохаги [17] сделали это по приказанию Иоанна, которому казалось ужасной обидой, что безродный скопец с малолетними детьми помыкает, как ему заблагорассудится, воинственными мужами.

Сначала Никифор отказывался от столь высокой власти, опасаясь той зависти, которую вызывает она к себе, при этом он ссылался на смерть супруги [18] и сына Варды, цветущего юноши, у которого на щеках едва успел засверкать золотистый пушок [19]. Не так давно двоюродный брат Варды, юноша по имени Плевс [20], во время игры поранил ему копьем веко; Плевс, испугавшись

раны, выпустил копье из рук, и оно, ударившись древком о землю, подскочило с такой силой, что насквозь пронзило череп Варды, который тотчас же, не издав ни звука, свалился с коня. Выставляя в качестве предлога смерть жены и сына, Никифор отказывался от власти, уступал эту честь Иоанну Цимисхию и предлагал ему домогаться скипетра[21]. Однако его никто не поддержал из войска, да и сам Иоанн воспротивился; единодушно желая ему счастья, все провозгласили Никифора августейшим василевсом ромеев. Наконец и он, мало заботясь о страшных клятвах, которыми он связал себя перед патриархом Полиевктом и синклитом, принял власть и надел красную обувь — высший знак царственного достоинства[22].

Никифор не упускал из виду непостоянства и неопределенности судьбы, не забывал он также и о враждебности и вероломстве Иосифа. Он поспешил опередить злую волю этого человека и упрочить таким путем как можно лучше свое положение. Поэтому он предпочел свою безопасность прежним обязательствам и пренебрег клятвой. Приняв, таким образом, царскую власть, Никифор вышел из шатра, препоясанный мечом и опираясь на копье; став под открытым небом на видном со всех сторон возвышении, он произнес следующее:

5. «Не потому, о соратники, надел я на себя это царское облачение, что стремлюсь к узурпаторству, но принужденный вами, войском. Вы сами тому свидетели: ведь я отказывался от столь тягостной заботы о государстве, а вы заставили меня принять ее на себя против моей воли. Я хочу уверить вас всех, что я решился подвергнуть себя такому испытанию и ради собственной безопасности, и особенно — из-за любви к вам. Призываю в свидетели всемогущее провидение, что я готов отдать за вас душу, и никакие неудачи не заставят меня изменить мое намерение. Коль скоро вы не допустите, чтобы вероломное безумие и неистово наглая дерзость евнуха достигли своей цели, коль скоро вы, свергнув этого сумасбродного правителя, избрали меня своим государем, я покажу вам на деле, что сумею с божьей помощью так же хорошо управлять, как умел повиноваться. Я расположен к вам, как отец к детям, и советую вам, как любящим сыновьям, не предаваться неге и роскоши, соблюдать воздержанность и бдительность и достойно встретить все, что выпадет нам на долю. Я полагаю, что это дело не решится без пролития крови[23]; чем труднее достигнуть высоты царской власти, тем острее зависть и вражда между теми, кто к ней стремится. Вам предстоит борьба не с критянами, не со скифами и не с арабами, сраженными вашей доблестью, а со столицей ромеев, куда отовсюду течет изобилие, которую нельзя взять приступом, как какую-нибудь крепость. Море омывает ее и делает недоступной, мощные укрепления опоясывают ее со всех сторон; она переполнена сильными мужами и превосходит всю вселенную обилием золота, драгоценностей и

всякого рода богатств. Поэтому вам надлежит, укрепившись в благородной доблести, с которой вы побеждали в сражениях неприятелей, [бороться] сверх своих сил и устремиться теперь с еще большим рвением на врагов. Я убежден, что Всемогущий будет мне содействовать в этой борьбе; ведь договоры и клятвы нарушены не нами, а вероломством Иосифа, который без всякой причины отправил моих родственников в изгнание, а мне, ничего не подозревавшему[24], уготовил жестокую, бесчеловечную смерть; нарушившими условия следует считать не тех, которые первыми берутся за оружие, но тех, которые, принеся клятву, злоумышляют против сограждан. Так вспомните же о моей славе, благодаря которой вы одержали бесчисленные победы, и если верно то, что вас в былые времена возбуждала природная ваша доблесть, шествуйте непреклонно туда, куда ведет вас провидение и куда я сам прикажу вам идти!»

6. Своей речью, хорошо слышной всем воинам, Никифор вселил в них такую бодрость духа и столь неизъяснимую отвагу, что никакая воинская сила не могла бы, казалось, устоять против их порыва. Ведь войско любило его всей душою, и каждый гордился его славой. Вся жизнь его с самых юных лет прошла в битвах; он внушал ужас своими подвигами в стычках и сражениях и слыл умелым, непобедимым воином не только благодаря своей силе, но и потому, что был необыкновенно умен и не знал равных себе во всякого рода добродетелях.

Без промедления отправился он в одну из кесарийских церквей и, вернувшись оттуда в свой шатер, почтил Иоанна достоинством магистра и провозгласил его доместиком Востока. Затем он разослал по всей ромейской державе указы и распоряжения, назначил стратигов и отправил их к Евксину[25], по всему побережью, и в Авидос[26], приказав мчаться как на крыльях. Я думаю, что он предпринял это для того, чтобы занять все морские пути и переправы прежде, чем распространится молва о его провозглашении василевсом.

Таким образом, Никифор полагал, что все свершится согласно его предначертаниям; он надеялся, что судьба не прогневается на него, что она благосклонно и ласково улыбнется ему[27], если он заблаговременно укрепится в наиболее удобных местах. Закончив все приготовления, Никифор построил войско плотными, неразрывными рядами, надежно вооружил его и направился из Кесарии к столице. Составив послание к стоявшему у кормила церковной власти Полиевкту, к Иосифу, бывшему тогда дворцовым управляющим, и к синклиту, он отправил его с епископом Евхаитским[28] Филофеем. Суть этого послания была примерно такова: пусть они примут его как самодержца, а он будет заботиться о детях повелителя Романа и воспитывать их до зрелого возраста; помимо этого, он принесет государству огромную пользу, умножая могущество ромейской державы бранными подвигами; если же

они не согласятся на это, то станут раскаиваться в своем неразумии впоследствии, когда дело будет решаться железом и кровью и нельзя будет оправдаться тем, которые предпочли худший исход наилучшему. ·

7. Иосиф воспринял это письмо так, как если бы оно было послано скифами[29], как будто стрекало или жало поразило его в самое сердце; он заковал епископа в цепи и отправил его в темницу. Склонив на свою сторону известных горячностью патрикиев Мариана, Пасхалия[30] и Торникиев[31] и вверив им македонскую фалангу[32], он подготовил сильное сопротивление Никифору и преградил ему вход в Византий.

В то время в Византии находился брат Никифора Лев, о военных победах которого упоминалось попутно выше. Видя, что исход предприятия становится сомнительным, он, улучив удобное время, переоделся ремесленником, пробрался через подкоп за стену, сел в челнок и отплыл к Никифору, который приблизился уже к Иерийскому дворцу[33] и расставлял там свое войско. В то время и магистр Варда, отец их, достигший глубокой старости, также опасался, [что может погибнуть] от руки Иосифа. Охваченный страхом, он нашел себе защиту в великом храме[34], этот муж всю свою жизнь с самой юности провел в войнах и сражениях и долгие годы был почтен достоинством доместика схол[35].

Мариан[36] и Пасхалий, беззаботные и исполненные пустого хвастовства, передвигались по улицам с отрядами македонян, не переставая вызывать все новые и новые возмущения, так что разъярившийся народ в конце концов прибег к силе и, сразившись с ними в рукопашной схватке, обратил их в явное бегство[37], будто слабых и неопытных в битве мальчишек. Говорят, что в то время как это случилось, какая-то женщина бросила в Мариана с крыши глиняный горшок, наполненный землей, из тех, что употребляют в садах, и угодила ему прямо в висок. Удар оказался настолько сильным, что был проломлен череп и поврежден мозг; на следующий день Мариан умер[38].

Все это придало смелости евнуху Василию, побочному сыну императора Романа Старшего[39] от скифянки, который и сам во времена самодержца Константина был удостоен звания паракимомена[40]. По причине своего смешанного происхождения[41] Василий был предприимчив и весьма искусен в исполнении своих намерений. К Иосифу он вообще был нерасположен, а в то время относился враждебно. Вооружив своих дворовых, числом свыше трех тысяч, панцирями, защитными поясами, шлемами, щитами, дротиками и мечами, он вместе с народом[42] напал на дома Иосифа и его сообщников. Предав их разграблению, разорению и разрушению, [Василий] поспешил к месту снаряжения кораблей, где при содействии народа и синклита[43] вооружил огненосные суда для отправки к Никифору. Тотчас же погрузившись на эти корабли, Никифор причалил к монастырю Авраамитов[44], который

называется также Нерукотворным; оттуда он выслал воинов для захвата царского дворца [45].

Увидев их приближение, Иосиф, охваченный неудержимым страхом, задрожал (ведь вся его охрана перешла уже на сторону Никифора), покинул дворец и прибежал в храм. И вот он, которого еще незадолго перед этим видели надменно вздымавшим брови, стал жалким образом умолять о защите, страшась даже молвы и собственным примером утверждая, что в человеческой судьбе нет ничего постоянного и нерушимого, что все в ней преходяще, тленно и наподобие игральных костей рассыпается в разные стороны, изменяя свое положение. Когда Иосиф убежал в храм [46], отцу Никифора Варде представилась возможность освободиться и невредимым прийти к сыну.

8. Видя благоприятное стечение обстоятельств, Никифор снял и отбросил в сторону свое обычное платье, облачился в царственное одеяние самодержца и предстал в наиболее подобающем государю виде. Сидя на горячем белом коне, украшенном царской сбруей и пурпурными коврами, он въехал в Золотые ворота [47], восторженно встречаемый и приветствуемый народом и вельможами. Это произошло в шестнадцатый день месяца августа, шестого индикта 6470 г.[48] Вскоре затем Никифор вступил в знаменитейший храм господень и принял достойные почести от причта священнослужителей, а патриарх Полиевкт увенчал его царской диадемой; [Никифору] исполнился в то время пятьдесят один год.

Вот какая у него была наружность [49]. Цвет лица более приближался к темному, чем к светлому; волосы густые и черные; глаза [также] черные, озабоченные размышлением, прятались под мохнатыми бровями; нос не тонкий и не толстый, слегка крючковатый; борода правильной формы, с редкой сединой по бокам. Стан у него был округлый и плотный, грудь и плечи очень широкие, а мужеством и силой он напоминал прославленного Геракла. Разумом, целомудрием и способностью принимать безошибочные решения он превосходил всех людей, рожденных в его время.

Итак, украшенный царственным венцом, он вошел в сопровождении народа и вельмож во дворец и воссел на царский трон. И тогда можно было видеть, как сама судьба радуется и гордится произведенным ею и тем, что все дела человеческие зависят от нее и ничто из земных благ не достается кому бы то ни было без ее участия [50].

После того как Никифор, взойдя на престол, спокойно и уверенно овладел делами правления, он возвел своего отца Варду в достоинство кесаря [51], Иоанну, прозванному Цимисхием, бывшему вместе с ним с самого начала движения, даровал звание доместика Востока и магистра, брата своего Льва сделал куропалатом [52] и магистром, а Василия, который, как уже было сказано, разрушил замыслы Иосифа, удостоил почести проедра [53].

9. Никифор обещал соблюдать обычное для него благоразум-

ное целомудрие — уклониться от сожительства с женщиной и воздерживаться от употребления мяса[54]. Но люди, которые вели уединенный образ жизни и оказывали влияние на его поведение (он очень уважал монахов), не позволяли ему укрепиться в своем решении, побуждали его вступить в брак[55] и не избегать мясоедения как чего-то недозволенного. Они опасались, как бы он, приобретя склонность к роскоши и разгулу, не погряз в противоестественных наслаждениях, которым обычно необдуманно предается самодержавный и самовластный правитель, когда достигает власти[56]. Наставления монахов убедили [Никифора] оставить обыкновенный для его возраста образ жизни. Он сочетался браком с супругой Романа, прекрасной обликом чистокровной лакедемонянкой[57] и, перейдя от умеренного стола к более обильному, начал употреблять в пищу мясо. Пошли, однако, слухи о том, что брак Никифора нельзя считать вполне законным, ибо он восприемник детей самодержца Романа и Феофано от священной купели[58].

С быстротою крыльев достигли эти слухи ушей владыки Полиевкта, и тот всеми силами стремился не допустить правителя к святым оградам. [Патриарх] был мужем, исполненным усердия в служении Богу; отличаясь всяческими познаниями и непревзойденной добродетелью, не боялся он порицать даже государей. Но василевс отчасти просьбами, отчасти же уверениями, что не он, а отец его Варда был восприемником детей августы[59] Феофано при крещении, заставил патриарха переменить свое мнение и настолько склонил его на свою сторону, что тот с радостью утвердил его брак с августой Феофано[60].

Когда все свершилось таким образом, согласно с намерением Никифора, он, собрав огромное число царских сокровищ и отделив обширные участки плодородной земли, изобилующей разнообразными соками и множеством различных плодов, подарил все это своей супруге и василиссе Феофано. Сам же он провел в Константинополе зиму, в течение которой не переставал оказывать благосклонность должностным лицам, устраивая конские состязания, всякого рода зрелища и дружеские пирушки, обычные у самодержцев. Всех поступивших в его подчинение стражей и телохранителей он ежедневно самым усиленным образом наставлял в военном искусстве, учил их умело сгибать лук, отводить стрелу к груди, метко поражать цель, ловко размахивать и вращать во все стороны копьем, уверенным движением вращать в воздухе[61] меч, легко вскакивать на коня. [Никифор стремился к тому], чтобы во время сражений враги не могли превзойти [его телохранителей], — ведь им первым надлежало встретить опасность и выстроиться в боевой порядок.

10. Когда унылую зиму[62] сменила спокойная, приятная весенняя погода, [Никифор] объявил поход против агарян и выступил из Византия[63]. Он провел некоторое время в стране каппа-

докийцев, [откуда], собрав боеспособное войско, отправился на тарсийцев, гордившихся в то время своей многочисленностью, доблестью и военным искусством; они открыто, с непомерной дерзостью совершали часто неожиданные набеги. Подойдя к городу, Никифор расставил со всех сторон дозоры, соорудил укрепленный лагерь и приступил к осаде. Осажденные агаряне были тогда в изобилии снабжены припасами и надеялись на мощь городских укреплений: стены Тарса были недосягаемой вышины и двойным кольцом окружали город. Был там также вырыт очень глубокий ров, выложенный тесаными белыми камнями и составлявший со стенами одно целое. Укреплением служила и река Кидн[64], которая разделяет город на две части. Эта река, полноводная уже у истоков, холодна и прозрачна на всем своем протяжении; она служит неплохой защитой для Тарса; берега ее соединены внутри города тремя мостами. Когда на тарсийцев обрушивается война, они открывают реке доступ в ров, и уже через час вода в нем выходит из берегов. Вот на что надеялись варвары, когда они насмехались над василевсом, оскорбляли его без всякого страха и, совершая вылазки и нападения, убивали многих ромеев.

Пробыв у стен города достаточно времени и увидев, что его предприятие не имеет успеха, самодержец Никифор отступил. Уклонившись в сторону [от Тарса], он устремился против близлежащих крепостей и взял с первого же приступа Адану[65], Анавconfigurable[66] и свыше двадцати подобных им укреплений. Затем он напал на Мопсуэстию[67], обложил ее со всех сторон и горячо принялся за осаду этой крепости, обстреливая ее со всех сторон из метательных орудий. Жители [Мопсуэстии] оказали отважное сопротивление; они защищались изо всех сил, сбрасывая с башен на ромеев огненосные стрелы и тяжелые камни.

11. Однако василевс был изобретателен и удивительно легко находил выход из затруднительных положений. Обойдя вокруг и обследовав стены, отыскав наиболее удобное место, он привел глубокой ночью к башням воинов и приказал им подкапывать, начиная от берегов протекавшей в том месте реки Пирам[68], так, чтобы варвары ничего не заметили и столь большие усилия ромеев не пропали. Воины начали рыть, а землю относили и сбрасывали в речной поток. В конце этой работы две башни совместно с заключенной между ними частью стены повисли без всякой опоры; для того чтобы все строение не обрушилось, его подперли бревнами.

Как только солнечные лучи озарили окрестность, агаряне в белых одеждах высунулись, как обычно, из башен, натянули луки, приготовили другие орудия и стали осыпать бранью государя. Никифор приказал поджечь укрытые внизу подпорки башен, а сам выстроил фаланги и в полном вооружении двинулся на приступ. Подпорки быстро сгорели, а затем вся подрытая и висящая часть стены заколебалась и рухнула на землю, увлекая за собой стояв-

ших на ней агарян. Многие из них разбились и тут же испустили дух, а другие были захвачены в плен ромеями и оплакивали постигшую их судьбу. Когда разрушенная стена открыла достаточно широкий проход, самодержец вступил в Мопсуэстию со всем войском.

Покорив город, Никифор обратил всех оставшихся в живых варваров в рабство, отобрал лучшую часть добычи и отложил ее для царской сокровищницы, запретив войску разграблять город. Когда же с переходом солнца от созвездия Стрельца к созвездию Козерога[69] зимние холода стали оказывать сильное действие, он снялся оттуда и отошел в пределы ромейской державы. Вступив в Каппадокию, [Никифор] одарил надлежащим образом своих воинов и приказал им разойтись по домам. При этом он напомнил им, что они должны привести в порядок оружие, наострить мечи, позаботиться хорошенько о лошадях и с наступлением весны воротиться к нему. Итак, войска его разошлись по домам, а сам император с оставшимися воинами провел зиму в Каппадокии, готовясь к войне.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

1. Я рассказал, как василевс Никифор взял Мопсуэстию и овладел расположенными вблизи от нее укреплениями; сам же он провел зиму в Каппадокии, испытывая горе и досаду. Его терзала мысль о том, что он не взял одним приступом Тарс, что он был отброшен от стен этого города, как тупая стрела[1], попавшая на крепкий предмет, — не свершив ничего благородного или мужественного. Обидою, прямым бесчестием и неизгладимым позором представлялось ему то, что он, Никифор Фока, будучи сначала стратигом, а потом назначенный доместиком схол, разрушал и сжигал, обращая в пепел, бесчисленные города, завоевывал цветущие страны, заставлял убегать с поля битвы воинственные племена и устрашал их так, что они не смели противостоять его силе и непреодолимому вооруженному натиску, — теперь, когда его мужеству и разуму покорилась ромейская держава, когда он ведет за собою войско, достигающее 400 тысяч[2], сразился столь безуспешно и был отброшен — отброшен не от Вавилона, который Семирамида[3] укрепила семью стенами, не от древнего Рима, который был воздвигнут римской мощью, не от иудейских стен, столь плотных и высоких, что рассказ о них может показаться тем, кто их не видел, лишенной истины басней[4], а от Тарса, небольшого города, расположенного на доступной для конницы равнине, [населенного] и местными уроженцами, и пришельцами. Вот над чем размышлял и что обдумывал [Никифор], беспрестанно сокрушаясь и негодуя. Неужели, думал он, одни только тарсийцы избегнут своей участи, насмехаясь над его мужеством и презирая его военную опытность? Ведь все окрестные жители перебиты в боях, а те, которые уклонились от острия меча, сменили свободу на рабство... Вот почему он в ожидании [удобного] времени года усиленно готовил к военным действиям находившихся при нем [воинов].

Как только засияла весна[5] и зимняя стужа совершенно растворилась в летней теплоте, к василевсу стали по его приказу

стекаться войска. Он превосходно вооружил воинов, число которых превысило 400 тысяч, поднял знамя и вступил на дорогу, ведущую к Тарсу.

2. Во время похода один из легко вооруженных воинов, утомленный трудностью пути (войско проходило в то время по глубочайшему ущелью, зажатому между утесами и обрывами), сбросил с плеч свой щит и оставил его на дороге. Государь, проезжая мимо, увидел этот щит и велел одному из сопровождавших подобрать его. Едва только войско прибыло на привал, как он стал доискиваться, у какого лохага находится в подчинении воин, который прежде сражения, не встретившись еще с опасностью, бросил щит и лишился своего оружия[6]. Виновный не прятался и был немедленно обнаружен. Устремив на него грозный и суровый взгляд, государь произнес: «Скажи-ка, негодный, если бы на нас сейчас неожиданно напал неприятель, каким оружием ты, бросивший щит на дороге, стал бы обороняться от врагов?» Воин застыл от ужаса и стоял с раскрытым ртом. Василевс приказал лохагу отстегать его, обрекшего себя на смерть, розгами, отрезать ему нос и водить на показ всему лагерю. Но лохаг, то ли охваченный жалостью к этому человеку, то ли смягченный дарами, отпустил его невредимым. На следующий день государь увидел этого воина, позвал к себе лохага и обратился к нему с такими словами: «О упрямый наглец, как посмел ты не выполнить мой приказ? Или ты думаешь, что я меньше тебя забочусь о войске? Ведь я велел наказать того, кто бросил свое оружие, в назидание прочим. Пусть никто не подражает его беззаботности и слабости и не повторяет его проступка, чтобы не оказаться безоружным на поле боя и не погибнуть тотчас же от руки неприятелей!» Затем он жестоко наказал лохага розгами и отрезал ему нос, чтобы все войско остерегалось впредь небрежного отношения к своему оружию[7].

3. Вскоре [Никифор] подошел к окрестностям Тарса, разбил лагерь и возвел вокруг города укрепление. Он приказал вырвать цветы и срубить деревья, которыми обильно поросли поля и луга, чтобы сражение происходило на открытом месте и чтобы варвары не имели возможности, устраивая в лесистых местах засады, внезапно нападать на ромейское войско. Вся округа лишилась своей природной красы; она была раньше плодородна, богата пастбищами и украшена разнообразными растениями, плоды которых давали различные соки.

Жители Тарса, гордые прежними своими победами над ромеями, обнаружили вначале свое бесстрашие и горячность: они не смогли удержаться, вышли из города и выстроились сильными, сомкнутыми рядами, выказав себя сверх всякой меры смелыми и дерзкими перед лицом военной опасности. Василевс же вывел из укрепления наиболее стойкую и сильную часть войска и построил фаланги на пространстве между двумя лагерями; впереди

он поставил одетых в броню всадников, а сзади [расположил] стрелков и пращников, приказав им оттуда поражать неприятелей. Во главе правого крыла стал он сам, ведя за собой бесчисленное множество всадников; на левом крыле сражался Иоанн, прозванный Цимисхием, возведенный в достоинство дуки[8]. Он был муж горячего нрава и как никто другой выказал себя невероятно смелым и пылким [в бою], несмотря на то, что, подобно баснословному богатырю Тидею[9], был очень небольшого роста; в маленьком его теле таилась храбрость и сила героя. Когда василевс приказал трубить к сражению, показались двигающиеся в превосходном порядке ромейские фаланги, и все поле засияло блеском оружия. Тарсийцы не устояли перед таким натиском; поражаемые градом копий и оружием стрелков и пращников, поставленных позади, они тотчас обратились в бегство и постыдным образом заперлись в стенах города, потеряв в этой стычке немалую часть своих сограждан. Безудержный страх охватил их, когда они увидели столь многочисленное, искусно наступающее войско; они расположились на городских стенах, укрепив их метательными орудиями, и, оказавшись недосягаемыми, стойко ожидали вражеского нападения.

4. Самодержец Никифор увидел, что прямо к городу подойти и подступиться невозможно, что овладеть им приступом нельзя, и решил не подвергаться опасности, [отказаться от] безрассудного стремления к битве и обречь [тарсийцев] на голод, который своей жестокой необходимостью поневоле заставит их сдаться. Приняв такое решение, он окружил город надежной охраной. Пока голод еще не истощил до конца тарсийцев, они оборонялись, бросая с башен копья в ромеев; когда же голод изнурил их жалким образом, когда недостаток пищи ослабил их тела, гнетущая печаль охватила город, и жители, покрытые смертной бледностью, ничем не отличавшиеся от призрачных теней, впали в ужасное отчаяние. Ведь бедствие, причиняемое голодом, наиболее губительно и достойно сожаления; тело теряет свою стройность, холод гасит его теплоту, кожа превращается в некое подобие паутины, обтягивающей кости, и постепенно приближается смерть[10].

Когда [тарсийцы] уже не в силах были совладать с нестерпимым голодом и не могли более сражаться со столь большим войском, они заключили мир с василевсом, прекратили сопротивление при условии, что каждому желающему будет дозволено свободно уйти во внутренние области Сирии. [Никифор] согласился с этим условием, и, когда мир был заключен, он приказал им немедленно выйти из города, имея с собою из всего необходимого только одежду[11]. Итак, он овладел городом[12], собрал неисчислимо богатую добычу, разделил ее между воинами, поставил надлежащую охрану и, взяв с собою золотые кресты, украшенные драгоценными камнями, — эти кресты были захвачены тарсийцами в разных битвах, бывших неудачными для ромеев[13], — отправился

в столицу. По прибытии он был восторженно принят народом; поместив захваченные кресты в знаменитом божьем храме, он долгое время [14] развлекал народ состязаниями колесниц и другими играми — ведь византийцы более других людей пристрастны к зрелищам.

5. Как раз во время этих развлечений к Никифору явились послы мисян [15]. Они заявили, что их властитель требует обычной дани, за которой они и посланы теперь к василевсу [16]. [Никифор] был спокойного нрава, и его нелегко было вывести из себя, но [речь послов] против ожидания чрезвычайно его рассердила; преисполненный гнева, он воскликнул необычным для него громким голосом: «Горе ромеям, если они, силой оружия обратившие в бегство всех неприятелей, должны, как рабы, платить подати грязному и во всех иных отношениях низкому скифскому племени!» [17] Находясь в затруднении, он обратился к своему отцу Варде, — случилось, что тот, провозглашенный кесарем, был тогда при нем, — и спросил у него, как следует понимать то, что мисяне требуют у ромеев дани: «Неужели ты породил меня рабом и скрывал это от меня? Неужели я, самодержавный государь ромеев, покорюсь нищему, грязному племени и буду платить ему дань?» Он тут же приказал отхлестать послов по щекам и сказал им: «Идите к своему вождю, покрытому шкурами и грызущему сырую кожу, и передайте ему: великий и могучий государь ромеев в скором времени придет в твою страну и сполна отдаст тебе дань, чтобы ты, трижды раб от рождения, научился именовать повелителей ромеев своими господами, а не требовал с них податей, как с невольников».

Сказав так, он приказал им убираться в свою землю, а сам, собрав боеспособное войско, выступил в поход против мисян [18] и с первого же приступа овладел всеми пограничными с ромеями укреплениями. Осмотрев страну, Никифор убедился в том, что она гориста и покрыта лесами. Говоря поэтическим языком, в стране мисян «беда за бедою восстала» [19]: за лесами и кустами следуют стремнины и скалы, а затем болота и топи; местность эта обильна водою и густыми рощами, заперта со всех сторон непроходимыми горами; она расположена у Гема и Родопа [20] и орошается большими реками. Видя все это, василевс Никифор решил, что не следует вести неподготовленное войско по опасным местам и допустить, чтобы мисяне перебили воинов, как скот [21]. Утверждают, что ромеи часто терпели поражения в теснинах Мисии и подвергались полному уничтожению [22].

6. Таким образом, он решил не подвергать опасности [своих людей] в непроходимых и опасных местах. Поэтому он отозвал войско и вернулся в Византий. Затем, возведя в достоинство патрикия Калокира [23], мужа пылкого нрава и во всех отношениях горячего, он отправил его к тавроскифам [24], которых в просторечии обычно называют росами [25], с приказанием распределить между

ними врученное ему золото, количеством около пятнадцати кентинариев [26], и привести их в Мисию с тем, чтобы они захватили эту страну [27].

Итак, Калокир поспешил к тавроскифам: а сам [Никифор] отправился в театр и сел наблюдать за проводимыми конскими ристаниями. [До начала состязаний] он приказал бывшим при нем воинам сойти на арену, разбиться на противостоящие отряды, обнажить мечи и шутя наступать друг на друга, упражняясь таким образом в военном искусстве. Но жители Византия были незнакомы с военным делом. Их ослепил блеск мечей, напугал лязгающий натиск устремившихся друг на друга воинов; пораженные необычным зрелищем, они ринулись из театра и побежали по домам. Вследствие давки и беспорядочного бегства немало их погибло, многие были жалким образом растоптаны и задушены [28].

Это происшествие послужило началом вражды Византия к василевсу. К этому присоединились и злоупотребления его брата, куропалата Льва, который сменил мужество воина на корыстолюбие горожанина; своей жадностью к деньгам он без всякого милосердия лишал жителей хлеба и других необходимых припасов: покупая хлеб дешево, он продавал его за дорогую цену [29]. В городе стали шептаться: со стороны горожан посыпались обвинения в том, что оба брата обращают бедствие народа себе на пользу и туго набивают мешки общественным добром. Ведь и василевс, утверждая, что ему необходимы большие средства на военные нужды, безжалостно разорял своих подданных и выдумывал новые неслыханные налоги [30].

Василевсу стало, как говорят, известно от какого-то человека, то ли из тех, что наблюдает небесные светила, то ли из тех, что избрали монашеский безбрачный образ жизни [31], что он умрет в царском дворце, убитый собственными соотечественниками. Устрашенный этим предсказанием, он построил высокую и крепкую стену, которая соединила оба крыла дворца [32], обращенные к морю. [Государь] полагал, что этой стеною, видимой еще и теперь, он обезопасил свое жилище.

7. В праздник вознесения Спасителя [33], когда государь совершал по обычаю шествие за стены [города] к так называемой Пиги (там был построен храм удивительной красоты в честь богородицы [34]), произошло побоище между жителями Византия и армянами [35], во время которого армяне ранили многих горожан. А к вечеру, когда государь возвращался во дворец, жители Византия открыто поносили его. И одна женщина со своей дочерью дошла до такого безумия, что, наклонившись с крыши дома, бросала в повелителя камни. На следующий день она была схвачена претором [36] и вместе с дочерью поплатилась за свою вину, став добычей огня в проастии [37], называемом Анарата [38].

В то время и мне, пишущему эти строки, довелось, будучи юношей [39], жить в Византии с целью обучения и приобретения

знамений [40]. Я видел, как василевс Никифор шагом проезжал на коне по городу, невозмутимо снося жестокие оскорбления и соблюдая присутствие духа, как будто не происходит ничего необычайного. Меня удивляло спокойствие этого человека, сохранившего бесстрашие и благородство при самых ужасных обстоятельствах [41]. Впрочем, с наступлением ночи мятеж прекратился. Государь нелегко поддавался гневу и вообще был человеком великодушным; поэтому он предал забвению обиды, причиненные ему накануне горожанами, приписав их скорее опьянению [42], чем движению возмущенного народа.

После этого он послал [43] в Сицилию огненосные триеры, надежно загрузив их балластом, и огромные корабли с воинами и вооружением. Стратигом над флотом он назначил патрикия Никиту [44], мужа благочестивого и почтенного, хоть и евнуха, а командование конным войском [поручил] своему двоюродному брату Мануилу [45], также отмеченному достоинством патрикия, мужу горячего нрава, своевольному и подверженному безрассудным порывам. Переплыв Адриатическое море, они достигли Сицилии, сошли с кораблей и выстроились в фалангу. Вначале им так благоприятствовала удача, что они с одного приступа овладели знаменитыми, прославленными Сиракузами и Гимерой [46], а сверх того без кровопролития заняли Тавромений [47] и Леонтины [48]. Но завистливая судьба не пожелала направить к цели паруса их успеха [49], с неистовой жестокостью она стала дуть в обратную сторону и погрузила их предприятие в пучину гибели. Нижеследующий рассказ это разъяснит.

8. Сицилийцы не могли сопротивляться силе и непреодолимому мужеству ромеев: покидая города, они укрывались в горных теснинах и собирались в наиболее удобных местах. Ведь остров этот богат горами и лесами, на нем очень легко, если понадобится, возводить на скорую руку укрепления. Поэтому Мануилу следовало охранять занятые города, а также пастбища и проезжие дороги по всей стране, чтобы лишить беглецов корма для животных и других припасов; таким образом, у истощенных голодом сицилийцев было бы только две возможности: либо сдаться ромеям, либо погибнуть от недостатка средств к существованию.

Но пылкому, кипевшему отвагой и храбростью и сверх меры гордому своими прежними победами Мануилу недоставало предприимчивости и опытности — он устремился по опасным путям преследовать беглецов. В одной из теснин фаланга рассыпалась и стала беспорядочно продвигаться по расселинам и утесам: скрывавшиеся в засаде варвары появились внезапно с шумом и ужасными криками и напали на ромеев. Пораженные неожиданностью, они, не видя солнечного света в густой чаще деревьев, обратились в бегство. Обрушившиеся на ромеев варвары убивали их нещадным образом, как обреченных на жертву животных; тогда только прекратили они истребление воинов, когда силы и

гиев их иссякли. Там был убит и сам Мануил; тех же из ромеев, которые избежали меча, агаряне захватили в плен живыми. Сокрушив пешее войско, варвары устремились к берегу, где стояли на якорях ромейские корабли, и большинством из них сразу же овладели. Сам патрикий Никита был схвачен и отправлен пленником к катархонту афров [50]. Из такого множества воинов лишь малая часть спаслась и явилась к императору Никифору [51].

Весть о гибели столь многочисленного войска глубоко задела василевса; он был очень опечален этим неожиданным и бедственным ударом судьбы. Но [Никифор] обладал твердым характером, он умел сохранять присутствие духа в трудных обстоятельствах; размышляя о непостоянстве людских дел, он мужественно переносил несчастье. И вот позднее он снова снарядил войско против агарян, населявших Сирию [52].

9. В это самое время, когда летняя пора года переходила в осеннюю, бог сильно потряс землю, так что разрушились дома и целые города [53]. И случилось так, что богатейший город галатов Клавдиополь [54], разрушенный непреодолимым движением и сотрясением [земли], внезапно превратился в могилу для своих жителей; там же во мгновение ока погибли многие пришельцы из других мест. Причиной такого сотрясения и движения являются, согласно выдумкам ученых, некие дыхания и испарения, скрытые в недрах земли; узость выходов не дает им возможности сразу вырваться наружу, и они образуют бурные вихри. Эти вихри наполняют пустоты земли, кружатся и носятся с огромной силой, сотрясая все, что находится над ними и вокруг них, до тех пор, пока не прорываются сквозь преграду, выходя на поверхность и растворяясь в сродном им воздухе. Но так объяснило это явление пустословие эллинов. Я же полагаю вслед за божественным Давидом, что столь сильное сотрясение возникает от промысла Божьего, который неусыпно следит за нашими уклонениями от божественного завета; он хочет, чтобы люди, страшась этого бедствия, отвращались от порочных дел и обращались к достохвальным [55].

Клавдиополь, таким образом, разрушенный до основания и уничтоженный землетрясением, испил полную чашу гнева Господния. В том же году, в середине лета, как раз в то время, когда солнце приближалось к созвездию Рака [56], на Византий и соседние земли обрушился такой ливень, какого никогда прежде еще не бывало. Начавшись к концу дня, в пятницу [57], это бедствие продолжалось до девятого часа; дождь выпал такой силы, что не видно было, как обычно, капель, лились сплошные потоки воды, как из труб. Не было ни одного храма либо богатого дома, не заполненного водой, которая текла сверху, сквозь крышу, хоть жители усердно отчерпывали ее на улицу. Сколько ни выливали они, столько же наливалось снова, и никак нельзя было помочь беде. Три часа подряд лился дождь, и видны были разлившиеся

по улицам города реки, в которых погибали уносимые водой животные. Люди горько рыдали и вопили, боясь, что на них снова обрушился потоп, подобный уже бывшему, знаменитому, но сострадательное; человеколюбивое провидение пронзило тучу радугой [58], рассеяло ее сиянием постылый дождь и привело природу к прежней соразмерности. Вслед за тем снова выпал дождь, но мутный, как бы смешанный с золой, похожей на печную сажу, и теплый для всякого, кто ощущал его на своей коже [59].

10. Василевс Никифор (рассказ снова возвращается к тому месту, откуда он пошел по другому следу), набрав ромейское войско, поспешил к городу Антиохии [60] в Сирии и разбил там лагерь. У [жителей] Антиохии были в избытке необходимые припасы, и они горделиво и высокомерно сразу же отвергли всякую возможность примирения, а [Никифор] не хотел разрушать город стенобитными орудиями, так как был уверен, что в скором времени принудит его к сдаче своими победами и осадными хитростями. Поэтому он, пробыв у стен Антиохии недолгое время [61] и в немалой степени устрашив ее жителей образцовым строем своего войска [62], ушел оттуда и отправился в счастливую страну, центр земли [63], называемую также Палестиной, которая, как гласит Священное писание, течет молоком и медом; справа от него оставалась Киликия и [другие] приморские области. Заняв Эдессу [64], [Никифор] вошел в храм святых исповедников, помолился богу и дал отдых войску. До него дошли слухи, что в этой крепости хранится отпечатанное на черепице изображение Спасителя.

Рассказывают, что это изображение запечатлелось [на черепице] следующим образом. Апостол Фаддей был послан Спасителем с изображением Богочеловека к топарху [65] Эдессы Авгару [66], чтобы избавить его от продолжительной болезни. У стен города лежали черепицы, и Фаддей, проходя мимо, спрятал среди них полотно [67], на котором Христос непостижимым образом напечатлел свой лик; он намеревался взять его оттуда на следующий день. На протяжении всей ночи черепицы сияли чудесным светом. Утром Фаддей взял полотно и пошел своей дорогой, а на черепице, к которой полотно прикасалось, отпечатался совершенно точно богочеловеческий образ Спасителя. Варвары подобрали черепицу и с восторженным почитанием хранили ее в крепости. Заняв город, император Никифор взял священную черепицу и, благоговейно уложив ее в изготовленный из золота и драгоценных камней ларец, отдал на сохранение в храм богородицы, находившийся при дворце [68].

Затем он занял крепость Мемпетце [69], перешел лежавшие на пути Ливанские горы и приблизился к Триполи [70]. Он увидел, что этот город укреплен и взять его труднее, чем другие, а кроме того, запаздывали задержанные противными ветрами корабли. Поэтому он прошел мимо и решил осаждать крепость Арку [71], в которой были собраны неисчислимые богатства. Опоясав ее

тремя рядами укреплений, он приступил к сильнейшей осаде и, разрушив башни стенобитными орудиями, целых девять дней опустошал город, вывозя несметные сокровища. Единым натиском овладел он и многими другими крепостями.

11. Между тем как василевс вершил это в Сирии, во время зимнего солнцестояния произошло такое солнечное затмение, какого прежде еще не бывало, кроме случившегося тогда, когда Господь страдал из-за греховного безумия иудеев, пригвоздивших творца вселенной ко кресту. Вот как протекало это затмение. В двадцать второй день декабря, в четвертом часу дня [72], при спокойной погоде тьма покрыла землю, и на небе выступили во всем блеске звезды. И виден был лишенный блеска и сияния диск солнца — только край его слабо светился, как бы окруженный узкой лентой. Постепенно солнце выдвинулось из-за луны, которая, как было видно, заслоняла солнце, став перпендикулярно к нему, и снова распростерло свои лучи, наполняя светом землю. Устрашенные этим новым и необычным зрелищем, люди, как подобает, обратились с мольбами к богу. В то время я сам находился в Византии, проходя курс энциклопедического образования [73]. Но следует вернуться к нити нашего повествования и возобновить рассказ о василевсе.

Взяв без труда [ряд] неприятельских крепостей, он подошел со всем войском к Антиохии, разбил у ее стен лагерь, собрал стратигов и лохагов, стал на возвышенном месте под открытым небом и обратился к ним с речью:

«Соратники, волею провидения и благодаря своей опытности, соединенной с мужеством, мы, как вы знаете, против всякого ожидания захватили лежащие за этим городом крепости. Горячо благодарю вас за то, что, полагаясь на меня, вашего предводителя, вы не склонились перед многочисленными гнетущими трудностями, обычными на войне, и сражались с таким воодушевлением и с такой разумной отвагой, что ни одна из крепостей, на которые мы устремились, не устояла перед вашей доблестью и не осталась незахваченной. Я знаю, воины, как вы жаждете ниспровергнуть этот город, с какой неукротимой страстностью стремитесь вы разрушить и опустошить его огнем. Но я буду опечален, если город, который занимает третье место во вселенной [74] по красоте и величине стен (вы ведь видите, какой высоты они достигают!), по многочисленности жителей и по удивительной отделке домов, будет превращен в развалины, как жалкая крепость. Мне кажется, что неразумно расточать силы ромейского войска на разрушение этого города, уничтожая и разоряя уже завоеванное нами. Я сказал бы, что наиболее предусмотрительный полководец тот, который своими нападениями на страну и длительным пребыванием в ней обессиливает ее и губит; а того, кто совершает набеги и, тут же возвращаясь домой, разоряет и истощает свое отечество, я не премину назвать безрассудным и в высшей степени

злонамеренным. Такой полководец подобен осмеянным в притче собакам, которые должны отгонять от овечьего стада волков и охранять его от напастей, но не только не исполняют этого, а сами хуже волков терзают и разрывают на части [овец] [75]. Итак, если вы согласны со мной и доверяете мне, нам надлежит тотчас же укрепить вот этот с виду надежный и обтекаемый водою холм, расположить на нем по отряду конницы и пехоты, а затем ежедневными вылазками, набегами, расхищением съестных припасов смирить антиохийцев, поставить их в затруднительное положение и принудить против воли покориться ромеям».

Закончив речь, василевс взвалил на плечи камень (в такого рода делах он был прост и скромен), взошел на холм и приказал всему войску последовать его примеру. И через три дня на холме появилось мощное вполне надежное укрепление. Он оставил в этой крепости отряд в пятьсот всадников и тысячу пехотинцев [76], снабдил их достаточным количеством фуража и приказал совершать ежедневные набеги на Антиохию, предавая мечу и разграблению все на своем пути. Сам же он снялся оттуда и отправился в столицу, где, торжественно встреченный горожанами, пребывал [некоторое время] [77].

КНИГА ПЯТАЯ

1. Таким образом, как я уже рассказал, василевс Никифор прошел всю Сирию до приморских ее областей, победил на своем пути всех противников, сделав их добычею мисян [1], разрушил множество городов, воздвиг и вооружил в три дня мощную крепость на самых выгодных подступах к Великой Антиохии и вернулся в Византий. Оттуда он отправил посольство к правителю карфагенян [2], передав ему в дар меч мерзкого, нечестивого Моамеда, который стал его добычей в одной из захваченных крепостей Палестины. Взамен он потребовал возвратить патрикия Никиту, который, как уже говорилось выше, был захвачен в плен во время поражения ромеев в Сицилии и отослан к этому катархонту афров. Никифор угрожал в письме, что того ожидает непримиримая война, разорение и опустошение всей его страны ромейским войском, если он не поспешит отпустить патрикия, не освободит его немедленно от оков и не отправит к нему.

Итак, испуганный этими вестями, словно иными, согласно пословице, скифскими повелениями, карфагенянин отправил в дар василевсу Никифору и патрикия Никиту и тех, которые были взяты в плен вместе с ним [3], и всех других ромеев из разных мест, которых он содержал закованными в темницах, — столь велик был его страх, когда он услышал о сухопутных и морских походах василевса. Несокрушимость этого мужа, непревзойденная в боях, непобедимая сила, благодаря которой он быстро, без всякого труда, как будто по Божьей воле, побеждал любого неприятеля, страшила и приводила в изумление все народы, и они стремились к тому, чтобы он был им не врагом, а другом и господином [4]. Итак, патрикий Никита и другие ромейские пленники, освобожденные из оков и тюрем, вернулись в Византий. Василевс Никифор был очень рад; он отметил этот день празднеством и возгласил благодарственные молитвы Богу за спасение соплеменников.

Тем временем, пока император совершал все это в Сирии и в Византии, патрикий Калокир, посланный к тавроскифам по его

царскому приказу, прибыл в Скифию, завязал дружбу с катархонтом тавров [5], совратил его дарами и очаровал льстивыми речами — ведь все скифское племя необычайно корыстолюбиво, в высшей степени алчно, падко и на подкупы, и на обещания [6]. Калокир [7] уговорил [его] собрать сильное войско и выступить против мисян с тем, чтобы после победы над ними подчинить и удержать страну для собственного пребывания, а ему помочь против ромеев в борьбе за овладение престолом и ромейской державой [8]. [За это Калокир] обещал ему огромные, несказанные богатства из царской сокровищницы.

2. Выслушав слова Калокира, Сфендослав [9] (таким именем он назывался у тавров) не в силах был сдержать своих устремлений; возбужденный надеждой получить богатство, видя себя во сне владетелем страны мисян, он, будучи мужем горячим и дерзким, да к тому же отважным и деятельным, поднял на войну все молодое поколение тавров. Набрав, таким образом, войско, состоявшее, кроме обоза, из шестидесяти тысяч [10] цветущих здоровьем мужей, он вместе с патрикием Калокиром, с которым соединился узами побратимства [11], выступил против мисян [12].

Узнав, что [Сфендослав] уже подплывает к Истру и готовится к высадке на берег, мисяне собрали и выставили против него фалангу в тридцать тысяч вооруженных мужей. Но тавры стремительно выпрыгнули из челнов, выставили вперед щиты, обнажили мечи и стали направо и налево поражать мисян. Те не вытерпели первого же натиска, обратились в бегство и постыдным образом заперлись в безопасной крепости своей Дористоле [13]. Тогда, говорят, предводителя мисян Петра [14], мужа боголюбивого и благочестивого, сильно огорченного неожиданным бегством его войска, постиг эпилептический припадок, и спустя недолгое время он переселился в иной мир.

Но это произошло в Мисии позднее. А самодержец ромеев Никифор, который вообще был на протяжении всей своей жизни деятелен, бдителен и предусмотрителен, никогда не становился рабом наслаждений и о котором никто не мог сказать, что видел его хотя бы в юности предававшимся разврату, узнав о происходящем у тавров, занялся в одно и то же время множеством дел [15]. Он снаряжал пешее войско, вооружал отряды, [приучал] конницу к глубинным построениям, одел всадников полностью в железо [16], изготовлял метательные орудия и расставлял их на башнях городской стены. Затем он выковал тяжелую железную цепь и протянул ее на огромных столбах, расставленных в Босфоре, прикрепив одним концом к башне, которую обычно называли Кентинарий, а другим к башне Кастеллий, находящейся на противоположном берегу [17]. Будучи наиболее предприимчивым и предусмотрительным изо всех известных нам людей, он считал, что невыгодно было бы начинать войну против обоих народов [18]. Ему показалось, что полезно склонить один из этих народов на

свою сторону. Он решил, что таким образом легко будет одержать верх над другим и быстрее его победить.

3. Так как Никифор не надеялся более договориться с таврами и знал, что нелегко будет подчинить своей воле окончательно уклонившегося от истинного пути патрикия Калокира, который вышел из-под его власти и возымел большое влияние на Сфендослава, он предпочел отправить посольство к единоверцам мисянам [19], назначив послами патрикия Никифора, прозванного Эротиком [20], и проедра Евхаитского Филофея [21]. [Никифор] напомнил мисянам об их вере (ведь мисяне без всяких отклонений исповедуют христианскую религию [22]) и попросил у них девиц царского рода [23], чтобы выдать их замуж за сыновей василевса Романа [24], укрепив посредством родства неразрывный мир и дружбу между ромеями и мисянами.

Мисяне с радостью приняли посольство [25], посадили девиц царской крови на повозки (женщины у мисян обычно разъезжают на повозках [26]) и отправили их к василевсу Никифору, умоляя его как можно скорее прийти к ним на помощь, отвратить нависшую над их головами секиру тавров и обезвредить ее. И если бы [Никифор] пошел защищать мисян, он одержал бы победу над таврами, как и над другими племенами, против которых он выступал с ромейским войском, но небольшой толчок может поколебать [судьбу] человека; она, я бы сказал, висит на тонкой нити [27] и часто обращается в противоположное. Справедливо полагают некоторые, что какой-то гнев божества и людская зависть противостоят знаменитейшим и сильнейшим мужам, вводя их в заблуждение, сокрушают и обращают в ничто. То же самое случилось тогда и с василевсом Никифором, хотя все совершалось согласно его желанию и достиг он большего, нежели кто-либо из тех, которые правили до него. Я утверждаю, что Всемогущий с удивительной предусмотрительностью обращает благополучие людей в противную сторону, тем самым напоминая им, что они смертны, недолговечны и не должны возноситься выше положенного [28]. Ведь были уже люди, которые, достигнув успеха и отличившись в битвах, оскорбляли провидение тем, что осмеливались провозглашать себя богами. Примерами могут служить сыновья Алоэя От и Эфиальт, которые, согласно мифу, пытались взойти на небо [29], Навуходоносор Вавилонский, воздвигший сам себе статую, а также сын Филиппа Александр, повелевший, чтобы его называли сыном Аммона [30]. Итак, деяния людей по справедливости непрочны и превратны [31]. Это испытали тогда и ромеи, которые вскоре лишились такого предводителя, какого прежде не было в ромейской державе. Если бы рок со смертью [Никифора] не обернул судьбу ромеев вспять, то ничто не помешало бы им при его жизни расширить границы своего владычества на востоке до Индии, а на западе до самых пределов обитаемого мира [32]. Но возвратимся снова к тому месту, где мы уклонились от нити повествования.

4. Итак, мисяне простирали с мольбою руки, заклиная императора прийти к ним на помощь. Но пока он готовился к походу, пришло известие о взятии Великой Антиохии[33]; она была взята в точном соответствии с приказами, которые были даны оставленному для ее покорения войску[34]. Вследствие ежедневных набегов [Антиохия] была обессилена и испытывала крайний недостаток всего необходимого. Тогда, рассказывают, патрикий и стратопедарх[35] Петр[36], который, хотя и евнух, был, однако, мужем деятельным и весьма храбрым, пришел туда с войском, пройдя через всю Сирию, и отрядил своего таксиарха[37] Михаила, по прозванию Вурца[38], для обозрения города. [Михаил] с несколькими отборными воинами подошел вплотную к крепости, высмотрел удобное место в стене, вернулся назад в лагерь, соорудил лестницы, соответствующие высоте башен, и погрузил их на вьючных животных. В середине ночи он с отрядом смельчаков снова подкрался к стенам Антиохии; приставив лестницы к стене, они бесшумно взобрались по ним и пронзили мечами спавших глубоким сном стражей-агарян. Овладев таким образом стенами, ромеи спустились с башен и подожгли город со всех четырех сторон. Антиохийцев, пораженных неожиданной [бедой], охватило страшное отчаяние: они вопили и рыдали, не зная, что предпринять. Наконец они решились положиться на свое мужество и отважно сражаться вплотную с противником, пока совсем не рассветет, но стратопедарх Петр предупредил их намерение. Он вступил с войском через ворота, которые ему открыли проникшие туда прежде ромеи. Антиохийцы не осмелились даже встретиться лицом к лицу с такой силой; побросав оружие, они стали молить о пощаде. Стратопедарх обратил их в рабство, потушил пожар, отобрал себе лучшую часть добычи, овладел всем городом и поставил охрану на уязвимых участках стены.

5. Таким образом была взята и опустошена ромеями великая и славная Антиохия. Когда до василевса дошла весть об этом, он обрадовался и воздал благодарственные молитвы Богу[39]. Говорят, что во время происходившего тогда празднества в честь сонма бесплотных сил[40] к императору подошел какой-то монах из отшельников, вручил ему письмо и внезапно скрылся из виду. Он развернул его и прочел; вот каково было содержание письма: «Провидение открыло мне, червю, что ты, государь, переселишься из этой жизни на третий месяц по прошествии сентября». Несмотря на длительные поиски, василевс не нашел монаха.

С тех пор василевс впал в уныние и печаль. Он решил никогда более не отдыхать на своем ложе, а спал на шкуре барса и пурпурном войлоке, расстелив их на полу[41], укрывал же он свое тело плащом своего дяди монаха Михаила по прозванию Малеина[42]. Он спал таким образом до наступления одного из праздников господних, когда намерен был причаститься непорочных христовых тайн. В те же дни переселился из этой жизни кесарь

Варда, отец василевса Никифора, проживший на свете более девяноста лет, созревший и состарившийся в многочисленных сражениях, увенчанный благодаря славным воинским подвигам множеством побед. Оплакав, как подобает, смерть отца, государь проводил его тело от дворца до самого дома, стоявшего в южной части города, на крутой дороге, ведущей к морю, где простирается гавань Софии [43], и уложил здесь в гробницу.

Спустя несколько дней, когда скорбь василевса по отцу несколько улеглась, василисса Феофано, воспользовавшись удобным случаем, пришла к нему одна и с большой силой убеждения неотступно просила, заклинала и слезно молила [44] о прощении магистра Иоанна, прозванного Цимисхием [45]. Приводя при этом следующие законные основания, она говорила: «Во всех своих решениях ты, государь, соблюдаешь меру и достоинство, тебя считают воплощением справедливости и непревзойденным образцом целомудрия; почему же ты оставляешь без внимания столь благородного и доблестного мужа, отличающегося славными подвигами и непобедимостью в битвах? Почему ты допускаешь, чтобы он валялся в грязи наслаждений и вел жизнь изгнанника [46] и бездельника? Ведь он в расцвете лет и полон сил, к тому же он — двоюродный брат твоего величия и ведет свое происхождение от блистательного рода. Вели ему, если тебе угодно, как можно скорее приехать к нам из деревни, в которой он теперь живет, и вступить в супружескую связь с девицей из благородных. Ведь ту, с которой он был соединен брачным законом, сразила, как ты знаешь, жестокая, разлагающая члены смерть. Послушай же меня, государь, последуй моему верному совету. Не допускай, чтобы дерзкие языки насмехались и издевались над мужем, происходящим из твоего рода и восхваляемым всеми за его ратные подвиги!»

6. Вот какие речи пустила в ход Феофано и, как всегда, очаровала василевса, сверх меры преклонявшегося перед ее красотой и чрезвычайно к ней благосклонного. Она убедила его тотчас же вызвать Иоанна и вернуть его в Византий. Приехав в столицу, Иоанн предстал перед василевсом и, получив дозволение бывать во дворце каждый день [47], сейчас же удалился домой, но потом беспрестанно являлся в царский дворец.

Будучи человеком горячим, смелым и удивительно склонным к необыкновенным, дерзким предприятиям, он нашел средство проникать в покои августы через подготовленные ею тайные входы, чтобы вести с ней переговоры о свержении василевса Никифора с престола. Для этого он посылал к ней от времени до времени сильных и опытных в ратных делах мужей, которых она укрывала у себя в темной каморке. Когда их злодейское сообщество было уже чревато бедствием [48] и ужасным преступлением, готовясь породить страшное беззаконие, они, собравшись на обычную свою сходку, решили устранить василевса Никифора от власти. Придя затем к себе домой, Иоанн позвал Михаила, по

прозванию Вурца, и Льва Педиасима [49]. Запершись в его покоях, они обсудили убийство василевса Никифора.

В то время наступил десятый день декабря. Говорят, что вечером, во время молитвы, один из клириков царского дворца вручил Никифору записку, в которой сообщалось следующее: «Да будет тебе известно, государь, что этой ночью тебя ожидает жестокая смерть. Для того чтобы убедиться в этом, прикажи осмотреть женские покои; там спрятаны вооруженные люди, которые собираются тебя умертвить». Прочтя это письмо, василевс приказал [50] главному постельничему Михаилу [51] произвести тщательные поиски этих людей; но Михаил, то ли опасаясь августы, то ли вследствие медлительности или из-за того, что повредился в уме, не заглянул в каморку и оставил необнаруженной засевшую там шайку убийц.

С наступлением ночи к Никифору, как обычно, пришла василисса и завела разговор о недавно прибывших из Мисии невестах [52]. «Я пойду позабочусь о них, — сказала она, — а потом приду к тебе. Пусть спальня будет отперта, не надо ее запирать; когда я вернусь, я сама ее запру» [53]. С этими словами она вышла. Государь же в продолжение целой смены ночной стражи возносил обычные молитвы к Богу и размышлял о Священном писании. Но природа взяла свое, и он заснул на полу, на шкуре барса и на пурпурном войлоке, перед святыми иконами богочеловеческого лика Христа, Богоматери и божественного предтечи и провозвестника.

7. Тем временем спрятанные у августы пособники Иоанна, вооружившись мечами, вышли из каморки и ожидали его появления, глядя вниз с открытой площадки, расположенной в верхней части дворца [54]. Часы показывали уже пятый час ночи, леденящий северный ветер волновал воздушную среду; падал густой снег. Наконец Иоанн с сообщниками, проплыв вдоль берега на лодке, высадился в том месте, где стоит каменное изображение льва, настигающего быка (это место в народе называли Вуколеоном). Свистом подал он знак своим прислужникам, склонившимся к нему навстречу с верхней площадки, — так заранее было договорено между злодеями. Затем они привязали веревку к корзине и втащили в ней наверх по одному сначала всех заговорщиков, а потом и самого Иоанна [55].

Пробравшись таким образом сверх всякого человеческого ожидания [во дворец], они обнажили мечи и ворвались в спальню василевса. Приблизившись к ложу и увидев, что оно пусто, что на нем никто не спит [56], они оцепенели от ужаса и хотели броситься в море. Но один из слуг женской половины, бесстыдный человечишка, который был их проводником, указал им на спящего императора. Они окружили его и стали бить и пинать ногами. Никифор проснулся и опер голову на локоть; тогда Лев, по прозванию Валант [57], поразил его сильным ударом меча. Испытывая

сильную боль от раны (меч проник до бровей и ресниц и рассек кость, но не задел мозга), василевс, обагренный обильно лившейся кровью, закричал громким голосом: «Богородица, помоги мне!» [58] Иоанн же, усевшись на царскую постель, приказал притащить его к себе.

Никифор так ослабел от удара мечом, отнявшего у [императора] огромную его силу, что не мог даже стоять на коленях и, сползши на пол, распростерся там. Когда его приволокли [к Иоанну], тот спросил с угрозой в голосе: «Скажи-ка, безрассудный и злобный тиран, не я ли возвел тебя на ромейский престол? Не мне ли ты обязан верховной властью? Как же ты, охваченный завистью и безумием, забыл о таком благодеянии и не поколебался отнять у меня, оказавшего тебе громадные услуги, верховное начальство над войском? Ты послал меня, как будто бы я скиталец презренный [59], в деревню, проводить в бездействии время с земледельцами, меня, мужа столь доблестного и более тебя храброго, меня, перед которым дрожит неприятельский стан и от рук которого никто теперь тебя не спасет. Говори же, если ты можешь еще что-либо сказать в свое оправдание».

8. Никто не приходил на помощь к василевсу, и он, уже испуская дух, продолжал просить заступничества у Богородицы. Иоанн схватил его за бороду и безжалостно терзал ее, а заговорщики так яростно и бесчеловечно били его рукоятками мечей по щекам, что зубы расшатались и стали выпадать из челюстей. Когда они пресытились уже мучениями Никифора, Иоанн толкнул его ногой в грудь, взмахнул мечом и рассек ему надвое череп. Он приказал и другим наносить удары [Никифору], и они безжалостно расправлялись с ним, а один ударил его акуфием в спину и произил до самой груди. Это длинное железное оружие очень похоже на клюв цапли; отличие заключается лишь в том, что природа снабдила цаплю прямым клювом, а акуфий слегка изогнут и сильно заострен на конце [60].

Вот какую кончину обрел самодержец Никифор, всего проживший на свете пятьдесят семь лет и царствовавший шесть полных лет и четыре месяца [61]. Мужеством и силой тела он без сомнения превосходил всех людей его поколения, в воинских делах отличался необыкновенной изобретательностью и опытностью, был неколебим среди всякого рода трудностей и не был подвержен обольщениям телесных удовольствий. В делах гражданского управления он был милостив и великодушен, и никогда не было более справедливого судьи и непреклонного законодателя. Он был суров и неутомим в молитвах и всенощных бдениях во имя Бога, невозмутим духом во время песнопений и нисколько не подвержен тщеславию. Однако многие считали недостатком его желание, чтобы все безукоризненно следовали добродетели и не уклонялись от высшей справедливости. За отступления от этих правил он строго наказывал и потому казался неумолимым и жестоким для

уклоияющихся от законов и был неиавистеи тем, кто желал вести беспечиую жизнь. Я утверждаю, что если бы завистливая и карающая судьба, разгиевавшись иа успехи этого мужа, ие лишила его так скоро жизии, ромейская держава достигла бы такого величия, какого оиа в другое время ие достигала. Ведь провидеиие, презирающее грубый и заиосчивый дух человека, укрощает его, подавляет, обращает в иичто и непостижимыми, ему одному известиыми судьбами иаправляет чели иашей жизии к полезиому.

9. Совершив саое преступиое и богопротивиое дело, Иоаии вошел в великолепиый дворцовый зал, иазываемый Хрисотриклииом [62], иадел иа иоги пурпуриую обувь, воссел иа василевсов трои и стал размышлять о том, как захватить государствеииую власть и устраиить возможиое сопротивлеиие родствеииков василевса. Тем времеием воииы из охраиы Никифора, слишком поздио узиав о его убийстве и иадеясь, что ои еще жив, бросились иа помощь и изо всех сил старались проломить железиые ворота. Но Иоаии приказал выиести голову Никифора и показать ее через отверстие его телохраиителям. И вот иекто по имеии Аципофеодор, подойдя [к телу Никифора], отрубил голову и показал ее буитующим [воииам]. Это страшиое и иевероятиое зрелище подействовало иа иих: оии выпустили мечи из рук, запели иа другой лад и в одии голос провозгласили Иоаииа василевсом ромеев.

Труп Никифора целый деиь валялся иа сиегу под открытым небом; это было в субботу одиииадцатого декабря; только поздиим вечером Иоаии приказал предать его подобающему погребеиию. Тело уложили в иаскоро сколочеииый деревяииый ящик и в полиочь тайио отиесли в храм Святых апостолов; там его поместили в одиу из царских гробииц [63], в той же усыпальиице, где покоится тело божествеииого и прославлеииого Коистаитииа [64]. Но злодеи поплатились за свое преступлеиие; иеусыпиое правосудие отомстило им впоследствии: у всех, кто приложил руку к убийству василевса, было отиято имущество и, очутившись в крайией иищете, оии, подлые, подло и жизнь свою закоичили.

Мие представляется, одиако, что я уже достаточно сказал о подвигах василевса Никифора, о его жизии и гибели. Я полагаю, что те, кто слишком долго остаиавливается иа этом предмете и чрезмерио распростраияется о ием, страдают пороком любопытиых сверх меры людей, которые выходят за границы описываемого и ие обходят виимаиием иикакой мелочи. Итак, мие кажется, что пора прекратить рассказ о [Никифоре] и его деяииях и описать по возможности деяния Иоаииа, которого прозвали Цимисхием (это армяиское слово в переводе иа греческий язык озиачает «туфелька» [65]; такое прозвище было даио Иоаииу, потому что ои был малого роста), — пусть же ие исчезают в пучиие забвеиия дела полезиые и достойиые памяти.

КНИГА ШЕСТАЯ

1. Таким образом, после уже описанного мною убийства императора Никифора, бразды правления берет в свои руки Иоанн, по прозванию Цимисхий. Уже в начале четвертой ночной стражи, на рассвете в субботу одиннадцатого декабря тринадцатого индикта шесть тысяч четыреста семьдесят восьмого года [1] по улицам города разъезжал отряд избранных воинов, провозглашая Иоанна и сыновей прежде царствовавшего Романа самодержцами ромеев [2]. В небольшом удалении от воинов следовал Василий Ноф [3], сын императора Романа Старшего от скифянки, украшенный достоинством проедра. Никифор первый из августейших правителей ввел такое звание, чтобы почтить этого человека, который, хотя и был скопцом, отличался предприимчивостью, изобретательностью и умением применяться к различным обстоятельствам. Он участвовал в заговоре Иоанна и был очень к нему расположен. Сначала он притворялся больным, а потом и в самом деле занемог и слег в постель; узнав о ночном убийстве Никифора, он с отрядом отважных юношей пошел за упомянутыми воинами, провозглашая Иоанна августейшим императором ромеев. Затем он вернулся во дворец и стал заниматься с Иоанном государственными делами, получив от него звание паракимомена.

Посовещавшись о принятии мер к собственной выгоде, они тут же разослали по всему городу указы и предписания, в которых под страхом отсечения головы запрещалось поднимать мятеж или совершать ограбления. Весть об этом внушила немалый страх византийцам, и никто не посмел в нарушение приказа произвести возмущение. Во время такого рода переворотов встречаются праздные из народа и неимущие, которые грабят добро и разрушают дома, а иногда и убивают соотечественников. Так было и во время провозглашения императором Никифора, но указ Иоанна предотвратил и подавил эти безрассудные устремления площадной черни [4].

2. Во время этих событий родной брат Никифора, куропалат Лев, спал у себя дома. При известии об убиении брата ему следовало раздать на улицах свои огромные золотые сокровища, привлечь таким путем на свою сторону горожан и призвать их также к отмщению тиранам [5]. Если бы он решился на это, ему удалось бы немедленно и без пролития крови лишить Иоанна власти — ведь люди, занимавшие государственные должности, получили их от Никифора, а в Византии находилось преданное ему значительное войско. Все они присоединились бы к [куропалату Льву], если бы он отважился поднять мятеж и горячо принялся за дело. Но он помутился разумом от большого горя и даже не подумал об этом; предоставив все судьбе и силе обстоятельств, он поспешил в прославленный храм Премудрости божьей.

Что же касается Иоанна, то он, прежде чем солнце распространило всю мощь своего сияния над землей, назначил на высшие государственные должности своих приверженцев. Он отстранил претора, друнгария флота [6], [друнгария] виглы [7], называемого ночным эпархом [8], которые были сторонниками Никифора, и приказал им вместе с их родственниками жить в своих сельских поместьях. Брата же императора Никифора, куропалата Льва, с сыном его, патрикием Никифором, он заверил в том, что их жизни не угрожает опасность, и отослал их в город Митимну, расположенный на острове Лесбосе [9]. Затем он сместил всех топархов областей [10] и поставил вместо них своих близких. Тогда же он отстранил от должности и отправил в Амасию [11] и [второго] сына куропалата Льва, патрикия Варду, который был возведен [Никифором] в достоинство дуки и находился в Халдии [12]. Таким образом, он сделал все возможное для того, чтобы пребывать в полной безопасности и спокойно заниматься делами, устранив от управления государством всех подозрительных людей; затем Цимисхий поселился во дворце. Когда он вступил на императорский престол, ему шел сорок пятый год.

3. Что касается наружности Иоанна, то она была такова. Лицо белое, здорового цвета, волосы белокурые, надо лбом жидкие, глаза голубые, взгляд острый, нос тонкий, соразмерный, борода вверху рыжая и слишком суженная по сторонам, а внизу правильной формы и не подстриженная. Он был малого роста, но с широкой грудью и спиной; в нем таилась гигантская сила, руки обладали ловкостью и непреодолимой мощью; геройская душа [13] его была бесстрашна, непобедима и отличалась поразительной для такого маленького тела отвагой. Он один без боязни нападал на целый отряд и, перебив множество [врагов], с быстротой птицы возвращался к своему войску, целый и невредимый. В прыганье, игре в мяч, метании копья и стрельбе из лука он превосходил всех своих сверстников. Говорят, что он выстраивал в ряд четырех скакунов и, птицей мелькнув над тремя из них, садился на последнего. Он так метко направлял дротик в цель, что тот про-

летал через отверстие величнной с кольцо; в этом он превосходил даже прославлеиного Гомером островнтяиина [14], стрелы которого проходнлн через проушины в секнрах. Он клал кожаный мяч иа дно стекляиной чаши и, пришпорив коия, проиосился на полиом скаку, ударяя по нему рукоятью копья так, что мяч подпрыгнвал и устремлялся в воздух, чаша же оставалась совершенно целой н не двигалась с места. Он всех превосходнл щедростью н богатством даров: всякий, кто просил у иего чего-либо, никогда не уходнл обманутым в своих надеждах. Он был человеколюбнв н ко всем обращался с открытым сердцем н лаской, расточая, подобно пророку, елей [15] благотворнтельностн; если бы паракимомеи Васнлий не обуздывал его неиасытное стремление оказывать благодеяння согражданам, он очень скоро нсчерпал бы всю нмператорскую казиу иа раздачи бедным. Но иедостаток Иоанна состоял в том, что он сверх меры напнвался на пнрах и был жадеи к телесным иаслаждениям [16].

4. Такнм образом Иоанн, сверх всяких ожиданий, за семь дней устронл все дела управления н укрепнл свою власть. Ведь обычно прн большнх переворотах возникают мятежи и беспорядкн, а тогда, после убнйства нмператора Ннкифора, народ по иензвестиой мие прнчнне молчал н соблюдал полное спокойствне; иикто из телохраннтелей не получил даже пощечнны.

[Затем Иоанн] отправился в великнй храм Премудрости божьей, чтобы патрнарх, как положено, увеичал его нмператорской диадемой. Согласно обычаю, всякнй вступающий иа ромейскнй престол прнблнжается к амвону храма, н тот, кто облечен в то время саном нерарха, благословляет его н возлагает на его голову царский венец [17]. Патриаршнй трон заннмал тогда Полиевкт. Это был муж святой и, несмотря на свой престарелый возраст, пламенный духом. Он объявнл, что не дозволнт государю войтн в храм, пока тот не нзгонит из дворца августу н не назовет убнйцу нмператора, кем бы таковой нн оказался; кроме того, ои потребовал вериуть снноду нзданную Ннкнфором в нарушенне справедлнвостн грамоту. Дело в том, что Никнфор, то лн намереваясь устраннть допускаемые, по его мненню, некоторымн иерархами нарушеиия священных обрядов, то лн желая подчииить даже то в релнгни, иад чем ему властвовать не полагалось, заставнл иерархов составить указ, согласио которому инчего нельзя было предприннмать в церковных делах без его воли [18].

Полневкт предложил государю выполиить все [это]: в противном случае он ие позволнт ему вступнть в святой храм. [Иоанн] принял условня: он удалнл августу из дворца н сослал ее на остров, называемый Прота [19], вернул сниоду грамоту Никнфора [20] и указал на Льва Валанта, утверждая, что он один и инкто другой собственноручио умертвил императора. Только тогда Полневкт допустнл Иоанна в святой храм и венчал его, после чего тот вернулся в царскне палаты, прнветствуемый войском и народом [12].

5. Установив известное спокойствие и мир, Иоанн разделил все, чем владел раньше, на две части. Состояние его было велико: оно слагалось из того, что он унаследовал от своих предков (ведь он происходил от славнейшего рода, принадлежа по отцу к благороднейшим на Востоке [22], а по матери приходясь родственником императору Никифору), а также из императорских даров, которые переходили к нему в качестве щедрых трофеев во время войн. Одну часть {своих владений Иоанн] приказал распределить между окрестными и соседними земледельцами, а другую часть предназначил для больницы прокаженных, расположенной на другом берегу от Византия, с тем чтобы пристроить новые здания к прежним домам страдающих священной болезнью [23]. Он сделал так, что большое число больных могло пользоваться лечением, навещал [их], подходил к прокаженным, раздавал им золото и, хотя был человеком изнеженным и брезгливым, не гнушался врачевать, насколько это было возможно, их покрытые язвами и разрушенные недугом члены. Он испытывал такое сочувствие и жалость к страданиям плоти, что, встречая больных, забывал об императорском достоинстве и о гордости, рождаемой пурпурным одеянием.

Фему Армениаки он освободил от налога, потому что был оттуда родом. Когда наступило время выплаты роги, которую синклит, знать и видные люди получают из рук императора, он, движимый великодушием и жаждой славы, бесплатно увеличил рогу всем, достойным награды [24].

6. В это время овдовела, потеряв иерарха, взятая еще императором Никифором великая Антиохия на Оронте, ибо прежний ее катархонт, агарянин [25], пронзил копьем грудь благочестивого апостольского мужа, патриарха Христофора [26], ставя ему в вину почитание Спасителя Христа. Заботясь о восстановлении брачных уз [27], император Иоанн принялся со всем рвением подыскивать мужа, достойного антиохийской иерархии. Размышляя и раздумывая об этом деле, он вспомнил о Феодоре из Колонии, который с детства вел отшельническую, лишенную треволнений жизнь и тяжкими трудами укрощал свою плоть. Железные вериги, которыми он истязал свое тело, покрывал он власяным рубищем и до тех пор не снимал его, пока оно совершенно не истлевало и не обращалось в прах. Говорят, будто именно этот монах предсказал сначала Никифору, а затем Иоанну императорскую власть. Тогда он находился в Византии, и Иоанн привел его к Полиевкту. Тот вместе с бывшими в городе епископами испытал знания мужа и, найдя, что он не слишком силен в светской учености, но зато чрезвычайно опытен в священной нашей премудрости, помазал его патриархом Антиохии [28].

Сам Полиевкт прожил лишь несколько дней после рукоположения Феодора [29]; он ушел из жизни, оставив церкви, как памятник, образ добродетели, божественной и человеческой мудрости и

знаний, к которым он был весьма привержен. После того как Полиевкт, управлявший патриархией около тринадцати лет, переселился в царство блаженного покоя, Иоанн был озабочен тем, чтобы возвести на иерарший трон мужа, превосходящего всех добродетелями и безупречным поведением. С этой целью он созвал во дворец на следующий день епископов и синклит и обратился к ним с такой речью:

7. «Я признаю лишь одну наивысшую и главенствующую силу, которая вызвала из небытия к бытию все благолепие видимого и невидимого мира. Мне известны, однако, две власти в сей жизни, в насущном земном пространстве: священство и царство[30]; одной из них создатель поручил заботиться о душах, а другой — управлять телами людей, с тем чтобы ни одна из сторон не пострадала, но оставались они целыми и невредимыми. И теперь, когда глава церкви отдал долг природе, надлежит всевидящему оку, которое распознает дела человеческие еще до того, как они задуманы, определить для священной должности среди всех людей наиболее достойного мужа. И вот я возвожу[31] на церковный престол человека, издавна мною испытанного и прославленного всяческими добродетелями, которому Бог даровал способность предвидеть будущее: пусть не проводит сей человек свою жизнь в тени. Его божественное пророчество предрекло мне многое из будущего, которое и свершилось в свое время».

Произнеся сии слова, император вывел на середину отшельника Василия, который с детства избрал монашеский образ жизни и беспрестанно выказывал подвиги тяжкого труда своего на вершинах Олимпа[32]. Иоанн повелел ему идти в патриарший дворец[33], а на следующий день (как раз отмечалось то воскресенье, когда святые отцы укрепили православную веру в почитании божественных икон[34]) Василий принял помазание на первосвященство и был провозглашен вселенским патриархом[35].

8. Многими тревогами был волнуем дух императора Иоанна; перед ним лежали три пути, и он не знал, какой из них избрать, чтобы не уклониться от верного направления. Недостаток съестных припасов и повсюду распространившийся голод уже третий год пожирали ромейскую державу; угрожало ничего хорошего не предвещавшее нашествие росов[36]; карфагеняне и арабы намеревались напасть на только что покоренную ромеями сирийскую Антиохию[37]. Что касается непреодолимого зла — голода, то [Иоанн] быстрым подвозом припасов из всех гаваней предусмотрительно пресек влияние этого бедствия. Нашествие агарян он остановил при помощи восточного войска под начальством патрикия Николая[38], который, будучи придворным евнухом государя, приобрел многими стараниями опытность в военном деле.

А с катархонтом войска росов, Сфендославом, он решил вести переговоры. И вот [Иоанн] отрядил к нему послов с требованием, чтобы он, получив обещанную императором Никифором за набег

на мисян награду [39], удалился в свои области и к Киммерийскому Боспору [40], покинув Мисию, которая принадлежит ромеям [41] и издавна считается частью Македонии [42]. Ибо говорят, что мисяне, отселившись от северных котрагов [43], хазаров [44] и хунавов [45], покинули родные места и, бродя по Европе, захватили во времена правившего тогда ромеями Константина, называемого Погонатом [46], эту [область] и поселились в ней; по имени своего родоначальника [47] Булгара страну стали именовать Булгарией [48].

9. Существует о них еще и другая история, примерно следующего содержания. Когда Леонтий [49] отрезал нос императору ромеев Юстиниану [50] и сослал его в Херсон [51], тот, изловчившись, бежал оттуда к Меотиде [52] и склонил на свою сторону народ мисян [53], пообещав им большую награду, если они вернут ему власть. [Мисяне] последовали за [Юстинианом] и, когда он снова вступил на престол, получили от него область в той части Македонии, которую обтекает Истр [54]. Они переселились туда и, будучи всегда воинственно настроенными, вторгались в пределы Фракии, наносили большой ущерб ромеям и уводили людей в рабство. Однако и ромеи выступали против них [55], а так как [мисяне] не могли устоять против отваги [ромеев], они скрывались в лесных засадах и побеждали их в неудобных для сражения местах. С того времени произошло много битв, в которых погибли доблестные полководцы, и древний император Никифор [56] тоже был убит мисянами, только Константин Копроним [57] победил мисян, а вслед за ним — его внук Константин, сын императрицы Ирины [58], и уже в наше время император Иоанн покорил их города. История не сохранила упоминаний о ком-либо ином из ромеев, победившем мисян на их земле [59]. Но довольно [писать] о них.

10. Сфендослав очень гордился своими победами над мисянами; он уже прочно овладел их страной [60] и весь проникся варварской наглостью и спесью. Объятых ужасом испуганных мисян он умерщвлял с врожденной жестокостью: говорят, что, с бою взяв Филиппополь [61], он со свойственной ему бесчеловечной свирепостью посадил на кол двадцать тысяч оставшихся в городе жителей [62] и тем самым смирил и [обуздал] всякое сопротивление и обеспечил покорность. Ромейским послам [Сфендослав] ответил надменно и дерзко: «Я уйду из этой богатой страны не раньше, чем получу большую денежную дань и выкуп за все захваченные мною в ходе войны города и за всех пленных. Если же ромеи не захотят заплатить то, что я требую, пусть тотчас же покинут Европу, на которую они не имеют права, и убираются в Азию [63], а иначе пусть и не надеются на заключение мира с тавроскифами».

Император Иоанн, получив такой ответ от скифа, снова отправил к нему послов, поручив им передать следующее: «Мы верим в то, что провидение управляет вселенной, и исповедуем все христианские законы; поэтому мы считаем, что не должны сами разру-

шать доставшийся нам от отцов неоскверненным и благодаря споспешествованию Бога неколебимый мир[64]. Вот почему мы настоятельно убеждаем и советуем вам, как друзьям, тотчас же, без промедления и отговорок, покинуть страну, которая вам отнюдь не принадлежит. Знайте, что если вы не последуете сему доброму совету, то не мы, а вы окажетесь нарушителями заключенного в давние времена мира. Пусть наш ответ не покажется вам дерзким; мы уповаем на бессмертного Бога — Христа: если вы сами не уйдете из страны, то мы изгоним вас из нее против вашей воли. Полагаю, что ты не забыл о поражении отца твоего Ингоря[65], который, презрев клятвенный договор[66], приплыл к столице нашей с огромным войском на 10 тысячах судов[67], а к Киммерийскому Боспору прибыл едва лишь с десятком лодок, сам став вестником своей беды[68]. Не упоминаю я уж о его [дальнейшей] жалкой судьбе, когда, отправившись в поход на германцев[69], он был взят ими в плен, привязан к стволам деревьев и разорван надвое. Я думаю, что и ты не вернешься в свое отечество, если вынудишь ромейскую силу выступить против тебя, — ты найдешь погибель здесь со всем своим войском, и ни один факелоносец[70] не прибудет в Скифию, чтобы возвестить о постигшей вас страшной участи».

Это послание рассердило Сфендослава, и он, охваченный варварским бешенством и безумием, послал такой ответ: «Я не вижу никакой необходимости для императора ромеев спешить к нам; пусть он не изнуряет свои силы на путешествие в сию страну — мы сами разобьем вскоре свои шатры у ворот Византия[71] и возведем вокруг города крепкие заслоны, а если он выйдет к нам, если решится противостоять такой беде, мы храбро встретим его и покажем ему на деле, что мы не какие-нибудь ремесленники, добывающие средства к жизни трудами рук своих[72], а мужи крови[73], которые оружием побеждают врага. Зря он по неразумию своему принимает росов за изнеженных баб и тщится запугать нас подобными угрозами, как грудных младенцев, которых стращают всякими пугалами».

11. Получив известие об этих безумных речах, император решил незамедлительно со всем усердием готовиться к войне, дабы предупредить нашествие [Сфендослава] и преградить ему доступ к столице. Он тут же набрал отряд из храбрых и отважных мужей, назвал их «бессмертными»[74] и приказал находиться при нем. Затем он [повелел] магистру Варде, прозванному Склиром[75], родному брату покойной жены его Марии[76], мужу предприимчивому и необыкновенно храброму, а также патрикию Петру, которого император Никифор за присущее ему мужество и за славные воинские подвиги назначил стратопедархом (рассказывают, что во время набега скифов на Фракию, когда Петру, несмотря на то что он был скопцом, случилось выступить со своим отрядом против них в битве, в промежуток между рядами выехал на коне вождь скифов, муж огромного роста, надежно защищен-

ный панцирем, и, потрясая длинным копьем, стал вызывать желающего выступить против него; тогда Петр, преисполненный сверх ожиданий храбрости и отваги, мощно развернулся и с такой силой направил обеими руками копье в грудь скифа, что острие пронзило тело насквозь и вышло из спины; не смогла защитить великана кольчужная броня, и он, не издав ни звука, распростерся на земле, а скифы, пораженные необычным, удивительным зрелищем, обратились в бегство[77]), — вот этим-то [двум] военачальникам император и приказал собрать войско и отправиться в близлежащие и пограничные с Мисией земли. Они получили повеление провести там зиму[78], упражняя воинов и объезжая страну, чтобы она не потерпела никакого вреда от скифских набегов. Было также предписано посылать по бивуакам и [занятым] врагами областям переодетых в скифское платье, владеющих обоими языками людей[79], чтобы они узнавали о намерениях неприятеля и сообщали о них затем императору. Получив такие приказания от государя, [военачальники] вступают в Европу.

12. Узнав о походе [ромеев], тавроскифы отделили от своего войска одну часть, присоединили к ней большое число гуннов[80] и мисян и отправили их против ромеев[81]. Как только магистр Варда, который всегда был мужем доблестным и решительным, а в то время особенно пламенел гневом и страстной отвагой, узнал о нападении врагов, он собрал вокруг себя отряд отборных воинов и спешно выступил на битву; позвав Иоанна Алакаса[82], он послал его в разведку с поручением осмотреть [войско] скифов, разузнать их численность, место, на котором они расположились, а также чем они заняты. Все эти сведения [Иоанн] должен был как можно скорее прислать ему, чтобы он мог подготовить и выстроить воинов для сражения.

Иоанн с отборными всадниками быстро прискакал к [лагерю] скифов; на следующий день он отрядил [воина] к магистру, убеждая его прибыть со всем войском, так как скифы расположились невдалеке, очень близко. Услышав это известие, [Варда] разделил фалангу на три части и одной из них приказал следовать прямо за ним в центре, а двум другим — скрыться в стороне, в лесах, и выскочить из засады, как только они услышат трубный звук, призывающий к бою[83]. Отдав эти распоряжения лохагам, он устремился прямо на скифов. Завязалась горячая битва, вражеское войско значительно превосходило своим числом [войско ромеев] — у них было больше тридцати тысяч, а у магистра, считая вместе с теми, которые расположились в засаде, не более десяти тысяч[84]. Уже шло сражение, и с обеих сторон гибли храбрейшие воины. И тут, говорят, какой-то скиф, кичась своей силой и могучестью тела, вырвался вперед из окружавшей его фаланги всадников, подскакал к Варде и ударил его мечом по шлему. Но удар был неудачным: лезвие меча, ударившись о твердь шлема, согнулось и соскользнуло в сторону. Тогда патрикий Констан-

тин[85], брат Варды, юноша, у которого едва пробивался пушок на подбородке, но который был огромного роста и непобедимой, непреодолимой силы, извлек меч и набросился на скифа. Тот устрашился натиска Константина и уклонился от удара, откинувшись на круп лошади. Удар пришелся по шее коня, и голова его отлетела в сторону; скиф же рухнул вместе с конем на землю и был заколот Константином.

13. Так как [успех] битвы склонялся то в пользу одного, то в пользу другого войска и непостоянство счастья переходило беспеременно с одной стороны на другую, Варда приказал трубить военный сбор и часто бить в тимпаны. По сему знаку поднялась спрятанная в засаде фаланга и устремилась на скифов с тыла[86]: охваченные страхом, они стали склоняться к бегству. Однако в то время, когда отступление еще только началось, какой-то знатный скиф, превосходивший прочих воинов большим ростом и блеском доспехов, двигаясь по пространству между двумя войсками, стал возбуждать в своих соратниках мужество. К нему подскакал Варда Склир и так ударил его по голове, что меч проник до пояса; шлем не мог защитить скифа, панцирь не выдержал силы руки и разящего действия меча. Тот свалился на землю, разрубленный надвое; ромеи приободрились и огласили воздух радостными криками. Скифы пришли в ужас от этого поразительного, сверхъестественного удара; они завопили, сломали свой строй и обратились в бегство. До позднего вечера ромеи преследовали их и беспощадно истребляли. Говорят, что в этой битве было убито пятьдесят пять ромеев, много было ранено и еще больше пало коней, а скифов погибло более двадцати тысяч[87]. Вот как закончилось это сражение между скифами и ромеями[88].

А император Иоанн торопил азиатские войска с переправой через Геллеспонт в Европу[89]. Он приказал им провести зиму в областях Фракии и Македонии, ежедневно упражняясь во владении оружием, чтобы не оказаться неспособными к предстоящим боям и не быть разбитыми неприятелем. [Он повелел им], чтобы они дожидались весны[90], — когда же весна рассеет зимнее ненастье и лик земли окончательно прояснится, он сам прибудет к ним, ведя за собой войска свои, и со всеми силами обрушится на тавроскифов.

КНИГА СЕДЬМАЯ

1. Пока государь Иоанн был занят подготовкой [к войне] с росами, дука Варда, сын куропалата Льва и племянник императора Никифора, тайно склонившись к перевороту, убежал из Амасии, куда он был сослан. Помощниками его в этом деле были братья, патрикии Феодор, Варда и Никифор; по Парсакуте [1], месту своего рождения, они были прозваны Парсакутинами [2]; дуке Варде они приходились двоюродными братьями. В глухую ночь Варда тайком покинул Амасию и, все время меняя заранее подготовленных лошадей, прибыл в Кесарию Каппадокийскую. Пробыв там несколько дней, он собрал вокруг себя множество отчаянных, склонных примкнуть к восстанию людей, ведь каждый день стекались к нему сородичи и находящиеся с ним в общении лица [3], ибо тогда было в обычае проявлять чрезмерную радость во время переворотов [4], — людей прельщали надежды на призрачную славу, почетные звания и раздачи денег. Апостасии [5] придавали мощь, со всем рвением собирая воинов, упомянутые уже Парсакутины и Симеон, земледелец, промышлявший возделыванием винограда и прозванный ввиду этого Ампелом [6]; человек низкого, незнатного происхождения, он мужеством и силой рук своих не уступал никому из прославленных могуществом и доблестью мужей.

Когда Варда увидел, что вокруг него собралось довольно большое ополчение, которое может образовать несокрушимый строй и сражаться лицом к лицу с неприятелем, он сбросил черную обувь и тут же надел красную; мятежники открыто объявили его императором ромеев. Он обещал оделить всех деньгами, раздавал почетные звания, утверждал таксиархов, стратигов и другие военные должности, которые государь всегда щедро предлагает своим приближенным. К мятежу был причастен и куропалат Лев, отец Варды, который находился в заключении на острове Лесбосе. Через Стефана, епископа Авидоса, он обещал македонцам [7] деньги и почести, убеждая их принять его, когда

он убежит с острова, восстать против Иоанна и помочь ему свергнуть его с престола.

2. Известие об этом мятеже, как и следовало ожидать, взволновало императора; он немедленно удалил епископа Стефана из Авидоса и предал его на суд в дикастирию[8]. Когда Стефан был уличен в преступлении и были раскрыты все его замыслы, [император] отправил дело в синод епископов, чтобы [Стефана] лишили священнического сана. А Льва — куропалата и сына его Никифора, которые по решению судей были приговорены к смерти, император, движимый человеколюбием, не велел казнить; он ослепил их обоих[9] и сослал на остров Лесбос. Вот как кончилась попытка куропалата Льва переправиться в Европу: сам он был подвергнут страшной каре, а многие друзья его, принимавшие участие в заговоре, направленном на свержение императора, лишились богатств и домов.

Что же касается Варды, то он, однажды склонившись к тирании, неотступно придерживался этого намерения; он гордился множеством людей, собравшихся вокруг него, чванился своими фалангами и мечтал о том, что вот-вот завладеет императорским троном. Продвигаясь по Азии, он уничтожал огнем жилища непокорных и делал их добычею мисян. Государь написал ему следующее: «Мы узнали о мятеже, который начался недавно на Востоке, и считаем, что это не столько дело твоего разумения, сколько следствие безумия и варварского нрава твоих сообщников. Всем существом их овладело внезапное помешательство, и они не побоялись подвергнуть себя большой опасности; ведь им известно, что затеявшим мятеж и дерзко поднявшим руку на самих ромейских самодержцев не будет никакого оправдания и пощады, когда они будут побеждены в битве, выданы нам и подвергнуты наказанию. Но мы страшимся осквернить землю кровью сограждан. Если мы выступим с оружием против мятежников, то они — да поможет нам в том Бог! — погибнут жалким образом. Кто будет настолько тверд, чтобы сопротивляться силе нашего натиска, кто не проникнется тотчас же ужасом и не обратится в бегство? Итак, мы советуем вам предпочесть спасение гибели и, пока еще возможно снисхождение, бросить оружие, склонившись перед нашим императорским могуществом, которое — Бог свидетель — оставляет безнаказанной столь великую вашу дерзость и дарует вам прощение и помилование. Все владения ваши сохранятся в целости и неприкосновенности. Мы советуем вам очнуться, наконец, от гибельного опьянения и незамедлительно воспользоваться предлагаемым нами спасением. Если же вы будете продолжать тщетные попытки добиться тирании, то вы пожалеете о своем безрассудстве тогда, когда вас осудят по закону и предадут смертной казни».

3. Получив это послание, Варда Фока не счел императора достойным письменного ответа, но разразился руганью, обозвал

его нечестивым злодеем, гнусным убийцей своих родственников и потребовал, чтобы он отрекся от узурпированной власти. «Не ему, — сказал [Фока], — а мне принадлежит верховная власть; я могу гордиться тем, что дед мой был кесарем, а дядя — императором. Он не побоялся всевидящего ока правосудия и заколол [государя], как жертву, на разостланной среди пола постели, а отца моего и любимого брата подверг страшным мукам и по какому-то неясному и недоказанному обвинению лишил их сладчайшего света. Справедливость побуждает меня отомстить за все это: я всемерно воздам ему за кровь близких, за то, что он замыслил погубить славный, доблестный род».

Узнав об этих безумных словах и уверившись в том, что [Фока] вместе со следующими за ним сообщниками неизлечимо болен жестоким и бесчеловечным стремлением к грабежам и убийствам, император Иоанн решил не медлить и не предаваться более беспечности, не допускать того, чтобы сборище мятежника, воспользовавшись его бездеятельностью, разрушало города и укреплялось в своем неистовстве; он вознамерился, когда представится возможность, дать бой, используя все силы, и отразить разбойников. Он вызвал к себе Варду, прозванного Склиром, мужа необыкновенно храброго и предприимчивого, бывшего магистром и начальником войск Фракии, храбро отразившего яростный натиск росов на ромеев. Сестра его Мария, достигшая великой славы своей красотой и целомудрием, была женою Иоанна, но незадолго перед тем ее сразила жестокая смерть. Вызвав к себе Варду, поскольку он недавно одержал уже описанную мною победу над скифами и обратил их в бегство, император Иоанн назначил его стратилатом [10] похода против мятежников и отправил в Азию. Он приказал ему, насколько возможно, не осквернять землю кровью соотечественников, если не будет на то крайней необходимости, привлекать к себе сообщников изменника обещаниями почестей, раздачею денег и уверениями в полном прощении. Он вручил ему скрепленные золотыми императорскими печатями грамоты, в которых были обозначены достоинства таксиархов, стратигов и патрикиев. Этими [грамотами] он приказал награждать тех, которые откажутся от своих заблуждений, отрекутся от самовластного тирана и склонятся к покорности императору.

Перейдя Босфор и достигнув Дорилея [11], стратилат Склир созвал туда войско, выстроил его в фалангу и стал проводить с ним ежедневные упражнения. Когда он увидел, что к нему собралось достаточное число воинов для того, чтобы при случае сразиться в открытом бою с врагами, он послал дуке Варде, который приходился ему свояком (сестра Фоки [12] была женой брата Склира, патрикия Константина), следующее письмо [13].

4. «Сомнительное и крайне опасное дело ты затеял, дерзко восстав против властителей, замыслив губительную тиранию, подняв оружие против соотечественников и осквернив здания священных

храмов разбоем неистовых мятежников. Ты жестоко обманулся, патрикий, разбудив спящего льва, непобедимого самодержца. Ты ведь знаешь, что когда он появляется в битвах, одна только слава его имени обращает в бегство многочисленные войска. Как же мог ты поддаться уговорам бесчестных людей и попасть в такую западню? Послушай же, если хочешь, меня, как свойственника и друга, желающего тебе добра: отступись от злой тирании и, вымолив прощение вины, спаси свою жизнь. Я сам тебе обещаю, что не только ты не испытаешь жестокости властителя или кого-либо другого, но и безрассудство находящегося под твоим начальством отряда останется безнаказанным. Не вооружай против себя царского гнева, беспощадного к тем, которые не желают быть благоразумными. Одумайся наконец, не отвергая последней надежды, и, пока еще возможно милосердие, прими то, что ты будешь, горько оплакивая свою судьбу и упрекая себя в неразумии, просить впоследствии, но не получишь».

Постигнув содержание письма, Варда Фока ответил так: «Прекрасная, чудодейственная сила наставления мне известна — я сам читал книги древних [14], — но думаю, что это наставление может помочь лишь тогда, когда этому способствуют обстоятельства. А перед лицом чрезвычайной опасности, когда беды достигают крайней степени, наставление, как мне кажется, не имеет никакого значения. Когда я вспоминаю о том, сколько бедствий причинил бесчестный злодей Иоанн моему роду, как безжалостно он убил спящего льва — императора, моего дядю и своего благодетеля, как он без причины отправил меня в ссылку и без всякой вины жестоким, нечеловеческим образом ослепил моего отца и брата, — жизнь становится мне не в жизнь. Итак, не склоняй меня понапрасну к тому, чтобы я вручил свою жизнь в руки оскверненного злодеяниями врага. Ты меня никак не убедишь; я докажу, что я настоящий муж и, препоясавшись мечом, буду биться за погибших [членов] моего рода. Когда судьба колеблется между двумя крайностями, то одна из них во всяком случае неизбежна: либо я достигну царственного величия и сполна отомщу убийцам, либо доблестно стерплю свой жребий, приняв смерть от гнусного, бесчестного тирана».

5. Получив это письмо и убедившись в том, что никакими советами нельзя воздействовать на человека, которого дерзость ввергла в безумие, Варда Склир разбил войско на отряды и подразделения и пошел на Дипотам [15]. Прибыв туда, он тотчас же послал в лагерь Варды Фоки переодетых нищими [16] лазутчиков, чтобы те объявили начальникам войска, что император обещает простить их дерзкий замысел, и сверх того сообщили, что если они не порвут с мятежником и не примирятся с государем, то стратилат не преминет выступить против них со всем войском и обойдется с ними, как с врагами. Услышав это и сообразив, что для них выгоднее предпочесть предлагаемые императором почести

напрасной борьбе за сомнительную удачу, они с наступлением ночи покинули сообщество Фоки и перебежали к стратилату. Главными среди них были патрикий Андралест[17], двоюродный брат Фоки, и Симеон Ампел.

Узнав о том, что они внезапно отступились от него и бежали, Варда, как и следовало ожидать, вознегодовал. Он стал умолять оставшихся, призывая в свидетели и хранители их клятвы Бога, не предавать его, сражаться изо всех сил и содействовать ему, столь ужасно пострадавшему. Склир, — говорил он, — не устоит против них в открытом бою, если они будут нападать, отбросив малодушие и нерешительность. Так он упрашивал и заклинал их, но они тем не менее покидали тайком лагерь и перебегали к стратилату Склиру[18].

Передают, что глубокой ночью, сломленный бегством сообщников, потерявший сон и охваченный печалью, Фока возносил мольбы к Богу, возглашая стих Давида: «Суди, Господи, обижающих меня»[19]. Вдруг ушей его достиг прозвучавший в воздухе голос, запрещающий ему продолжать пение псалма, потому что стратилат Варда уже произнес против него те же слова. После того как он услышал этот голос трижды, изумленный чудесным прорицанием, охваченный ужасом, Фока поднялся с ложа и стал дожидаться рассвета[20].

6. Когда уже полностью рассвело, он вскочил на коня и, объезжая войско, остановил взгляд на своей обуви. Тут он увидал нечто странное — сапоги показались ему не красными, а совершенно черными. Он стал расспрашивать своих людей, как это они ошиблись и вместо царской обуви подали ему обыкновенную. Те отвечали, что сапоги пурпурные и посоветовали ему присмотреться к ним получше. Он снова бросил взгляд на них и увидел, что они красные, какими были прежде. Фока понял, что и это второе чудесное предзнаменование не сулит ему добра. Он видел также, что войско не согласно с ним и выходит из повиновения, и решил любым способом спасти свою жизнь.

Итак, Фока с тремястами наиболее близких к нему, отлично вооруженных воинов выступил в полночь тайком из лагеря и пошел по дороге, ведущей в крепость Тиранов[21], именуемую Антигус. Эту крепость он, боясь превратности судьбы, уже давно укрепил, снабдил хлебом и другими съестными припасами. Место, где распалось войско Варды Фоки, издавна называется Вардаэттой[22].

Как только стратилат Варда [Склир] узнал о бегстве Фоки, он с несколькими отборными всадниками пустился в погоню; ему не удалось настигнуть Фоку, и тот спасся в крепости. Но всех захваченных в плен сообщников Фоки он ослепил — таково было приказание [самого] императора. Говорят, что место, где страдальцы претерпели такое несчастье, называется Тифловивария[23]. Меня удивляет, что древние, как бы движимые вдохновением, давали местам подходящие и соответствующие будущим событиям

названия. Ведь, когда был безжалостно ослеплен Лев Фока, дядя отца Варды [24], то место, где была совершена эта кара, назвали Оилеон, что звучит на деревенский лад — Голеон [25]. Так что места казней издавна приобретают такого рода названия. Быть может, не будет лишним рассказать здесь попутно, как был ослеплен Лев.

7. Когда император Лев [26], заболев тяжелым недугом, переселился из этой жизни и вслед за ним последовал брат его Александр [27], то престол ромейский, перешедший к малолетнему сыну Льва Константину [28] и к августейшей Зое [29], заколебался. Этим воспользовался вождь мисян Симеон [30], муж отважный и яростный в битве, уже давно неукротимо пылавший желанием пойти войною на ромеев. Не переставая разорять Македонию и Фракию, он, одержимый природным и вообще присущим скифам безумием, повелел ромеям провозгласить его своим самодержцем [31]. Ромеи же, не стерпев открытой наглости и заносчивости скифа, решили двинуться против него с оружием. Итак, они назначили начальником войска и объявили доместиком схол Льва Фоку, который в то время выделялся среди других военачальников своей храбростью и победами, а командование огненосными кораблями поручили Роману (назначенный на эту должность называется друнгарием морского флота). Они были посланы против мисян с тем, чтобы один напал на них с суши, а другой с моря. Передают, что, совершив переход и достигнув Мисии, Лев яростно устремился в бой и перебил бесчисленное множество врагов. Вследствие этого Симеон очутился в крайнем затруднении: он не знал, что ему делать, как укрыться от столь смелого и непобедимого мужа. Все мисяне уже изнемогли в битве и обратились в бегство, но тут один из телохранителей Льва принес ему, как говорят, известие, что друнгарий Роман распустил паруса, повернулся кормою к ветру и отплыл в Византий, намереваясь захватить власть. Это ужасное известие поразило [Льва], он сломал строй, обратился спиной к мисянам и поспешил в столицу, надеясь, что ему удастся опередить приплытие Романа и самому завладеть властью над ромеями [32].

Увидев это беспричинное, странное бегство ромеев. Симеон якобы заподозрил вначале хитрость, подумав, что мисян ожидает гибель, если они станут их преследовать; однако затем, убедившись в том, что они бегут изо всех сил, устремился вслед за ними и немилосердно истребил бесчисленное их множество. И теперь еще видны кучи костей у Анхиала, где было тогда бесславно перерезано бегущее войско ромеев [33]. Что же касается Льва, то он не прибыл вовремя в Византий и обманулся в своих надеждах: Роман успел захватить царский дворец и был провозглашен василеопатором [34]. Тогда Лев переправился через Авидос в Азию и разжег апостасию; он причинил множество бед Роману и государству, устраивая набеги, перехватывая ежегодные налоги и подчиняя себе тех, кто ему сопротивлялся. Но когда с течением вре-

мени разбойничья шайка [Льва] рассеялась, его коварные замыслы повернулись против него самого — он обратился в бегство, был схвачен и безжалостно ослеплен [35].

8. Так обстояло дело [с мятежом Льва]. Что же касается [Варды] Фоки, то он спешил тогда в крепость и находился позади своего войска. Вдруг какой-то самоуверенный смельчак [36] из преследовавших подскакал к нему на коне, разразился угрозами, замахнулся мечом и хотел его ударить. Фока стал его просить, чтобы он удалился, сжалившись над его бедственным положением. «Ты ведь смертен, — сказал он ему, — ты должен иметь в виду изменчивость и ненадежность судьбы: не следует тебе усугублять страдания злополучного мужа; достаточно бедствий его окружают, они привели к такому несчастью, что на бывшего начальника ромейского войска смотрят теперь, как на беглеца». Но тот не обращал внимания на эти слова и придвигался все ближе, намереваясь поразить [Фоку]. Тогда Варда схватил висевшую у него сбоку палицу и, внезапно повернувшись, обрушил ее на шлем нападающего: палица, пройдя сквозь шлем, раздробила череп, и смельчак, не издав ни звука, упал на землю. Таким образом, Фока невредимым достиг крепости.

Варда [Склир], стратилат и магистр, осадил крепость и стал убеждать Варду Фоку испросить милость у властителя и немедленно покинуть укрепление. Фока был совершенно беспомощен и испытывал крайнюю нужду; поэтому, он, хорошенько поразмыслив и взвесив все обстоятельства, решил положиться на судьбу и подчиниться властителям, если будет дарована пощада ему и его близким. Он потребовал уверения в том, что ему не сделают ничего худого. Склир дал ему такое обещание, и он тотчас же вышел из крепости вместе с женою и детьми. [Склир] принял их, приставил к ним охрану, не причинив им никакого вреда, и доложил о заключенном условии императору, спрашивая, как надлежит ему поступить. Император Иоанн приказал постричь Варду Фоку в монахи и сослать вместе с женой и детьми на остров Хиос, а Склиру набрать воинов, переправиться через Геллеспонт в Европу и провести зиму в расположенных там зимних укреплениях. [Император писал, что] с наступлением весны [37] он сам со своей гвардией выступит против скифов, так как не может более сносить их необузданную наглость.

9. Я уже рассказал, что стратилат Варда [Склир] был послан императором против только что возникшего мятежа Варды Фоки из Европы в Азию. Узнав об этом, [скифы] совершали внезапные набеги, беспощадно разоряли и опустошали Македонию, причиняя тем самым ромеям огромный вред. Магистр Иоанн, по прозванию Куркуас [38], которому было доверено находившееся там войско, предавался сверх меры бездействию и пьянству, проявляя неопытность и неумелость в управлении делами; поэтому помыслы росов и исполнились своевольной дерзостью. Государь не выносил их над-

менной наглости и явных обид, ему наносимых; он поспешил сразиться с ними в открытом бою, чтобы всеми силами поражать и оттеснять их. Для этого он приказал снарядить огненосные триеры и отправил на продовольственных судах в Адрианополь [39] много хлеба и корма для вьючных животных, а также достаточное количество оружия для войска, чтобы ромеи во время сражения не испытывали ни в чем недостатка.

Пока шли эти приготовления, Иоанн женился на дочери императора Константина Багрянородного Феодоре, которая не слишком выделялась красотой и стройностью, но целомудрием и всякого рода добродетелями, без сомнения, превосходила всех женщин. Торжество бракосочетания состоялось в ноябре месяце, на втором году правления Иоанна [40]. Народ был охвачен несказанной радостью, потому что государь мягко и справедливо управлял подданными. Особенно удивляло в Иоанне то, что он, будучи от природы исполнен величия и высокомерия, проявлял благосклонность и снисходительность к подданным и щедро оделял нуждающихся. Так он провел тогда в Византии зиму, увеселяя народ дружественным угощением и состязаниями в театре. Ожидая весны, он ежедневно обучал находившееся при нем войско умению передвигаться в полном вооружении во всех направлениях и упражнял его в различных военных приемах, придуманных самыми доблестными мужами для сражений.

КНИГА ВОСЬМАЯ

1. Как только ясная весна сменила мрачную зиму, император тотчас поднял крестное знамя и стал спешить [с походом] против тавроскифов. Прямо из дворца он отправился помолиться Богу во всеми почитаемый храм Христа Спасителя, находящийся в Халке[1]. Увидев, что место для молящихся очень узко, ибо там едва могут поместиться пятнадцать человек, а вход извилист, неудобен и походит на витой лабиринт или убежище, [Иоанн] тотчас же приказал перестроить храм от самого основания, расширить и сделать более светлым. Он сам обозначил очертания стен; некое вдохновение внушило ему это усердие и распорядительность, и храм достиг такой красоты и величия, которые присущи ему теперь. [Выступив] оттуда, он пришел в знаменитый святой храм божественной Премудрости и стал молиться о ниспослании ангела, который бы двигался впереди войска и руководил походом; затем при пении гимнов он направился в славный храм богоматери, расположенный во Влахернах[2]. Вознеся надлежащим образом мольбы к Богу, он поднялся в находившийся там дворец[3], чтобы посмотреть на огненосные триеры. Они колыхались, расставленные рядами, в заливе Босфора[4], там, где удобная и надежная пристань для грузовых кораблей простирается, плавно изгибаясь, до моста и реки, которая за мостом впадает в море[5].

Полюбовавшись искусным плаванием кораблей в боевом строю и показательным сражением между ними (было их вместе с ладьями и челнами, которые теперь в народе называются галеями и монериями[6], более трехсот), император наградил гребцов и воинов деньгами и послал их на Истр для охраны речного пути, — чтобы скифы не могли уплыть на родину и на Киммерийский Боспор в том случае, если они будут обращены в бегство. Говорят, что Истр — одна из рек, вытекающих из Эдема, и что название ее Фисон. Начинаясь на востоке, она, по неизъяснимой мудрости

Создателя, скрывается под землей, а затем бьет ключом из Кельтских гор, описывает извилистую линию по Европе и впадает, разделяясь на пять устьев, в Понт, называемый Евксинским. Некоторые же считают, что Фисон — река, пересекающая Индийскую землю; обычно эту реку называют Гангом; близ нее добывают камень смарагд [7].

2. Таким образом, корабли достигли Истра. Тем временем самодержец [Иоанн] выступил из Византия и прибыл со всем войском в Адрианополь. Рассказывают, что этот город заложил, остановившись в своих странствиях после убиения собственной матери Клитемнестры, сын Агамемнона Орест, поэтому ранее он назывался Орестиадой [8]. Впоследствии император Адриан, ведя войну со скифами [9], был восхищен [прекрасным] расположением города; он укрепил его прочными стенами и назвал Адрианополем [10]. Прибыв туда, император Иоанн узнал от лазутчиков, что ведущие в Мисию непроходимые, узкие тропы, называемые клисурами [11], потому что они как бы заперты со всех сторон, не охраняются скифами. Собрав лохагов и таксиархов, он произнес следующую речь:

«Я думал, соратники, что скифы, уже давно ожидая нашего прихода, не пожалели усилий для заграждения изгородями и валами наиболее опасных, узких и трудно проходимых мест на тропах, чтобы нам нелегко было продвигаться вперед. Но так как их обмануло приближение святой пасхи [12], они не преградили дороги, не закрыли нам пути, полагая, что мы не откажемся от блестящих одежд, от торжественных шествий, пиршеств и зрелищ, которыми знаменуют дни великого праздника, ради тяжких невзгод войны [13]. Мне кажется, что мы поступим наилучшим образом, если сейчас же воспользуемся благоприятным случаем, вооружимся и как можно скорее переправимся по узкой дороге, покуда тавроскифы не узнали о нашем прибытии и не навязали бой в горных проходах. Если мы, опередив [скифов], пройдем опасные места и неожиданно нападем на них, то, я думаю, — да поможет нам Бог! — с первого же приступа овладеем городом Преславой [14], столицей мисян, а затем, двинувшись [вперед], легко обуздаем безумие росов».

3. Такова была речь императора. Стратигам и таксиархам слова его показались неуместными и чрезмерно смелыми, а предложение провести ромейское войско по ущельям и крутым тесниам в чужую [страну] — легкомысленной, опрометчивой дерзостью, доходящей до безумия. Они довольно долго молчали, и разгневанный император заговорил снова: «Я и сам знаю, что неосторожность и своевольная дерзость в сражениях приводят обычно к величайшей опасности и непоправимой беде: ведь я [всю жизнь] с самой юности провел в битвах, одержал, как вы знаете, много побед и достиг большой славы. Но если счастье наше поставлено на лезвие бритвы [15] и [судьба] не дает нам возможности

поступать по своему разумению, нам следует действовать решительно и как можно лучше использовать обстоятельства. Я думаю, что вы, умудренные большим опытом превратностей и непостоянства военных успехов, согласитесь со мной. Итак, если вы верите в то, что я советую наилучшее, то, пока скифы еще бездействуют и не догадываются о нашем приходе, воспользуемся удобным случаем. Победа ожидает нас после того, как мы пройдем через горные проходы. Но если они обнаружат наше намерение перейти теснины, и выстроят там свое войско против нас, дело не кончится добром, нас будет тогда ожидать ужасное бедствие, положение наше станет безвыходным. Приободритесь же духом, вспомните, что вы ромеи [16], которые своим оружием обращали прежде в бегство любого врага! Следуйте за мной как можно быстрее и покажите на деле свою отвагу!»

4. Сказав так, Иоанн, прекрасно вооруженный, вскочил на быстрого благородного коня, вскинул на плечо длинное копье и двинулся в путь. Впереди него двигалась фаланга воинов, сплошь закрытых панцирями и называвшихся «бессмертными», а сзади — около пятнадцати тысяч отборнейших гоплитов и тринадцать тысяч всадников [17]. Заботу об остальном войске император поручил проедру Василию; оно медленно двигалось позади вместе с обозом, везя осадные и другие машины. Когда они вопреки всякому ожиданию прошли опасные гористые места, император прервал напряженный марш, дал отдых всему пешему и конному войску, расположив его на неприступном холме, с одной стороны которого протекала река, обещавшая изобилие воды.

Когда настал рассвет следующего дня, он поднял войско, выстроил его в глубокие фаланги и, приказав беспрестанно трубить военный клич, стучать в кимвалы и бить в тимпаны [18], выступил на Преславу. Поднялся невообразимый шум: эхом отдавался в соседних горах гул тимпанов, звенело оружие, ржали кони и [громко] кричали люди, подбадривая друг друга, как всегда бывает перед битвой. Тавроскифы, увидев приближение умело продвигающегося войска, были поражены неожиданностью [19]; их охватил страх, и они почувствовали себя беспомощными. Но все же они поспешно схватились за оружие, покрыли плечи щитами (щиты у них прочны и для большей безопасности достигают ног [20]), выстроились в грозный боевой порядок, выступили на ровное поле перед городом и, рыча наподобие зверей, испуская странные, непонятные возгласы, бросились на ромеев. Ромеи столкнулись с ними и храбро сражались, совершая удивительные подвиги: однако ни та, ни другая сторона не могла взять верх. Тогда государь приказывает «бессмертным» стремительно напасть на левое крыло скифов; «бессмертные», выставив вперед копья и сильно пришпорив коней, бросились на врагов. Скифы [всегда] сражаются в пешем строю; они не привыкли воевать на конях и не упражняются в этом деле [21]. Поэтому они не выдержали на-

тиска ромейских копий, обратились в бегство и заперлись в стенах города. Ромеи преследовали их и беспощадно убивали. Рассказывают, будто во время этого наступления [ромеев] погибло восемь тысяч пятьсот скифов [22].

5. Оставшиеся в живых спрятались в крепости и, яростно сопротивляясь, метали сверху со стен копья и стрелы. Говорят, что в Преславе находился и патрикий Калокир, который, как я уже сообщил в свое время, двинул войско росов на мисян. Узнав о прибытии императора (а это невозможно было скрыть, так как золотые императорские знаки сияли чудесным блеском), он глубокой ночью тайно бежал из города и явился к Сфендославу [23], который со всем своим войском находился у Дористола, ныне называемого Дристрою: вот таким образом убежал Калокир.

Надвигающаяся ночь вынудила ромеев прекратить сражение. Но вот наступило утро следующего дня, называемого Великим четвергом [24], потому что в этот день, готовясь идти на муки, Спаситель наш после Тайной вечери давал ученикам свои спасительные наставления. Как раз в это время прибыло остальное войско с осадными машинами, и император Иоанн свернул лагерь, расставил фаланги в несокрушимый боевой порядок и с пением победного гимна устремился на стены, намереваясь первым же приступом взять город. Росы же, подбадриваемые своим военачальником Сфенкелом [25], который был у скифов третьим по достоинству после Сфендослава, их верховного катархонта, оборонялись за зубцами стен и изо всех сил отражали натиск ромеев, бросая сверху дротики, стрелы и камни. Ромеи же стреляли снизу вверх из камнеметных орудий, забрасывали осажденных тучами камней, стрелами и дротиками, отражали их удары, [теснили], не давали им возможности выглянуть из-за зубчатых стен без вреда для себя. Наконец, император громким голосом отдал приказание приставить к стенам лестницы и возглас его прибавил сил осаждавшим. Все, на кого падал взгляд государя, сражались храбро, надеясь получить достойную награду за свои подвиги.

6. Когда ромеи бросились на приступ и придвинули к стенам [26] лестницы, по одной из них стал взбираться какой-то смелый юноша с едва пробивающимся рыжеватым пушком на подбородке, выходец из фемы Анатолики, по имени Феодосий, а по прозванию Месоникт [27]. Правой рукой он вытащил меч, в левой держал щит, которым прикрывал голову от скифских ударов сверху. Достигнув гребня стены, [юноша обрушился на] скифа, который выглянул из-за зубцов и хотел столкнуть его копьем вниз; он рассек шею врага, и голова его вместе со шлемом покатилась по земле за стеной. Ромеи приветствовали этот необыкновенный подвиг восторженными криками, и многие из них, соревнуясь в храбрости с первым взошедшим [на стену], устремились вверх по лестницам.

Между тем Месоникт, взойдя на стену, овладел ее верхней частью и, поворачиваясь во все стороны, убил огромное число оборонявшихся скифов, сбрасывая их со стены. Вскоре уже многие [ромеи] взобрались в разных местах на стены и изо всех сил истребляли врагов. Тогда скифы покинули укрепление и постыдно столпились в окруженном прочной оградой царском дворце, где хранились сокровища мисян; один из входов они оставили открытым.

Тем временем многие ромеи, находившиеся по ту сторону стен, сорвали петли на воротах, сбили засовы и проникли внутрь города [28], перебив бесчисленное множество скифов [29]. Тогда, говорят, был схвачен и приведен к государю вместе с женой и двумя малолетними детьми царь мисян Борис [30], у которого едва лишь пробивалась рыжая бородка. Приняв его, император воздал ему почести, назвал владыкой булгар [31] и заверил, что он явился отомстить за мисян, претерпевших ужасные бедствия от скифов.

7. Ромеи все разом ворвались в город и рассыпались по узким улицам, убивали врагов и грабили их добро. Так они достигли царского дворца, в котором сгрудилась лучшая часть войска росов. Но скифы, находившиеся во дворце, яростно сопротивлялись проникшим через ворота ромеям и убили около полутораста храбрейших воинов. Узнав об этой неудаче, император прискакал во весь опор ко дворцу и приказал своей гвардии всеми силами наступать на врага, но, увидев, что из этого не выйдет ничего хорошего (ведь тавроскифы легко поражали множество воинов, встречая их в узком проходе), он остановил безрассудное устремление ромеев и распорядился со всех сторон бросать во дворец через стены [32] огонь. Когда разгорелось сильное пламя, сжигавшее все на своем пути, росы, числом свыше семи тысяч, вышли из помещения, выстроились на открытом месте у дворца и приготовились отразить наступление [ромеев].

Император послал против них магистра Варду Склира с надежным отрядом. Окружив скифов фалангой храбрейших воинов, Склир вступил в бой. Завязалось сражение, и росы отчаянно сопротивлялись, не показывая врагам спины; однако ромеи [победили] своим мужеством и военной опытностью и всех их перекололи. В этой битве погибло также множество мисян, сражавшихся на стороне врагов против ромеев, виновников нападения на них скифов [33]. Сфенкелу с немногими удалось спастись бегством. Он ушел к Сфендославу, но вскоре был убит, о чем я расскажу ниже. Так в течение двух дней был завоеван и стал владением ромеев город Преслава.

8. Император Иоанн по обычаю одарил войско, дал ему отдых и отпраздновал на том же месте святое воскресение Спасителя. Отобрав несколько пленных тавроскифов, [Иоанн] послал их к Сфендославу с сообщением о взятии города и гибели соратников. Он поручил им также [передать Сфендославу], чтобы тот

без промедления выбрал одно из двух: либо сложить оружие, сдаться победителям и, испросив прощение за свою дерзость, сейчас же удалиться из страны мисян, либо, если он этого не желает сделать и склоняется к врожденному своеволию, защищаться всеми силами от идущего на него ромейского войска. Вот так он велел передать Сфендославу, сам же провел в городе несколько дней и восстановил разрушение в стенах, а затем, оставив сильный отряд и назвав город по своему имени Иоаннополем [34], пошел со всем войском на Доростол.

Этот город заложил и довел до теперешней красоты и величия прославленный среди государей Константин [35], после того как он, увидев на небе крестное знамение в виде созвездия [36], победил проявлявших к нему вражду и яростно наступавших скифов [37]. По пути [Иоанн] взял город, называемый Плискувой [38], Диниию [39] и многие другие города, которые отвергли власть скифов и переходили на сторону ромеев [40].

Сфендослав, узнав о поражении у Преславы, испытывал огорчение и досаду. Он считал это плохим предзнаменованием для будущего, но, одержимый скифским безумием и кичась своими победами над мисянами, надеялся легко победить и войско ромеев.

9. Сфендослав видел, что мисяне отказываются от союза с ним и переходят на сторону императора. Поняв по зрелом размышлении, что, если мисяне склонятся к ромеям, дела его закончатся плохо, он созвал около трехсот наиболее родовитых и влиятельных из их числа и с бесчеловечной дикостью расправился с ними — всех их он обезглавил, а многих других заключил в оковы и бросил в тюрьму. Затем, собрав все войско тавроскифов, — около шестидесяти тысяч [41], он выступил против ромеев.

В то время как государь медленно продвигался по направлению к войску росов, от их фаланги отделилось несколько одержимых отчаянной дерзостью храбрецов, которые, устроив засаду, совершили внезапное нападение и убили некоторых воинов из передового отряда ромеев. Увидев их трупы, разбросанные вдоль дороги, император отпустил поводья и остановил коня. Гибель соотечественников привела его в негодование, и он приказал выследить совершивших это [злодеяние]. Телохранители [Иоанна], тщательно обыскав окрестные леса и кустарники, схватили этих разбойников и связанными привели к императору. Он тотчас же приказал их умертвить, и [телохранители], без промедления обнажив мечи, изрубили всех их до одного на куски.

Тогда войска подошли к пространству, лежащему перед Доростолом, который принято называть также Дристрой [42]. Тавроскифы плотно сомкнули щиты и копья, придав своим рядам вид стены, и ожидали противника на поле битвы. Император выстроил против них ромеев, расположив одетых в панцири всадников по бокам, а лучников и пращников позади, и, приказав им безостановочно стрелять, повел фалангу в бой [43].

10. Воины сошлись врукопашную, завязалась яростная битва, и в первых схватках обе стороны долго сражались с одинаковым успехом. Росы, стяжавшие среди соседних народов славу постоянных победителей в боях, считали, что их постигнет ужасное бедствие, если они потерпят постыдное поражение от ромеев, и дрались, напрягая все силы. Ромеев же одолевали стыд и злоба [при мысли о том], что они, побеждавшие оружием и мужеством всех противников, отступят как неопытные в битвах новички и потеряют в короткое время свою великую славу, потерпев поражение от народа, сражающегося в пешем строю и вовсе не умеющего ездить верхом. Побуждаемые такими мыслями, [оба] войска сражались с непревзойденной храбростью; росы, которыми руководило их врожденное зверство и бешенство, в яростном порыве устремлялись, ревя как одержимые, на ромеев, а ромеи наступали, используя свой опыт и военное искусство.

Много [воинов] пало с обеих сторон, бой шел с переменным успехом, и до самого вечера нельзя было определить, на чью сторону склоняется победа. Но когда светило стало клониться к западу, император бросил на [скифов] всю конницу во весь опор; громким голосом призвал он воинов показать на деле природную ромейскую доблесть и вселил в них бодрость духа. Они устремились с необыкновенной силой, трубачи протрубили к сражению, и могучий клич раздался над ромейскими рядами. Скифы, не выдержав такого натиска, обратились в бегство и были оттеснены за стены; они потеряли в этом бою многих своих [воинов]. А ромеи запели победные гимны и прославляли императора. Он раздавал им награды и устраивал пиры, усиливая их рвение в битвах.

КНИГА ДЕВЯТАЯ

1. Как только рассвело, император стал укреплять лагерь мощным валом [1], действуя так. Неподалеку от Дористола возвышается посреди равнины небольшой холм. Разместив войско на этом холме, [Иоанн] приказал рыть вокруг него ров [2], а землю выносить на прилегающую к лагерю сторону, чтобы получилась высокая насыпь. Затем [он приказал] воткнуть на вершине [насыпи] копья и повесить на них соединенные между собою щиты. Таким образом, лагерь был огражден рвом и валом, и враги никак не могли проникнуть внутрь — устремившись ко рву, они бы остановились. Так разбивают обычно ромеи свой стан во вражеской стране.

Укрепив таким образом лагерь, [Иоанн] на следующий день выстроил войско и двинул его к [городской] стене. Показываясь из-за башен [3], скифы метали на ромейскую фалангу стрелы, камни и все, что можно было выпустить из метательных орудий. [Ромеи] же защищались от скифов, стреляя снизу из луков и пращей. Сражение не пошло дальше этой перестрелки, и ромеи удалились в лагерь, чтобы поесть, а скифы к концу дня выехали из города верхом — они впервые появились тогда на конях. Они всегда прежде шли в бой в пешем строю, а ездить верхом и сражаться с врагами [на лошадях] не умели. Ромеи тотчас вооружились, вскочили на коней, схватили копья (они пользуются в битвах очень длинными копьями [4]) и стремительно, грозной лавиной понеслись на врагов. Ромейские копья поражали [скифов], не умевших управлять лошадьми при помощи поводьев. Они обратились в бегство и укрылись за стенами.

2. Тем временем показались плывущие по Истру огненосные триеры и продовольственные суда ромеев. При виде их ромеи несказанно обрадовались, а скифов охватил ужас, потому что они боялись, что против них будет обращен жидкий огонь. Ведь они уже слышали от стариков из своего народа, что этим самым «ми-

дийским огнем»[5] ромеи превратили в пепел на Евксинском [море] огромный флот[6] Ингора, отца Сфендослава. Потому они быстро собрали свои челны и подвели их к городской стене в том месте, где протекающий Истр огибает одну из сторон Дористола. Но огненосные суда подстерегали скифов со всех сторон, чтобы они не могли ускользнуть на ладьях в свою землю.

На следующий день тавроскифы вышли из города и построились на равнине, защищенные кольчугами[7] и доходившими до самых ног щитами. Вышли из лагеря и ромеи, также надежно прикрытые доспехами. Обе стороны храбро сражались, попеременно тесня друг друга, и было неясно, кто победит. Но вот один [из воинов], вырвавшись из фаланги ромеев, сразил Сфенкела, (почитавшегося у тавроскифов третьим после Сфендослава), доблестного, огромного ростом мужа, отважно сражавшегося в этом бою. Пораженные его гибелью, тавроскифы стали шаг за шагом отступать с равнины, устремляясь к городу. Тогда и Феодор, прозванный Лалаконом[8], муж непобедимый, устрашающий отвагой и телесной мощью, убил железной булавой множество врагов. Сила его руки была так велика, что удар булавы расплющивал не только шлем, но и покрытую шлемом голову. Таким образом, скифы, показав спину, [снова] укрылись в городе. Император же велел трубить сбор, созвал ромеев в лагерь и, увеселяя их подарками и пирами, побуждал храбро сражаться в [предстоящих] битвах.

3. Еще продолжались, таким образом, бои[9], и исход событий оставался неопределенным. В это время брат императора Никифора, куропалат Лев, который, как я уже упоминал, находился вместе со своим сыном Никифором под стражей в Митимне, на [острове] Лесбосе, прельстил золотом охрану и решился на мятеж. Глаза [у Льва] были невредимы — человек, которому было поручено его ослепить, сжег ему ресницы, но оставил неповрежденными и нетронутыми зрачки. То ли по приказу императора поступил он так (подозревают и это, потому что после того, как дело раскрылось, он остался безнаказанным), то ли из жалости [ко Льву], постигнутому такой бедой. Итак, взойдя на лодку, куропалат тайно приплыл к берегу напротив Византия и укрылся в монастыре, который назывался Пиламидом[10]. Оттуда он через надежного человека известил друзей и близких о своем прибытии. Они обещали помочь ему всеми средствами собрать большое число вооруженных мужей и достать ключи, чтобы он легко мог проникнуть в царский дворец. Заговорщики сейчас же принялись за дело и вознамерились без всякого промедления осуществить то, что обещали. Подкупив одного из дворцовых ключарей, они уговорили его изготовить и передать им восковые отпечатки ключей. Тот без всякого возражения сделал и отдал [заговорщикам] восковые формы, а они наняли ремесленника, который тотчас же выковал у них в доме ключи.

4. Так как все шло, как им казалось, согласно их замыслам, заговорщики предложили куропалату переправиться через Босфор и прибыть в Византий. Глубокой ночью взошел Лев на корабль, пристал к крепости, проник через калитку, находившуюся под храмом святого Фоки [11], в город и уже возмечтал, что обладает верховной властью. Но судьба поглумилась, насмехаясь, над надеждами человека, не имеющими прочных оснований, — они обращаются в свою противоположность и ведут к ужасному скоплению бедствий. Вместо великолепной порфиры, золотого скипетра и тирании, которой Лев, несмотря на неблагоприятные предзнаменования, домогался, судьба готовила ему мучительное ослепление, дальнюю ссылку и потерю всего имущества.

В то время как Лев находился в доме одного из своих подручных в районе Сфоракия [12] и ожидал прихода заговорщиков, оттуда вышел кто-то из его приспешников, направился к своему родственнику, заведовавшему царской ткацкой мастерской, рассказал ему о том, что куропалат находится в городе, сообщил о заговоре и стал просить, чтобы он со всей корпорацией ткацкой мастерской [13] оказал им содействие. Тот обещал немедленно прийти к ним на помощь, поднялся и вышел, будто бы для того, чтобы позвать своих людей. Придя к патрикию и друнгарию морских сил Льву [14], которому император поручил управлять Византием, он рассказал ему обо всем: что куропалат убежал из ссылки, что он находится в городе, в доме одного из жителей, и что он вот-вот захватит в руки государственную власть.

Это неожиданное известие поразило друнгария, но он был тверд в опасностях и предприимчив, когда нужно было найти надлежащее решение в затруднительных обстоятельствах. Поэтому он скоро укрепился духом, собрал свой отряд и тотчас же прибыл к дому, в котором находился куропалат. Убедившись в том, что заговор раскрыт и все его намерения ясны, он ускользнул вместе с сыном Никифором через боковую дверь, прибежал в великий святой храм и превратился из гордого, спесивого тирана в жалкого молителя. Там его и схватили люди друнгария, посадили вместе с сыном Никифором в челн и отвезли на остров, который называется Калоним [15]. Потом прибыл из Мисии императорский приказ, согласно которому их обоих ослепили [16], а имущество отобрали в казну [17].

5. Вот какой печальный и гибельный исход имело стремление куропалата Льва к тирании. Что же касается росов (ибо рассказ снова возвращается [к тому месту], от которого он отклонился), то они построились и вышли на равнину, стремясь всеми силами поджечь военные машины ромеев. Они не могли выдержать действия снарядов, которые со свистом проносились над ними: каждый день от ударов камней, выбрасываемых [машинами], погибало множество скифов. Эти машины охранял родственник государя, магистр Иоанн Куркуас. Заметив дерзкую вылазку

врагов, [Куркуас], несмотря на то что у него сильно болела голова и что его клонило ко сну от вина (дело было после завтрака), вскочил на коня и в сопровождении избранных воинов бросился к ним навстречу. [На бегу] конь оступился в яму и сбросил магистра. Скифы увидели великолепное вооружение, прекрасно отделанные бляхи на конской сбруе и другие украшения — они были покрыты немалым слоем золота — и подумали, что это сам император. Тесно окружив [магистра], они зверским образом изрубили его вместе с доспехами своими мечами и секирами, насадили голову на копье, водрузили ее на башне и стали потешаться над ромеями [крича], что они закололи их императора, как жертвенное животное. Магистр Иоанн стал добычей варварского неистовства и понес, таким образом, кару за [преступления], совершенные им против святых храмов, — ведь говорят, что он разграбил в Мисии много [церквей] и обратил в свое частное имущество их утварь и священные сосуды [18].

6. Ободренные такой победой, росы вышли на следующий день из города и построились к бою на открытом месте. Ромеи также выстроились в глубокую фалангу и двинулись им навстречу.

Был между скифами Икмор, храбрый муж гигантского роста, [первый] после Сфендослава предводитель войска, которого [скифы] почитали по достоинству вторым среди них. Окруженный отрядом приближенных к нему воинов, он яростно устремился против ромеев и поразил многих из них. Увидев это, один из телохранителей императора, сын архига критян Анемас [19], воспламенился доблестью духа, вытащил висевший у него на боку меч, проскакал на коне в разные стороны и, пришпорив его, бросился на Икмора, настиг его и ударил [мечом] в шею — голова скифа, отрубленная вместе с правой рукой, скатилась на землю. Как только [Икмор] погиб [20], скифы подняли крик, смешанный со стоном, а ромеи устремились на них. Скифы не выдержали натиска противника; сильно удрученные гибелью своего предводителя, они забросили щиты за спины и стали отступать к городу, а ромеи преследовали их и убивали [21].

И вот, когда наступила ночь и засиял полный круг луны [22], скифы вышли на равнину и начали подбирать своих мертвецов. Они нагромоздили их перед стеной, разложили много костров и сожгли [23], заколов при этом по обычаю предков множество пленных, мужчин и женщин [24]. Совершив эту кровавую жертву, они задушили [25] [несколько] грудных младенцев [26] и петухов [27], топя их в водах Истра. Говорят, что скифы почитают таинства эллинов, приносят по языческому [28] обряду жертвы и совершают возлияния по умершим, научившись этому то ли у своих философов Анахарсиса [29] и Замолксиса [30], то ли у соратников Ахилла. Ведь Арриан пишет в своем «Описании морского берега» [31], что сын Пелея Ахилл был скифом и происходил из городка под названием Мирмикион [32], лежащего у Меотидского озера. Изгнанный ски-

фами за свой дикий, жестокий и наглый нрав, он впоследствии поселился в Фессалии[33]. Явными доказательствами [скифского происхождения Ахилла] служат покрой его накидки, скрепленной застежкой[34], привычка сражаться пешим[35], белокурые волосы, светло-синие глаза, сумасбродная раздражительность и жестокость[36], над которыми издевался Агамемнон, порицая его следующими словами:

Распря единая, брань и убийство тебе лишь приятны[37].

Тавроскифы и теперь еще имеют обыкновение разрешать споры убийством и кровопролитием[38]. О том, что этот народ безрассуден, храбр, воинствен и могуч, [что] он совершает нападения на все соседние племена, утверждают многие; говорит об этом и божественный Иезекииль такими словами: «Вот я навожу на тебя Гога и Магога, князя Рос»[39]. Но довольно о жертвоприношениях тавров.

7. На другой день[40] на рассвете Сфендослав созвал совет знати, который на их языке носит название «комент»[41]. Когда они собрались вокруг него, Сфендослав спросил у них, как поступить. Одни высказали мнение, что следует поздней ночью погрузиться на корабли и попытаться тайком ускользнуть, потому что невозможно сражаться с покрытыми железными доспехами всадниками, потеряв лучших бойцов, которые были опорой войска и укрепляли мужество воинов. Другие возражали, утверждая, что нужно помириться с ромеями, взяв с них клятву, и сохранить таким путем оставшееся войско. [Они говорили, что] ведь нелегко будет скрыть бегство, потому что огненосные суда, стерегущие с обеих сторон проходы у берегов Истра, немедленно сожгут все [их корабли], как только они попытаются появиться на реке[42].

Тогда Сфендослав глубоко вздохнул и воскликнул с горечью: «Погибла слава, которая шествовала вслед за войском росов, легко побеждавшим соседние народы и без кровопролития порабощавшим целые страны, если мы теперь позорно отступим перед ромеями. Итак, проникнемся мужеством, [которое завещали] нам предки, вспомним о том, что мощь росов до сих пор была несокрушимой, и будем ожесточенно сражаться за свою жизнь. Не пристало нам возвращаться на родину, спасаясь бегством; [мы должны] либо победить и остаться в живых, либо умереть со славой, совершив подвиги, [достойные] доблестных мужей!»[43] Вот какое мнение высказал Сфендослав.

8. О тавроскифах рассказывают еще и то, что они вплоть до нынешних времен[44] никогда не сдаются врагам даже побежденные, — когда нет уже надежды на спасение, они пронзают себе мечами внутренности и таким образом сами себя убивают. Они поступают так, основываясь на следующем убеждении: убитые в сражении неприятелем, считают они, становятся после смерти и отлучения души от тела рабами его в подземном мире. Страшась

такого служения, гнушаясь служить своим убийцам, они сами причиняют себе смерть. Вот какое убеждение владеет ими [45].

А тогда, выслушав речь своего повелителя, [росы] с радостью согласились вступить в опасную борьбу за свое спасение и [приняли решение] мужественно противостоять могуществу ромеев. На следующий день (шел шестой день недели, двадцать четвертый [46] — месяца июля) к заходу солнца все войско тавроскифов вышло из города; они решили сражаться изо всех сил, построились в мощную фалангу [47] и выставили вперед копья. Император со своей стороны выстроил ромеев и вывел их из укрепления. Вот уже завязалась битва, и скифы с силой напали на ромеев, пронзали их копьями, ранили стрелами коней и валили на землю всадников. Видя, с какой неистовой яростью бросался Сфендослав на ромеев и воодушевлял к бою ряды своих, Анемас, который прославился накануне убиением Икмора, вырвался на коне вперед (делать это вошло у него в обычай, и таким путем он уже поразил множество скифов), опустив поводья, устремился на [предводителя росов] и, ударив его мечом по ключице, поверг вниз головою наземь, но не убил. [Сфендослава] спасла кольчужная рубаха и щит, которыми он вооружился, опасаясь ромейских копий. Анемас же был окружен рядами скифов, конь его пал, сраженный тучей копий; он перебил многих из них, но погиб и сам — муж, которого никто из сверстников не мог превзойти воинскими подвигами.

9. Гибель Анемаса воодушевила росов, и они с дикими, пронзительными воплями начали теснить ромеев. Те стали поспешно поворачивать назад, уклоняясь от чудовищного натиска скифов. Тогда император, увидевший, что фаланга ромеев отступает, убоялся, чтобы они, устрашенные небывалым нападением скифов, не попали в крайнюю беду; он созвал приближенных к себе воинов, изо всех сил сжал копье и сам помчался на врагов. Забили тимпаны и заиграли военный призыв трубы; стыдясь того, что сам государь идет в бой, ромеи повернули лошадей и с силой устремились на скифов. Но вдруг разразился ураган вперемежку с дождем: устремившись с неба, он заслонил неприятелей; к тому же поднялась пыль, которая забила им глаза. И говорят, что перед ромеями появился какой-то всадник на белом коне; став во главе войска и побуждая его наступать на скифов, он чудодейственно рассекал и расстраивал их ряды. Никто не видал его, как рассказывают, в расположении войска ни до битвы, ни после нее, хотя император разыскивал его, чтобы достойно одарить и отблагодарить за то, что он свершил. Но поиски были безуспешны. Впоследствии распространилось твердое убеждение, что это был великомученик Феодор [48], которого государь молил и за себя, и за все войско быть соратником, покровителем и спасителем в битвах. Говорят, что накануне сражения вечером произошло следующее. В Византии одной девице, посвятившей себя Богу,

явилась во сие богородица, которую сопровождали огиеииые воииы. Оиа сказала им: «Позовите мие мучеиика Феодора» — сейчас же к ией подвели храброго и смелого вооружеииого мужа. Богородица обратилась к иему со словами: «Твой Иоаии в Дористоле, о досточтимый Феодор, сражается со скифами и иаходится в крайнем затруднении; поторопись его выручить — если промедлишь, ему не избежать опасности». Тот ответил, что готов повиноваться матери своего Господа и Бога, и, сказав это, сразу же удалился. Тут же и сои отлетел от глаз девицы. Вот каким образом сбылось сновидеиие этой девушки.

10. Последовав за святым мужем, ромеи вступили в бой с врагами. Завязалась горячая битва, и скифы ие выдержали иатиска коииой фалаиги. Окружеииые магистром Вардой, по прозванию Склир, который со миожеством [воинов] обошел их с тыла [49], оии обратились в бегство. [Ромеи] преследовали их до самой стеиы, и оии бесславио погибали. Сам Сфендослав, израиеииый стрелами, потерявший миого крови, едва не попал в плеи; его спасло лишь иаступлеиие иочи. Говорят, что в этой бнтве полегло пятнадцать тысяч пятьсот [50] скифов, [на поле сражеиия] подобрали двадцать тысяч щитов и очень миого мечей [51]. Среди ромеев убитых было триста пятьдесят, ио раиеиых было немало. Вот какую победу одержали ромеи в этом сражении.

Всю иочь провел Сфеидослав в гневе и печали, сожалея о гибели своего войска. Но видя, что иичего уже иельзя предприиять против иесокрушимого всеоружия [ромеев], он счел долгом разумного полководца ие падать духом под тяжестью иеблагоприятиых обстоятельств и приложить все усилия для спасеиия своих воинов. Поэтому он отрядил на рассвете послов к императору Иоаииу и стал просить мира иа следующих условиях [52]. Тавроскифы уступят ромеям Дористол, освободят плеиных, уйдут из Мисии и возвратятся на родииу, а ромеи дадут им возможиость отплыть, не нападут иа иих по дороге с огиеиосиыми кораблями (они очень боялись «мидийского огия», который мог даже и камии обращать в пепел), а кроме того, сиабдят их продовольствием и будут счнтать своими друзьями тех, которые будут посылаемы по торговым делам в Византий [53], как было устаиовлеио прежде.

11. Император почитал мир гораздо больше войны, потому что знал, что мир сохраияет иароды, а войиа, напротив, губит их. Поэтому он с радостью приилл эти условия [росов] [54], заключил с иими союз и соглашеиие и дал им хлеба — по два медимна [55] иа каждого. Говорят, что из шестидесятитысячного войска росов хлеб получили только двадцать две тысячи человек, избежавшие смерти, а остальные тридцать восемь тысяч погибли от оружия ромеев [56]. После утверждеиия мириого договора Сфеидослав попросил у императора позволеиия встретиться с иим для беседы. Государь ие уклонился и, покрытый вызолочеииыми доспехами,

подъехал верхом к берегу Истра, ведя за собою многочисленный отряд сверкавших золотом вооруженных всадников. Показался и Сфендослав, приплывший по реке на скифской ладье; он сидел на веслах и греб вместе с его приближенными, ничем не отличаясь от них [57]. Вот какова была его наружность: умеренного роста, не слишком высокого и не очень низкого, с мохнатыми бровями и светло-синими глазами, курносый, безбородый, с густыми, чрезмерно длинными волосами над верхней губой. Голова у него была совершенно голая, но с одной стороны ее свисал клок волос [58] — признак знатности рода; крепкий затылок, широкая грудь и все другие части тела вполне соразмерные, но выглядел он угрюмым и диким. В одно ухо у него была вдета золотая серьга; она была украшена карбункулом, обрамленным двумя жемчужинами. Одеяние его было белым и отличалось от одежды его приближенных только чистотой [59]. Сидя в ладье на скамье для гребцов, он поговорил немного с государем об условиях мира и уехал [60]. Так закончилась война ромеев со скифами.

12. Сфендослав оставил Дористол, вернул согласно договору пленных и отплыл с оставшимися соратниками, направив свой путь на родину. По пути им устроили засаду пацинаки — многочисленное кочевое племя, которое пожирает вшей [61], возит с собою жилища и большую часть жизни проводит в повозках [62]. Они перебили почти всех [росов], убили вместе с прочими Сфендослава, так что лишь немногие из огромного войска росов вернулись невредимыми в родные места.

Таким образом, император Иоанн, как явствует из предыдущего рассказа, всего в четыре месяца победил полчища росов и возвратил ромеям Мисию. Он переименовал Дористол в Феодорополь в честь Стратилата мученика Феодора [63] и, оставив там надежную охрану [64], вернулся с большими трофеями в Византий. Встретив императора перед стенами, горожане преподнесли ему венцы и скипетры, отделанные золотом и драгоценными камнями. Они привезли с собою и украшенную золотом колесницу, запряженную белыми лошадьми; они просили [Иоанна] взойти на нее, чтобы отпраздновать полагающийся в таких случаях триумф. Иоанн принял венцы и скипетры, богато одарил за них горожан, но взойти на колесницу не пожелал. Устлав золотое сиденье колесницы пурпурными мисийскими одеждами и венками, он водрузил на нем вывезенное из Мисии изображение богородицы, заключающей в свои объятия богочеловеческий Логос [65]. Сам он следовал на резвом коне сзади, увенчав голову диадемой, с венками и скипетрами в руках.

Таким образом проехал Иоанн, совершая свой триумф посреди города, украшенного повсюду пурпурными одеяниями, осененного наподобие брачного чертога ветвями лавра и златоткаными покрывалами. Он вступил в великий храм божественной Премудрости и, воздав благодарственные молитвы, посвятил Богу

первую долю добычи — роскошный мисийский венец, а затем последовал в императорский дворец, ввел туда царя мисян Бориса и приказал ему сложить с себя знаки царского достоинства. Они состояли из тиары, отороченной пурпуром, вышитой золотом и жемчугом, а также из багряницы и красных полусапог [66]. Затем он возвел Бориса в сан магистра [67]. Вот каким образом император Иоанн в очень короткое время сверх всяких ожиданий одержал столь великую победу, сломил и поверг ниц своей воинской опытностью, мудрой доблестью и отвагой высокомерное бахвальство росов и подчинил ромеям Мисию [68]. Вернувшись в Византий, он провел там зиму, награждая по обычаю подданных дарами и развлекая обильными угощениями.

КНИГА ДЕСЯТАЯ

1. Когда наступило лето [1] и по всей земле установилась ясная погода, император выступил из Византия в поход против населяющих внутреннюю Сирию агаряи. Пройдя всю сухую часть пути, он переправился через Евфрат. Это величайшая из рек, пересекающих Азию, одна из тех, которые вытекают из Эдема, что известно нам из Священного писания [2]. В то время некий писарь по имени Никита, муж, достигший вершин учености и мудрости, находившийся в расцвете лет, следовал на свою беду за государем в этом походе, несмотря на то что отец просил его не делать этого, а остаться дома, лелеять старость своего родителя и всеми силами угождать ему, преступившему уже порог преклонных лет и приблизившемуся к закату жизни. Он пренебрег против долга своего увещеванием отца, не принял во внимание его наставлений и отправился в лагерь в чем был [3]. При переправе через реку водоворот увлек его на глубокое место, он соскользнул с коня и, унесенный течением, жалким образом захлебнулся в Евфрате, претерпев кару за свое ослушание [4].

А государь со всем своим воинством быстро продвигался по Сирии, и никто из врагов не выступал против него; устрашенные молвой о его наступлении, все они заперлись в своих крепостях и городках. Таким образом, Иоанн напал на укрепленный и славный город Эмет [5]; он принял сдачу города, взял с них огромный выкуп и тотчас же поспешил оттуда по направлению к Миеферкиму [6]. Это замечательный, славный город, превосходящий богатствами и стадами все другие поселения в тех местах. Он и этот город принудил к сдаче и, взяв с его жителей прекрасные многочисленные дары, состоящие из золота, серебра и расшитых золотом тканей, направился к Нисибису [7], где великий Иаков, стоявший у кормила епископии, сдержал некогда натиск персов, подошедших к городу с большим войском, — он напустил на них рой

мух и комаров, тотчас же обратил их в бегство и таким образом победил врагов [8]. Император нашел город пустым: жители, напуганные вторжением ромейского войска, покинули его и убежали в глубь страны.

2. Пройдя и подчинив ромеям соседнюю область, [Иоанн] поспешил к Экбатанам [9], где установлена власть агарян [10]. Там было несметное количество серебра, золота и всяких иных богатств; Иоанн намеревался внезапным ударом овладеть городом. Говорят, что в Экбатанах больше золота и сокровищ, чем во всех других городах, находящихся под солнцем. Причина этому та, что экбатанцы обогащаются за счет многих стран, а сами до сего времени не испытали ни одного вражеского нашествия. Но недостаток воды и необходимых припасов удержали Иоанна от нападений на город. В тех местах простирается пустыня, именуемая Карманитидой [11]; в ней нет источников, и ничего не произрастает, она суха, безводна: путь по ней неровен и труднопроходим. Поэтому он вернулся в Византий, везя с собою полученные от агарян дары — на триста мириад серебра и золота. С торжеством провез он по площади золото, серебро, серские ткани [12] и ароматические вещества и прочие дары, взятые у агарян, горожане смотрели и дивились их множеству, восторженно встречали его, провожали приветственными кликами во дворец и прославляли его победы.

Тем временем епископы [13] из зависти оклеветали перед императором патриарха Василия, будто он обещает верховную власть какому-то из могущественных лиц и что в управлении церковью он не соблюдает установления божественных канонов. Патриарх был вызван в императорский дикастирий. Но так как он не явился, а настаивал, чтобы был созван вселенский собор, на котором он опровергнет [выдвинутые против него] обвинения (боговдохновенные предписания святых отцов требуют, чтобы для низложения патриарха созывался вселенский собор), то император сослал его в построенный им же монастырь, расположенный на Скамандре [14]. А был он мужем как бы бесплотным, изможденным; с младых ногтей предавался он подвигам отшельничества, носил зимою и летом одну и ту же одежду, не снимал ее, покуда она не истлеет и не станет негодной к употреблению; он не вкушал никакой еды и питья, кроме воды и сока древесных плодов. Говорят, что во все время своего подвижничества он спал не на ложе, а на полу. Единственным недостатком его считали то, что он слишком много стремился разузнать об образе жизни и нравственности людей, слишком много хотел разведать и совершенно попусту собирал сведения.

3. После того как Василий был приговорен к ссылке, кормило патриаршества взял в свои руки Антоний [15], муж, который с юности принял монашество в Студийском монастыре [16] и вел апостольский образ жизни. Он не носил ничего, кроме того, что нужно для покрытия тела, хотя вельможи и сами государи щедро

награждали его за присущую ему добродетель. Не только [эти дары], но и все, что он получал сообразно своему сану (ибо прежде был он почтен саном синкела[17]), он раздавал бедным, подражая в милосердии Богу, а божественной и мирской ученостью будучи богат более других. В глубокой старости лицо и осанка его сияли чудодейственной прелестью. Всякий изнеженный и исполненный суетной гордыни человек, придя к нему, сразу же убеждался в том, что жизнь — тень и сон[18], и удалялся укрепившимся в благоразумной умеренности, а всякий, кто влачил жизнь, полную непоправимых бедствий, от которых не чаял избавиться, учился у него не унывать в скорбях и прибегать к тому, кто может уберечь от бед, и искать там спасения[19]. Таким, если говорить о главном, был по образу жизни и речам Антоний, муж божественный и ангелоподобный[20].

В это время по всему ромейскому государству бродили два брата-близнеца, родом из Каппадокии. Странное и удивительное представляли они зрелище; я сам, составитель этой [истории], часто видел их в Азии[21]. Члены этих близнецов были невредимы и соразмерны, по бокам они срослись от подмышек до бедер, так что тела их составляли одно целое. Соприкасающимися руками они обнимали друг друга за шеи, а в свободных руках держали палки, на которые опирались во время ходьбы. Им было по тридцати лет, и они были хорошо сложены, полны сил и имели цветущий вид. В дальних путешествиях они передвигались на муле, сидя по-женски в седельном кресле. Нрава они были необыкновенно мягкого и кроткого. Но довольно об этих близнецах.

4. Когда снова засияла весна[22], император Иоанн собрал ромейские силы, надежно вооружил их, выступил из столицы и прошел через Палестину, счастливую страну, текущую, как говорят пророки, молоком и медом[23]. Он подступил к укреплению, называемому по-сирийски Мемпеце[24], подчинил его войной и всякими хитростями и взял как дар небес найденные там сандалии Спасителя Христа, а также волосы святого Предтечи и провозвестника[25]. Сандалии он поместил как драгоценное сокровище в знаменитом храме богоматери, воздвигнутом в императорском дворце[26], а волосы — в храме Спасителя, который был основан самим [Цимисхием]. Выступив оттуда, он подошел к сильной, неприступной крепости Апамее[27]. В несколько дней он взял и подчинил эту крепость, а затем направился с войском к Дамаску. Жители Дамаска встретили императора у ворот этого торгового города с богатыми дарами в руках, надеясь успокоить его гнев и склонить к милости[28]. [Иоанн] обязал их платить установленные подати и покорил ромейской власти, а затем выступил оттуда, пересек Ливан (этот длинный утесистый горный хребет простирается в тех местах, отделяя Палестину от Финикии) и, пройдя по самому хребту, взял внезапным приступом сильно укрепленный город Борзо[29]. Выступив оттуда, он спустился

в Финикию, захватил крепость Валанею[30] и осадил Верит[31]. Найдя в Верите изображение распятия Христа, он, забрав его оттуда, отправил в построенный им храм Спасителя.

5. Говорят, что с этой божественной иконой произошло необыкновенное чудо[32]. Некий муж, исповедовавший христианское вероучение и проживавший в одном из домов Верита, водворил в этом доме упомянутую икону и почитал ее. Спустя некоторое время он будто бы переселился в другой дом, а об иконе как бы по воле божественного провидения забыл и оставил ее в прежнем жилище. Это помещение заиял какой-то иудей с намерением в нем поселиться; на следующий день он угощал там некоторых своих единоверцев. Войдя в дом и увидев на стене изображение Спасителя, распятого на кресте, иудеи якобы начали осыпать хозяина проклятиями за то, что он отступил от их веры и стал исповедовать христианство. Тот клятвенно заверял их, что он до того времени не замечал этой иконы. Тогда нечестивцы ему сказали: «Ежели ты не признаешь христианской веры, то докажи это на деле — возьми копье и пронзи на изображении бок назарея точно так же, как наши предки пронзили его, распятого на кресте!» Иудей схватил в руки копье и, воспламенившись гневом и испытывая сильное желание уверить гостей в своей правоте и снять без промедления нависшее над ним обвинение, проткнул на иконе бок. Как только копье задело икону, потекла в обилии кровь, смешанная с водой[33]. Это страшное зрелище привело бесчестных иудеев в оцепенение. Когда распространилась молва о случившемся, христиане вторглись в дом еврея, схватили святое распятие Спасителя, еще сочащееся божественной кровью, поместили его в священном храме и стали воздавать ему величественное служение. Взяв оттуда этот богочеловеческий образ, император, как я уже говорил, отправил его в Византий.

6. С боем захватив Валанею и Верит, [Иоанн] подошел к Триполису[34]. Этим городом император не мог овладеть сразу, потому что он расположен на крутом холме и огражден со стороны материка прочными стенами; с другой стороны он омывается морем, имеет пристань и безопасную, укрытую от непогоды гавань. Отступив оттуда, [Иоанн] пошел вдоль берега и стал занимать по пути прибрежные местечки.

В это же время, в начале месяца августа, появилась хвостатая звезда[35] — нечто божественное, небывалое и превышающее человеческое разумение. Ничего похожего не видели в наш век, и никогда прежде не случалось, чтобы подобное явление длилось столько дней подряд. Появившись на северо-востоке, комета поднималась в форме гигантского кипариса на огромную высоту, затем постепенно уменьшалась в размерах и склонялась к югу, пылая сильным огнем и распространяя ослепительные, яркие лучи. Люди смотрели на нее, преисполнившись страха и ужаса. Появившись, как я сказал, в начале августа, комета была видна

целых восемьдесят дней, восходя в середине ночи и светясь до самого утра. Видя это непостижимое чудо, император спрашивал у изучающих небесные светила, что может означать такое странное явление. Эти люди неправильно истолковали появление кометы, не так, как требовало их искусство, а согласно желаниям государя: они пообещали ему победу над врагами и долгие дни жизни. Ложное предсказание дали логофет и магистр Симеон и проедр Никомидии Стефан[36], мужи наиболее знаменитые из тогдашних мудрецов. Однако появление кометы предвещало не то, что предсказали эти мужи в угоду императору, а пагубные мятежи, вторжения иноплеменников и гражданские войны, бегство [населения из] городов и областей, голод и мор, страшные землетрясения и почти полное уничтожение ромейской державы — все то, что мы узнали по дальнейшему ходу событий.

7. После переселения императора Иоанна из этой жизни[37] магистр Варда, по прозванию Склир[38], обуреваемый жаждой власти и алчностью, обольстил и одурачил многочисленную и легковерную толпу, замыслив опасный мятеж против правителей[39]. Четыре года передвигался он по Азии, опустошая огнем целые области, уничтожая города, прогоняя и яростно истребляя выступавшее против него ромейское войско. Первое поражение потерпело воинство ромеев под начальством патрикия и стратопедарха Петра[40], когда произошла битва в граничащей с землею армян Лапарской долине[41], где и сам патрикий Петр, пораженный копьем, упал с коня и прямо посреди строя испустил дух; погибло вместе с ним и множество воинов.

Второе поражение [ромеи потерпели] под начальством магистра Варды Фоки[42], который, получив от правителей достоинство доместика схол, выступил против Склира в Панкалию — это удобная для передвижения верхом долина недалеко от Амория[43]. В этой битве Фока был поражен древком копья в голову, упал с лошади и распростерся на земле. Он был бы схвачен врагами и бесславно убит, но неприятели не знали его в лицо и не обратили на него внимания, как на одного из многих, а наступившая ночь спасла полководца. Склир же, гордясь и кичась такими победами, стал считать себя неотразимым и непобедимым[44]. После этого он взял приступом Никею[45], Авидос и Атталию[46], подчинил себе все владения ромеев в Азии[47], захватил множество триер, стал господствовать на море и причинил большой вред купцам и даже самой столице, не давая возможности приплывать, как прежде, судам с хлебом. Это длилось до тех пор, пока правители не выслали тайно из Византия огненосные корабли. Начальствовавший над ними магистр Варда Парсакутин[48] неожиданно пристал к Авидосу, зажег корабли тирана, перебил находившихся там воинов и овладел крепостью. Вслед за тем Фока набрал многочисленный отряд воинов[49], напал на Склира, победил его и заставил бежать в Экбатаны[50], к агарянам.

8. Когда грабительская шайка Варды Склира была полностью рассеяна, император Василий [51] собрал войско и выступил против мисян. Это дикое, жестокое племя помышляло только об убийствах; оно наносило вред ромейскому государству, немилосердно опустошая Македонию и уничтожая всех людей цветущего возраста [52]. Поэтому [Василий], побуждаемый более горячностью, чем благоразумием [53], торопился одним ударом покорить [Мисию]. Но из-за несправедливости судьбы он обманулся в своих надеждах.

Совершив путь по узким, крутым тропам и приблизившись к городу Сардике, который скифы обычно именуют Тралицей [54], [Василий] разбил вблизи него лагерь и двадцать дней осаждал город. Но он не имел в этом деле успеха, так как войско склонилось из-за непригодности стратигов к беззаботности и лени. Сначала, когда ромеи вышли из лагеря в поисках зеленой травы и сена, мисяне напали на них из засады, учинили страшное побоище и увели множество вьючных животных и лошадей. Затем произошло следующее: осадные орудия и другие машины ввиду неумелости тех, кто их подводил к стенам, не действовали и были сожжены врагами; кроме того, воины чрезмерным потреблением израсходовали взятые с собою припасы и стали испытывать нужду во всем необходимом; поэтому император, собрав снаряжение, направился со всем войском в Византий. После целого дня пути он расположился лагерем в лесной чаще и дал воинам отдых. Еще не прошло время первой ночной стражи, как вдруг с восточной части неба устремилась на лагерь довольно большая звезда; озарив шатры ярким светом, она упала на западе у самого рва и, рассыпавшись множеством искр, погасла.

Падение этой звезды предвещало истребление войска. Всякий раз, когда происходит подобное падение звезды, предвидится полное уничтожение всего, там находящегося. Это убедительно подтверждает звезда, упавшая на троянское войско как раз тогда, когда Пандар направлял стрелу в Менелая [55], — ведь в тот же самый день фаланга троянцев была обращена ахейцами в постыдное бегство. Всякий, следуя за указаниями истории, обнаружит, что и во время ромейских войн часто бывали подобные случаи, когда войско гибло на том же месте, где появлялось знамение. Да и сами мы видели, как такая же [звезда] упала на дом проедра Василия, и спустя недолгое время после этого он ушел из жизни, а состояние его было предано разграблению и расхищению [56]. Но достаточно о появлении звезды.

На следующий день войско проходило по лесистому, изрытому пещерами ущелью; едва пройдя его, оно попало в изобилующее расселинами, трудно проходимое место; там на ромеев напали мисяне, перебили большую часть воинов, захватили шатер императора, казну и весь обоз. Был там и я, рассказывающий с горечью об этом; на беду мою я сопровождал правителя, неся

службу дьякона [57]. Едва не поскользнулись стопы мои [58], и я стал бы добычею скифского меча, если бы не избавило меня от этой опасности некое божественное попечение, внушившее мне быстро погнать коня, взобраться по склону ущелья, покуда он не занят врагами, и поспешно достичь вершины горы. Остатки войска с трудом нашли спасение в бегстве по непроходимым горам от преследовавших мисян и вернулись, потеряв почти всю конницу и обоз, в ромейские пределы [59].

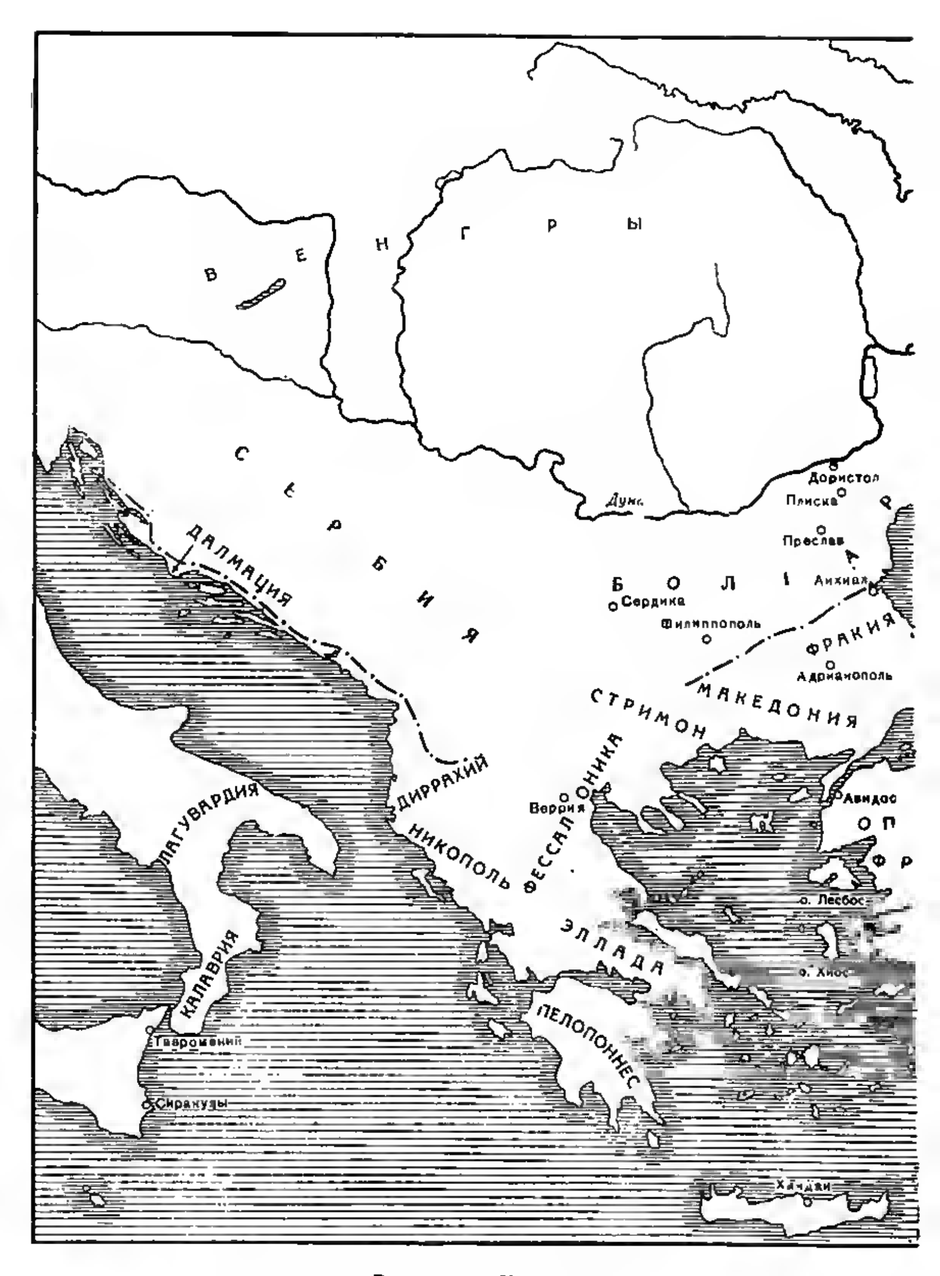
9. Еще не успели опомниться от этой беды, как магистр Варда Фока поднял мятеж [60] против правителей, подчинил себе войско ромеев, находившееся в Азии, занял все морские пристани и города, кроме Авидоса, привел множество кораблей и загородил ими Геллеспонтский пролив, не давая грузовым судам прохода к столице, и высадил на берег у Авидоса большое войско под начальством магистра Льва Мелиссина [61] для охраны своих триер и для осады этого города. Затем он возвел перед Византием сильное укрепление на Хрисопольском холме [62] и направил туда немалое конное и пешее войско, начальником которого назначил своего брата, патрикия Никифора, а также патрикия Калокира, по прозванию Дельфин [63]. Но император Василий, переправившись с большими силами через Босфор [64], победил их в бою и захватил в плен; брата Фоки Никифора он заковал в цепи и заключил в темницу, а Калокира Дельфина там же, на Хрисопольском холме, на том самом месте, где был разбит его шатер, посадил на кол. Варда Фока, узнав о гибели войска у Хрисополя и о том, что брат его пленен и заключен в тюрьму, а Дельфин посажен на кол, собрал все свои силы и, придя в Авидос, пытался захватить тамошнюю крепость и переправиться в Европу, чтобы покорить ее себе.

Узнав, что тиран подошел к Авидосу [65], император Василий собрал находившееся при нем войско, вооружил огненосные корабли и выступил против него. Перейдя Геллеспонт, он раскинул на равнине перед Авидосом царский шатер и, ежедневно наставляя и упражняя фалангу, размышлял о том, как подступиться к мятежнику. И вот однажды ночью он, разбив войско на отряды, двинулся по морскому берегу на врагов; к рассвету, не переставая их истреблять, он сжег все неприятельские триеры. Варда Фока, пораженный внезапным приближением и нападением императора, вышел из укрепления навстречу ему: сражаясь в пространстве между двумя войсками, он внезапно свалился с лошади, и ему отсекли голову [66]. Гигантское тело его погребли в Авидосе, а надетую на копье голову доставили в столицу, с торжеством пронесли по улицам, и отправили затем к мятежникам в Азию. Так прекратилось это возмущение и наступило глубокое спокойствие [67].

10. И на другие тягчайшие беды указывал восход появившейся тогда звезды [68], а также напугавшие всех огненные столбы [69], ко-

торые показались затем поздней ночью в северной части неба; ведь они знаменовали взятие тавроскифами Херсона[70] и завоевание мисянами Веррии[71]. И сверх того, звезда появлялась на западе при заходе солнца, восходя по вечерам, она не имела какого-либо постоянного места на небе. Распространяя яркие, видные на далеком расстоянии лучи, она часто передвигалась, показываясь то севернее, то южнее, а иногда за время одного и того же восхождения меняла свое положение на небе, производя внезапные, быстрые движения. Люди, смотревшие на комету, удивлялись, страшились и полагали, что ее странные перемещения не приведут к добру. И случилось как раз то, чего ожидал народ. Вечером того дня, когда обычно праздновалась память великомученика Димитрия[72], страшное землетрясение, какому равного не бывало в те времена, опрокинуло башни Византия, повалило множество домов, которые стали могилами для их обитателей, соседние с Византием селения разрушило до основания и причинило смерть многим деревенским жителям. Помимо этого, оно разрушило и сбросило на землю купол и западный свод великой церкви; император Василий восстановил эти разрушения потом в шесть лет[73]. И крайне бедственный голод, болезни, засухи, наводнения и бурные порывы гибельных ветров [случились тогда]. Именно в то время в районе Евтропия[74] был сокрушен напором воды столп, и стоявший на нем монах[75] страшным образом захлебнулся в морских волнах. И неплодородие земли и все обрушившиеся бедствия свершились после падения звезды. Но это в свое время разъяснит история по порядку[76].

11. Между тем император Иоанн, выйдя из Сирии (я возвращаюсь к тому месту, от которого отступил в сторону), шел по направлению к Византию, по пути он увидел угнетаемые проедром и паракимоменом Василием Лонгиаду[77] и Дризу[78], благодатные, цветущие области, которые ромейское войско отвоевало ранее для империи ценой обильного пота и крови. Как и следовало ожидать, император испытал печаль и досаду; он порицал корыстолюбивую жестокость [проедра]. Опасаясь гнева повелителя, Василий не мог возражать ему открыто, но втайне посмеялся над его словами; видя, что впал в немилость, [проедр] замыслил устранить его каким-либо образом[79]. Когда император прибыл в равнину Атроады[80], прилегающую к Олимпу[81], он остановился в доме патрикия Романа[82], украшенного достоинством севастофора[83]. Там, говорят, какой-то евнух из слуг, то ли сам нерасположенный к императору, то ли прельщенный и совращенный обещаниями даров[84] со стороны тех, которые из зависти к хорошему стремятся к переворотам (об этой второй причине больше говорят, чем о первой, и больше ей верят), подал императору отравленный напиток, а тот, ничего не подозревая, выпил яд как полезное для здоровья питье[85]. На следующий день члены его одеревенели и всем телом овладела слабость, а искусство врачей оказалось пу-

Византия X века

ПЕЧЕНЕГИ
ХАЗАРЫ
МЕОТИДА
Мирмекий
Боспор
Херсон
ПОНТ ЭВКСИНСКИЙ
ПАФЛАГОНИЯ
АРМЕНИАКИ
ХАЛДИЯ
Амисия
Колония
КОЛОНИЯ
Константинополь
Клавднополь
ОПТИМАТЫ
ВУКЕЛЛАРИИ
СЕВАСТИЯ
МЕСОПОТАМИЯ
Эмет
Тигр
Никея
СИКИЙ
Дорилей
ХАРСИАН
ЛИКАНД
Кесария
Нисибис
Аморий
КАППАДОКИЯ
АНАТОЛИКИ
Пирам
Аназарва
Эдесса
Сар
Мопсуэстия
Адана
Тарс
СЕЛЕВКИЯ
Евфрат
Каистр
Эфес
КИВИРРЕОТЫ
Атталия
Антиохия
Ворзо
Валенея
Арка
Оронт
Триполис

стым и тщетным — они не могли распознать признаки этого внезапного заболевания [86].

Почувствовав, что вдруг иссякла его гигантская сила, император поспешил вернуться в Византий: он торопился в построенный им самим храм Спасителя, желая, чтобы как можно скорее был закончен готовящийся для его тела гроб. Продвигаясь весьма быстро, он прибыл в Византий уже обессиленный, с затрудненным, прерывистым дыханием и был великолепно принят горожанами. Едва вступив в императорский дворец, он слег в постель, пожираемый ядом. Сознавая, что ему не поправиться от такого бедствия, ибо ужасная отрава безжалостно сжигала его внутренности, он стал щедро черпать из царской казны и раздавать беднякам, а особенно прокаженным и тем, тела которых изъедены священной болезнью [87] (он с бо́льшим состраданием относился к ним, чем к прочим несчастным). Позвав проедра Адрианопольского Николая [88], мужа почтенного и святого, он открыл ему все грехи своей жизни. Проливая ручьи слез, он смывал в их потоке мерзости и грязь прегрешений и взывал к богородице, моля ее стать его заступницей [89] в день суда, когда перед сыном ее и Богом будут взвешены на непогрешимых весах все деяния смертных. Исповедовавшись таким образом, государь, не сомневаясь разумом и горюя душою, ушел из этой жизни и перешел к покою иного мира десятого января, четвертого индикта, шесть тысяч четыреста восемьдесят пятого года [90], похоронен он был в храме Спасителя при Халке, который он сам пышно воздвиг от самого основания. Такой конец жизни обрел император Иоанн, муж небольшого роста, но геройской силы, который в боях был доблестен и непобедим, в опасностях же храбр и бесстрашен. Прожил он всего пятьдесят один год, а государственную власть удерживал в своих руках шесть лет и тридцать дней [91].

ДОПОЛНЕНИЯ

ЭНКОМИЙ, ИЛИ ЛЬВА ДИАКОНА К ИМПЕРАТОРУ ВАСИЛИЮ СЛОВО [1]

1. Следовало бы, не прибегая в качестве спутника своего рвения к слову, благороднейший царь, оставаться в привычном безмолвии и не вызывать у слушателей вместо похвал и рукоплесканий невольный смех [2], пытаясь как бы нечистыми руками [3] — так об этом принято говорить — вознести к небесам лучшее из своих речей; одним лишь тем, я полагаю, по справедливости дозволено чем-либо восторгаться, кому выпало на долю не только проявлять рвение, но и произносить нечто приличествующее случаю.

2. Но так как [военные] трофеи и удивительные победы [4] твоей благородной и в сущности наиболее царственной души сильнейшим образом возбудили к восхвалению не только тех, кто искусен в речах и обучен стрелять деяниями, но и тех, кто лишь в малой степени причастен к какой-либо из этих [доблестей], я, будучи человеком неблагородной души, ничему мужественному и замечательному не обученной, счел, однако, что было бы чудовищно не внести свою лепту в общую сокровищницу, оказаться единственным из всех, кто не стал данником.

3. Достойны порицания, я полагаю, как те, которые приносят военачальникам в конце раздела добычи то, что им досталось в начале, так и те, которые, забыв науку составления и произнесения речей, не воздают правителям совершенно необходимых славословий [5]; их ведь самих из-за этого обходят молчанием; впрочем, и древние, я думаю, признавали, что каждому желающему позволительно возвеличивать и прославлять наилучшим образом [события и дела], имеющие к нему отношение.

4. Вот почему, смело полагаясь на твое человеколюбие, я устремился на состязание в восхвалении твоей особы, хотя отнюдь не часто получал призы за подобное на Олимпиониках, потому что надевал на уста намордник молчания [6], который служил как бы оковами для моего языка.

5. Обычно в изысканных оборотах речей такого рода сначала перечисляют доблести минувшего процветания и [подвиги] предков, а затем уже на восхваляемого обращают хвалу. Но напрасной и вовсе бесполезной [манерностью] кажется мне поступать так в отношении твоих деяний. Зачем расточать время, пускаясь в тонкие рассуждения о том, что всем очевидно? Не признавать доблестей и побед твоих предков, могущественный царь, это все равно, что [не признавать] Солнце. Но от столь прекрасных прекрасным, если сказать словами Платона [7], ты родился и [пра-

вильно] рассудил, что их доблесть недостаточна, чтобы ей можно было соперничать с твоей. Если бы не оказалось, что ты по крайней мере трудами превосходишь их, ты счел бы себя оскорбленным.

6. И вот, как только ты достиг такого возраста, когда, как правило, естество не умеет распознать многое в происходящем, — именно в этом возрасте огромное, разноцветное, разноголосое, похожее на описанную поэтами Лернейскую многоглавую гидру [8] бурлит скопище страстей, и каждая страсть, будто в узких протоках сталкиваясь с другими, бесится сама по себе и, как ураган, низвергает вырвавшихся из бездны — ты с самого начала обнаружил, какой высокой степени достигнут твои добродетели.

7. Ты ведь ни к наслаждению, ни к ярости, ни к иного рода зверству не склонялся, а, как и подобает царю, руководимый умом-наставником, принудил к смирению бурное волнение возраста, подобно тирании, ниспровергнув владычество страстей, примкнув к царственнейшей из добродетелей, [той самой], за которой, как за старшей, последовали три ее сестры [9], все противное прочь отринув.

8. Ты до того возвысился, что стал образцом и мерилом и, более того, честью царства благодаря величию нрава и прямоте [10] действий *... на этот прославленный трон, который занимали твои пращуры, ты, руководимый Всемогущим, воссел, и я не могу сказать даже рогом ли Амалфеи [11], жизнью ли всего мира, текущей ли золотом рекой или страной, изобилующей наичудеснейшими цветами, было то, чем ты одарил царство уже одним тем, что занял трон. Ведь оно погибало от противозаконных домогательств нарушителей престолонаследия [12], едва-едва лишь дышало, и следовало его оживить и старинной родовитости возвратить.

9. А когда твоя власть достигла далеко не заурядной мощи [13], ты решительно ничем не стал себя возвеличивать, ты не возгордился из-за ее бремени и достоинства, которые другого, вероятно, привели бы к беде из-за неустойчивости разума. Не тебя, однако, могущественный царь. Как же! У тебя ведь повелось, как у древних, отличавшихся здравым, твердым благоразумием: ты охотно прибегаешь к спокойному, невозмутимому размышлению. Ты ведь не позволил благородству души устремиться, подобно неустойчивому судну, в [пучину] наслаждений, а в корне изменил природу удовольствий, так что стал утонченным мыслителем и ввиду этого не имел надобности противостоять наплывам страстей.

10. Кто оказался столь несклонным к наслаждениям и столь суровым к чувственному желанию, как ты, не устраняющий вовсе тех из числа подданных, которые споткнулись (подобно неумолимым врачам, отрезающим гниющие части тела), а поступающий

* *Пропуск в оригинале.*

наоборот: словами исцеляя [2*]... ты вновь человеколюбивейшим образом обращаешь их на то служение, которое им первоначально было предназначено [14]. Ты ведь отлично знаешь, что хороший человек должен показать несправедливость совершенного [по отношению к нему], не воздавая злом, но [наоборот] творя добро.

11. То, что от добродетели, божье, а то, что от самовластия, адово. Кто тот, который справедливым суждением и безошибочным замыслом вывел к пользе и верно направил подданных, так что они не обкрадены в своих помыслах, и чуждым воинственности и отваги не предлагается действовать в военной сфере, а не отличающимся мудростью и способностью к управлению не поручаются государственные дела, но то и другое распределяется уместно и ко взаимной выгоде?

12. А кто непогрешимым законом, словно каленым железом, сокрушил и прекратил, не дав ей чрезмерно распространиться, тираническую волю и своекорыстную силу, низринувшуюся, чтобы вершить зло ближним, и, подобно прожорливой пиявке, пожиравшую, не испытывая пресыщения, чужое добро?[15] И ныне уже не видно ни притеснителей, ни притесняемых, и никогда в жизни не будет достойного трагедии зрелища людей, под ничтожным, случайным предлогом от родной семьи угоняемых. Только ты один сумел мужественно противостоять безудержному напору и мощным усилием погасить всеобщий пожар.

13. Но я незаметно для себя стремлюсь измерить чашей воду в Ниле; я думаю, что легче переплыть на дырявом судне Атлантический океан, чем рассказать, как следует, о силе и величии твоих добродетелей. Однако, уступая тем, кому на роду написано прославиться в столь важном деле, я добавлю к своей речи нечто едва не пропущенное мною, которое превосходит деяния большинства людей.

14. И пусть не представляется то, что я говорю, приукрашиванием или распространяющей бессодержательную угодливую лесть небылицей: ведь истина со временем выходит наружу, и давность никогда не бывает союзницей лжи. Я полагаю, что все ясно и отчетливо видят одно, разве только кто-либо умышленно вследствие зависти заливает свое внутреннее око гноем. Я говорю о заботе, которой ты ежедневно окружаешь голодающих, о терпящих холод, изнуряемых нуждой, находящихся на грани смерти, которых ты не только привел под кровлю, но и снабдил в достатке пищей; ты еще и теперь не перестаешь их оделять щедрой лептой своей доброты.

15. Вот что утверждают непогрешимые судьи всего сущего: лишь одно общее свойственно богу и человеку — творить добро, но богу — в большей степени, а человеку — в меньшей, каждому соответственно отмерено; ты же эти свойства полностью в себе

[2*] *Пропуск в оригинале.*

соединил и с самим богом, если смелость позволит так говорить, сравнился великодушием, устремив кормило [правления] целиком на добрые дела, черпая из казнохранилищ для неимущих столь щедро, что, может статься, до самого дна их опорожнишь. И прежде солнце перестанет распростирать свои лучи над землей, чем ты прекратишь эти раздачи.

16. Бурный поток, струящийся прозрачной и чистой влагой, стремится охватить кольцом как можно больше земли, чтобы избавить ее от губительного воздействия знойной засухи; обильно увлажняя [почву], он чарует нас и сулит тучную зрелость плодам. Так и ты в своем несравненном сострадании щедро оделяешь милостью просителей и, обильно орошая их жажду пожертвованиями, не позволяешь горнилу нищеты чрезмерно раздуваться и пожирать своим огнем все, что ни попадется. И поэтому теперь всякий желающий может увидеть, как еще недавно изнуренные болезнью люди с бледной, как у мертвецов, кожей, обретая прирожденную силу, стремительно несутся и надуваются от распирающих их, вопреки всем ожиданиям, призывных возгласов, обращенных к жизни.

17. Но где ныне блестящие законодатели красноречия, гордящиеся тем, что изяществом периодов и колонов и чрезмерным восхвалением деяний превознесли прославляемых ими, поминающие каких-то Ксерксов, Александров, да еще Камбизов и Помпеев? Я думаю, что если бы они [сейчас] жили, то были бы вконец повержены твоими благородными делами и претерпели бы совершенно то же самое, что претерпевает луна. Она очень привлекательна в середине месяца, когда, не затененная тучами, далеко простирает сияние, зажженное на благо путникам, но как только утреннее светило появляется над горизонтом и начинает свой путь к высшей точке небесного свода, темнеет, и кто посмотрит на нее, видит тусклый, неясный диск, подобный гаснущему фитилю; вот так и совершенное тобой возвысилось и возвеличилось над тем, что [совершили] другие.

18. Да кто же отважится сравнить твои деяния с деяниями других, чтобы выяснить, сколь велика между ними разница? Я не думаю, чтобы он был в состоянии не сбиться со счета, разве только, как говорится, у него, словно в комедии, «глаза — гноятся гнилой тыквой» [16]. Ты опытностью превосходишь самых отважных, а отвагой души — самых опытных, и более того, отвагой — самых отважных, а опытностью — самых опытных, и тех и других — разительно. Столь большим числом великих прелестей ты осиян, так украсил подлунный мир; так блистательно, соединив в себе изобилие душевных благ, озаряешь своим светом подданных.

19. Вот какую невнятную речь я сочинил для тебя, могущественный царь, не имея смелости употреблять изящные и благородные слова, не извергая из себя ничего вполне ясного и вполне обстоятельного, но в одно и то же время и платя тебе благодар-

ностью за то добро, которое ты мне сделал — ты ведь меня, ничтожного, не обошел вниманием, а причислил к своим слугам [17], вследствие присущей тебе снисходительности, на которую тебя окрыляют твои самобытные и самодовлеющие душевные свойства — столь глубоко укоренилась в тебе неутолимая жажда творить добро, что скорее кто-либо откажется просить, чем ты раздавать и оделять — и признанную долю в общее дело, как следовало по обычаю, внося.

20. Так наслаждайся же этим, благороднейший царь, отличайся щедростью и впредь [18], и пусть не снаружи лишь без пользы ушей твоих достигает, но в глубине души твоей живет и неизмеримо ширится величие царской власти, и пусть дуновение полного благоденствия и счастье распространяется на твое правление свыше, чтобы аромат процветания и подданных освежал и свершение всех мыслимых радостей являл.

ЦАРСТВОВАНИЕ РОМАНА, СЫНА КОНСТАНТИНА БАГРЯНОРОДНОГО *

1. Император Роман остался автократором после смерти своего отца Константина Багрянородного, будучи 21 года от роду, причем его сыну Василию Багрянородному был один год; вместе с матерью Еленой и женой Феофано он вступил на престол шестого ноября шестого индикта, в год от сотворения мира шесть тысяч четыреста шестьдесят девятый [2*]. И тотчас же спальников и приближенных слуг своего отца почтив достоинством патрикиев и протоспафариев и возвысив другими чинами, обогатив из казны, удалил из императорского дворца. Он подобрал других лиц и назначил их управляющими делами и первыми в синклите, причем Иосифа патрикия, препозита и друнгария флота, он скоро почтил саном паракимомена и предоставил ему всю власть и заботу о подданных. Протоспафария Иоанна по прозванию Хирин [Роман] назначил патрикием и великим этериархом, поручив ему охранять государя от подозрительных людей. И из сакеллариев назначил эпархом города протоспафария Сисиния, очень умного и способного к ведению государственных дел, которого очень скоро возвел в звание патрикия и на должность логофета геникона, а эпархом города вместо него сделал патрикия Феодора по прозванию Дафнопат из военных чинов. Именно этот Сисиний, будучи эпархом города, своей справедливостью и законностью прославил священный преторий [3*]. И можно было видеть, как

* *Продолжатель Феофана.* С. 469—481.

2* Дата неверна; выше сказано, что Константин умер в третий индикт, т. е. в 6468 г.

3* Высший суд в городе.

вокруг его судейского кресла стояли те, которые приводили доводы и отвергали обвинения в повторных процессах и при пересмотре приговоров по недоказанным обвинениям, и поэтому [у Сисиния] каждый сам собой мог добиться справедливости при неправедных обвинениях. Но самодержец дал эпарху помощников по выбору и свидетельству и паракимомена Иосифа, и эпарха Сисиния, а именно асикрита Феофилакта по прозванию Мацицик и Иосифа, спафарокандидата и судью, которого потом сделал логофетом претория. Они при благосклонном к ним отношении со стороны эпарха очень много сделали полезного государству.

2. Теперь следует рассказать относительно державных забот государя. Тотчас же были направлены дружественные грамоты ко всем высоким должностным лицам и императорским стратигам ромеев, а также [повелителям] Болгарии и народов Запада и Востока, и все воодушевленно прославляли самодержца с [пожеланиями] счастья и [надеждой на] благосклонность, и приносили изъявления в своей дружбе и мире.

Нужно сказать и о гражданах. Император Роман полюбил [ту страну,] которая дана ему в управление, словно родительницу, и выше всего в ней он ставил [знатные] роды. Поэтому он выделил благородную по происхождению и чистокровную знать и возвысил, одних почтив титулами, а других великолепными пожалованиями. Иногда он делал их сотрапезниками, раздавал деньги, еще сильнее привлекал их пылкую преданность, предпочитая множеству сторожей и охранников — их благорасположение.

3. Сестер своих, Зою, Феодору, Агату, Феофано и Анну, он из императорского дворца выселил в [помещение] Каниклея, где августа София, жена императора Христофора, после пострижения вела монашескую жизнь, — и велел постричь в монахини. Елена, мать Романа, и эти [сестры] рыдали и умоляли, сжимали друг друга в объятиях и висели на шее, хотя и ничего не добились бессмысленными и пустыми слезами. Император через немного дней снова их переселил: Зою, Феодору и Феофано он определил в [монастырь] Антиоха, Агату же отправил в монастырь, основанный и построенный Романом, царствовавшим в то время, дедом императора, и постановил обслуживать их так, как полагалось и во дворце.

4. Доместика схол Никифора Фоку он почтил саном магистра и послал на Восток против отрицающих Христа. И его брата, патрикия Льва, он назначил стратигом, а немногим позднее его же назначил магистром и доместиком Запада. И можно было видеть, как государь стал развлекаться, проводя все время в деревнях в псовых охотах и гоне. Он почти полностью устранился от императорского двора и предоставил двум братьям всю заботу о войске, а сам веселился и развлекался на охоте вне Византия, постоянно находясь вместе с такими же молодыми льстецами и сводниками, дававшими дурные советы.

5. Но разве мог кто-либо сказать что-нибудь в отношении энергии, прямоты и храбрости государя, его мужества и доброты? В один и тот же день он восседает в ипподроме, присутствует на заседании синклита и совершает пожалование денег, а под вечер проводит время в цикаиистирии, играя в мяч с хорошо обучившимися и опытными лицами и часто их побеждает, затем удаляется в предместье Анорат, и проведя там псовую охоту, захватывает четырех громадных кабанов, и вечером возвращается во дворец! Он был еще молод, крепок телом, с русыми волосами, прекрасными глазами, с продолговатым носом, с розовым цветом лица, очень красив и приятен в разговоре, стройный станом, как кипарис, широкоплечий, спокойный и приветливый, так что этим человеком восхищались и удивлялись все. И все общество разделяло с ним радость, поскольку [его правление было] благополучно и он был победителем [враждебных] народов. И в Византий обильно доставлялись и хлеб и продовольствие.

6. У императора Романа после смерти его родился еще один сын, которого назвали Константином и который немного спустя был коронован патриархом Полиевктом на амвоне [храма] святой Софии. А августа Елена [мать Романа] лежала больной во дворце и радовалась за государя [сына]! Страдая от болезни долгое время, она благочестиво умерла 19 сентября. [Император] почтил ее как императрицу, она лежала на обитом золотом ложе, украшенном жемчужинами и драгоценными каменьями; в погребальном шествии впереди шел синклит, она была похоронена в том монастыре, который построил ее отец император Роман, [в монастыре] находившемся у Мирелея, в усыпальнице, рядом с гробом ее отца.

7. И после этого государь благотворный, приятный, приветливый и какими только хвалебными именами его ни назвать, приказал магистру и доместику схол Никифору Фоке отправиться на Крит с большой военной силой и снаряжением и с флотом из военных кораблей [снабженных] жидким огнем.

Ведь критяне ежегодно причиняли ромейской земле много ущерба, бедствий и порабощений с тех пор, когда они этот великий остров осквернили [своей властью]. Ведь овладели им они еще при Михаиле Аморийском, отце Феофила, когда войска отправились против восстания и тирании Черного Фомы, некогда бывшего приятелем Михаила, — ведь больше, чем три года тиран властвовал во Фракии и Македонии. И вот тогда, найдя удобное время, явились из Испании сарацины с громадным флотом военных кораблей и захватили остров; так что они имели его в своем владении и власти вплоть до того дня, когда были разбиты магистром и доместиком Никифором Фокой, итого сто пятьдесят восемь лет.

8. И поэтому автократор Роман, побуждаемый божественным рвением, по совету и благоразумию паракимомена Иосифа, изо

всех мест страны собрав суда и военные корабли с жидким огнем и отборное войско из фракийцев, македонцев и славян, решил послать их против Крита. Из синклитиков, являвшихся его доверенными помощниками, многие возражали против похода на Крит, напоминая государю о походах предыдущих императоров, о мятежах, о потерях бесчисленных богатств, ни к чему не приведших, особенно при благочестивом священной памяти императоре Льве и при Константине Багрянородном: сколько затрачено было средств и сколько людей погибло; их страшили опасности, которыми грозило море и многочисленные союзники — соседи сарацин, и [возможный] поход испанцев и африканцев, и распространившаяся молва, будто тот, благодаря кому будет завоеван Крит, станет императором и овладеет скипетром ромейского государства.

9. И тогда паракимомен Иосиф, этот отличный, прямой, недремлющий ум, выступил среди [синклита] и сказал: «О, повелитель, мы все знаем, сколько зла нам, ромеям, было причинено этими отверженцами от Христа. И правомерно вспомнить те убийства, изнасилования девиц, разрушение церквей и порабощения в прибрежных фемах, так что надлежит нам вести борьбу за христиан и соплеменников и не следует бояться ни долгого пути, ни морской бездны, ни сомнительности победы, ни молвы о невозможном. И больше всего следует нам подчиняться твоему приказу и [твоей] воле, получающей божью поддержку, потому что этот твой замысел исходит от Бога: «сердце царя в руке Господа» [4*]. Потому что ты посылаешь прямого и верного своего слугу, доместика схол, своей руководимой Богом царской властью!»

10. Услышав это, самодержец не мог более откладывать своего намерения. Снарядив и обеспечив жалованием войско, он предоставил магистру средства и отправил его в поход вместе с китонитом Михаилом в качестве советника. Это случилось в июле пятого индикта. Кораблей было: с жидким огнем — 2000, дромонов — 1000, грузовых кораблей, имевших провиант и военное снаряжение — 307. И вот доместик Никифор, выступив из столицы, прибыл в Фигели и позаботился о том, чтобы весь флот присоединился к нему и был вместе. Благоразумный [полководец] послал вперед быстроходные галеры обследовать [враждебную страну] и захватить языков. Эти [галеры] отправились и взяли [пленных], которых привели к магистру; [Никифор] тщательным образом расспросил их и узнал, что эмир Крита и все главные командиры находятся вне крепости в своих проастиях, тогда он немедленно отплыл со всемерной тщательностью и быстротой и причалил к берегу. Высадив с кораблей [войско], он приказал обвести ограду и вырыть глубокий ров. Затем двинулись в поход, причем [магистр] убеждал всех не нарушать строй и не выходить из [рядов], пока не будут выяснены силы противника.

4* Притчи. XXI. 1.

Когда он приблизился к крепости, все критяне, которые были вне крепости, в страхе заперлись внутри ее. С этого времени ежедневно многие стали переходить на сторону магистра. Когда Никифор узнал, что многие, отрезанные от крепости, бежали в горные ущелья, клисуры, по речным потокам, в болотистые места и в горы, он разделил войско и всадников-стрелков, росов, архонтов восточных сил, фракийцев и македонцев послал вперед, — сам же мудрый и храбрый доместик остался напротив Саки. По предусмотрительности этого человека все чувствовали себя [во вражеской стране] как будто в своей. Вступая во вражеские пределы и совершая набеги [в те места], где были спрятаны скот и все достояние жителей и находились они сами, [войска] все грабили и возвращались с радостью и победой. Тогда ромеи безбоязненно и бесстрашно располагались [там], где были прозрачные источники и множество самых различных плодов и у каждого палатка стояла в окружении плодоносных деревьев. И воины торжествовали, пользуясь изобилием фруктов и всевозможного довольствия. И они прославляли магистра, который так прекрасно командовал ими.

11. Аэмир Крита по прозванию Курупа известил о происшедшем соседних агарян Испании и Африки и просил их помощи. Ими были посланы быстроходные галеры, которым было поручено разузнать о вожде и войске: в каком они положении и повинуются ли своему предводителю. Они быстро прибыли к Криту и, причалив ночью с помощью каната, вошли в крепость, где встретили эмира Курупу и начальников крепости. Те были в состоянии полной растерянности, беспомощности, не зная, что делать против ромейского войска и магистра; обнимая за шею посланцев, они ничего не могли сказать, а лишь сжимали их в объятиях и горестно рыдали, умоляя эмирадов выступить с войском в качестве союзников и оказать им помощь. [Затем] они поспешно отправили посланцев обратно. Те снова отправились в путь, прибыли каждый к своему эмираду. И там они рассказали о большом количестве и хорошем снаряжении кораблей, о наличии у ромеев союзников из числа многих народов, хорошо обученных к войне, о том, что полководец у них энергичный и опытный, что он верен богу и справедливости и избавляет [войско] от любых бедствий. И они, пораженные ужасом, не захотели ни быть в союзе с критянами, ни оказывать им помощь.

12. Войско расположилось на острове; и когда началась суровая зима, дожди и ветры, и когда был израсходован хлеб и продовольствие, когда износилась одежда и [люди] обнажились, приведенные в отчаяние воины захотели отправиться домой. Но мужественный и разумный вождь Никифор своими убеждениями и приятными словами всех удержал от этого. Он говорил им: «Воины, братья мои и соратники! Подумаем о страхе божьем; сразимся, чтобы воздать за оскорбление бога. Будем доблестно

противостоять здесь, на Крите, врагам, вооруженным нечестием. Будем держаться веры, которая убивает страх. Примем во внимание, что мы находимся в глубине сирийского острова. Ведь огромную опасность представляет собой бегство отсюда. Отомстим за насилия над девушками! Взглянем на овеянные славой, покрытые ранами члены и ожесточим наши сердца! Не без воздаяния труд и опасности! Останемся здесь и укрепимся для противодействия отвергающим Христа, и Христос Бог поможет нам и погубит наших врагов и разрушит крепость поносящих Христа!» Он приводил и многие другие доводы, тогда ему ответил один из всех: «Ты раскрыл наши сердца, магистр, слова твои утвердили и заострили наши силы и стремления наши. Ты окрылил наш дух — мы последуем твоему совету и приказанию и с тобой вместе умрем!»

13. В октябре месяце на втором году царствования Романа случился недостаток хлеба и ячменя в городе. Хлеб продавался по четыре модия за номисму, а ячмень — по шесть модиев. И тогда можно было убедиться, насколько бдителен был ум Иосифа, который заботился об общем благе! Тотчас же он отправил грузовые корабли на восток и на запад собрать аннону и запретил хлеботорговцам припрятывать хлеб. Ибо он был мужем справедливым, нелицеприятным и твердым, и немного времени прошло, как [хлеб] стал продаваться по семь или восемь [модиев] за номисму. Таким был этот человек, трудолюбивый и горячий, так что с ним не мог сравниться никто из живших ни до, ни одновременно с ним.

14. В марте месяце магистр Василий, называемый Петином, был обвинен в том, что, следуя дурным советам некоторых лиц, замышлял предпринять переворот. И император отправил его в ссылку — где тот и умер.

Патрикий и доместик Востока от лица своего брата был послан на Восток, чтобы не позволить безбожному Хамвдану громить беззащитный Восток, и отразить его набеги, порабощения и ограбления ромейской земли. И, объединившись со стратигом Каппадокии Константином, патрикием Малеином и с другими стратигами, ведшими свои тагмы, он настиг войско этого хвастуна в местечке, называемом Андрассон и, вступив в сражение, победил и, разгромив, обратил его в бегство. И тогда можно было видеть, как снимали добычу с мертвых, как убивали заносчивых агарян, как их обращали в бегство и забирали в рабство, и никто из них уже не думал ни об упряжках, ни о конях, ни о деньгах, ни о родных, но каждый заботился о своем собственном спасении. Вот тут-то спесивый и надменный Хамвдан был бы захвачен, когда остановился и опустился на землю его конь, на котором он сел — если бы отступник Иоанн, его приближенный, не сошел со своего коня и не отдал его ему. Сам [Иоанн] был захвачен, но спесивый [Хамвдан] спасся. Вся завоеванная в битве

добыча вместе со взятыми в плен отвергающими Христа была привезена в Византий и торжественно провезена на триумфе.

15. Когда турки совершили набег на Фракию, единым командующим в феме Македонии и катепаном войск Запада был патрикий Мариан Аргир. Они встретились, и [Мариан] разбив их и взяв много пленных, заставил со стыдом вернуться в свою страну.

16. Когда император Роман узнал о тяжелой обстановке, отсутствии одежды и недостатке пищи в лагере, то по совету паракимомена Иосифа немедленно распорядился о доставке им необходимого. Те скоро оправились духом и почти 18 месяцев с лишним осаждали крепость; и когда все средства и пища у критян исчерпались, и они пришли в тяжелую нужду, [многие] ежедневно стали перебегать к магистру; и вот по божьему попечению, управляющему миром, в марте месяце шестого индикта доместик схол приказал войску готовиться к боевому построению, организуя различные фаланги и шеренги при звуке труб. Когда все устроилось, отдан был приказ, чтобы тагмы, фемные архонты, и армяне, росы, славяне и фракийцы направились приступом на крепость. И тогда можно было видеть, как одни нападали, другие отражали, как происходили столкновения друг с другом, как метали камни и другие метательные приспособления, как действовали осадные механизмы против стен и зубцов крепости, — и тогда хвастливых агарян охватили растерянность, смятение и ужас. Скоро была одержана победа, и город был взят. И можно было видеть, как сарацинские женщины и дети...[5*]

[5*] *Здесь рукопись обрывается.*

ВАТИКАНСКИЙ АНОНИМ *

21 (6)... И можно было видеть, как плачущие и стенающие критяне вместе со своим эмиром Курупой, с женами, детьми и всей добычей следуют посреди Константинополя в триумфальном шествии к ипподрому.

22. Василевс, очень ласково встретив магистра и тех, кто был с ним, и опять отправил его на Восток, воевать с дерзким Хамвданом. Двинувшись из царственного града, (магистр) прибыл в соседние с варварами области и принялся сжигать и разрушать города. Затем он со всеми войсками устремился к многолюдному и переполненному богатством огромному городу, именуемому Халеп, на безбожного Хамвдана. И вот, подойдя к названному городу, он обнаружил, что и Хамвдан со своей стороны выстроил вокруг города войско, состоявшее из огромного множества арабов, делемитов, куртов и прочих боевых сил, собранных по

* Переведено с издания: *Morkopoulos A.* Le temoignage du Vaticanus Gr. 163 // Symmeikta. 1979. Vol. 3. S. 99—100.

всей стране; пехота, причем из одних халепийцев, охраняла два брода через реку, препятствуя переправе ромейского войска. Хамвдан стоял неподвижно — несчастный не ведал, обманываясь в своих тщетных упованиях, что в руке [2*] ... подмога в войне и [3*] ... часы магистр разведал броды на реке и хорошенько ознакомился с условиями местности; у верхнего брода ему, хоть и с трудом, удалось переправиться с кавалерийскими частями, ибо лошади их пустились вплавь. И тогда (ромеи) принялись яростно рубить мечами бесчисленные полчища хамвдановой пехоты. Видя их избиение, пустохвал бросился бежать, изо всех сил стараясь спастись. Так магистр без боя овладел городом Халеп и, прихватив плененных агарян и всю добычу, которая оказалась огромной, когда ее собрали вместе, решил возвращаться в Византий. Но узнав о смерти василевса Романа, он прервал свой марш и приказал, чтобы каждый из бывших при нем командиров собрал пленных агарян и добычу в одном пункте ромейской земли.

23. А во дворце были со славословиями приняты августа Феофано и двое ее детей, Василий и Константин; властвовал же вместе с ними ревностный и мудрый паракимомен Иосиф, справедливо управлявший подданными. По их-то письменному приказанию магистр и доместик Никифор и прибыл в город. Войдя туда, он показал в триумфальном шествии на ипподроме добычу, а заодно и пленных агарян; вся городская чернь, весь люд собрался [чтобы посмотреть на это]. Тогда же горожане прозвали магистра и доместика схол Никифора «Никитой» [Победителем] — все любили этого доблестного мужа, как любят собственную душу. После [праздника] святого Воскресения [случившегося] в шестой индикт, и по прошествии праздничных дней магистр Никифор был послан на Восток, для отпора безбожному Хамвдану, дабы он не вторгся в ромейскую землю, узнав о смерти василевса Романа. Испросили у магистра Никифора и письменное ручательство в том, что никогда он не замыслит мятежа против василевсов — каковое он и представил. А паракимомен Иосиф управлял государством с присущим ему искусством и здравомыслием; советниками при нем были магистр Михаил, ректор и логофет дрома, а также Симеон, патрикий и протоасикрит.

Когда магистр и патрикий Никифор находился в Кесарии, собирая войско к походу на кичливого Хамвдана, патрикий Иоанн, называемый Цимисхием, патрикий Роман, сын Куркуаса, и патрикий Никифор Эксакионит вместе с другими стратигами и командирами тагм решили провозгласить магистра василевсом. И вот, придя к его палатке, на этом самом... [4*]

[2*] *Пропуск в оригинале.*
[3*] *Пропуск в оригинале.*
[4*] *На этом рукопись обрывается.*

ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ ИМПЕРАТОРОМ НИКИФОРА (ФОКИ), БЫВШЕГО ДО ТОГО ДОМЕСТИКОМ СХОЛ ВОСТОКА, ХРИСТОЛЮБИВОГО И ХРАБРЕЙШЕГО *

Пятиадцатого марта шестого индикта шесть тысяч четыреста семьдесят первого года, в сороковой день поста император Роман младший, сын Константина, великого и порфирородного Македонянина, скончался. Он оставил свою империю Василию и Константину, малолетним своим сыновьям, и собственную жену и августу Феофано [оставил] править ромейской державой. Он оставил также и паракимомена Иосифа, руководившего всеми государственными делами. Была в силе власть этих названных лиц с пятиадцатого марта шестого индикта до пятиадцатого августа того же индикта.

Второго июня того же индикта был провозглашен в областях Востока благочестивый и христолюбивый император наш Никифор своим войском как император ромеев. В Кесарии, ныне эпархии Каппадокии, когда он был магистром и доместиком схол, все стратиги и тагмы, собравшись на поле, провозгласили его императором. Но он не желал этого, так как готовился к войне против исмаилитов и побуждал к этому же войско. Но те еще более настойчиво стали требовать согласия и насильно, против желания подняв-ши, [вынесли его] из палатки и провозгласили императором. Но он не стал носить ни венца, ни какой-либо другой императорской одежды, разве только надел красные пурпурные сапожки.

Когда об этом стало известно в городе, паракимомен Иосиф был потрясен — он яростно выступает против [Никифора] и принимается готовить отпор государю. Император же Никифор послал ему любезное письмо, обещая сохранить его в должности и доставить еще большие почести. В таком же духе он оповестил и синклит. Он же [Иосиф], хотя его и часто пытались убедить этими соображениями, однако не сдержался, но, найдя некоторых лиц из синклита, которые решили бороться вместе с ним, дерзостно выступил против августа.

Укрепив город и поправив ворота [Иосиф], негодуя против населения города, предал проклятию государя. Но не только это — он захотел ослепить тайно или исподтишка родных государя Никифора, его отца и брата. Узнав об этом, они, став беглецами, скрылись: отец магистр Варда [Фока] — в великой церкви, другой же магистр, Лев, брат государя, — в лагере войска, уже на-

* Книга церемоний. Гл. 96. С. 433—440.

ходившегося в Хрисополе. Масса народа, обуреваемая священным рвением, стала стекаться к церкви, чтобы сохранить невредимым магистра от козней врагов. Ведь его многократно пытались силой вытащить из церкви патрикий Мариан Апамвас, Николай Торник и бывший стратиг Пасхалий. Народ же с остервенением поносил их и всякий раз отгонял насильников силой.

В воскресенье 9 августа в утренний час, когда читалось из Священного евангелия о святом воскресении, паракимомен Иосиф проник в церковь и, войдя в придел патриарший, что-то сказал патриарху и клиру. Тотчас же, выйдя из церкви, он обратился с резкой речью к толпе, угрожая [населению] смертью от голода и наконец верхом на коне отправился через площадь Милион, где приказал хлебопекам не изготовлять хлеба и не выносить его на рынок. Отправившись во дворец, он захватил с собой детей императора Романа и верхними переулками прибыл в храм [св. Софии] около полудня, когда в храме не было народа. Он вызвал магистра, исторг его из храма и отправил в его собственный дом. Когда же народ пришел вечером в церковь и не нашел магистра, он стал в неистовстве и безумстве угрожать позорными смертями и патриарху и клиру, считая, что магистр был предан ими, и принялся бросать камни в принадлежащих к клиру лиц. Патриарх известил об этом магистра, [просил его] явиться в церковь и успокоить народ. Магистр же известил об этом паракимомена. Но тот не разрешил ему отправиться в храм. Узнав об этом, массы народа, устремившиеся, как говорится, по божественному побуждению, отправились к дому преславного магистра, чтобы охранять его против козней. Большая же часть народа, оставаясь в храме, [захватив] из церкви все, что было из дерева, использовала это в качестве оружия, вышла из храма и напала на противников, стоявших в строю с оружием — на македонцев и пленников из агарян. [Выступив] также против упомянутых лиц — Мариана и остальных — [народ] обратил их в бегство, одержал победу, причем многие из простого народа и из войска были убиты. Тогда же до основания были разрушены дома выступавших против государя, все их имущество было расхищено. Открыв ворота, [народная масса] отправилась в лагерь, где и возвестила императору, чтобы он вошел в город. И вот в ту же ночь, десятого числа августа месяца паракимомен Иосиф, испугавшись, что люди из народа бросятся за ним в его дом, оставя мысль о сопротивлении силой, вошел в храм [св. Софии]. Народ же, расхитив все его имущество, разрушил до основания его дом. И многих других, невинных людей из синклита захватили как пленников, разграбив все их имущество и снеся их дома. Три дня свирепствовал обезумевший народ! Наиболее благорасположенные из архонтов отвели магистра, отца государя Никифора, во дворец и повелели ему оставаться там до вступления [в столицу] императора. На второй день после окончания этих событий явился из лагеря

в город и магистр Лев. На пятнадцатый же день августа месяца император дал знать паракимомену Василию и препозиту Иоанну, чтобы они с теми архонтами, имена которых перечислены в письме, прибыли во дворец Иерий и встретили его. Так они и сделали.

На утро шестнадцатого числа того же августа месяца, индикта шестого, в воскресенье, рано, взойдя на императорский дромон, он причалил к Золотым воротам. Там ему выступил навстречу весь город, от мала до велика, с лампадами и кадилами для воскурения. Спустившись с дромона и сев на коня, [Никифор] проехал внешние крепостные стены и, повернув через Плакотийскую площадь, вошел в монастырь Аврамитов, называемый «Нерукотворный [храм] Богородицы». В третьем часу, надев касторовый скарамангий, он верхом на коне вступил в Великие Золотые ворота и остановился на коне в самих воротах, причем вокруг стояли две цирковых партии димов, возглашавших так: «Счастливо ты пришел, о Никифор, самодержец ромеев! Счастливо ты пришел, Никифор, властитель величайший ромеев! Счастливо пришел ты, Никифор, одержавший победу над фалангами врагов! Счастливо пришел ты, Никифор, разрушивший города врагов! Счастливо пришел ты, о храбрейший победитель, вечносвященный! Счастливо пришел ты, благодаря которому подчинились народы! Благодаря тебе был побежден, сокрушен Исмаил! Благодаря тебе скипетры ромеев воскресли! Итак, прими власть, руководи и царствуй! Сжалился Бог над народом своим, поставив тебя, Никифор, императором и самодержцем ромеев! Итак, радуйся, Город ромеев! Прими боговенчанного Никифора! Подлинно ты пришел, словно озаряющий светом вселенную!» И, таким образом, он затем вступил в ворота, проехал на коне [центральную] улицу Месу вплоть до форума. Спешившись там, он вошел в храм святой Богородицы, что на форуме; там, взяв зажженные свечи, совершил преклонение, надел дивитисий, кампагии, кампатуву. Пройдя пешком в храм святой Софии с торжественной процессией и честным крестом и став в орологии, [Никифор] был почтен со стороны двух партий такими возгласами: «Императора Никифора ожидают общественные дела! Законы ожидают Никифора! Никифора принимает дворец! Таковы молитвенные пожелания дворца! Таковы просьбы армии! Таковы молитвенные пожелания синклита! Таковы молитвенные пожелания народа! Вселенная ожидает Никифора! Никифора принимает войско! Общее благо принимает Никифора! Никифор, всеобщее добро, будет властвовать! Внемли, о Боже, мы тебя умоляем! Отзовись на мольбы, о Боже! Никифору жизнь! О Никифор, август! Ты благочестивый, ты священный! Бог тебя даровал, Бог тебя будет хранить! Почитая Христа, всегда будешь побеждать! Никифор будет царствовать долгие лета! Христианскому царству бог будет защитой!»

После этого, войдя через красные ворота в митаторий, император надел на себя цицакий. После этого он вошел в нартек к великим царским вратам, где, взяв зажженные свечи от препозита, он совершил преклонение, и, обратно возвращаясь с патриархом через ближний помост, спустился в амвон. И патриарх, сотворив молитву над хламидой, передал ее людям кувуклия и надел ее на императора.

ИСТОРИЯ ЗАХВАТА НИКИФОРОМ ФОКОЙ ИМПЕРАТОРСКОГО ПРЕСТОЛА *

Роман, сын императора Константина, уже достигши зрелого возраста, не мог далее терпеть, видя, как [неудачно] ведутся дела под управлением его отца, и замышлял устранить его путем яда с ведома своей жены, взятой из харчевни. Когда Константин захотел принять слабительное лекарство, ему приготовили содержащий яд напиток и стольнику Никите поручили налить его [для питья] императору. Желая принять этот напиток у святых икон, случайно или умышленно Константин поскользнулся и пролил большую часть, остальное же выпил; [напиток] казался не действующим и безвредным, поскольку при столь малом количестве он потерял присущую ему силу. Тем не менее Константин не мог преодолеть [действия яда] и после того, как яд проник в его тело, он стал себя плохо чувствовать.

На 15 году своего царствования в сентябре месяце 3 индикта в 6468 г. от [сотворения] мира император Константин отправился к горе Олимпу якобы для того, чтобы молитвами обитавших там отцов получить защиту [в их благословениях] и вместе с ними отправиться в поход против сарацин в Сирии; на самом же деле, чтобы встретиться с Феодором проедром кизикийским, который в то время пребывал там, и договориться о низложении Полиевкта. Побыв там, либо из-за полного ослабления тела, либо же снова отравленный сыном, он, удрученный страданиями, отправился обратно и, тяжело больной, вернулся в конце октября в столицу, [где] не завершив своих намерений, умер 9 ноября, проживши всего 54 года и 2 месяца, быв соправителем своего отца, и дяди Александра, и своей матери — 13 лет, потом во время тирании Романа полных 26 лет, а после свержения [Романа I] с престола единовластно правил 15 лет. После смерти погребен был рядом со своим отцом, до последнего издыхания злясь на Полиевкта и мечтая о его низложении.

За несколько дней до его кончины с наступлением вечера долгое время падали камни сверху на его дворец и, падая с большим шумом, произвели большие разрушения. Думая, что камни сбра-

* *Скилица*, С, 246—261.

сывались с верхних этажей Магнавры, он приказал поставить там стражу на много ночей, чтобы схватить кого-либо из дерзнувших совершить это. Однако он не постиг, что напрасно старался: ведь это происходило не от людей, но по соизволению высшей силы.

После того как Константин умер и отошел в мир иной, Роман, его сын, овладел властью. Он стал назначать архонтами только лиц, к нему расположенных и ему приятных. И когда он укрепился на царстве, в том же третьем индикте во время праздника Пасхи венчает и своего сына Василия в Великой церкви из рук патриарха Полиевкта.

На следующий год родился у него во дворце Пиги и другой сын, которого он назвал по имени отца Константином.

Будучи еще молодым и предавшись полностью развлечениям, он доверил попечение о всех делах препозиту и паракимомену Иосифу по прозвищу Вринга. Сам же ничего другого не имел в мыслях, как с развратными и испорченными людишками, похотливыми женщинами, мимами и шутами проводить время, отвлекаясь от дел. Тогда же какого-то клирика Иоанна, евнуха, который вследствие непристойных дел при Константине императоре, подвергся угрозам и, постригшись в монахи, скрывался в монастыре вплоть до кончины императора, [так этого Иоанна-евнуха Роман] как только овладел властью, освободил от монашества и, исключив из числа клириков, причислил к своим спальникам. Исполненный рвения Полиевкт очень был озлоблен и требовал от императора, чтобы тот удалил из числа своих приближенных человека, который нарушил монашеский обет. Однако император упрашивал [патриарха простить Иоанна], утверждая, что тот не действительно надел монашеское платье и получил благословение от кого-то из иереев, но что он только из страха перед императором притворно вступил в монашескую жизнь. Обманутый Полиевкт освободил Иоанна, причем в этом деле очень старался Иосиф; таким образом, вплоть до смерти Романа [Иоанн] жил на положении светского лица и привольно, как юноша. Но после кончины Романа он снова принял монашеский сан, хотя нрав свой он не изменил.

В этом же году магистра Никифора Фоку, назначенного императором Константином на должность доместика схол Востока и одержавшего много побед над восточными сарацинами, укротившего эмира Тарса Карамона, и Хамвдана, эмира Халепа, и эмира Триполиса Изифа, [этого Никифора император Роман] отправляет против сарацин на Крите, дав ему множество отборных стратигов и хорошо снаряженный флот. Причалив к острову, он уже при высадке вступил в бой и обратил в бегство агарян, которые были на берегу и пытались ему помешать. Сам [Никифор] невредимым высадился, и все его войско совершенно безопасно сошло на берег. Там он устроил мощный лагерь, окружив его глубоким рвом и укрепив частоколом и кольями, расположил

флот в спокойных гаванях и, все организовав в безопасности, энергично принялся за осаду городов на острове, и в продолжение целых семи месяцев, пользуясь осадными механическими орудиями и разрушая стены, он подчинял города и военные укрепления. 7 марта 4 индикта он разрушил более всех укрепленный город, который местные жители называли Хандаком, а того, кто был эмиром острова по имени Курупа, он захватил в плен, а также и Анемаса, который властвовал там вторым после него. Подчинив весь остров, [Никифор] намеревался провести там более значительный срок и утвердить на острове свою власть, но, так как по существовавшей молве тот ромей, который овладеет [Критом], обязательно станет царствовать над ромеями, Роман, только узнав о завоевании острова, убежденный доводами Иосифа, отозвал Никифора оттуда. Еще когда Никифор был на Крите, Роман, чтобы не обрушились на восточные [районы Империи] восточные арабы, особенно Хамвдан, эмир Хелепа, который был воинственным и наиболее энергичным, послал Льва Фоку, брата Никифора, почтив его саном магистра, выполнять должность доместика.

Лев Фока, отправившись, встретился с Хамвданом в некоем местечке по названию Андассон, обратил его в бегство и совершенно уничтожил, причем убитых в битве невозможно было сосчитать; что же касается пленных, отправленных в город, их было такое множество, что наполнялись рабами и городские дома, и поля. Только их предводитель Хамвдан с весьма немногими избежал опасности и вернулся в свои пределы. Император очень благосклонно принял вернувшегося Льва, почтил его, устроив торжественный триумф, наградил его соответственно его доблести. Император также почтил и выдвинул всех тех, которые прославились вместе со Львом Фокой.

На втором году царствования Романа были изобличены в заговоре против него многие из влиятельных в государстве лиц. В качестве руководителя и организатора они имели магистра Василия по прозванию Петин и некоторых других из числа знатных — патрикия Пасхалия, патрикия Варду, сына Лива, и Николая Халкудзу. Они замышляли в день конных состязаний захватить проходящего императора и провозгласить императором Василия, посадив его на императорский трон. Однако после того как заговор был открыт императору каким-то из его участников по имени Иоанникий, по происхождению сарацином, прежде, чем наступил решающий день, они были схвачены Иосифом, уличены и жесточайшим образом подвергнуты пыткам, кроме одного Василия; они были с позором проведены в день состязаний, отправлены в ссылку и пострижены в монахи. Но терпели они недолго, так как Роман, милосердно к ним настроенный, отпустил их. Один Василий Петин, лишившись ума, умер в Прикоинсе, получивши таким образом справедливое возмездие за то, что выказал

неверность императору Стефану, когда предал его Константину.

Видя, что случилось с Петинон и прочими, магистр Роман Сароннт, зять Романа старшего, будучи мужем его дочери, побоялся, чтобы и с ним не случилось нечто подобное. Поскольку он был объектом зависти по своему блестящему положению и находился в подозрении, он, распределив свое имущество детям, как хотел, остальное же раздав бедным, надел монашеское облачение и, поступив в монастырь Елегмон, все время и пребывал в нем и всегда был в высшей степени почитаем [царствовавшими] после этого императорами.

В эти же времена проявил себя некто по прозвищу Филорей, щитоносец магистра Романа Моселе, из рода Романа Старшего. Он умело, верхом на самом ретивом коне, постелив эфестриду, стоял прямо и, размахивая мечом в руках, побуждал коня к самому быстрому бегу, скакал кругом по арене ипподрома, вращая мечом, нисколько не слабея в своем стоячем положении [на коне].

В те дни усилилась и ранее встречавшаяся в ромейской империи, уничтожавшая быков вредоносная чумная болезнь, называемая «краброй». Говорят, что начало этой болезни относится еще ко дням Романа Старшего. Когда вблизи цистерны Быка Роман приказал построить дворец, чтобы он мог там прохладиться от летней жары, во время закладки фундамента, говорят, нашли мраморную голову быка, которую нашедшие работники разбили на множество частей и бросили в известковую печь. И с той поры вплоть до нашего времени не перестает повсюду на земле, где распространяется власть ромеев, [эта чума] уничтожать стада быков.

Роман под влиянием своей жены пытался удалить свою мать Елену и своих сестер и переселить их во Дворцы Антиоха. Узнав об этом, Елена обратилась к сыну со слезами и мольбой, усовещевала, стыдила сына, который устрашился ее проклятий. И она получила разрешение остаться на месте. Но сестер он удалил и при участии Иоанна, настоятеля Студийского монастыря, постриг в монахини. Они же тотчас после его ухода сбросили монашеские одеяния и стали есть мясо. Елена, тяжело переживая удаление дочерей, прожила недолго и 20 сентября 5 индикта умерла. Ее похоронили с царственной пышностью в гробнице отца.

Никифор Фока, как уже сказано выше, по распоряжению [Романа] отбыл с Крита, но ему было не позволено приехать в столицу, но приказано оставаться на Востоке со всем войском. Оправившись от первого поражения, Хамвдан снова начал возноситься: он собрал обученное войско и считал себя в состоянии противостоять ромейским силам. Прибыв в Сирию, в упорной битве Никифор обратил его в бегство и, разбив полностью, отогнал внутрь Сирии, разрушил, кроме акрополя, город Веррию, захватил большую добычу и пленных, освободил томившихся там в кандалах христиан и отправил их по домам.

15 марта 6 индикта в 6471 г. умер император Роман, достигши 24-летнего возраста, процарствовав 13 лет, 4 месяца и 5 дней. По мнению одних [он умер], изнурив свою плоть позорнейшими и сластолюбивыми поступками. Но имеется и другое мнение — что он был отравлен ядом.

Приняли царскую власть Василий и Константин, его сыновья с матерью Феофано, а также осталась после него родившаяся за два дня до его кончины дочь, которую назвали Анной.

Был Роман высок ростом, хотя и ниже, чем его отец, имел мягкий и кроткий нрав, но посредственного образования. Но, несмотря на молодость, он был сообразителен, остроумен и очень способен к делам управления, если бы ему помогали его приближенные. Однако его товарищи, предавшиеся страстям юности, стремились растрачивать общественное достояние, присваивать колоссальные богатства, почему и развратили его, сделав малоэнергичным, неспособным.

В апреле месяце того же 6 индикта вступил Никифор Фока в Константинополь по приказанию правительницы, хотя Иосиф снова, как всегда, препятствовал этому. Никифор принял на ипподроме триумф [в награду] за ту добычу, которую захватил на Крите и в Веррии. Он привез и часть плаща Иоанна Крестителя, которую нашел сохранившейся в Веррии. Именно [этого возвышения] Никифора и боялся имевший его под подозрением Вринга. Однако [Никифор], хитро притворяясь, сумел обмануть его следующим образом. Взяв с собой одного из щитоносцев, Фока в час утренней трапезы пришел к дому Иосифа. Постучав в дверь, он приказал привратнику сообщить, кто пришел. Когда он доложил, [Никифор] по приказанию [Вринги] вошел в дом и, застав Иосифа у себя, показал ему власяную рубашку, поверх которой он надевал платье, и клятвенно уверял, что он возлюбил монашескую жизнь и уже давно принял бы схиму и оставил бы всякую мирскую заботу, если бы не удержала его преданность императорам Константину и Роману, и что он желает не мешкая исполнить свое желание. И он умолял, чтобы его не подозревали понапрасну. Увидев это, Иосиф тотчас же пал к его ногам, прося прощения и уверяя, что он никогда не поверит кому-либо, говорящему что-то против Никифора.

Вринга подозревал также и [бывшего] императора Стефана, который в то время был еще жив и находился в Мифимие как изгнанник. [Иосиф] изо всех сил стремился, чтобы тот находился под бдительнейшей охраной. Но тот в праздник великой субботы, причастившись божественных тайн, как-то внезапно умер без всякой видимой причины. Но [нужно отметить, что] Феофано, хотя тот и далеко жил, не переносила его.

Петр, царь болгар, после смерти своей жены возобновил мир, предложил императорам союзные отношения, предоставил заложников, а также собственных двоих сыновей Бориса и Романа. Не-

сколько позднее он умер. Сыновья его после этого были возвращены в Болгарию, чтобы принять царскую власть и чтобы отразить движение комитопулов, потому что Давид, Моисей, Аарон и Самуил, дети одного из самых могущественных в Болгарии комитов, затеяли мятеж и привели в беспорядок дела в Болгарии. Вот какие происходили события.

Вринга, обманутый Никифором тем способом, о котором мы говорили, позволивший ему вернуться домой, раскаялся, что сделал это к худшему, так как, имея в тенетах зверя, позволил ему скрыться, самым глупым образом выпустив его. Итак, он начал размышлять, как и с помощью какой хитрости избавиться от забот об этом. И вот показалось ему более полезным написать магистру Иоанну Цимисхию, очень храброму и энергичному мужу, который после Фоки был в числе наиболее прославленных ромейских стратигов и который тогда являлся стратигом Анатолика, а также [написать] магистру Роману Куркуасу, наиболее прославленному и знатному, который тогда занимал должность стратилата Востока, [этим лицам он решил] послать письма и, возбуждая их честолюбие обещаниями подарков и почестей, побудить их к тому, чтобы они схватили Фоку. И были написаны письма, а смысл этих писем сводился к следующему: если они, выступивши, схватят Фоку и постригут его в монахи или каким-либо другим образом его устранят, то величайшую власть доместика схол Востока получит Иоанн, должность доместика схол Запада — Роман. После того как письма были доставлены названным лицам, они, поскольку очень дружественно относились к Фоке, сразу же показали их ему и стали призывать Фоку проявить силу и решиться на нечто мужественное и храброе. Но так как он медлил и уклонялся [от решения], они начали угрожать, что сами убьют его. Поэтому, устрашенный угрозой смерти, он принял их предложение, и 2 июля того же 6 индикта все восточное войско по наущению Цимисхия провозгласило [Фоку] императором ромеев.

Так следует по одной версии. Однако существует и другая и, как кажется, более достоверная, что [Фока] уже длительное время мучился желанием захватить императорскую власть и распален он был не столько страстью к ней, сколько к императрице Феофано; он вступил с нею в связь, когда жил в столице, и часто посылал к ней своего преданнейшего слугу Михаила. Обнаружив это, Вринга и стал относиться к нему с подозрением. Когда слух о провозглашении Фоки [императором] достиг Константинополя, все пришло в смятение. Иосиф, который был в курсе всех событий, пришел в бешенство и не знал, что ему предпринять, ведь он был враждебен горожанам из-за плохого характера. А когда Никифор Фока в сопровождении всего войска подошел к Хрисополю, сопровождаемый приветствиями, Вринга задумал провозгласить кого-нибудь императором, полагая этим направить порыв войска в другое русло. Вскоре после провозглашения Фоки, как

мы сказали, Варда, его отец, который тогда проживал в столице, приходит, прося убежища, в Великую церковь; а брат Никифора, хотя он и находился под строгой охраной, сумел тайно бежать и присоединиться к своему брату. Когда это произошло, Вринга совершенно пал духом и оказался в полной растерянности. Он был совершенно неспособен в трудных положениях польстить черни и привлечь путем демагогии толпу, ведь нужно было бы приветливыми и заискивающими словами смягчать волнение масс. Он же, напротив, стращал и приводил в остервенение. Когда все сбежались к Великой церкви, он сам, угрожая толпе, выступил со словами надменными и полными угроз. «Я, — говорил он, — подавлю вашу дерзость и бесстыдство! Я сделаю так, что, покупая хлеб за номисму, вы сможете носить его за пазухой!» Не закончился еще тот день, когда он это сказал (это было в течение воскресенья 9 августа), как вечером Василий, паракимомен императора Константина, недовольный и враждебно относящийся к Иосифу, собрав своих друзей и близких и присоединив к ним домашних слуг, направил их в разные части города к домам своих противников. И от первого до шестого часа в понедельник они разрушили и сравняли с землей дома многих граждан, из которых наиболее замечательным был дом Иосифа. Ведь разрушены были дома не только тех знатных и влиятельных лиц, которые, как казалось, противились [перевороту], но и многих других богатых людей. Таких [разрушений] оказалось великое множество. И если у кого была распря с каким-нибудь лицом, то он приводил с собой нестройную толпу к дому врага и без всякого препятствия его уничтожал. И многие люди были убиты во время такого бесчинства. И, совершая это на улицах города, на площадях и в тесных переулках, люди провозглашали Никифора Каллиником [то есть прекрасным победителем]. Вот это обстоятельство и [помогло] Варде, отцу Фоки, выйти из Великой церкви, где он был жалким беглецом, ожидавшим любой опасности, а паракимомен Иосиф, который до того сильно возносился и гордился, в свою очередь, вошел в ту же церковь как жалкий проситель убежища, считавший сомнительным свое спасение. А приближенные паракимомена Василия снарядили триеры, взяли императорский дромон, со всем флотом причалили к Хрисополю, оттуда приняли Никифора и доставили его в Эвдомон. Оттуда они и весь народ города с прославляющими возгласами, рукоплесканиями, под звуки труб и кимвалов, торжественным шествием вводят [Никифора] через Золотые ворота. Когда же они прибыли к Великой церкви, патриарх Полиевкт приготовился увенчать Никифора императорской диадемой. И Полиевкт короновал его на амвоне святой Великой церкви — был тот день воскресеньем 16 августа 6 индикта.

Никифор поручил монаху и синкелу Антонию Студиту вывести Феофано из императорского дворца и перевести во дворец

Петрий. Немного спустя отправлен был в изгнание в Пафлагонию Иосиф паракимомен, и оттуда он очень скоро после того переселился в монастырь под названием «Асекретис» в Пифиях. Там он, прожив полных два года, умер. [Никифор] возвел своего отца Варду в сан кесаря.

А 20 сентября, отбросив маску и притворство, он вступил в законный брак с Феофано. И сразу же он начал есть мясо, тогда как до того воздерживался от мясоедения, из-за того что Варда, его сын, рожденный от первой жены, погиб, когда скакал верхом на коне по равнине, играя со своим двоюродным братом Плевсом в поединок, но случайно наткнулся на копье. А [Никифор] или действительно взволнованный этим несчастьем, или же желая скрыть свои намерения, притворился, что об этом знал, кроме бога, только сам Никифор. По свершении брака в Новой церкви дворца, когда Никифор хотел свершить вход во [внутренний алтарь] фисиастирий, его задержал рукой Полиевкт. Приблизившись к ограде престола, он сам вошел в священное место, но оставил Никифора вне ограды, говоря, что не допустит его войти в фисиастирий, пока он не исполнит эпитимьи вступающих во второй брак. [Полиевкт] этим нанес Никифору большое огорчение, и он был зол на патриарха до самой кончины. К тому же повсюду распространился слух, который немало привел в смущение церковь, что Никифор был восприемником одного из сыновей Феофано при святом крещении. Этой молвой как благовидным предлогом воспользовался Полиевкт и строго потребовал, чтобы [Никифор] или развелся с женой согласно [церковному] канону, или же был вне церковного общения. Никифор же сделал так, как угодно было Феофано. Созвавши тех епископов, которые тогда пребывали в городе, и [специально] отобранных синклитиков, он распорядился [провести] по этому вопросу расследование. Все они заявили, что закон [о запрете восприемникам вступать в брак] был введен Копронимом и что его соблюдать необязательно. И относительно этого даже представили ему отпускную грамоту со своими подписями. Но так как Полиевкт все-таки отказывался от общения с императором, кесарь [отец Никифора] удостоверил, что [Никифор] не был восприемником. Да и Стилиан, протоиерей Великого дворца, от кого первого, как утверждали, распространилась эта молва, представ перед собором и синклитом, поклялся, что он не видел, чтобы Варда или Никифор были восприемниками. Тогда Полиевкт, хотя и знал, что Стилиан явно дает ложную клятву, снял [с императора] обвинение в синтекнии[2*], но сохранил прежде выдвинутое требование соблюдения эпитимьи вступающих во второй брак, и таким образом обвинение в большом прегрешении отпало...

[2*] Т. е. в нарушении духовного родства при вступлении в брак.

НЕДОСТАТКИ ПРАВЛЕНИЯ НИКИФОРА *

Узнав об этом [2*], Никифор, который должен был бы радоваться взятию такого города и успех объяснить божьим содействием, напротив, сетовал в душе на стратопедарха [Петра] и возводил на него вину, а Вурцу не только не возвеличил за [проявление] храбрости и мужества и не представил ему награды, достойной его подвига, но, осыпав оскорблениями, отстранил его от должности и приказал оставаться дома.

Этот поступок и другие, о которых мы хотим теперь рассказать, сделали Никифора для всех ненавистным и презренным. Во-первых, когда он захватил власть и его стратиоты совершили множество несправедливостей, он не принимал никаких мер, говоря: «Неудивительно, что при таком множестве людей некоторые своевольничают». И вступив в город, когда множество частных лиц из знати были ограблены, он никого не наказал и смотрел на ужасные дела, наслаждаясь теми гнусностями, которые распущенные его сторонники творили над горожанами, — ведь эти они немало содействовали ему в достижении императорской власти. Затем, отправляясь в поход, он постоянно наносил ущерб, облагая подданных не только налогами и взносами различных видов, но и совершенно ничем не обоснованным грабежом. К тому же он прекратил выдавать часть из доходов казны, предоставляемую обычно совету синклита, мотивируя это тем, как он говорил, что у него недостает средств для ведения войн. Он, кроме того, совершенно прекратил выдачу утвержденных некоторыми благочестивыми императорами пожалований для благотворительных домов и церквей и издал закон, чтобы церкви не обогащались недвижимостями, утверждая, что епископы дурно расходуют имущества, следующие на помощь нищим, между тем как стратиоты остаются в пренебрежении. И что особенно гнусно, он издал закон, под которым подписались и некоторые из легковерных и подобострастных епископов, а именно, что без его ведома и согласия нельзя ни избирать, ни рукополагать епископа. И в случае смерти епископа он, посылая императорского чиновника, приказывал подсчитывать установленный расход, а все излишнее конфисковать. Издавал он и другие распоряжения, лишенные какой бы то ни было необходимости, которые следует объяснить лишь как результат хвастливости ума и болтливости. Он задумал издать закон, чтобы тех стратиотов, которые погибли на войне, причислять к лику святых мучеников, чтобы тем самым они получали спасение душ только за то, что пали на войне, не принимая во внимание ничего иного! Он принуждал патриарха и епископов принять это как догмат. Однако некоторые из них, храбро оказав

* *Скилица.* С. 273—278.
[2*] Т. е. о взятии Антиохии Михаилом Вурцей.

противодействие, удержали его от этого намерения, делая упор на канон Василия Великого, который гласит, что стратиот, убивший на войне врага, должен быть отлучен на три года от причастия. Он снизил ценность номисмы, придумав так называемый тетартерон. И с этого времени номисма стала двоякой, взнос государственных налогов требовался тяжелыми [номисмами], а что касается выдач, то расточали малую [номисму]! Был такой закон и введено в обычай, что любая номисма имеет равную с другими ценность, если на ней имеется изображение любого императора, лишь бы она не потеряла в весе. Он же издал закон, согласно которому только его изображение считалось приемлемым, отвергнув изображения прочих императоров. По этой причине немало пострадали подданные из-за так называемых аллагий [изменений в монетном обращении]. И еще хуже, что по этой причине пострадало все общество, поскольку не стало никакого изобилия [товаров]. Но сколь ни было все это трудно, более всего тяготила людей постройка стены вокруг дворца. Ведь многое, что было вокруг дворца выдающегося по своей красоте и грандиозности, он [велел] срыть и воздвигнуть там акрополь как оплот тирании против несчастных граждан, причем внутри [этой стены] он заготовил склады и хранилища хлеба, простые и духовые печи, наполнив это пространство различными предметами. Ведь ему было предсказано, что он умрет во дворце. Он не понимал, видимо, что «если Господь не сохранит город, то понапрасну будет бодрствовать охраняющий!» 3*. Случилось так, что Никифор умер, лишь только построив стену и как раз в тот день, когда тот, кому было поручено, принес ключи и вручил их императору.

Присоединилось к вышесказанному и следующее, что вызвало еще бо́льшую к нему ненависть. Во время празднования святой Пасхи началась драка между моряками и армянами: много людей было убито — едва не погиб и эпарх [города] магистр Сисиний. Распространилась по этому поводу молва, что Никифор, разгневавшись на горожан и считая их виновниками беспорядков, собирается наказать народ, застигнув его в день состязаний на ипподроме. Когда недолгое время спустя начались зрелища на ипподроме, Никифор захотел показать горожанам, каким бывает военное столкновение, а возможно — в равной степени и устрашить [народ]. Он приказал некоторым выйти как будто наступая на врагов, с обнаженными мечами для удовольствия зрителей. Когда это случилось, то, не понимая смысла происходящего, зрители, стали подозревать, что теперь приводится в исполнение то, о чем ходили слухи, и бегом бросились к выходам, которые были крутыми и узкими: люди умирали, давя друг друга, и погибли бы все в толчее, если бы не увидели, что император продолжает сидеть на своем кресле невозмутимо и спокойно. Народ, заметив,

3* Псалмы. CXXVI, 1.

что он ие проявляет прнзнаков волиеиия н убедившись, что смятенне пронзошло не по его воле, приостаиовил бегство.

Когда Ннкнфор возвращался после торжественного выхода в Пнгн по случаю праздннка вознесення Хрнста, иа рынке хлебопеков его встретнли родные погибших иа нпподроме и стали отпускать в его адрес недопустнмые дерзостн, называя его преступником н убнйцей, запятнавшнм себя кровью сограждаи. Они бросалн в него грязь н камни до самой площадн Коистаитнна Великого. И ои бы лншился чувств от страха, если бы некоторые знатные нз горожан не подоспелн и, отстраняя совершающнх беспорядок, торжественными прославленнями ие проводили его до дворца. И вследствие всего этого [Никнфор] поиял, что он неиавистен согражданам и, полагая, что возможио иападеиие на него, стал стронть себе крепость. Но он не мог нзбежать положеиного судьбой и, счнтая, что ои будет там в безопасности, лншнлся там жизнн. Как это пронзошло, об этом будет в надлежащее время рассказано[4*].

Второго сентября в двенадцатом часу ночн ннднкта 11 пронзошло ужасное землетрясение, так что серьезио пострадали Гонорнада н Пафлагоиня. Были и ветры в мае месяце того же индикта, снльные и жгучие, которые погубнли плоды и даже вниоградиики и деревья, так что потом, в 12 ниднкте, случнлся ужасиейший голод. И следовало бы нмператору позаботиться о спасенни подданных, он же продавал государственный хлеб слншком дорого, иаживался иа иесчастье граждаи и хвастался, — как будто совершил какое великое дело, — что моднй хлеба, стоящнй одну иомнсму, он велел продавать за две иомнсмы. Он не взял прнмера с нмператора Васнлня Македоиянина, ибо тот, когда отправился в пасхальное воскресенье в храм Великих апостолов н увидел горожан, почтенных иа внд и благочестнвых, но мрачных и подавленных, подозвав нх поблнже к себе, спроснл, почему онн не торжествуют в такой велнкнй праздник, почему онн мрачны, как будто в городе случнлось тяжелое бедствне... И ему ответнл кто-то из горожан: «Тебе, о государь, и твонм прнблнжеиным полагается торжествовать н радоваться! Для тех же, которые иаходятся в ожнданнн смертн, что-лнбо подобное совершенно неестественно! Илн ты ие знаешь, что два меднмна хлеба продаются за иомнсму вследствне суровостн ветров?» На это император глубоко вздохнул н, со слезамн выразнв нм свое сочувствне, ободрнл обнльными обещаннями. Вернувшись в нмператорскнй дворец н собрав там лнц, на которых он возложил заботу о граждаискнх и нмператорскнх делах, [Васнлнй] обрушнл на них множество ругательств н проклятнй, обвнняя нх в том, что онн не сообщнлн ему о недостатке в хлебе, н тотчас же прнказал продавать нмператорскнй и казеиный хлеб — [меднмн] за одну двенадцатую

[4*] *При переводе опущены: С. 276—277.*

часть номисмы! И Бог, одобрив это его решение, доставил людям великое изобилие! Но это я говорю в похвалу Василию. Никифор же скорее радовался, видя страдающих подданных, чем помогал им. И не только он один, но и его брат Лев, перейдя словно на положение лавочника в харчевнях, наполнил вселенную множеством различных бедствий. Их ненасытную жадность горожане удачно высмеяли. Однажды император находился в поле, обучая войско, когда к нему подошел седовласый старик и попросил принять его в число стратиотов. Император сказал ему: «Ты же старик, как ты можешь требовать, чтобы тебя причислили к моим стратиотам?» Тот остроумно ответил: «Я сейчас стал значительно сильнее, чем когда был юношей!» И в ответ на вопрос императора: «Как это?». — Он сказал: «А потому, что раньше купленный за номисму хлеб я носил, нагрузив ношу на двух ослов, а в твое царствование хлеб на две номисмы я, не ощущая тяжести, могу носить на плечах». Выслушав таким образом [скрытую] иронию, император удалился, совершенно не смущенный.

О ВОЙНЕ С РУСЬЮ ИМПЕРАТОРОВ НИКИФОРА ФОКИ И ИОАННА ЦИМИСХИЯ *

На четвертом году своего царствования, в месяце июне 10 индикта [Никифор Фока] выступил, чтобы обозреть города, расположенные во Фракии; когда он прибыл к так называемому Большому Рву, он написал правителю Болгарии Петру, чтобы тот воспрепятствовал туркам переправляться через Истр и опустошать [владения] ромеев. Но Петр не подчинился и под разными предлогами уклонялся [от исполнения этого]. Тогда Никифор почтил достоинством патрикия Калокира, сына херсонского протевона, и отправил его к правителю Росии Свендославу [2*], чтобы обещаниями даров и немалых почестей склонить его к нападению на болгар. Росы повиновались; на пятом году царствования Никифора в августе месяце 11 индикта они напали на Болгарию, разорили многие города и села болгар, захватили обильную добычу и возвратились к себе. И на шестом году его царствования они опять напали на Болгарию, совершив то же, что и в первый раз, и даже еще худшее.

А народ росов, который вышеописанным образом покорил Болгарию и взял в плен Бориса и Романа, двух сыновей Петра, не помышлял более о возвращении домой. Пораженные прекрасным расположением местности, [росы] разорвали договор, заключенный с императором Никифором, и сочли за благо остаться

* *Скилица.* С. 276—277; 287—291; 294—303; 304—310.

2* Написание имени Святослав по-гречески совпадает у Скилицы и у Льва — различается лишь русская транскрипция.

в стране и владеть ею. Особенно побуждал их к этому Калокир, который говорил, что если он будет провозглашен ими императором ромеев, то отдаст им Болгарию, заключит с ними вечный союз, увеличит обещанные им по договору дары и сделает их на всю жизнь своими союзниками и друзьями. Гордясь этими словами, росы рассматривали Болгарию как свою военную добычу и дали послам [Цимисхия] который обещал заплатить все, обещанное им Никифором, ответ, преисполненный варварской хвастливостью; ввиду этого стало необходимо решить дело войной. Итак, император тотчас посылает приказание переправить восточные войска на Запад; военачальником над ними он поставил магистра Варду Склира, дав ему титул стратилата, — на сестре [Варды] Марии он женился, еще будучи частным лицом, — и решил с наступлением весны сам выступить в поход. Росы и их архиг Свендослав, услышав о походе ромейского войска, стали действовать совместно с порабощенными уже болгарами и присоединили в качестве союзников пацинаков и турок, проживающих на Западе, в Паннонии. Собрав триста восемь тысяч боеспособных воинов и перейдя Гем, они стали опустошать огнем и грабежами всю Фракию; разбив свой стан недалеко от стен Аркадиополя, они ожидали там начала борьбы. Когда магистр Варда Склир узнал, что неприятель значительно превосходит его численностью войска — ведь у него было всего двенадцать тысяч воинов, — он решил победить бесчисленное множество врагов военными хитростями и искусством и превзойти их механическими приспособлениями; так это и случилось. Замкнувшись со своим войском внутри стен, как бы испугавшись, он оставался там, и хотя враги не раз хотели выманить его на решающее сражение, он не поддавался, наблюдая, как неприятель грабит и уносит все, что ни попадя. Такое решение вызвало у варваров великое презрение: они полагали, что и в самом деле Склир заперся среди стен и удерживает там ромейские фаланги, боясь вступить в бой. Без страха разбрелись они кто куда, стали разбивать лагерь как попало и, проводя ночи в возлияниях и пьянстве, в игре на флейтах и кимвалах, в варварских плясках, перестали выставлять надлежащую стражу и не заботились ни о чем необходимом. И вот Варда дождался подходящего момента и, присмотревшись хорошенько, как ему напасть на неприятелей, назначил день и час, поставил в ночное время засадные отряды в удобнейших местах, отправил с небольшими силами патрикия Иоанна Алакаса и приказал ему выйти вперед, вести наблюдение за врагами и постоянно сообщать ему, где они находятся. Разузнав это, [Иоанн] должен был сблизиться с варварами, напасть на них и, сражаясь, обратиться в притворное бегство, но не бежать во весь опор, отпустив поводья и сломя голову, а отступать в строю, медленно и где только возможно поворачиваться к противнику, биться с ним и поступать так до тех пор, пока он не будет завлечен к скрытым

в засадах отрядам, а тогда расстроить ряды и бежать без всякого порядка. Варвары разделились на три части — в первой были болгары и росы, турки же и патцинаки выступали отдельно. Иоанн двинулся и случайно натолкнулся на патцинаков; выполняя полученный приказ, он изобразил медленное отступление, пацинаки же нападали, расстроив ряды; им хотелось поскорее уничтожить всех бегущих, но те то отступали строем, то поворачивались и сражались; путь их направлялся к стоявшему в засаде отряду. Очутившись среди своих, [воины Алакаса] бросили поводья и устремились в непритворное бегство. Пацинаки рассыпались без всякого порядка и бросились в погоню. Но вот появился неожиданно сам магистр со всем войском. Пораженные внезапностью, [пацинаки] прекратили преследование, но не бросились бежать, а остановились, ожидая нападения. Когда на них с огромным напором обрушился отряд магистра, а сзади [между тем] приближалась идущая в полном порядке остальная фаланга, немедленно погибли храбрейшие из скифов: поскольку фаланга расступилась на большую глубину, патцинаки окончательно оказались в засаде, а когда фаланги соединились, то окружение стало полным; [варвары] недолго сопротивлялись и, обращенные в бегство, почти все были истреблены.

Принудив их таким образом к бегству, Варда дознался от пленных, что остальные, еще не утомленные битвой [варвары] выстроились и ожидают сражения. Он устремился против них без промедления. Они же, узнав о неудаче патцинаков, предались горести из-за внезапности бедствия, но затем собрались с силами и, созвав беглецов, напали на ромеев, имея впереди всадников, а позади пеших воинов. Но когда ромеи выказали себя непобедимыми и отразили натиск первого нападения конных врагов, те отступили, укрылись среди своей пехоты, укрепились там духом и стали ожидать приближения ромеев. И сражение стало как бы нерешительным, пока некий скиф, гордившийся размерами тела и неустрашимостью души, оторвавшись от остальных, не бросился на самого магистра, который объезжал и воодушевлял строй воинов, и не ударил его мечом по шлему. Но меч соскользнул, удар оказался безуспешным, а магистр также ударил врага по шлему. Тяжесть руки и закалка железа придали его удару такую силу, что скиф целиком был разрублен на две части. Патрикий Константин, брат магистра, спеша к нему на выручку, пытался нанести удар по голове другого скифа, который [хотел] прийти на помощь первому и дерзко устремился [на Варду]; скиф, однако, уклонился в сторону, и Константин промахнувшись обрушил меч на шею коня и отделил голову его от туловища; скиф упал, а [Константин] соскочил с коня и, ухватив рукой бороду врага, заколол его. Этот подвиг возбудил отвагу ромеев и увеличил их храбрость, скифы же были охвачены страхом и ужасом. Вскоре силы оставили их, и они показали спины, обратившись в позорное

и беспорядочное бегство. Ромеи устремились за ними и наполнили равнину мертвыми телами; число пленных превысило количество убитых, и все захваченные за немногими исключениями были изранены. Никто из уцелевших не избежал бы погибели, если бы наступление ночи не остановило погоню ромеев. Из такого великого множества варваров только совсем немногие спаслись, ромеи же потеряли в сражении 25 человек убитыми, но ранены были почти все.

* * *

На втором году своего царствования [император] вознамерился предпринять поход против росов. Щедрость [помогла ему] набрать воинов; военачальниками были назначены мужи, прославленные рассудительностью и военной опытностью. Император позаботился и о всем необходимом, чтобы войско не терпело ни в чем недостатка; снарядить поход было поручено Льву, который был в то время друнгарием флота, а после этого протовестиарием. Лев привел в порядок старые корабли, снарядил новые и приготовил внушительный флот. Наступила весна; все обстояло прекрасно, и [император], вознеся молитвы к богу, оставил гражданам предписания и покинул столицу. Когда он прибыл к Редесту, ему повстречались два посланца скифов, которые под видом посольства прибыли для того, чтобы разведать силы ромеев. Когда они стали упрекать ромеев утверждая, что терпят несправедливость, император повелел, отлично понимая причину их прибытия, чтобы они обошли весь лагерь, осмотрели ряды воинов, а после обхода и осмотра отправились назад и рассказали своему вождю, в каком прекрасном порядке и с каким послушным войском идет против них войною император ромеев. Отпустив таким образом послов, сам он выступил вслед за ними, имея около пяти тысяч пехотинцев облегченного вооружения и четыре тысячи всадников. Всему остальному множеству воинов было приказано медленно следовать за ним во главе с паракимоменом Василием. Перейдя через Гем, император внезапно вступил во враждебную страну и разбил лагерь поблизости от города Великой Преславы, где находился дворец болгарских царей. Эта неожиданность изумила скифов и повергла их в отчаяние. Калокир, зачинщик и виновник всех происшедших бедствий, который случайно здесь находился, услышав звук трубы, понял, что сам император прибыл и будет лично руководить войной. Втайне покинул он город и ускользнул в лагерь росов. Увидев его и узнав о прибытии императора, росы пришли в немалое замешательство. Но Свендослав приободрил их подходящими к таким обстоятельствам словами, и они, укрепившись духом, приблизились к ромеям и разбили лагерь. Императорское войско сосредоточилось между тем на равнине перед городом и неожиданно напало на врага, не ожидавшего ничего подобного: вне городских стен было застигнуто около восьми

с половиной тысяч мужей, которые производили военные упражнения. Некоторое время они сопротивлялись, но затем утомились и бежали; и одни из них бесславно погибли, а другие укрылись в городе. Пока все это происходило, пребывавшие внутри города скифы узнали о непредвиденном появлении ромеев и об их столкновении со своими соратниками. Хватая оружие, какое кому случайно подвернулось под руку, они устремились на выручку своим. Ромеи встречали их беспорядочно движущуюся толпу и многих убивали. В силу этого варвары уже скоро не смогли устоять и обратились в бегство. Всадники же ромейской фаланги выдвинулись вперед и отрезали им дорогу в город, перехватывая и убивая беспорядочно бегущих по ровному полю варваров, так что вся равнина наполнилась мертвыми телами и было захвачено бесчисленное множество пленных. Сфангел, который и возглавлял все войско, находившееся в Преславе (он считался среди скифов вторым после Свендослава), опасаясь, видимо, уже за судьбу города, запер ворота, обезопасив их засовами, взошел на стену и поражал нападающих ромеев различными стрелами и камнями. Только наступление ночи прекратило осаду города. На рассвете прибыл проедр Василий с множеством войска, двигавшегося позади. Прибытие его явилось большой радостью для императора, который поднялся на какой-то холм, чтобы скифы его видели, и соединившиеся войска стали окружать город. Император обратился [к варварам], уговаривая их отказаться от противодействия и спастись от совершенного истребления; они не соглашались сойти со стены. Справедливый гнев наполнил ромеев, и они приступили к осаде, отгоняя находящихся наверху стрелами и приставляя к стенам лестницы. И некий благородный воин, крепко держа в правой руке меч, а левой приподнимая над головой щит, первым устремился по одной из лестниц. Отражая удары щитом и защищая себя мечом от нападавших и от тех, кто старался ему воспрепятствовать, он поднялся на гребень стены, рассеял всех, кто там находился, и дал следовавшим за ним возможность безопасно подняться. Подражая ему, сначала некоторые, а потом многие [поступили таким же образом], а скифы, одолеваемые их сомкнутым строем, стали прыгать со стены. Соревнуясь с первыми, и многие другие ромеи в различных местах взобрались по лестницам на стену. Приведенные в замешательство, скифы не заметили, как некоторые из ромеев, беспрепятственно достигнув ворот, открыли их и впустили свое войско. Когда город был таким образом взят, скифов, вынужденных отступать по узким проходам, стали настигать и убивать, а женщин и детей захватывали в плен. И Борис, царь болгар, был схвачен вместе с супругой и детьми; украшенного знаками царской власти, его привели к императору. Император человеколюбиво повелел, называя его царем болгар, отпустить всех пленных болгар, предоставив им свободно идти, куда кто захочет; он говорил, что прибыл не для того чтобы по-

вергнуть болгар в рабство, но чтобы их освободить, и утверждал, что одних только росов он считает врагами и относится к ним по-вражески.

Между тем восемь тысяч храбрейших скифов заняли хорошо укрепленную часть царского дворца, который находился посреди города, укрылись там на некоторое время и перебили многих воинов, попавших туда ради любопытства или тайно пробравшихся с целью грабежа. Узнав об этом, император повелел против них послать равносильный отряд, но отправленные действовали вяло и не отважились осадить их — не потому, что они боялись росов, но потому, что укрепление казалось им прочным и непреодолимым. Император легко разрешил затруднение: вооружившись, он сам устремился пешим впереди прочих воинов, которые при виде этого тотчас же схватили оружие и бросились за ним; каждый спешил опередить государя, и с военным кличем и шумом они кинулись на укрепление. Росы с ожесточением выдержали осаду, но [ромеи], зажегши во многих местах огонь, таким путем преодолевали сопротивление — не перенеся силы огня и ромейского оружия, [росы] попрыгали [со стен] и побежали; многие из них были уничтожены пламенем, многие брошены с крутизны, а прочих ожидали меч либо плен. Таким образом, весь город не устоял и был взят за два дня. Обретя и захватив его, император оставил в нем достаточный отряд, щедро снабдив его всем необходимым для существования и переименовал город, назвав его по своему имени Иоаннополем. Проведя там праздник святой Пасхи, он выступил на следующий день к Доростолу, который называется также Дристрою.

Когда Свендослав услышал о взятии Преславы, он пришел в замешательство, однако не оставил свои замыслы, а стал ободрять своих, призывая проявить себя свыше обычного доблестными мужами, и распорядился сделать все остальное, что было нужно. Умертвив всех болгар, находившихся в подозрении, числом около трехсот, он выступил против ромеев. Император же, заняв по пути некоторые города, поставил над ними стратигов и продвигался, опустошая многие укрепления и поселения, которые он отдавал на разграбление воинам. Когда разведчики сообщили о приближении каких-то скифов, он отрядил отобранных воинов, поставив над ними Феодора из Мисфии в качестве военачальника, и поручил ему, идя впереди войска, разузнать о числе врагов и дать знать об этом; если же будет возможно, то попытать их силу перестрелкой. Сам же [император] следовал позади, выстроив все войско в боевой порядок. Подойдя к врагам, Феодор и его воины стремительно напали на них. Росы, опасаясь засады, не двигались вперед; многие из них были ранены, некоторые пали, и они стали отступать. Рассеявшись по соседним горам и поросшим лесом лощинам, которые были глубоки и обширны, они по горным тропам добрались до Дристры. Количество их достигало

семи тысяч, напавших же на них и обративших их в бегство ромеев было триста. Присоединившись к Свендославу, скифы подняли с места все множество его войска — а насчитывалось их триста тридцать тысяч — и разбили лагерь в двенадцати милях от Доростола, где с ожесточением и мужеством ожидали приближения императора.

Ромеи же, гордясь недавними победами, ожидали сражения, которое должно было решить все. Они надеялись, что им будет содействовать Бог, возлюбивший не зачинщиков несправедливости, но постоянно помогающий тем, которые терпят обиду. Не только мужественные, но даже робкие и слабодушные, горячо стремясь к предстоящей битве, стали смелыми и отважными. И вот войска сблизились. И император, и Свендослав стали воодушевлять своих подходящими к случаю словами поощрения, зазвучали трубы, и возбужденные в равной степени войска столкнулись между собой. Натиск ромеев был при первой стычке так силен, что ряды варваров дрогнули, и многие из них пали. Враги, однако, не отступили и не дали ромеям возможности перейти к преследованию — приободрившись, скифы снова кинулись с военным кличем назад на ромеев. В течение некоторого времени борьба была равной, когда же день стал склоняться к вечеру, ромеи, поощряя друг друга и как бы закалившись от взаимных призывов, стали теснить левое крыло скифов и многих опрокинули своим непреодолимым напором. Росы пришли на подмогу пострадавшим, император же отправил на помощь тех, кто находился около него, и сам двинулся за ними с развернутыми императорскими знаменами, потрясая копьем, часто понукая шпорами коня и побуждая воинов боевым кличем. Завязалась жаркая схватка, и не раз менялось течение битвы (говорят, будто двенадцать раз приобретала борьба новый оборот); наконец росы, избегая опасности, рассеялись в беспорядочном бегстве по равнине. Преследуя и настигая бегущих, ромеи их истребляли; многие были убиты, еще больше было захвачено в плен, те же, которые спаслись от опасности, укрылись в Доростоле.

Вознеся за победу молитвы победоносному мученику Георгию (ибо столкновение с врагами произошло в день, посвященный его памяти), император на другой день сам двинулся к Доростолу и, оказавшись там, стал укреплять лагерь. Однако осаду он не начинал, опасаясь, что росы удалятся на кораблях по реке, никем не охраняемой. Расположившись станом, он ждал прихода ромейского флота. Между тем Свендослав приготовлялся выдержать осаду; находившихся у него пленных болгар, числом около двадцати тысяч, он, опасаясь их восстания, приказал заковать в колодки и в цепи. Когда прибыл флот, император приступил к осаде и неоднократно отражал вылазки скифов. В один из дней, когда ромеи рассеялись в вечернее время для принятия пищи, конные и пешие варвары, разделившись на две части, устремились из двух

ворот города — из восточных, которые было приказано охранять стратопедарху Петру с фракийским и македонским войском, и из западных, к которым был приставлен сторожить Варда Склир с воинами Востока. Вышли они, выстроившись в боевой порядок, и тогда в первый раз появились верхом на лошадях, в предшествующих же сражениях бились пешими. Ромеи встретили их с ожесточением, и завязался упорный бой. Борьба долго шла с равным успехом, наконец ромеи обратили варваров в бегство своей доблестью и, прижав к стене, многих перебили в этой стычке и всего более — всадников. Ни один из ромеев не был ранен, и только три лошади были убиты. Собравшись внутри стен, разбитые варвары провели наступившую ночь без сна и оплакивали павших в сражении дикими и повергающими в ужас воплями, так что слышавшим их казалось, что это звериный рев или вой, но не плач и рыдания людей. Едва наступило утро, все воины, рассеянные по различным укреплениям для их охраны, были созваны в Доростол; они сошлись быстро. Император же двинул все свои силы, вывел их на равнину перед городом и начал вызывать варваров на битву. Но так как они не вышли, он воротился в лагерь на отдых. И прибыли к нему послы из Констанции и других крепостей, лежавших по ту сторону Истра; они умоляли простить им все плохое и отдавали себя и свои укрепления в его руки. Благосклонно приняв их, император послал занять крепости, а также отправил войско, необходимое для их охраны. Когда наступил вечер, все ворота города открылись, и росы, будучи в большем, нежели прежде, числе, напали на ромеев, которые не ожидали этого ввиду приближения ночи. И казалось, что вначале они имели перевес, однако немного спустя ромеи взяли верх. Но когда был убит геройски сражавшийся Сфангел, эта потеря связала и ослабила их натиск. Тем не менее в течение всей ночи и на следующий день до самого полудня они продолжали сильное сопротивление. Когда затем посланные императором силы отрезали варварам дорогу в город, росы, узнав об этом, ударились в бегство. Находя путь к городу перехваченным, они разбегались по равнине, где их настигали и умерщвляли. С наступлением ночи Свендослав окружил стену города глубоким рвом, чтобы нелегко было при наступлении ромеям приблизиться к городской стене. Укрепив таким способом город, он решил смело выдержать осаду. Когда же многие воины стали страдать от ран и надвигался голод, ибо необходимые запасы истощились, а извне ничего нельзя было подвезти из-за ромеев, Свендослав, дождавшись глубокой и безлунной ночи, когда с неба лил сильный дождь и падал страшный град, а молнии и гром повергали всех в ужас, сел с двумя тысячами мужей в челны-однодеревки [и отправился] за продовольствием. Собрав где кто мог зернового хлеба, пшена и прочих жизненных припасов, они двинулись по реке на однодеревках в Доростол. Во время обратного плавания они увидели на берегу реки

многих обозных слуг, которые поили и пасли лошадей либо пришли за дровами. Сойдя со своих судов и пройдя бесшумно через лес, [варвары] неожиданно напали на них, многих перебили, а прочих принудили рассеяться по соседним зарослям. Усевшись снова в ладьи, они с попутным ветром понеслись к Доростолу. Великий гнев охватил императора, когда он узнал об этом, и он сурово обвинял начальников флота за то, что они не знали об отплытии варваров из Доростола; он угрожал им даже смертью, если нечто подобное повторится еще раз, и после того оба берега реки тщательно охранялись. Целых шестьдесят пять дней вел император осаду, и так как ежедневно происходившие стычки были бесплодны, он решил попытаться взять город блокадой и голодом. Ввиду этого он велел перекопать рвами все дороги, везде была поставлена стража, и никто не мог в поисках продовольствия выйти из города; [сам же император] стал выжидать. Так обстояло дело с Доростолом...

* * *

...Внутри города скифов терзал голод, снаружи они терпели урон от стенобитных орудий, особенно в том месте, где охрану нес магистр Иоанн, сын Романа Куркуаса; находившийся там камнемет причинял им немалый вред. Выделив самых отважных воинов, имевших тяжелое вооружение, и смешав их с легковооруженными, [скифы] посылают их против указанного орудия, чтобы они постарались его уничтожить. Дознавшись об этом, Куркуас во главе сильнейших своих воинов поспешил на защиту [орудий].

Оказавшись посреди скифов, он упал вместе с конем, который был ранен копьем, и погиб, изрубленный на части. Подоспевшие ромеи напали на росов, отстояли орудия в целости и оттеснили скифов в город.

Наступил июль месяц, и в двадцатый его день росы в большом числе вышли из города, напали на ромеев и стали сражаться. Ободрял их и побуждал к битве некий знаменитый среди скифов муж, по имени Икмор, который после гибели Сфангела пользовался у них наивеличайшим почетом и был уважаем всеми за одну свою доблесть, а не за знатность единокровных сородичей или в силу благорасположения. Видя, как он мужественно сражается, ободряет и воодушевляет других и приводит в замешательство ряды ромеев, Анемас, один из императорских телохранителей, сын царя критян Курупа, не смущаясь ростом этого мужа и не боясь его силы, воспламенил свое сердце яростью, заставил своего коня [несколько раз] прыгнуть в разные стороны, извлек висевший у бедра клинок, бешено устремился на скифа и, ударив его мечом в левое плечо повыше ключицы, перерубил шею, так что отрубленная голова вместе с правой рукой упала на землю. И когда скиф свалился, Анемас невредимым вернулся в свой стан.

Из-за этого подвига поднялся сильный шум, ибо ромеи радостно кричали по случаю победы, скифы же вопили нечто непонятное и утратили свое воодушевление. Ромеи усилили свой натиск, и те, обратившись в бегство, бесславно удалились в город. Немало было в этот день убитых — одни были растоптаны в тесноте, других же настигая перекололи ромеи. Если бы не наступление ночи, то и сам Свендослав не избежал бы плена. Спасшись от опасности и находясь за стенами, [скифы] подняли великий плач из-за смерти Икмора. Снимая доспехи с убитых варваров, ромеи находили между ними мертвых женщин в мужской одежде, которые сражались вместе с мужчинами против ромеев.

Итак, война шла неудачно для варваров, а на помощь им не приходилось надеяться. Одноплеменники были далеко, соседние народы из числа варварских, боясь ромеев, отказывали им в поддержке; у них не хватало продовольствия, а подвезти его было невозможно, поскольку ромейский флот тщательно охранял берега реки. К ромеям же каждый день притекали, как из неисчерпаемого источника, всевозможные блага и постоянно присоединялись конные и пешие силы. Не могли варвары и удалиться, сев в свои челны, ибо выходы, как мы уже сказали, тщательно охранялись. Когда они собрали совещание, то одни советовали тайно удалиться ночью, другие — вернуться домой, попросив у ромеев мира и залогов верности, ибо нет другого пути к возвращению. Некоторые советовали предпринять и другие меры соответственно обстоятельствам, и все сходились на том, что следует окончить войну. Свендослав же убедил их решиться на еще одну битву с ромеями и — либо, отлично сражаясь, победить врагов, либо, будучи побежденными, предпочесть постыдной и позорной жизни славную и блаженную смерть. Ибо как возможно было бы им существовать, найдя спасение в бегстве, если их легко станут презирать соседние народы, которым они прежде внушали страх? Совет Свендослава пришелся им по нраву, и все согласились встретить общими силами крайнюю опасность для их жизни. На рассвете следующего дня варвары поголовно выступили из города. Чтобы никому не было возможности спастись бегством в город, они заперли за собою ворота и бросились на ромеев. Завязалось ожесточенное сражение. Варвары бились отважно, и ромеи в тяжелых доспехах, изнуряемые жаждой и сжигаемые солнцем (был как раз самый полдень), стали поддаваться [натиску]. Узнав об этом, император прискакал на помощь со своими воинами и принял на себя главный удар, а утомленному солнцем и жаждой воинству приказал доставить мехи, наполненные вином и водой. Воспользовавшись ими, избавясь от жажды и зноя и собравшись с силами, они стремительно и неистово бросились на скифов: те, однако, достойно их приняли. Пока император не заметил, что место битвы очень тесно, она продолжалась с равным успехом. Но он понял, что по этой причине скифы теснят ромеев

и мешают им совершать деяния, достойные их силы, и вот стратигам было приказано отойти назад на равнину, отодвинувшись подальше от города и делая при этом вид, будто они убегают, но на деле не бежать сломя голову, а отходить спокойно и понемногу; когда же преследователи будут отвлечены на большое расстояние от города, [им надлежит,] неожиданно натянув поводья, повернуть лошадей и напасть на врага. Приказание было исполнено, и росы, считая отступление ромеев настоящим бегством, с военным кличем устремились за ними, подбадривая друг друга. Но когда ромеи достигли назначенного места, они повернулись и отважно ринулись на врагов. Там завязалась жестокая битва, и случилось, что стратиг Феодор из Мисфии, конь которого был сражен пикой, упал на землю. В этом месте закипела упорная схватка, ибо росы порывались его убить, а ромеи старались защитить его. Этот Феодор, свалившись с лошади, схватил какого-то скифа за пояс и, двигая его силой своих рук во все стороны как небольшой легкий щит, прикрывался им от летящих в него копий, а сам, обороняясь таким образом, понемногу отступал, приближаясь к ромеям, которые оттеснили наконец скифов и спасли этого мужа от опасности. И хотя битва не была решена, оба войска закончили борьбу.

Видя, что скифы сражаются с бо́льшим жаром, нежели ранее, император был удручен потерей времени и сожалел о ромеях, переносящих страдания мучительной войны; поэтому он задумал решить дело поединком. И вот он отправил к Свендославу посольство, предлагая ему единоборство и говоря, что надлежит решить дело смертью одного мужа, не убивая и не истощая силы народов; кто из них победит, тот и будет властелином всего. Но тот не принял вызова и добавил издевательские слова, что он, мол, лучше врага понимает свою пользу, а если император не желает более жить, то есть десятки тысяч других путей к смерти; пусть он и изберет, какой захочет. Ответив столь надменно, он с усиленным рвением готовился к бою. Отказавшись от вызова на поединок, император старался всеми способами отрезать варварам доступ в город. Он назначил для этого предприятия магистра Варду Склира с теми отрядами, которые тот возглавил, а патрикию Роману, который был сыном государя Константина, являвшегося сыном Романа Старшего, вместе со стратопедархом Петром было приказано с их силами напасть на врагов. И они ринулись на скифов и сражались упорно. Но и те сопротивлялись отчаянно. Долгое время борьба оставалась равной, и много было в сражении перемен и изменений. Но вот Анемас, сын критского эмира, повернул своего коня, сильно ударил его шпорами и с юношеской отвагой помчался на самого Свендослава. Разорвав вражеский строй, он нанес ему удар мечом в середину головы, сбросил с коня, но не убил, так как помешали бывшие на нем доспехи. Сам же [Анемас] был окружен и, подвергаясь со всех

сторон нападению многих, погиб, геройски закончив жизнь и возбуждая великое удивление даже среди врагов.

Говорят, что ромеи получили тогда и божественное воспоможение. Ибо в тылу их поднялась буря и ударила в лицо скифам, не давая им возможности осуществить задуманное для битвы. И все ромейское войско увидело некоего мужа, который сражался впереди всех на белом коне, теснил врагов и приводил в беспорядок их строй; ни раньше, ни позже никто его не знал и потому его сочли Феодором, одним из победоносных мучеников. Император всегда прибегал к таким защитникам и заступникам против врагов, да и сражение это произошло в тот самый день, в какой всегда празднуется память [Феодора] Стратилата. И некая почитаемая в Византии жена имела о том знамение от высшей силы. За день до битвы она видела во сне, что стоит рядом с богородицей и слышит, как та говорит, обращаясь к некоему воину: «О досточтимый Феодор! Мой и твой Иоанн находится в опасности; поторопись же его выручить». И когда взошло солнце, она поведала об этом соседям; таково было видение. А между тем скифы обратились в бегство, но найдя городские ворота запертыми, бросились от Склира врассыпную по равнине и погибли без числа, растаптываемые своими же и избиваемые ромеями, а остальные почти все были изранены. Почитая мученика [Феодора] и желая воздать ему благодарность за помощь, император [впоследствии] повелел разобрать до основания церковь, где покоились святые его останки, и воздвигнуть на том месте большой и прекрасный храм, которому преподнес щедрые дары. Город же Евхания был переименован в Феодорополь.

Свендослав, использовав все средства и во всем потерпев неудачу, не имея уже никакой надежды, склонился к заключению договора. Он отправил к императору послов, прося залогов верности и внесения в число союзников и друзей ромеев, чтобы ему со всеми своими дозволено было удалиться невредимыми домой, а скифам, если пожелают, — безопасно приходить по торговым делам. Император принял послов и согласился на все, о чем они просили, произнеся известное изречение, что обыкновение ромеев состоит в том, чтобы побеждать неприятелей более благодеяниями, нежели оружием. После заключения договора Свендослав попросил [о личной встрече и] о беседе с императором; тот согласился, и оба, встретившись и поговорив, о чем им было нужно, [затем] расстались. По просьбе Свендослава император отправил посольство к пацинакам, предлагая им стать его друзьями и союзниками, не переходить через Истр и не опустошать Болгарию, а также беспрепятственно пропустить росов пройти через их землю и возвратиться домой. Назначен был исполнить это посольство Феофил, архиерей Евхаитский. [Пацинаки] приняли посольство и заключили договор на предложенных условиях, отказавшись только пропустить росов. Когда росы отплыли, император

укрепил крепости и города на берегах реки и возвратился в ромейскую державу.

* * *

Когда Свендослав возвращался домой и проходил через землю пацинаков, то они заранее подготовили засаду и ожидали его. Подвергшись нападению, он и все его войско было совершенно истреблено. Пацинаки были раздражены тем, что он заключил с ромеями договор.

ИЗ ИОАННА ГЕОМЕТРА*

НА ВАСИЛЕВСА ГОСПОДИНА НИКИФОРА

Благочестиво я властвовал целых шесть лет над народом —
Столько же лет просидел скованным скифский Арес.
Я подчинил города ассирийцев и всех финикиян,
Я неприступнейший Тарс Риму склонил под ярмо,
Освободил острова, их избавив от варварской власти,
И захватил я большой, славный красой своей Кипр.
Запад, а также Восток бежали пред нашей угрозой,
Высохшей Ливии степь, счастье дарующий Нил.
Пал я в своем же дворце, в своем же покое стал жертвой
Женских предательских рук, вдруг и злосчастен, и слаб.
Были со мною столица, и войско, и стены двойные —
Истинно, нет ничего призрачней смертных судьбы!

НА АПОСТАСИЮ

Потоки крови, небо, вмиг на нас обрушь,
А ты, о воздух, облачись в кромешный мрак,
Земля, разверзнись, подо мною расступись,
Рви на себе деревья, словно волосы,
И покрывалом скорбным лик себе закрой —
Пусть зелень почернеет вся от слез твоих!
Залит Восток весь ныне кровью родственной,
Что было некогда единым — делит меч.
О, горе! Рубит он и семьи, и людей:
Отец убить взалкал своих родных детей,
И руки отчей кровью обагряет сын,
И в ярости направил острый нож
Брат в сердце брата. О, великая печаль!
В ужасных корчах вся земля колеблется:
Дрожит она внутри — снаружи молнии
Испепеляют самый пепел пламенем.
Срывают города зубцы со стен своих
И наземь их бросают с плачем горестным —

* Патрология Миня. Т. 106, № 41, 5, 24, 63, 51.

Так волосы себе рвут девы в трауре.
Арабам радость — города ромейские
Им подать шлют, они ж за кровь невинную
Подарков ждут, над нами измываются!
Вот сколь несчастий претерпел один Восток —
А кто опишет бедствия на Западе?
Там скифов орды рыщут вдоль и поперек,
Вольготно им, как будто на своей земле.
Иссяк источник силы, чести, мужества,
Под корень срублено то древо, что железную
Давало поросль; и младенцев поколенье
Уже рассечено — иные с матерью,
Других же враг похитил стрел насилием.
Повергнуты во прах большие города;
Где люди жили, там сейчас коней пасут.
О, как мне не заплакать, поглядев вокруг!
Горят поля, деревни гибнут в пламени,
Но что с тобой, Визáнтий, город царственный?
Что за судьба тебя гнетет? Скажи мне, Град:
Ты бедами всех превзошел, как раньше всех
Превосходил благополучьем — каждый день
Не ты ль трясешься, рушишь стены, весь дрожишь?
Из тех, кого ты вырастил своим теплом,
Одни уж пали в битвах, посеченные
Мечами собственных родных. О, море бед!
Другие ж бросили прекрасные дворцы,
Бегут в ущелья, на пустынных островах
Нашли пристанище, от страха чуть дыша.
И даже претерпев все это (Судия!
Твоим воленьем!), ни один не растопил
На сердце черствый камень, брата не обнял,
Не уронил слезу, залог спасения.
И даже солнце погрузилось в черный мрак,
Луна поблекла в пелене затмения,
И новая зловеще вдруг звезда зажглась,
Неслыханное чудо — а моим грехам
Все нет конца, предела нет беспечности.
О, Боже-слово, милость мне свою яви!
Твое всесильно око: прекрати резню,
Раздоры, битвы, мятежи и приступы,
Погони, бегства, грабежи, и суд, и месть.
Я знаю, пожалел ты и Ниневию,
Помиловал народ, погрязший во грехе.
Се стадо, что своей ты кровью выкупил.
«И я — загон твой, Иисусе!» — вопиет
Визáнтий, чтоб о нем ты не забыл
Среди пучины бед — доколь еще страдать?

НА КОМИТА

Комета в небе освещает весь эфир,
А на земле комит сжигает Запад весь.
Звезда, что появленьем тьму пророчила,
С восходом солнца блекнет светоносного,
А сей Тифон восстал с победоносного
Никифора закатом — все сжигает он,
Объятый духом мщенья. Где твой властный рык,
О воевода Рима необорного?
Царь по природе, по делам же — победительный,
Чуть приподнявшись из могилы, зарычи, как лев.
Пусть лисы в норы убегут, поджав хвосты!

НА ПОРАЖЕНИЕ РОМЕЕВ В БОЛГАРСКОМ УЩЕЛЬЕ

Я бы скорее поверил, что солнце не встанет сегодня:
  Мисянин верх одержал над авсонием, лук — над копьем!
Словно в движенье пришли и леса, и дикие скалы,
  Так что страшился и лев выйти из логова вон.
Ты, Фаэтон, что ведешь под землею свою колесницу,
  Цезаря тень повстречав, вот что ему передай:
Истру достался римский венец! Скорее к оружью!
Мисянин верх одержал над авсонием, лук — над копьем!

НА ХРИСТА, УСНУВШЕГО В ЛОДКЕ

Бог ты — и ты человек. И во сне даже бурю смирял ты.
Спишь и теперь — пробудись: необузданно бешенство моря!

ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ *

В год 6472. Когда Святослав вырос и возмужал, стал он собирать много воинов храбрых и легко ходил в походах, как пардус, и много воевал. В походах же не возил за собою ни возов, ни котлов, не варил мяса, но, тонко нарезав конину или зверину, или говядину и зажарив на углях, так ел. Не имел он и шатра, но спал, подостлав потник, с седлом в головах...

В год 6475. Пошел Святослав на Дунай на болгар. И бились обе стороны, и одолел Святослав болгар, и взял городов их 80 по Дунаю, и сел княжить там, в Переяславце, беря дань с греков...

В год 6476... И послали киевляне к Святославу со словами: «Ты, князь, ищешь чужой земли ... а свою покинул. А нас чуть было не взяли печенеги...» Святослав с дружиною скоро сел на коней и вернулся в Киев...

* ПВЛ. С. 244—249.

В год 6479. Пришел Святослав в Переяславец, и затворились болгары в городе. И вышли болгары на битву против Святослава, и была сеча великая, и стали одолевать болгары. И сказал Святослав своим воинам: «Здесь нам и умереть! Постоим же мужественно, братья и дружина!» И к вечеру одолел Святослав, и взял город приступом, и послал к грекам со словами: «Хочу идти на вас и взять столицу вашу, как и этот город». . . .И пошел Святослав на греков, и вышли те против русских. Когда же русские увидели их — сильно испугались такого великого множества воинов, но сказал Святослав: «Нам некуда уже деться, хотим мы или не хотим — должны сражаться. Так не посрамим земли русской, но ляжем здесь костьми, ибо мертвые не принимают позора. Если же побежим, позор нам будет. Так не побежим же, но станем крепко, а я пойду впереди вас: если моя голова ляжет, то о своих сами позаботьтесь». И ответили воины: «Где твоя голова ляжет, там и свои головы сложим». И исполчились русские, и была жестокая сеча, и одолел Святослав, а греки бежали. И пошел Святослав к столице, воюя и разбивая города, что стоят и доныне пусты... И послал к нему царь, говоря так: «Не ходи к столице, возьми дань, сколько хочешь». Ибо только немногим не дошел он до Царьграда... Святослав же принял дары и стал думать с дружиной своею, говоря так: «Если не заключим мир с царем и узнает царь, что нас мало, то придут и осадят нас в городе. А русская земля далеко, печенеги с нами в войне, и кто нам тогда поможет?..» И была люба речь эта дружине, и послали лучших мужей к царю, и пришли в Доростол, и сказали о том царю... Царь же обрадовался... и стал посол говорить все речи, и стал писец писать. Говорил же он так: «Список с договора, заключенного при Святославе великом князе русском, и при Свенельде. Писано при Феофиле синкеле к Иоанну, называемому Цимисхием, царю греческому, в Доростоле, месяца июля, 14 индикта, в год 6479. Я, Святослав ... хочу вместе со всеми подданными мне русскими, с боярами и прочими, иметь мир и полную любовь... с боговдохновенными царями и со всеми людьми вашими до конца мира. И никогда не буду замышлять на страну вашу, и не буду собирать на нее воинов, и не наведу иного народа на страну вашу ... ни на Корсунскую страну и все города тамошние, ни на страну болгар. И если и иной кто замыслит против страны вашей, то я ему буду противником и буду воевать с ним... Да соблюдем мы прежний договор...»

...А переяславцы послали к печенегам сказать: «Вот идет мимо вас на Русь Святослав с небольшой дружиной...» Услышав об этом, печенеги заступили пороги...

В год 6480, когда наступила весна, отправился Святослав к порогам. И напал на него Куря, князь печенежский, и убили Святослава, и взяли голову его и сделали чашу из черепа, оковав его, и пили из него.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ЛЕВ ДИАКОН И ЕГО ВРЕМЯ

ВИЗАНТИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

Византийское общество второй половины X в. относительно хорошо изучено. К этому времени рабский труд уже давно перестал служить основой общественного производства; с VII в. центральной фигурой в производстве и в деревне, и в городе стал трудящийся, самостоятельно ведущий свое мелкое хозяйство. В деревне VII—IX вв. это было мелкое частнособственническое хозяйство пахарей, виноградарей, скотоводов, объединенных в крепкие общины, внутренняя жизнь которых регулировалась деревенским обычаем, а также сложившимся в конце VII в. Земледельческим законом. Кроме того, на эти же хозяйства распространялось действие норм общегосударственного гражданского, уголовного и церковного канонического права. Домохозяева платили государственные налоги и выполняли государственные повинности. Крестьяне общины были тесно связаны хозяйственными интересами — они стремились сохранить земли общины от перехода во владение посторонних лиц (Новелла XIX Льва VI. Ц.-Л., III, 220—221). Время VII—IX вв. — период подъема крестьянского хозяйства и вместе с тем время относительного упадка крупного землевладения и ослабления тех элементов феодальной эксплуатации, которые уже пробивали себе дорогу в Позднеримской империи. Вполне закономерным с точки зрения развития классового общества было стремление господствующих кругов подчинить трудовое крестьянство. Эта тенденция отчетливо проявилась уже в начале IX в., ответом на нее были народные движения (участие народных масс в восстании Фомы Славянина и в павликианском движении). К концу IX в., когда ускорилось развитие товарного обращения в городах и когда главные очаги народных движений были подавлены, наступление на крестьянство стало усиливаться, упрочивались новые формы эксплуатации: с одной стороны, ремесленно-торговой и ростовщической верхушки города, с другой — крупных землевладельцев в деревне.

Лев VI реципировал римское право Юстиниана, а вместе с этим и те установления, которые легализовали элементы феодализации в Позднеримской империи. Таким образом эти нормы проникли в действующее право X в. — «Василики». Все виды эксплуатации трудящихся со стороны крупных землевладельцев стали полностью законными в новой обстановке (см.: Вас. 55, 1). Именно эту рецепцию позднеримского законодательства успешно использовали в своих интересах феодализирующиеся круги визан-

тийской знати (см.: *Сюзюмов*. 1953, 72—87). Отметим, что и в самом деревенском управлении нормы Земледельческого закона с течением времени стали применяться и к зависимой общине: если в первоначальной редакции Закона речь шла только о свободном крестьянстве, то в более поздних редакциях к Закону был добавлен эдикт Зотика 512 г. (префекта претория при Анастасии) о принудительном возврате беглых в деревню, что совершенно не соответствовало положениям Земледельческого закона ранних редакций VII—IX вв. (см. *Цахариэ*. 1894; 251, 258; *Георгеску*, 1969).

С X в. началось генеральное наступление крупных землевладельцев на свободную сельскую общину. Поскольку прямое насилие при наличии законодательных норм и централизованного суда было связано с риском, преобладающей формой проникновения знати на территорию общины стала покупка у обедневшего крестьянина его земли с последующим предоставлением участка или приселынку, или тому же крестьянину, бывшему собственнику земли (на правах приселника). X век — время, когда «георгос» (земледелец) постепенно превращался в «парика» (феодально-зависимого крестьянина).

Хотя Лев Диакон происходил из сельских жителей, он был чужд крестьянству, его нуждам. В своем сочинении он ни разу не обмолвился о крестьянах. Несомненно, он не понял основных проблем современного ему общества, писатель обратил внимание лишь на порочные методы формирования крупного землевладения и на развитие социального гнета, рассматриваемого им, однако, лишь как проступки отдельных лиц. Хозяйства крупных землевладельцев создавались быстро и без особых осложнений в результате военной экспансии. Захваченные у арабов территории присваивались византийскими стратигами — масса побежденного населения превращалась в пленных, которые в качестве рабов или зависимых поселенцев были обязаны трудиться на приобретенных землях динатов. Крупное землевладение усилилось до такой степени, что центральное правительство стало бояться его дальнейшего увеличения; земельные магнаты представляли опасность для имперской автократии, их могущество угрожало также и господствующему положению городской и столичной чиновной знати.

Процесс развития экономической и политической мощи крупных землевладельцев (фемной знати, военно-землевладельческого сословия) столь ясно отражен в новеллах X в. и других исторических источниках, что уже в середине XIX в. Фр. Гфрёрер (1877) рассматривал Византию X в. как подлинно феодальное государство. Г. Ф. Хауссиг полагает, что в переходе к эпохе феодальной раздробленности Византия опередила Германию на целое столетие (1959, 392). Действительно, почти вся «История» Льва Диакона сосредоточена на повествовании о деятельности

атих феодализирующихся магнатов, на их экспансии и на их отношении к императорской власти. Следует, однако, иметь в виду, что, пока существовали массы свободного крестьянства, составлявшего основу военной мощи Византии, всякое политическое влияние крупных землевладельцев сочеталось со стремлением получить высокую должность, т. е. войти в столичную чиновную знать, находиться близ императорского престола, в кругу высшей бюрократии.

Что касается городов, особенно столицы, то там процесс феодализации имел существенные особенности. Город все более становился средоточием объединенных в корпорации свободных ремесленников, которые частично сами участвовали в производстве, а иногда использовали рабов и нанимаемых на короткий срок мистиев. Ремесленники были объектом правительственной эксплуатации через налоги. И самый процесс производства, и цены на изделия строго регламентировались (Книга эпарха. XV, 2; XVIII, 1, 4). Тем не менее ремесленники и торговцы имели значительные преимущества перед крестьянами: за корпорациями признавалось монопольное право на производство с целью продажи, они получали привилегии при торговле с иностранцами, участвовали в торжественных церемониях двора. Объединенные в корпорации горожане имели — в ущерб сельским жителям — немалые льготы при централизованном властями ценообразовании на продаваемые в городе продукты и скот. Что касается ремесленных низов, то они находились в фактической зависимости от наиболее крупных корпораций. Масса мистиев, строительных рабочих, грузчиков, матросов, обозников — все эти трудящиеся представляли собой необеспеченное, живущее случайным заработком большинство городского населения. Кроме того, агиографические источники постоянно упоминают о множестве нищих, толпящихся у храмов, о бежавших из деревень и ищущих работы бедняках и деклассированных элементах. Таким образом, привилегированной городской верхушке, на которую опирался император, противостояла озлобленная безысходной бедностью масса горожан, готовая примкнуть к любому движению против аристократии и властей, но являвшаяся в то же время значительной силой, которую могли использовать церковь и отдельные представители оппозиционной знати. Когда эти низы трудящихся города подчинялись диктату знати и самого императора, Лев Диакон называет их «народом», когда же они шли против господствующих слоев общества, то писатель именует их «чернью» (VI, 1).

Говоря о политическом влиянии столичного населения — о ремесленниках, торговцах, к которым присоединялся и плебс, — Лев Диакон вовсе не склонен преуменьшать их роль в развитии событий; нередко он даже придавал ей значение решающего фактора. Однако Лев видел в народе только деструктивную силу

в руках вождей, подчинявших толпу своей воле. Тем не менее вопрос об отношении народа к императору постоянно интересовал Льва Диакона в его труде, и это понятно — в X в. проблемы демагогии (в исконном понимании слова) занимали умы и практиков, и теоретиков.

В Константинополе существовали и правительственные мастерские, обслуживаемые пленными и рабами, которые в случае волнений могли выступать под руководством своих распорядителей (IX, 4). Столица была привилегированным центром среди других городов. Иногородние купцы не могли (так же, как и иностранные) пребывать в Константинополе более 3 месяцев (Книга эпарха. XX, 2). Международная торговля велась через Константинополь; экономика провинциальных городов также оживлялась в IX в. после значительного упадка в «темные века» (VII—VIII вв.). Но отношение провинциальных центров к столице было неустойчивым: во время восстаний против центральной власти население этих городов обычно переходило в лагерь мятежников. Константинополь был, безусловно, центром власти, центром восточной церкви, центром образованности, торговли и ремесла, центром, который впитывал в себя все достижения страны, материальные и духовные, но одновременно он обладал самыми действенными средствами распространения этих социально-культурных ценностей по провинциям и даже за границу. По словам Г. Хунгера (1965), «Константинополь — новый Центр», центр новых отношений, складывавшихся в раннем средневековье.

Но и этот центр имел, в свою очередь, центр — императорский двор, где находился император с его окружением и богатствами, собранными налоговым ведомством. Современникам казалось, что все зависело от личности императора, власть которого юридически была неограниченной. Именно такой изображает ее Лев Диакон.

Не получивший никакого юридического образования, Лев мало интересовался законодательной деятельностью василевсов. Поскольку все зависело от императора, постольку на первый план автор выдвигает вопрос о достоинствах его личности как правителя государства.

Огромное внимание уделяется в сочинении также личности патриарха — главы имперской церкви, занимавшего второе место в имперской иерархии после светского повелителя. Учитывались такие его добродетели, как святость, образованность, рвение к соблюдению церковных обрядов и канонических правил и отношения с императором. Все представлялось весьма важным. Третья сила — синклит — находилась отнюдь не на первом плане, но его роль в кризисных явлениях признавалась тем не менее существенной (II, 12). Особо важное значение отводилось армии, которая играла в X в. самую существенную роль. Вождями армии уже были в то время крупные землевладельцы — ведущая сила

в обществе, определяющая функционирование новых форм экономических, социальных и политических отношений (формирующейся феодальной системы).

Внешнеполитические связи, дипломатические связи и в особенности военные действия привлекают гораздо большее внимание Диакона, чем внутренняя политика.

В X в. выявилась и специфика византийского феодализма: помимо новых явлений, здесь были живы традиции позднеримской империи, сильная центральная власть, римское право, частная собственность. Процесс феодализации протекал в империи в противоречивых формах. Господствующий феодализирующийся класс был расколот. Константинополь — крупнейший центр международной торговли, «Золотой мост» между Европой и Азией — обладал всеми возможностями для развития феодализма по пути, свойственному большим приморским городам, тогда как континентальные провинции империи представляли собой земледельческо-скотоводческое общество, в котором генеральной линией феодализации было формирование крупных землевладельческих поместий. Две основные прослойки господствующего класса были союзниками, когда дело шло о подавлении выступлений трудящихся, но они же оказывались лютыми врагами в борьбе за власть и — объективно — за направление путей феодализации. До конца XI в. решался вопрос, пойдет ли развитие по пути создания феодальной иерархии западного типа или же по пути укрепления централизованного государства, способного организовать присвоение прибавочного продукта, производимого трудящимися, через свой аппарат власти. Именно эти противоречивые тенденции отчетливо отразились в труде Льва Диакона, особенно — при описании восстаний провинциальной знати. Можно сказать, что этим сюжетам писатель посвятил почти треть своей «Истории».

Прибавочный продукт в X в. частично поступал в распоряжение фиска, частично на нужды церкви — либо непосредственно от населения, либо через «дарственные» от императора, по которым для церкви делались отчисления из сумм налоговых сборов; частично он шел землевладельцам в качестве ренты, когда крестьянин трудился на земле крупного собственника, будь то частное лицо, государство, церковь или монастырь.

Немалую часть прибавочного продукта получали и торговцы, выступающие посредниками между крестьянским хозяйством и городским рынком. Борьба за прибавочный продукт была в X в. исключительно острой. Аппарат автократического государства, синклит совместно с высшей городской знатью, верхушка торговцев и ремесленников, отчасти лица свободных профессий представляли собой силу, враждебную провинциальной фемной аристократии. В X в. гражданская столичная знать стала более активно выступать против быстрого роста феодальной собственности провинциальных магнатов, церкви и монастырей. Фактически шла

борьба за власть, решался вопрос, кто возглавит центральную администрацию, ставленником каких слоев будет император и чьи интересы он будет выражать — бюрократической предпринимательской городской верхушки, патриарха и монашества или провинциальной фемной знати. Для Византии X в. характерно также соперничество между синклитом и армией, епископатом и патриархом, церковью и монашеством (Даррузес. 1966), отдельными феодальными фамилиями, а иногда и между императором и столичной бюрократией. Феодализирующаяся знать была слабо сплочена, так как отсутствовали условия для становления иерархической феодальной лестницы.

Желание привлечь в борьбе на свою сторону народные массы обусловило расцвет демагогии. Представители феодализирующейся фемной знати порицали правительство за непосильное налоговое обложение и произвол чиновников. Это, безусловно, привлекало народ на их сторону, и во время мятежей он обычно шел за ними. Императоры же, наоборот, во всех своих обращениях к народу, в том числе в новеллах, обвиняли динатов в алчности, беззакониях и насилиях над бедными. Симпатии же городских масс правящая группировка старалась завоевать устройством зрелищ и организацией «обилия» в столице. Церковь со своей стороны стремилась актами «милосердия» и заступничества воздействовать на народ в своих интересах. В столь сложной обстановке императорский, церковный и фемный (провинциальный) лагери объединяла лишь одна цель — возвратить в состав империи бывшие византийские владения, захваченные арабами на Востоке, островах и в Сицилии, а также занятую болгарами территорию на Балканах. Повествование о войнах занимает у Льва Диакона более половины книги.

Несмотря на временные неудачи в войнах с арабами и Болгарией, начиная с середины VIII в. военная мощь Византии заметно возросла. Причины этого заключались в конечном счете в развитии материального производства деревенской свободной общины, а также в развитии свободного ремесла в городе при относительном сохранении элементов античного культурного наследия. Внутренний строй Византии в X в. обладал уже заметными преимуществами по сравнению с юстиниановской эпохой. Если тогда наблюдалось бегство населения из империи, крестьяне бросали свои земли из-за произвола патронов, то уже с конца VII в. положение стало меняться. Об этом свидетельствует специальное деревенское законодательство, Земледельческий закон, который, как бы его ни расценивали, соответствовал именно деревенскому хозяйству. Такие факторы, как временное ослабление роли крупного землевладения, отсутствие прикрепления крестьян к земле в свободной общине, возможность их свободного переселения в города на заработки, введение фемного строя и реорганизация армии, некоторое ослабление преследований по религиозным мотивам, а также аграрное законодательство Македонской династии

способствовали стабилизации положения византийского крестьянства. Не случайны появившиеся в источниках сведения о переселении в Византию выходцев из соседних стран. Этот процесс стал наиболее заметен в X в.: в восточные фемы переходили курды, христианизированные арабы и бегущие из халифата армяне (Книга церемоний. 694—695; Бар-Эбрей. 391, 380). К тому же времени завершилось создание стратиотского эпоса о Дигенисе Акрите, где воспевается герой из пограничного населения, из воинов-акритов, сражавшихся с арабами и игравших решающую роль в ассимиляции иноязычных перебежчиков на византийскую сторону. Защищая границы империи, акриты ценили свою самостоятельность и иногда вступали в конфликты с центральной властью. Однако в целом набирал силу процесс аристократизации фемного войска, отразившийся в более поздних редакциях народной поэмы. Стратиотский эпос претерпел изменения, соответствовавшие переменам в византийской фемной армии, превращавшейся из народной в «рыцарскую» (*Кучма*. 1971, 96—97). Эпический народный герой-богатырь в конце концов становился подлинным феодальным динатом.

Лев Диакон осознавал, что в его эпоху происходит общественный переворот в развитии Византии, но не понимал его сущности: завершался «дофеодальный период», когда крестьянство в основном еще не было закрепощено феодалами, когда еще полностью не оформились феодальные институты и когда еще не оформился и не консолидировался класс феодалов (*Сюзюмов*. 1972, 1—15). Окончание этого периода было связано с преодолением внутренних и внешних трудностей, и именно эти трудности привели Льва Диакона к пессимистическому пониманию современности, к мыслям о полной гибели государства. В таком ключе этот автор и завершил описание современных ему событий.

БИОГРАФИЯ ЛЬВА ДИАКОНА

Переходя к биографии Льва, мы встречаемся со значительными трудностями. Для нас Лев Диакон интересен прежде всего как историк, и поэтому его общественное положение, участие в переживаемых им событиях и отношение к окружающей действительности, его социальные взгляды должны в первую очередь привлечь наше внимание. Вопрос осложняется тем, что мы вынуждены черпать сведения о жизни Льва только из его собственного труда.

Лев родился около 950 г. В своей «Истории» он пишет, что во время народного движения в Константинополе в 967 г. он был юношей, учеником в школе, μειράκιον. Так называли мальчиков 14—16 лет. Но иногда это понятие могло означать и молодого человека, достигшего возмужания: так, Варду Фоку Лев Диакон (III, 4) называет μειράκιον, хотя у того уже пробивалась бородка.

Судя по введению, Лев происходил из провинциальной семьи, не занимавшей особо видного положения. Иначе он сообщил бы звание и титул своего отца Василия. Родина его — Калоэ — «прекрасное местечко в Азии» на реке Каистр, во Фракисийской феме. Территориального названия «Азия» как провинции или «Асий» как населенного пункта в X в. не было, но Лев по возможности хочет придерживаться терминологии Гомера: ведь в Илиаде (II, 462) есть такие строчки: «Стада журавлей долговыйных в злачном Асийском лугу при Каистре широкотекущем» ... Везде, во всех терминах, географических и этнографических, Лев придерживается этой архаизации.

Из того, что родители могли обеспечить Льву обучение в столице, можно заключить, что его семья была вполне состоятельной.

Кроме «Истории», автором которой, безусловно, является Лев Диакон, ему принадлежит панегирик Василию II, энкомий, изданный И. Сикутрисом в 1933 г. (рус. пер. см.: *Сюзюмов*. 1971, 144—148). На основании этих двух работ мы можем представить себе уровень образованности и кругозор Льва. В Византии того времени от лиц, выдвигаемых на светские и духовные должности, требовалась «энциклопедическая» образованность.

Молодой Лев Диакон симпатизировал императору Никифору Фоке. Политические взгляды Льва во многом были определены его воспитанием. В школе он изучал риторику. Вероятно, ему приходилось составлять энкомии, писать сочинения, придумывать речи, в которых прославлялись подвиги Никифора Фоки. Следы таких школьных упражнений встречаются в «Истории» Льва. Высших школ в Константинополе было немного. Только отдельные лица могли пройти полный курс обучения, но зато такие лица могли надеяться на продвижение по бюрократической лестнице.

После окончания школы Лев оставался в Константинополе. Со своей родиной Лев, по-видимому, совершенно порвал, в «Истории» он никогда не вспоминает о ней и, вероятно, там больше не был. О своей семье и о родных он тоже не упоминает. Видимо, он решил пойти по духовной линии.

В своей «Истории» Лев уделяет много внимания личности патриархов. Особенно интересна характеристика Василия I Скамандрина. Лев обвиняет его в том, что тот больше, чем следовало, стремился разузнавать о деятельности и поведении разных лиц. Очевидно, он давал на этот счет подробные поручения подчиненным из своего окружения (X, 2). Лев, по всей вероятности, получил место при патриархе, и ему приходилось выполнять эти щепетильные, неприятные для него поручения. Характеризуя патриархов, он пишет, что ему часто приходилось бывать в Азии, где он и видел каппадокийских близнецов (X, 3). Поэтому можно почти с уверенностью сказать, что после окончания учебы Лев стал служащим при патриаршей канцелярии. Возможно, он был возведен в сан патриаршего дьякона, поскольку уже достиг того воз-

раста, когда мог быть рукоположен. Можно полагать, что он часто разъезжал по территории патриархата. На интересующий нас вопрос, находился ли он при армии во время похода Цимисхия против Святослава, присутствовал ли он на встрече Цимисхия со Святославом, по-видимому, надо ответить отрицательно. Лев Диакон в то время разъезжал по Малой Азии, и вряд ли ему пришлось побывать в армии Цимисхия. Все подробности о боях и наружности Святослава он заимствовал из устных показаний очевидцев и из какого-то официального источника. В период правления Цимисхия Лев в основном жил в Константинополе: он описывает выступление Льва Фоки в то время, когда Цимисхий был в Болгарии.

К. Б. Газе считал, что Лев стал придворным дьяконом уже в 975 г., однако нет никаких оснований утверждать, что молодой Лев так быстро сделал карьеру. Возможно, он еще после смерти Цимисхия оставался при патриархе: он так многословно, так тщательно и благосклонно характеризует патриарха Антония, что можно не сомневаться — автор был одним из его приближенных. Лев ничего не говорит о том, кто вступил на патриарший престол после Антония, как будто патриархи его больше не интересовали. Антоний умер в 979 г. Можно думать, что именно после этого в начале 80-х годов Лев сумел продвинуться на должность императорского придворного дьякона. Нам несколько непонятно, каким образом Лев, вовсе не будучи сторонником законных государей Василия и Константина, мог понравиться императору Василию настолько, что тот приблизил его ко двору. Очевидно, это могло произойти только благодаря связям. Об этих связях можно догадываться: при описании одного похода Цимисхия против арабов Лев совершенно некстати прибавил фразу о гибели некоего «достигшего высокой мудрости» секретаря императорской канцелярии Никиты, который ослушался своего отца и отправился в поход с Цимисхием (X, 1). Чувствуется, что упомянутый отец был близок Льву Диакону — это или его родственник, или хороший знакомый. Не исключено, что именно данная влиятельная персона, неблагоприятно относившаяся к Цимисхию, смогла рекомендовать Льва Василию — и Лев в «Истории» поэтому, видимо, вспомнил о драме отца, потерявшего талантливого сына.

После получения должности придворного дьякона Лев сопровождает императора Василия в его походах, причем в 986 г. он чуть не погиб во время крупного поражения византийцев в бою с болгарами.

Он переживал все неудачи и бедствия, которые обрушивались на Византию в период самостоятельного правления Василия II вплоть до 989 г., когда историк и закончил описание правления Иоанна Цимисхия. Вероятно, Лев, будучи придворным дьяконом, понимал всю шаткость положения Василия на троне и не верил в благополучный исход событий. Одни за другими следовали

восстания, военные неудачи, различные бедствия, космические предзнаменования... Но правление Василия II продолжалось, власть молодого энергичного императора укрепилась. Опубликовать в таком виде «Историю», где восторженно описывались правления Никифора Фоки и Цимисхия (ведь это были «тираны», «похитители престола»), оказалось невозможным. Переделывать всю работу Лев не хотел или не имел времени. И он прекратил писать «Историю».

В его труде ни слова не сказано о судьбе законных императоров при Никифоре и Цимисхии, но содержатся страшные и частично клеветнические измышления о матери императора; говорится о неопытности императора Василия в ведении похода против болгар — фактически он объявлен виновником поражения; сообщается, что почти вся Византия стояла за мятежников. Все это, конечно, нужно было изменить, т. е. писать «Историю» заново; Лев, бросив заниматься историей, продолжал свою деятельность при дворе. Скоро он заметил, что положение Василия более или менее упрочилось. Начались победы. И он решил избрать обычную при византийском дворе линию поведения — выдвинуться своим красноречием и выражением преданности императору. Он произнес свой энкомий примерно тогда, когда проводилась политика, завершившаяся изданием знаменитой новеллы императора Василия II в 996 г.; именно на эти демагогические мероприятия Лев намекает в своем панегирике, восторженно поддерживая политику Василия. Лев стал типичным византийским придворным. На этом заканчивается сколько-нибудь точная его биография.

К. Крумбахер и Д. Моравчик полагают, что преждевременная смерть помешала Льву продолжить свою «Историю». Но приведенные нами соображения и ряд сохранившихся документов дают возможность выдвигать разные, более или менее вероятные, но все же шаткие гипотезы о дальнейшей судьбе Льва.

Первая гипотеза: Лев после произнесения энкомия быстро выделился среди придворных императора. Можно думать, что учитывалась и его деятельность при патриархах, когда он выполнял их поручения. Произнес он энкомий в начале 90-х годов. И вот в 996 г. в Константинополь прибыл из Италии епископ Пьяченцы Иоанн Филагатон, интриган, по происхождению калабрийский грек. Неизвестна причина его прибытия, но, очевидно, это была сложная дипломатическая игра. В конце 996 г. переговоры закончились, и император Василий поручил некоему своему придворному *Льву* сопровождать Филагатона обратно в Италию. Кроме того, тот же придворный Лев получил особое дипломатическое поручение — переговоры о проекте династического брака византийской принцессы с Оттоном III. Лев прибыл в Италию; сохранилось несколько его писем частного порядка из Рима. Письма дают представление о ловком дипломате. Отправляясь к молодому От-

тону III с предложением о браке с одной из племянниц Василия II, Лев осуществлял дипломатическую диверсию с целью подчинения Рима Византии. В союзе с вождем антигерманской партии Кресценцием Лев сумел (как сам пишет в письмах) содействовать возведению на папский престол Филагатона в качестве антипапы вместо ставленника германского императора папы Григория. Однако в 998 г. император Оттон III, придя с армией в Рим, казнил Филагатона и Кресценция. Лев был в Риме до конца 998 г., побывал во Франции, встречался с Оттоном III, видел казнь своего ставленника (которого он почему-то лично ненавидел). Именно этот дипломат и идентифицируется с нашим историком Львом Диаконом.

Письма Льва-посланника опубликовали И. Сакеллион (1892) и Шрамм (1924). На некоторую возможность идентифицировать этого Льва со Львом Диаконом стали указывать К. Крумбахер, Г. Вартенберг и особенно А. Грегуар и П. Оржельс. Наконец, Ж. Даррузес опубликовал письма митрополита Синадийского (Синада — город в феме Анатолики), отождествив этого иерарха со Львом-дипломатом. Однако он не признает в нем Льва Диакона, так как возраст митрополита Синадийского на 15 лет расходится с данными о возрасте Льва Диакона. (Правда, это положение Даррузеса, в свою очередь, подвергается сомнению, ибо датировка им письма № 13, где сказано о возрасте автора, произвольно отнесена к предыдущим письмам.) Соблазнительная гипотеза Грегуара, что после выступления с зикомием Лев Диакон впоследствии стал епископом Синады, при существующем положении с источниками и специальными исследованиями по эпистолографии того времени не может считаться достаточно аргументированной, хотя она, казалось бы, так подходит к биографии Льва Диакона.

Вторая гипотеза также покоится на источниковедческих изысканиях. Дело в том, что во введении к хронике Скилицы в рукописи № 136 названы четырнадцать историков, в том числе и знаменитые Георгий Монах, Феофан, Пселл, Генесий и ряд не дошедших до нашего времени авторов, среди них и некий Лев Асийский — Леон Асинос. Кто такой Лев Асийский? Не могло, как полагали, быть сомнений, что это и есть Лев Диакон — ведь он сам пишет во введении, что его родина — Калоэ... У Гомера (II, 462): Ἀσίῳ ἐν λειμῶνι. Но сразу же возникло недоумение — почему написано Ἀσινός, а не Ἀσιανός — не ошибка ли это? Ряд иных толкований в связи с корнем «Ас» можно было бы тоже отнести к родине Льва; Монфакон просто передавал это наименование как прозвище Leo Asinus (лат. «осел»). У Крумбахера не было сомнений, что Скилица во многом использовал Льва Диакона-Асийца. Но после того как Вартенберг и я решительно выступили против версии, что Скилица использовал «Историю» Льва Диакона, это положение было поколеблено, хотя и нет осо-

бых доказательств, что Скилица перечислял во введении именно тех историков, сочинения которых послужили ему источниками. Было выдвинуто и другое подкрепление этой теории. Во введении к «Истории» Кедрина, который почти дословно копировал Скилицу, перечислены те же четырнадцать историков, в полном соответствии со Скилицей, но вместо Льва Асийца упомянут Лев Кариец. Некоторые филологи XVII в. видели в нем грамматика Льва Киверноте. Позднее стали идентифицировать Льва Карийца со Львом Диаконом — Львом Асийцем. С большой натяжкой Карию стали считать тоже родиной Льва Диакона. Особенно тщательно подошел к вопросу Панайотакис. Он обратил внимание на то, что были неправильно переведены слова Λέω ὁ Καρίας как «Лев из Карии». Сочетанием имени с родительным падежом местности означали обычно митрополита этой области. Сохранились письма именно митрополита Карии Льва (без указания времени написания). В этих письмах есть несколько выражений, встречающихся и у Льва Диакона. Так что Панайотакис, анализируя стиль этих писем, пришел к выводу, что Лев Диакон после своего выступления с энкомием стал быстро продвигаться и наконец был удостоен сана митрополита. Однако существует ряд возражений. Во-первых, если Лев Диакон стал митрополитом, то, поскольку обычно при этом изменяют имя, он не назывался бы Львом. Ведь в таком случае здесь нужно допустить исключение. Во-вторых, митрополия Карии, судя по сохранившимся актам, занята была митрополитом Иоанном с 997 по 1030 г. Правда, Панайотакис предполагает, что в актах мы, возможно, имеем дело с двумя Иоаннами, и допускает, что между ними митрополитом был Лев. Но это тоже слишком большая натяжка.

Кроме того, есть сомнение, что Кедрин изменил слово «Асийский» на слово «Карийский», когда узнал, что бывший дьякон Лев стал митрополитом Карии. Введение Кедрина точно передает текст Скилицы. Почему же в таком случае Кедрин, во всем рабски следующий Скилице, вдруг решился его исправить? Кедрин использовал не дошедшую до нас раннюю рукопись Скилицы. Но введение Скилицы сохранилось только в более поздней рукописи — Куаленовой 136. Эта рукопись начала XII в. во многих местах позволяет стилистически выправить и дополнить ту, которая служила прототипом для Кедрина. В последующих рукописях (например, в Венской) этих поправок и дополнений нет. Особенно важно, что в рукопись 136 включены две дословных больших вставки из «Истории» Льва Диакона — описание внешности Никифора (III, 8) и внешности Цимисхия (VI, 3). Отсюда напрашивается вывод: Куаленовую рукопись нельзя считать первоначальной. Основная рукопись — та, которую использовал Кедрин. В Куаленовой же рукописи переписчик смело делает поправки и вставки. Но это означает, что слова «Лев Асийский» есть правка писца рукописи 136, внесшего их вместо слов «Лев Ка-

рийский». Почему же сделана такая правка? Причина была совершенно определенной: у Скилицы не использован Лев Диакон, и Лев Карийский ничего общего со Львом Диаконом не имеет. В Куаленовой же рукописи уже имеются вставки из Льва Диакона, и поэтому вместо незнакомого для переписчика Льва Карийца внесено имя Льва Асийца, которое, безусловно, означало Льва Диакона. При таком понимании Лев Диакон и митрополит Карии не идентичны. Но, конечно, только дальнейшие успехи эпистолографии смогут дать достоверные факты из поздней биографии Льва Диакона.

Считалось, что Лев Диакон является автором особого энкомия в честь архистратига Михаила на день его празднования 8 ноября. Но, согласно Панайотакису, имя «Леон» написано в заголовке энкомия ошибочно вместо Панталеон, так как подобный энкомий в честь архистратига Михаила известен как сочинение Панталеона (вторая половина XI в.). Возможно, дальнейшие публикации в области эпистолографии церковных деятелей Византии вскроют новые факты.

Остается привести некоторые соображения относительно датировки завершения труда Львом Диаконом. Лев, нужно думать, рано стал увлекаться исторической тематикой. Первые книги его сочинения почти полностью состоят из речей, которые напоминают школьные работы по риторике. Речи Никифора Фоки, Льва Фоки, патриарха Полиевкта — это ученические упражнения на исторические темы; их использовал Лев, начав писать «Историю». Но когда он решил приступить к своему труду? Об этом мы можем судить по введению. Тяжелые годы гражданских войн и поражения в Болгарии, потеря некоторых завоеваний, совершенных Цимисхием, шаткость положения правительства Василия II — вот та обстановка, в которой Лев приступил к написанию своего труда. Это вторая половина 80-х годов, вернее, время после поражения византийцев в 986 г., когда сам Лев едва избежал гибели. Вряд ли раньше этого времени Лев мог начать писать «Историю». Последнее событие, которое упоминается в «Истории», — землетрясение 26 октября 989 г. Известие о том, что Василий II в течение шести лет восстановил поврежденный во время землетрясения купол церкви св. Софии, может быть сочтено поздней вставкой. Лев ничего не пишет о капитуляции Варды Склира (11 октября 989 г.) и о его судьбе, о продолжающихся восстаниях Фок; ничего не знает он и о крещении Руси (Лев считал, что русские оставались язычниками). Сообщая во введении, что люди ожидают конца света, Лев имел в виду 992 г. Он пишет при этом в форме будущего времени, значит он составлял свой труд раньше 992 г. Другое соображение, о котором уже была речь: «История» написана в таких тонах об императоре Василии и его матери, в каких невозможно было писать после блестящей победы над болгарами в 991 г. Вот эти два аргумента (вместе

с представлением о росах как о язычниках) и дают, как мы полагаем, подлинный terminus ante quem 990—991 гг. Именно тогда Лев прекратил писать свой труд; вероятно, перечитывая его, он нашел, что ни переделать его, ни опубликовать в период правления Василия II невозможно. Вместо «Истории» он стал сочинять энкомий.

Что касается вставки относительно восстановления купола церкви св. Софии и замечания, что после разгрома мятежа Варды Фоки «наступило глубокое спокойствие» (X, 9), то можно думать, что Лев Диакон, просматривая свой труд, сам приписал эти строки. К «Истории» Льва Диакона нельзя подходить как к труду, опубликованному тотчас после написания. Он был закончен около 990 г. и долго находился у автора, так как предать его гласности при жизни Василия II писатель не мог решиться.

МИРОВОЗЗРЕНИЕ ЛЬВА ДИАКОНА

Личность Льва Диакона развивалась под воздействием его окружения, воспитания и характера образования. Все это, несомненно, оказывало большое влияние на работу историка, определяло его видение явлений, отбор фактического материала, оценку событий, характеристику деятельности отдельных лиц и активности народных масс, самую политическую тенденцию труда.

Хотя Лев и принадлежал к господствующей прослойке общества, резко отделяя себя от черни, он сознавал тем не менее свое личное бессилие, невозможность серьезно влиять на ход событий, исполняя поручения патриарха, а затем императора. Делать карьеру при василевсе, в прочность власти которого Лев не верил, он остерегался. Только впоследствии, убедившись в устойчивости власти Василия II, он написал и произнес в его честь энкомий, чувствуя себя уже более уверенно и, очевидно, надеясь на дальнейшее продвижение. Но во время написания своей «Истории» Лев придерживался позиции пассивного наблюдателя. Во введении к труду писатель дает представление о своих философских взглядах. Основу его мировоззрения составляет некая глобальная бинарная оппозиция: с одной стороны, ход времени, стечение обстоятельств, φορὰ τοῦ χρόνου καὶ τῶν πραγμάτων, сила вещей, космических и природных явлений, произвольные действия обладающих властью лиц, а с другой стороны — приниженный объект этих сил — человечество, пассивное перед довлеющими над ним могучими и непреодолимыми факторами. Вся «История» Льва пронизана этой мыслью. Эту силу времени и обстоятельств Лев Диакон обозначает именем античной богини Тихи — судьбы. Человечество бессильно перед ней — даже такие могучие правители, как Никифор, Цимисхий и Святослав, подвластны ее капризам.

Отношение этой глобальной силы к человечеству и составляет предмет истории, которая должна сохранить в памяти людей картины как космических и природных явлений, так и образцы деятельности подвластных Тихи правителей, которые, учитывая примеры прошлого, должны приносить пользу, а не бедствия своим подданным. Целые главы посвящает Лев Диакон влиянию космических явлений на положение людей. Ничего христианского эта философия Льва не содержит.

Но тем не менее Лев полностью находится во власти христианской идеологии. Он считает, что и природные стихии, например такие, как землетрясения, есть проявление божественного промысла, он пишет о чудесной помощи святых во время войн с тавроскифами (русскими), трактует о конце света, о божьей каре, о вмешательстве божественных сил в судьбы людей. Он глубоко и проникновенно характеризует представителей духовенства, монахов, описывает их аскетические подвиги. Как понять это противоречие в воззрениях Льва? В целом подобная двойственность свойственна византийским авторам: с одной стороны, мощь Византии проявлялась в их культурном преобладании над «варварами», и это преобладание, несомненно, было связано с сохранением античного наследия. Пройдя курс «энциклопедического» образования, Лев понимал все величие античной культуры, ее значение для византийского общества. Конец IX—X века это время составления «Василик», новелл Льва VI, время творчества Константина Багрянородного и его окружения. Византия как наследница государственных и культурных традиций древнего Рима предъявляла свои права на мировое господство. С другой стороны, Византия была в то же время оплотом христианства, православия, она обрела будто бы от самого Христа права и обязанности по защите веры, соблюдению ее чистоты и распространению среди некрещенных народов. Византийский император претендовал на роль главы всех стран как исповедующий истинную веру и как помазанник божий. Византийское государство представляло собой синтез античности с христианством. Это особенно отчетливо проявлялось в среде господствующего класса, который преклонялся перед памятниками и идеологией древней Греции и Римской империи и в то же время фанатично следовал обрядам и образу жизни правоверных христиан. Такая позиция отвечала интересам правящих кругов, не причиняла она вреда и церкви. Уже с IV в. церковь претерпела глубокую трансформацию, приведшую к раздвоенности: верхушка общества приняла христианство, но не отвернулась от основных достижений античной цивилизации, совмещала идеи греческой философии с поклонением апостолу Павлу и почитанием отцов церкви. Простому же народу христианство давало утешение, утоляло жажду духовного поиска примитивными догматами, привлекая таинствами обрядов и соблазняя положением «овец перед пастырем».

Восприняв эту идеологию, как и внешний блеск «высшей» цивилизованности, Лев Диакон счел себя вправе отнести свою персону к элите общества, могущей презрительно относиться к низам, которые, хотя и знали те же молитвы и тот же Новый завет, но, не получив образования, принадлежали к презренной «черни». Подражание языку Агафия, стремление архаизировать новые названия, заменяя их старинными, увлечение мифологией — все это казалось совершенно необходимым, чтобы претендовать на включение в круг высшего образованного общества. И Лев придерживался этой позиции на протяжении всего своего труда.

Как представитель господствующих кругов Лев высоко расценивает силу государства, могущество власти. Писатель отражал идеологию знати в тот период, когда она еще не чувствовала себя прочно в своих поместьях и не имела еще достаточной внутренней сплоченности, поскольку эксплуатация народа совершалась в основном традиционно — через взимание налогов и отправление повинностей. В этом отношении Лев выступал как сторонник «сильной руки», но в то же время высоко ценил он императоров щедрых, которые не скупятся на награды и подарки приближенным. Для простого же населения он полагал достаточными увеселения и угощения. Нигде не пишет он о каких-либо особых мероприятиях, которые осуществлялись в то время для народных масс, нигде в «Истории» он не затрагивает жгучих социальных вопросов, хотя это было время издания целой серии новелл по аграрной политике. Правда, о самом факте наступления крупного землевладения на крестьянскую бедноту он знал и признавал, что этот процесс угрожает доходам государства, приводя пример с ростом владений Василия-евнуха (X, 11).

Лев Диакон очень высоко ставил значение истории. Она, по его мнению, дает больше пользы обществу, чем любая другая наука. Причем основным принципом истории он считал истину.

Интересны попытки автора дать систематизацию исторических явлений и фактов. Лев полагал, что некоторые события развиваются в результате действия времени (I, 1). Это признание времени в качестве движущей силы истории является примитивным выражением понятия развития. Другие же факты и события Лев приписывал стечению обстоятельств — «τῶν πραγμάτων κυλίνδειν» (словоупотребление Аристотеля), сложившейся ситуации в целом, включая случайность, в том числе изменению международных отношений. Именно такие события по преимуществу и рассмотрены Львом. Говоря о развитии событий, он использует понятие «εἰωθῶς» (т. е. естественной необходимости), что сравнимо с античным понятием «φύσεως οἰκονομία». Есть основания констатировать в представлениях Льва неосознанное признание закономерности развития событий, скрывающейся у него под термином «судьба — τύχη», христианизированным выражением которого является понятие «провидение — θεία πρόνοια».

Явлениям этого рода противопоставляется «προαίρεσις» — самостоятельные мероприятия тех лиц, в руках которых находятся государственные дела и которые, в свою очередь, создают особую силу вещей, т. е. особую обстановку, особую ситуацию. В ходе своего повествования Лев неоднократно ссылается на судьбу и силу обстоятельств (см. например, высказывание Варды Фоки, VII, 4).

Лев Диакон пессимистически смотрел на проблему человеческого счастья. Он повторяет часто встречавшийся у древних мотив «invidia deorum — зависть богов»; судьба никогда не дает людям полного счастья — она всегда к благоприятному присоединяет какое-нибудь несчастье (I, 4). Совершенно в языческом стиле Лев пишет о храбрости Льва Фоки, в котором проявляла свое действие «какая-то божественная сила» (II, 1). Согласно Льву Диакону, провидение управляет решительно всем, но это провидение не в христианском его понимании: историк тесно сближает понятия Тихи и провидения: «Если бы завистливая судьба, — пишет он, — не прервала жизнь Никифора Фоки, ромейское государство достигло бы высшего могущества, но ведь провидение (πρόνοια) презирает заносчивый дух человека, укрощает его, обращает в ничто!» Здесь христианское понятие «промысел», несомненно, полностью отождествляется с языческой Тихи.

Это увлечение автора античностью, языческим мировоззрением вполне понятно. После длительного преобладания (в эпоху иконоборчества) религиозной мысли, нашедшей отражение в Эклоге и сочинениях Дамаскина, Феофана, патриарха Никифора, и после подавления социального движения народных масс в религиозной форме (павликианства) — внутренне окрепшая Византия перешла к агрессивной внешней политике, находя идейную опору при этом и в героизированных образах деятелей Римской империи, и в достижениях гения греческой культуры. В этой атмосфере вполне закономерно было появление составленных в языческом стиле диалогов, подобных «Филопатрис». Интерес к прошлому у Льва Диакона не был простым увлечением — он всюду подчеркивает признаки континуитета явлений действительности и культуры. Он не только называет народности именами давно исчезнувших племен, но и в самом деле считает их прямыми преемниками этих народов. Прошлое и настоящее у Льва предстает в некоем единстве. В известной мере приверженность к прошлому стала для византийцев подобием религии. Прошлое жило в настоящем. Христианство опиралось на каноны отцов церкви IV в., право — на свод законов Юстиниана I, в литературе образцом служили произведения Гомера. В этом континуитете Лев Диакон, как и прочие представители византийской интеллигенции, был готов усматривать залог благополучия и счастья империи.

Лев Диакон был патриотом многоплеменной Византии, воспринимаемой как непосредственное продолжение Римской империи.

(«Вспомните, что вы римляне!» — ободряли полководцы X в. своих воинов перед боем.) Вместе с тем историку было чуждо сознание своего превосходства как грека над другими народами Византии. Только после битвы при Манцикерте (1071 г), когда византийцы оказались отрезанными от Кавказа, и после основания Второго Болгарского царства (1186—1187 гг.) Византия стала превращаться в чисто греческое государство. Лев Диакон гордился тем, что является «ромеем», а не «эллином» (язычником), подобным представителям неправоверных народов. Впрочем, и к иностранцам-христианам Лев относится с презрением (как к более низким по культуре) и ненавистью (как к врагам Византии).

Мы уже упоминали, что Лев произнес свой энкомий в честь императора Василия II после того, как прекратил писать свою «Историю». В энкомии отчетливо ощущается раскаяние автора как по поводу прежнего прохладного отношения к Василию II, так и по поводу того, что он столь долго упускал возможность для прославления своего покровителя-императора. Лев восхваляет Василия за воздержанность, свойственную ему с юных лет. Он отмечает, что империя одно время (в 70—80-х годах) была на краю гибели, став добычей узурпаторов (т. е. Фок и Склиров). Он хвалит императора за то, что тот проявил милосердие в отношении к провинившимся: он пощадил заслуживавших казни Михаила Вурцу, Варду Склира и его брата Никифора. Особенно следует отметить, что в энкомии Лев превозносит императора за ограничение своеволия знатных, которые грабили чужое добро (непосредственно перед тем как издать новеллу 996 г., Василий II разъезжал по провинциям, принимая меры против захвата динатами крестьянской земельной собственности). Лев даже именует таких знатных людей «корыстолюбивыми грабителями», «ненасытными пиявками» (Энкомий, 13). Император, по его словам, пресек этот грабеж строгим законом, пресек зло, будто раскаленным железом. Под этим «законом», видимо, и следует усматривать новеллу от 1 января 996 г. (*Дельгер*. 1924, № 783). Как в своей «Истории», так и в энкомии Лев очень высоко расценивает деятельность отдельных личностей, и нигде при этом нет и намека на богословские положения о божественном предопределении и воле божьей. Представляется даже несколько странным, что в энкомии придворного дьякона, полном языческих образов, начисто отсутствуют канонические христианские приемы оформления панегирика.

В энкомии Лев проявил себя ловким дипломатом. На первый взгляд, его сверхльстивая речь с самыми гиперболическими сравнениями кажется исполненной сервилизма, но по существу автор не исказил образ императора: все упомянутые в энкомии достоинства были действительно присущи Василию II: и воинская доблесть, и личная воздержанность, и забота о делах государства.

В связи с этим думается, что упоминавшийся дипломат Лев, посланный с Филагатоном в Рим, является действительно историком Львом Диаконом: было бы естественным со стороны Василия II выдвинуть Льва на дипломатическое поприще, тем более что он уже при Василии Скамандрине выполнял, весьма вероятно, самые щекотливые поручения. Но, к сожалению, мы не располагаем достаточными фактами для уверенной идентификации такого рода.

В чем же заключалась, по нашему мнению, общая политическая направленность «Истории» Льва Диакона? Она довольно легко определима — Лев ярко тенденциозен. Напряженная деятельность Никифора омрачается народными выступлениями в столице, блеск правления Цимисхия — мятежами претендентов на престол. Василия II Лев считал неопытным императором в сравнении с Никифором и Цимисхием. Его правление, по представлениям Льва, почти довело Византию до гибели. Выступления знати были всегда связаны с участием в них простого народа, массы рядовых воинов — стратиотов. Историк сознавал опасность для империи народных движений и поэтому резко осуждал вождей этих выступлений как «тиранов», даже если восстания поднимали лица из любимого им рода Фок. Народ, по убеждению Льва, должен быть пассивен, его долг — подчиняться императорской власти. Если престол будут занимать такие лица, как Никифор II, перед которым Лев преклонялся, то будут и победы над врагами, будет и благоденствие всей страны и народа. При слабых же правителях Византии грозит гибель. Несколько позднее, в своем энкомии, Лев нашел новый предмет преклонения — Василия II. Но и деятельность императора и полководцев подвергается регулированию, и делает это сама Тихи — судьба, божественное провидение, которое возвышает и укрощает надменных правителей. Экспансия, наступательные войны нужны были для укрепления положения феодализирующейся знати. Пассивность и повиновение в отношении императора, активность в борьбе с внутренними и внешними врагами — вот идеалы, утверждаемые Львом в его «Истории». Опора на традицию, нежелание думать о новых явлениях в истории естественны в условиях переходного строя и должны были рождать, по-видимому, настроение обреченности. Трудности развития вызывали особенно пессимистические представления о будущем Византии. Последняя четверть X в. была для империи наиболее трудной, полной гражданских войн, неудач и стихийных бедствий. Сознание этого обусловило почти мистическое направление мысли Льва Диакона, связанное с верой в неотвратимость силы Тихи и Промысла. У таких лиц, как Симеон Новый Богослов, подобное умонастроение — несколько позднее — выразилось в мистическом сосредоточении на самом себе и в стремлении к таинственной связи с божеством. В широких же массах эти настроения обреченности приводили к мыслям о скоро грядущем

конце света. Однако при некоторой стабилизации и укреплении внутреннего и внешнего положения Византии эти страхи уменьшились, и временно свойственный Льву Диакону пессимизм, как и мистицизм Симеона Нового Богослова, сошли с арены духовной жизни империи. Только в XIV в. эти настроения вновь всецело завладели византийским обществом. Лев Диакон не понял глубины противоречий между провинциальной крупной землевладельческой знатью и столичной чиновной аристократией. Он видел (это ясно по энкомию) угрозу благу империи от действий динатов, расхищающих крестьянскую собственность, и поэтому одобрял политику Василия II, направленную на ограничение своеволия крупных землевладельцев. Тем не менее в «Истории» эта позиция писателя не нашла отражения. Все-таки Лев по своему происхождению принадлежал к провинциальной знати, был сам динатом. Поклонник Фок, он не сумел полностью пересмотреть свои позиции. Трудно было ожидать от него ясно выраженных похвал политике Василия II против провинциальной знати. Таким образом, Лев Диакон не сумел охарактеризовать правление Василия II с должной полнотой. Рукопись его труда оказалась оборванной на 989—990 гг.

ИСТОЧНИКИ

Осуществляя критический подход к свидетельствам труда Льва Диакона, необходимо, с одной стороны, иметь в виду объект его внимания, т. е. само то общество, которое он описал. С другой стороны, важно распознать характер самого субъекта, отображавшего события. В какой-то мере это сделано выше, но чрезвычайно важно также рассмотреть те источники, которые автор использовал. Они могут дать представление не только об описываемых явлениях, но и об окружающей автора среде — социальной, политической, идеологической, культурной... Ведь реакция любого автора на предмет его исследований опосредована среди прочего характером языка, употреблявшегося в общении с окружающей средой и в близких автору кругах (благодаря общей системе образования), состоянием научных знаний и общим культурным кругозором. Разумеется, определяющее значение имели при этом наличие и характер господствующих в обществе традиций и мировоззрения. Без анализа общекультурного фона того времени трудно усвоить, как понимал Лев Диакон окружавший его мир. Необходимо знать, насколько автор был способен к целостному видению современных ему проблем, насколько его социальное положение отразилось на описании им действительности, на какие принципы он опирался, обосновывая исторические факторы и поступки своих героев.

Что касается языка, то следует обратиться к анализу тех средств, которыми он пользовался. Язык Льва Диакона самым

тщательным образом изучен Газе с филологической точки зрения. В первую очередь Газе отмечает заимствования из лексики и стилистики историка VI в. Агафия. Стараясь усвоить его словарь, Лев Диакон невольно проникается и свойственным этому автору пониманием отдельных фактов. Многие современные ему события он описывает в духе и даже в образах историографии VI в. Словоупотребление Плутарха, Иосифа Флавия, Прокопия прямо или опосредованно широко применяется Львом в его изложении. Следует, однако, отметить, что эти заимствования касаются только словоупотребления — нет ни одного примера сравнений героев «Истории» Льва Диакона с героями Агафия и Прокопия. Если и встречаются параллельные образы, то они заимствованы только из мифологии или из Гомера. В целом все-таки Лев пользуется в основном языком ранневизантийского общества, усваивая вместе с этим и общие элементы мировоззрения того времени.

Все позднеантичное у Льва Диакона, как и у других византийских авторов ранней и современной писателю Византии, переосмыслено в духе христианства. В текст вводятся не только отдельные термины, но и целые библейские выражения. Эта смесь лексики авторов VI в., а также Ветхого и Нового заветов составляет тот традиционный фонд, который явственно отразился в повествовании Льва Диакона.

Конечно, речь идет не о том, что Агафий и Прокопий, Новый завет и Иосиф Флавий, Гомер и Плутарх являются непосредственными источниками «Истории» Льва Диакона, однако заимствования именно из этих источников «маскируют» колорит и специфику описываемой Львом современности. Как в картинах сражений, о которых рассказано в «Истории», так и в образах императоров, патриархов и стратигов постоянно чувствуется это влияние.

Что касается источников Льва Диакона в подлинном смысле слова, из которых он отбирает фактический материал, то, помимо личных наблюдений и услышанных им рассказов, в качестве придворного дьякона он мог опираться и на официальные записи о событиях (*Карышковский*. 1951; *Каждан*. 1961). Выразительным аргументом в пользу существования таких официальных записей о событиях является включение в придворную «Книгу церемоний» главы о вступлении на престол Никифора Фоки, где проведена откровенно официозная версия событий (см. дополнение четвертое). Такого рода записи (можно быть уверенным в этом) делались и о других событиях. Ничем иным нельзя объяснить совпадения данных и некоторые взаимно дополняющие друг друга сообщения у Скилицы и Льва Диакона. Безусловно, Лев был знаком и с житийной литературой: манера прославления им аскетизма свидетельствует о его начитанности в агиографии. Неизвестно, впрочем, знал ли он труд Симеона Метафраста во время написания своей «Истории»; Лев упоминает Метафраста, но говорит о нем только как о прорицателе (X, 6).

М. Я. Сюзюмов (1916) и П. О. Карышковский (1951) считают возможным предположить, что существовал исторический труд, для которого характерна благожелательная позиция в отношении к роду Фок и неблагоприятная — к представителям правящей Македонской династии, что этот труд и послужил главным источником для Льва Диакона в первых пяти книгах его «Истории» и что одновременно существовал особый труд, составленный в резко враждебных тонах к Никифору Фоке. Упомянутые особенности творчества Льва определили черты традиционализма его исторической «концепции» — такие, например, как византийский («римский») патриотизм (ведь при Агафии Византия была повелительницей почти всей древней ойкумены), неизменное почтение к церкви и патриархам, уважение к синклиту и — самое главное — преклонение перед византийской аристократией. Что касается народа, то автор демонстрирует полное к нему уважение, если народ восторгается своими правителями — светскими и духовными. Но тот же Лев проявлял полное презрение к народу (подобное гомеровскому к «ничтожному» Ферситу), если низы дерзали на самостоятельные действия.

Лев Диакон много знал, во многом разбирался. Но, кроме его труда, мы располагаем рядом источников, которые не были известны Льву. Для того чтобы глубже понять описываемые им события и явления, необходимо использовать и другие исторические сочинения, а также географические и военные трактаты, законодательные акты, жития. Среди таких исторических произведений следует поставить на первое место хронику Иоанна Скилицы (XI в.). Этот труд дает наиболее подробные сведения о событиях в Византии с 811 до 1057 г., а с добавлениями Анонима (так называемого Продолжателя Скилицы) — до 1079 г.* Более поздний труд Иоанна Зонары (XII в.) восходит к Скилице, но имеет с ним и много расхождений. Для правления Романа II дает также материал труд так называемого Продолжателя Феофана. Для характеристики порядков византийского императорского двора важным источником является «Книга церемоний» Константина Багрянородного, в которую включен «Клиторологий» Филофея с ценным описанием вступления на престол Никифора Фоки. Сведения об административном устройстве есть в книге Константина Багрянородного «О фемах» (Конст. Багр. Фем.), хотя и обнаруживающей тесную зависимость от сочинения Иерокла (VI в.). Существенные дополнения содержатся в тактиконах Бенешевича и Икономидиса.

Для понимания основ византийской дипломатии того времени,

* Е. Цолакис, выполнивший критическое издание труда Продолжателя Скилицы, отстаивает мнение о написании и этого сочинения самим Иоанном Скилицей. См.: Цолакис. 1968. 75—99.

внешней политики империи, состояния соседних с Византией стран исключительно важен труд Константина Багрянородного, обращенный им к сыну и наследнику, «Об управлении империей» (Конст. Багр. Адм.).

Имеет некоторое значение также хроника, известная под именем Симеона Магистра или Псевдо-Симеона (до 963 г.), и ее продолжение, принадлежащее перу Георгия Монаха (963—969).

Особенно ценным источником для уяснения событий, связанных с войнами Святослава на Балканах, является «Повесть Временных лет», сохранившая тексты византийско-русских договоров X в. Чрезвычайно полезен и труд арабского историка Яхъи Антиохийского (XI в.), который во многом (особенно при датировке событий) существенно уточняет и дополняет известия византийских историков. Не могут быть оставлены в стороне сочинения и других арабских авторов (Аль Макина, Табари, Ибн-аль-Атира), касающиеся истории Византии и ее взаимоотношений с арабами во второй половине X в. (они используются в переводах В. Р. Розена).

Кроме того, имеют отношение к делу «Всеобщая история» сирийского писателя Бар-Эбрея (XII в.) и труды армянских авторов: «Повествование» Аристакэса Вардапета Ластивертци (XI в.) и сочинения Асохика (Степанаса Таронского — XI в.).

Из литературных произведений, дающих материал для понимания эпохи, можно отметить стихотворения Иоанна Геометра, диалог «Филопатрис» (подражание Лукиану), историческую поэму Феодосия Диакона о завоевании Крита Никифором Фокой и народный эпос о деяниях Дигениса Акрита.

По военному делу в X в. появилось много трактатов, из которых можно получить хотя и противоречивые, но многочисленные данные о состоянии византийской фемной армии: «Тактика» Льва VI, «Воинский закон», «Силлога тактика», Аноним Хонигмана, Аноним Вари, «Стратегикон» Никифора, «О военных схватках Никифора».

Особенно обширна юридическая литература той эпохи. Действующим правом с конца IX в. стал свод законов «Василики», после которых появились разные сборники — руководства для судей того времени, весьма важны новеллы Льва VI, имевшие силу в течение всего X в., и «Эпитоме законов».

Исключительное значение для характеристики внутреннего строя и аграрной политики X столетия представляют новеллы императоров Романа I, Константина VII, Романа II, Никифора Фоки, Цимисхия и Василия II, а также «Податной устав» X в., рисующие картину острых социальных противоречий в византийском обществе. Ценные сведения содержатся в «Книге эпарха» (уставе византийских городских корпораций), опубликованной при Льве VI и дополненной при Никифоре Фоке.

Из западноевропейских источников очень интересные, хотя и

небеспристрастные данные о Константинополе и Никифоре Фоке сообщаются Лиутпрандом Кремонским.

Что касается агиографической литературы, то особенно много ценных сведений заключено в житиях Афанасия Афонского, Феодора Тирона, Луки Стилита, Никона Метаноита. Для второй половины X в. интерес представляют также письма современников (Даррузес. 1960; 1966; Браунинг. 1954).

Общими справочными пособиями по византийским источникам являются работы К. Крумбахера (1897), Д. Моравчика (1958) и И. Караянопулоса (1970). По вопросам истории церкви наиболее авторитетен труд Х. Г. Бекка (1959). Особое место принадлежит «Регестам» Ф. Дэльгера (1924) — они содержат перечень и аннотации всех документов, исходящих от императорского двора; «Регестам» В. Грюмеля (1947) — об актах ведомства Патриарха и его «Хронологии» (1958). Безусловно, этим списком источники, которые могут быть использованы при интерпретации сведений «Истории» Льва Диакона, далеко не исчерпываются. Не исключено, что могут быть обнаружены и новые данные как о событиях второй половины X в., так и о самом авторе «Истории».

РУКОПИСЬ «ИСТОРИИ» ЛЬВА ДИАКОНА

Труд Льва Диакона, можно думать, так и оставался неопубликованным при его жизни, а после смерти, должно быть, попал в патриаршую библиотеку при «Великой церкви». Возможно, патриарх Лихуд (1059—1063), по совету которого Михаил Пселл стал писать свою «Хронографию», указал ему на этот труд. Панайотакис (57) считает вполне возможным, что сохранившаяся до нашего времени рукопись сочинения Льва восходит прямо к тому прототипу, который изготовил сам Пселл для работы над своим историческим трудом. Сочинение Льва Диакона сохранилось в двух рукописных списках — Парижском 1712 и Эскориала Y—1—4. Однако последний список является дословной передачей Парижского. Поэтому фактически текст «Истории» Льва Диакона может быть изучен на основании одного только Парижского кодекса 1712. Подробное его описание дано Н. М. Бубновым (1895), а также К. Прехтером (1895) и особенно Н. Панайотакисом (1965). Кодекс 1712, хранящийся в Национальной (первоначально № 2563 Королевской) библиотеке в Париже, состоит из 430 листов, из них 422 пергаменных и восемь бумажных. При этом первые шесть и последние десять листов относятся к более позднему времени, примерно к концу XV в., тогда как листы 7—420 палеогеографически характерны для XII—XIII вв. Чувствуется, что старинный кодекс был в плохом состоянии, и в XV в. первые и последние листы были подновлены, причем к сборнику были добавлены мелкие статьи.

Варда Фока ищет убежища в храме св. Софии

Вступление Никифора Фоки в Константинополь

Штурм Преславы войсками Иоанна Цимисхия

Киевский князь Святослав беседует с императором Иоанном Цимисхием

Начинается кодекс оглавлением, охватывающим 422 листа. Первые листы посвящены вселенским соборам, на пятом листе (об.) помещена небольшая хроника событий — от Адама до Флорентийской унии. Листы с шестого по двенадцатый (об.) занимает хроника Симеона Логофета и Магистра с надписью «это Метафраст». Листы с тринадцатого по восемнадцатый (об.) — это повествование о постройке храма св. Софии. Собственно, историческая часть кодекса начинается с листа восемнадцатого (об.). Вплоть до 272-го листа следует «Анонимная хроника» — от Адама до середины правления Романа II (959—961), составленная на основании разных источников (эта хроника изучена Шестаковым, 1897 и Алкеном, 1959—1960). Хронологически она прямо примыкает к следующей далее «Истории» Льва Диакона. Как кажется, вся рукопись является по замыслу заказчика таким сборником, который представлял бы собой связную историю Византии до последней четверти XI в. Начиная с 272-го до 322-го листа в кодексе помещена «История» Льва Диакона, после которой, примыкая к ней как ее продолжение, следует «Хронография» Михаила Пселла, охватывающая период от Василия II до Константина X Дуки (с 322-го по 422-й лист). Два последних листа хроники подновлены той же рукой, что обнаруживается и на шестом листе хроники Симеона Логофета. Последние страницы с листа 424 заняты итинерарием (от Кипра до Тавриза) конца XV в., сочинением о военном строе войск Мехмеда II и кратким обзором событий от Адама, запиской об осаде Константинополя в 1422 г. с надписью: «От сотворения мира до сегодняшнего дня· хотят считать 5353 года, но мы, как христиане, хотим считать, что имеется уже полных 7000 лет». Следовательно, время подновления кодекса — 1491—1492 гг. (Приведенный в записке 5353 год дан, вероятно, по еврейскому летосчислению). Заканчивается кодекс краткими сообщениями о стремлении французского короля Карла VIII (1483—1498) отвоевать Константинополь у турок, о происходившей в 1463 г. битве между венецианцами и турками, а также о постройке храма св. Марка в Венеции. Водяной знак последних листов рукописи тоже соответствует распространенному в начале XVI в. в Западной Европе.

Вся основная часть рукописи (кроме начальных шести и конечных десяти листов), т. е. окончание хроники Симеона Логофета, анонимная хроника, полный текст «Истории» Льва Диакона и почти вся «Хронография» Михаила Пселла — вплоть до листа 420 — написана одной рукой. Очевидно, основной писец был опытен, почерк его устойчив, четок, сокращения отдельных слов обычные.

Но совершенно другое впечатление производит орфография писца. Она поражает своей неустойчивостью. Принятое в образованных кругах традиционное правописание уступает фонетическому. Буквы η, υ, ει, οι, υι, ι смешиваются, поскольку в то

время эти сочетания произносились одинаково как ι (явление итацизма); Ο, ο и Ω, ω не различаются; встречается удваивание букв, например «μάλλιστα» вместо «μάλιστα»; иногда допускаются пропуски или вставки букв. Особенно поражают перестановки букв, придающие иной смысл слову: «πορφύρων—πυρφόρων». Вопреки правилу буква ν перед губными сохраняется. Особенно не выдержаны правила акцентировки — Е. Миллер, один из исследователей рукописи, удивляясь массе ошибок, считал писца неграмотным, неинтеллигентным, назвал рукопись своего рода «Авгиевой конюшней», которую следует очистить при критическом издании текста (*Панайотакис*. 1965, 7а). Но вероятнее всего, на орфографию повлиял метод написания рукописи. Характер ошибок дает, безусловно, право считать, что рукопись переписывалась под диктовку, возможно, сразу несколькими лицами. Можно подумать, что писец, записывая под диктовку, даже не вникал в смысл диктуемого (Там же. 80). Ошибки такого рода приводятся в примечаниях Газе и в особом списке у Панайотакиса (81). Так, Газе затруднялся, как понять слово «ἑτέροις», поскольку одинаково звучало в XI—XII вв. и слово «ἑτέροις — другим» и слово «ἑταίροις — товарищам». Согласно переводу Газе, Святослав ничем не отличался от других по одежде, тогда как, возможно, следует читать ἑταίροις, т. е. что по одежде Святослав ничем не отличался от его сподвижников. Вероятно, однако, что некоторые части рукописи писались не под диктовку: так, в одном месте дважды написано одно предложение, что бывает при переписке наедине с текстом и почти немыслимо при писании под диктовку.

Кодекс 1712 стал доступным ученым только с XVII в., когда появились каталоги рукописей Королевской Парижской библиотеки. Первоначально, по-видимому, рукопись находилась в Константинополе до занятия его турками, после чего она была перевезена одним из беглецов на остров Крит. Здесь рукопись, возможно, принадлежала известному филологу Плусиадину, ставшему впоследствии епископом Мефоны Иосифом (*Панайотакис*. 1965, 47). О дальнейшей судьбе рукописи имеется уже больше данных. В XVI в., как полагает Панайотакис, рукопись попала в руки историка Антония Каллерга (умер в 1555 г.), который ссылается на «Историю» Льва Диакона. Семья Каллергов считалась одной из знатных на Крите. Каллерги вошли в состав венецианской знати, когда остров находился под властью Республики св. Марка. Во время нападения турок на Крит они переселились в Венецию. Каллерг был известен как коллекционер рукописей, греческих и латинских. По всей вероятности, он и был собственником рукописи, которая представляла для него ценность и как для историка Крита, и как для потомка Никифора Фоки (каким считал себя Каллерг). Но в списке книг его завещания рукопись Льва не значилась. Возможно, завещание было составлено поспешно, и

многие книги в него не были внесены. Рукописи переходили к наследникам Каллерга. От его правнучки они перешли к известному библиофилу-историку Рафаилу дю-Фресну, вдова которого, видимо, и продала вместе с другими рукописями «Историю» Льва Диакона Фоке, от которого рукопись попала в собственность Парижской Королевской библиотеки в 1662 г. (*Панайотакис*, 1965, 71—75). Заголовок труда Льва Диакона не принадлежит самому историку — это добавление составителя рукописи и переписчика, который красными чернилами надписал: «Льва Диакона история, начинающаяся от смерти императора Константина до смерти императора Иоанна по прозвищу Цимисхий». Наименование автора «дьяконом», видимо, проведено также писцом по тексту «Истории» (X, 8).

Все ученые обращают внимание на то, что вслед за окончанием труда Льва Диакона сразу, безо всякого введения, тем же писцом переписана «Хронография» Пселла, которая по содержанию является продолжением исторического труда Льва. Возможно, писец, имея под руками сочинение Пселла и желая создать обобщенный труд по истории Византии вплоть до времени собственной жизни, по своему усмотрению соединил два исторических труда. Но, как мы помним, список «Истории» Диакона делал сам Пселл, и возникает недоумение, как это словоохотливый Михаил Пселл на сей раз нарушил обыкновение помещать перед историческим трудом введение. Панайотакис (56) допускает, что, заказав список с оригинала (т. е. рукописи 1712) и желая иметь полный обзор истории Византии, Михаил Пселл прямо к концу труда Льва Диакона, после слов «император Василий...», присоединил свой исторический труд. Однако проблему, был ли закончен труд Льва Диакона в том виде, в каком он дошел в рукописи 1712, следовало бы решить, учитывая политическую направленность этого сочинения историка и политическую обстановку времени завершения его труда. (См. раздел о мировоззрении Льва Диакона.) «История», написанная в период мятежей представителей феодализирующейся фемной знати, в силу ясно выраженного пренебрежения к законным императорам, разумеется, не могла быть опубликована придворным дьяконом при жизни Василия II и поэтому оставалась неизвестной читающей публике длительное время. Вероятно, Иоанн Скилица не знал труда Льва Диакона. Одним из аргументов в пользу этого предположения может быть тот факт, что подлинные выписки из труда Диакона содержатся не в самых ранних списках Скилицы, а в более позднем — Куаленовой рукописи 136. Возможно, когда Кедрин использовал рукопись Скилицы, труд Диакона еще оставался неизвестным в Византии. Правда, Й. Тури полагает, что Скилица каким-то образом был знаком с пассажами Льва Диакона о правлении Константина Багрянородного, но никак не подкрепляет своей гипотезы.

11*

О второй рукописи «Истории» Льва Диакона (кодекс V-1-4 Эскориала в Мадридской национальной библиотеке) нет сведений в справочных изданиях Крумбахера (1897), Моравчика (1958), Бекка (1961). Панайотакис (85—103), однако, подробно изучил эту рукопись. Оказалось, что она относится к венецианским рукописям начала XVI в. и тщательно списана с Парижской рукописи 1712. Повторены все те же ошибки. Иначе говоря, мадридская рукопись ничего нового для историка не дает. В XVII в. во Франции труд Льва Диакона изучался основательно. В своем глоссарии (1688) Дюканж использовал текст Льва Диакона. В 1672 г. доминиканский монах Франциск Комбефис подготовил к печати латинский перевод Диакона, но планы его издания не осуществились. В начале XVIII в. попытка Лекиена издать текст сочинения Льва сорвалась вследствие войны за испанское наследство. Рукопись Комбефиса, как уверял Карл Газе (XV), затерялась во время «бури Французской революции». Наконец Газе в 1802 г. решил приступить к подготовке издания греческого текста «Истории» Льва с переводом на латинский язык. Ему удалось издать в 1810 г. шестую книгу Льва Диакона, однако для полного опубликования всей «Истории» у Газе не хватило средств. В 1816 г. его проектом заинтересовался граф Николай Петрович Румянцев, который и финансировал полностью издание Льва Диакона. В 1819 г. рукопись 1712 увидела свет с добавлением других источников X в., в роскошной Парижской серии источников Востока. Это издание стало редкостью, так как 150 экземпляров, посланных в Россию, погибли при кораблекрушении. Сразу же после ознакомления с текстом парижского издания в Петербурге в 1820 г. поспешно был создан перевод «Истории» Льва Диакона Д. Поповым. Переводчик добавил к изданию вольный сокращенный перевод введения Газе к «Истории», затем труд «О сшибках с неприятелем сочинение государя Никифора», отрывок из истории Епифания Милетского и письмо Феодосия Монаха Граматика ко Льву Диакону о завоевании Сиракуз, а также вольный перевод «Записки некоего грека о переправе через Днепр и войне у Херсона» (т. е. то, что потом стали называть «Запиской Готского топарха»). Греческий текст «Истории» Льва Диакона опубликован точно по парижскому изданию в 1828 г. в Боннской серии византийских историков с латинским переводом Газе (переиздан в 1864 г. в 117-м томе «Греческой Патрологии»). Подробные сведения об изданиях, переводах и о литературе к «Истории» Льва имеются у К. Крумбахера, но в основном у Моравчика (1958, 394—400), на русском языке — в «Очерках» Бенешевича (1912 — перевод сокращенный). Хотя сочинение Льва Диакона, будучи доступным для русских читателей, самым широким образом использовалось в науке, специальных исследований об авторе, его источниках, о достоверности сведений «Истории» в целом появилось за полтора

века отнюдь не много. Наиболее важное значение имели при этом труды Г. Бернарди — (1832 — мне недоступен), В. Фишера (1886), Г. Вартенберга (1897), К. Крумбахера (1897), М. Я. Сюзюмова (1916), С. Болоньи (1950 — мне недоступен). Чрезвычайно интересны исследования П. О. Карышковского (хотя они велись в аспекте войн Святослава, но с общей широкой критической оценкой данных Льва Диакона) (50-е годы), большая статья А. П. Каждана (1961). Наиболее широко анализирован труд Льва Диакона Н. Панайотакисом (1965). О мировоззрении Льва Диакона как по его «Истории», так и по энкомию см.: *Сюзюмов.* 1971. Ряд исследований, посвященных отдельным проблемам в связи с трудом Льва Диакона, приведен нами в комментариях к «Истории».

КОММЕНТАРИЙ

ИСТОРИЯ

КНИГА ПЕРВАЯ

1 Представление об истории как о самой полезной для общества науке — «учительнице жизни» характерно и для античности. Господствующей теорией исторического процесса была Полибиева цикличность. Естественно, что если явления повторяются, то людям необходимо извлекать уроки из истории. Лев Диакон заимствовал последовательность первой главы из исторического сочинения Агафия «О царствовании Юстиниана» (5). Агафий, историк VI в., в свою очередь, опирался здесь на Диодора Сицилийского (*Кэмерон*. 1970, 58).

2 Введение Льва Диакона отличается от введения Агафия попыткой выделить движущие силы исторического процесса. Агафий в своем зачние делает упор на том удовольствии, которое доставляет читателю историк; у Льва об этом ни слова.

3 Общий пессимистический тон введения Льва Диакона, вероятно, отразил настроения византийского общества. Подобное мироощущение было свойственно самому императору Василию II, в правление которого писал Лев. Новелла от 4 апреля 988 г. пронизана таким же пессимизмом: «До настоящего дня никакой, даже самомалейшей удачи мы не встретили в нашей жизни, но, напротив, не осталось такого вида несчастья, которого мы не испытали бы» (Ц.—Л. III, 303—304). Введение Льва созвучно концу его «Истории». Возможно, причиной ожидания конца света был каббалистический расчет: приближавшийся 992 год был 6500 г. от сотворения мира. Христос родился в 5500 г., а согласно Новому завету (2 Петра. III, 8), «Божий день» равнялся тысяче человеческих лет. См.: *Васильев*. 1942.

4 Парафраз Нового завета: 1 Коринф. VII, 31.

5 Почти дословно из введения к «Истории» Агафия (8).

6 Подражание Агафию (8—9), который таким же образом представил себя читателям. Агафием же такая форма самохарактеристики заимствована из стихотворных эпитафий (*Кэмерон*. 1970, 2).

7 Калоэ — совр. Гёлёз, Келез (*Рэмси*. 1890, 105; *Томашек*. 1891, 91—92).

8 Лев в данном случае использует текст Гомера (Ил. II, 461). В X в. провинции с названием «Азия» не существовало. Имеется в виду Фракисийская фема, занимавшая юго-западную часть Малой Азии и образованная в 741 г.

9 Тмол (совр. Боз-Даг) — горный хребет на западе Малой Азии (Ил. II, 886; XX, 385).

10 Каистр — река, упоминаемая Гомером (Ил. II, 461), совр. Кучук-Мендерес.

11 Кельвианские поля простирались вдоль среднего течения Каистра. По Страбону (XIII, 13), «Кильбианская равнина» лежала в Лидии (ср. *Томашек*. 1891, 91).

12 Эфес — крупный город в устье реки Каистра (*Страбон*. XIV, I, 21), столица Фракисийской фемы, совр. Аясулуг (*Томашек*. 1891, 32—34).

13 Правдивость как основное требование, предъявляемое историку, — общее место всех античных и средневековых авторов. В данном пассаже Лев Диакон подражает Агафию (9—10). Противопоставление поэтики и риторики — истории полностью заимствовано у ранневизантийского историка Прокопия (I, 1, 4).

14 Василевс — официальный титул византийских императоров, начиная с Ираклия (626 г.).

[15] Константин VII Багрянородный (17—18 мая 905—9 ноября 959), с июня 911 г. — соправитель отца, Льва VI, с июня 913 г. — самодержец, с 17 декабря 920 г. — соправитель Романа I и его сыновей, с 27 января 945 г. — самодержец.

[16] О комете упоминают многие авторы: Георгий Монах (864), Продолжатель Феофана (463), Лев Грамматик (279), Продолжатель Амартола (786—787), Симеон Магистр (708) и др.

[17] Быть может, имеются в виду сочинения Симеона Логофета и Продолжателя Феофана, но не исключено, что Лев и здесь подражает Агафию (14). См.: *Сюзюмов*. 1916, 135; 141.

[18] Цитата из Геродота (I, 8, 2) передана Львом неточно, очевидно, по памяти. Можно ли на основании этих слов Льва делать вывод, что он не пользовался никакими письменными источниками, а описывал только им самим виденное и слышанное? (так считают: *Крумбахер*. 1897, 267; *Моравчик*. 1958, 398—399, и др.). Видимо, нет. Он обращался и к официальным документам, и к историческим трудам; неоднократно ссылается он и на эпистолографические источники.

[19] Византийский историк XI в. Скилица (247) датирует смерть Константина 9 ноября 959 г. Та же дата — в кратких хрониках (Шрайнер. 1975, 164; 1977, 120), в них к тому же сообщается, что император скончался в среду, в третьем часу. Но Продолжатель Феофана (469) и Псевдо-Симеон (756) дают 15 ноября, а императорский некрологий — 19 ноября (Грирсон. 1962, 58).

Индикт — летосчисление по 15-летним циклам. По данным папирологии, оно сложилось в римском Египте при проверке списков налогового обложения каждые 15 лет. В Византии этот счет введен в 312 г. Константином I. Начинался индикт в Византии и на Руси 1 сентября. Для проверки соответствия индикта году нужно год от сотворения мира разделить на 15; цифра в остатке означает индикт.

Лев Диакон (в отличие от арабских авторов) очень редко приводит развернутую хронологию. В его труде только четыре полных даты, из них единственно правильная (верное соотношение индикта и года от сотворения мира) — дата смерти Никифора Фоки. Даты смерти Константина, вступления на престол Никифора и смерти Цимисхия (о нем см. кн. III, примеч. 9) верно вычислены по индиктам, но не по годам от сотворения мира. При определении года от сотворения мира в византийской хронологии использовались различные системы: кроме основной, Константинопольской, существовали еще александрийская и протовизантийская (*Грюмель*. 1958, 73—84). Видимо, ошибки Льва связаны с пересчетом из одной системы в другую (Там же. 126—127). В данном случае следует читать: 6468, ноябрь, 3 индикта (959 г.).

[20] Цитата из Ветхого завета (2 Маккавеев. V, 5).

[21] Роман II вступил на престол в 959 г., 21 года от роду. (Прод. Феоф. 469). Его старшему сыну — будущему императору Василию II — был в то время год. Еще через год императрица Феофано родила второго сына — будущего императора Константина VIII. Удивительным образом Лев Диакон не выказывает интереса к детским годам своих повелителей.

[22] Аналогичную характеристику Романа II дают и другие историки (Скилица. 248; Прод. Феоф. 471—472). О том же рассказано в «Чудесах св. Евгения» и неопубликованной «Краткой истории» Пселла (см.: *Маркопулос*. 1981, 95—96). Можно предполагать, что все правительственные акты исходили от фаворита Иосифа Вринги или от императрицы Феофано.

[23] Организатором похода был Вринга, являвшийся друнгарием флота; см. примеч. 6, кн. VI (*Арвейлер*. 1966, 114). Умалчивая об этом, Лев Диакон уже здесь обнаруживает к нему свою антипатию (ср. примеч. 40, кн. II).

[24] Завоевание Крита арабами из Египта относится к 823—828 гг. С того времени остров стал базой для нападений на византийское побережье и острова (*Христидис*. 1984, 81—97). Первый неудачный поход с целью отвоевания Крита относится к 843 г. (Прод. Феоф. 203); дальнейшие

попытки предпринимались Михаилом III и Василием I (Прод. Феоф. 291). В данном случае речь идет о походе Константина VII. Подготовка к нему подробно описана в «Книге церемоний» (664—678). О самом походе см.: Скилица. 236. Эту экспедицию датируют как 949, так и 956 г. (*Рамбо*. 1870, 429); слова Льва Диакона о том, что несчастье произошло «недавно», свидетельствуют скорее в пользу второй даты.

25 В византийском флоте обычно употреблялся термин «дромон». Но историки предпочитали в целях архаизации пользоваться древним словом «триера» (ср. Тактика Льва. XIX, 1). Дромон (дословно «бегун») представлял собою длинный весельный корабль (*Арвейлер*. 1966, 411). Для такого судна требовалось 230 человек команды, оно вмещало 60 воинов. Дромоны снабжались специальными сифонами для выбрасывания на вражеские корабли «греческого огня». Этот состав из нефти, смолы и серы был впервые применен в 678 г. Секрет его приготовления содержался в строжайшей тайне.

26 Пафлагония — византийская фема на севере Малой Азии со столицей в Гангре (*Икономидис*. 1972, 349).

27 Патрикий — придворный титул высшего ранга, введен Константином Великим. Этот титул давал право присутствовать на заседаниях синклита и занимать самые ответственные должности. Последние упоминания о патрикиях относятся к началу XII в. (*Успенский*. 1898, 131; *Икономидис*. 1972, 294—295).

28 Кубикуларий Константин Гонгила был фаворитом императрицы Зои, а впоследствии — и ее сына Константина VII (*Гийян*. 1967, 279—282). О нем как виновнике поражения см.: Скилица. 246.

29 При дворе Романа II было много противников опасной и дорогой экспедиции на Крит. Однако Иосиф Вринга, прекрасно подготовив флот, настоял на походе (Прод. Феоф. 474).

30 Термин «стратиг» Лев употребляет в двух значениях: правитель фемы и полководец вообще. В данном случае имеется в виду второй смысл. Стратиг-автократор — полководец, имевший право вести войну по своему усмотрению, т. е. верховный главнокомандующий (*Арвейлер*. 1960, 56, и сл.). В таком качестве слово «стратиг» перестало употребляться в конце X в. (*Гийян*. 1967, 381).

31 Никифор Фока происходил из фемной знати, владевшей крупными земельными богатствами в Каппадокии. Род Фок возвысился в IX в., прославился победоносными полководцами в войнах против арабов (*Ћурић*. 1976). Особенно знаменит был Никифор Старший (см.: *Грегуар*. 1953), приходившийся дедом герою Льва Диакона.

32 Уже к середине IX в. титул магистра стал чисто декоративным. Обладание им не обязательно сопровождалось ответственной должностью. Исчез в начале XII в. (*Икономидис*. 1972, 294).

33 С IX в. до 60-х годов X в. доместиком схол называли главнокомандующего. Деление на доместиков Востока и Запада было принято при Романе II (*Икономидис*. 1972, 329). Востоком считалась Малая Азия, Западом — Балканы.

34 Наиболее правдоподобное число кораблей — 250 — названо в житии Афанасия Афонского (*Маркопулос*. 1985, 1064—1066).

35 Немецкий перевод «Истории», выполненный Ф. Лоретто в 1960 г., во многих случаях грешит чрезмерной описательностью. Например, это место переведено так: «Он построил своеобразный мост, связавший корабли с берегом» (Лоретто. 14). В дальнейшем мы будем указывать на самые явные расхождения с этим переводом, и на те неточности, которые не отмечены в рецензии: *Гляйкснер*. 1962.

36 Дата высадки на Крите Львом не указана. Согласно Яхъе Антиохийскому (84), это произошло 13 июля 960 г. Скорее всего, войско сошло на берег залива Альмирос (*Панайотакис*. 1960, 55). В житии Афанасия Афонского содержится интересная подробность о высадке Никифора на Крите: чтобы

арабы не узнали о численности его войска, он несколько раз произвел высадку с одних и тех же кораблей (*Лампсидис*. 1976).

37 Выше Лев говорит о «фаланге», здесь же употребляет слово «эниалий». Между тем византийская армия уже давно не строилась фалангой. Что же касается боевого клича, то «эниалием» называлось возглашение в честь бога войны Ареса (ср. Ил. XVII, 211) — естественно, византийцы не могли взывать к этому богу. Подобные анахронизмы допустимо объяснить тем, что Лев Диакон изучал в школе античных авторов и в качестве упражнения написал эпопею о взятии Никифором Крита, которую потом и использовал в «Истории». Школьные годы Льва как раз пришлись на правление Никифора, и естественно, что упражнения на тему о его подвигах были в обычае. (Пример прославления Никифора — и поэма Феодосия о взятии Крита.)

38 Согласно арабским источникам, византийское войско состояло из 7200 пеших воинов и 5000 всадников (*Панайотакис*. 1960, 47). Хотя Скилица также рассказывает, что битва произошла немедленно после высадки, другие источники этого не подтверждают; видимо, если стычка и была, ее масштабы явно преувеличены Львом (Там же. 48—49).

39 Это был город Хандак (Скилица. 249) — совр. Ираклион. Лев Диакон ограничился описанием его осады и взятия. В действительности же и лагерь Никифора располагался далеко от города, и к блокаде его византийцы приступили позже.

40 Феодосий (172—173) называет место, где был разбит лагерь, — Финикия. Этот топоним существует и сейчас на юго-запад от Ираклиона (*Панайотакис*. 1960, 57).

41 Фортиды — грузовые корабли. Они обычно служили для перевозки продовольствия и снаряжения (Тактика Льва. XIX, 13). Феодосий (139—144) сообщает, что Никифор приказал вытащить корабли на берег.

42 В течение восьмимесячной осады крепости Хандак никто не пришел ей на помощь из других арабских земель. Причина этого как в дипломатической подготовке похода — византийцы умело использовали разобщенность арабского мира (*Христидис*. 1984, 186—191), так и в их преобладании на море, достигнутом в этот период (*Арвейлер*. 1966, 114—117).

43 Так называли арабов-мусульман по имени египтянки Агари — служанки Сарры, жены Авраама, от которого, согласно Библии (Бытие. XVI, 10—15), Агарь родила сына Измаила, признававшегося родоначальником арабов. Поэтому иногда арабов называли еще исмаилитами.

44 Побережье Фракисийской фемы как самой близкой к Криту больше других подвергалось пиратским набегам (ср. Газе. 408), и ее ополченцы испытывали, должно быть, сильную ненависть к арабам.

45 Перед нами — цитата из Первого послания к фессалоникийцам (V, 6).

46 Немецкий переводчик толкует эти слова по-другому: «...не недооценивать легкомысленно трудностей поручения» (Лоретто. 15).

47 Популярнейший в античной литературе топос о непрочности человеческого счастья в силу «зависти богов» (ср. Ил., IV, 320; Софокл. Антигона, 1158; Еврипид. Андромаха, 100 и т. д.) проник и в Византию.

48 Само имя Никифора Пастилы приводит один Лев Диакон, но история его гибели подробно изложена и Феодосием; рассказывает тот и о случившемся некогда пленении Никифора (860—866), уточняя, что оно произошло из-за бегства воинов Македонской фемы. Согласно Феодосию, на Крите Пастила действовал против десятитысячной армии под командой Карамунтиса, которая, несмотря на гибель самого Пастилы, была разгромлена (810—914). Однако в поэме «О взятии Крита» этот эпизод датируется полугодом позднее (*Панайотакис*. 1960, 77).

49 Хотя Лев был дьяконом, его мировоззрение «пропитано» античными представлениями «о божественном произволе» Тихи, капризной богини судьбы.

50 Эпизод, вероятно, относится к войнам с сирийскими арабами, в которых Никифор участвовал с юных лет. См.: *Васильев*. 1902, 295—300.

[51] Вряд ли стены Хандака были сложены только из земли и шерсти — их каменные фундаменты послужили основой для позднейших византийских укреплений. Хотя слово «хандак» означает «ров», но все-таки рвов там было не два, а один, что отмечают и Феодосий, и сам Лев Диакон в других пассажах (*Панайотакис*. 1960, 61—62).

[52] Подражая античным авторам, Лев придумал речь, которую Никифор мог бы произнести перед войском. В ней, впрочем, нет преувеличений. Все источники подтверждают, что Крит превратился в главную опорную базу арабских пиратов, разорявших Грецию и Малую Азию. Однако взгляд византийских авторов односторонен; нельзя считать Крит только «пиратским гнездом»: на острове существовала стабильная административная структура, чеканилась монета, развивались ремесла и торговля, кстати и с Византией. См.: *Христидис*. 1984, 114—156.

[53] Цитата из послания апостола Павла Титу (I, 12) приведена Львом Диаконом неточно — видимо, по памяти.

[54] Борьбе с арабами Никифор стремился придать характер священной войны. В «Стратегике Никифора» (20) есть строжайшее требование к войску молиться утром и вечером, а при появлении неприятеля взывать к Христу о помощи.

[55] В X в. византийцы все еще считали себя римлянами (по-гречески «ромеями»), гордились славой древнего Рима.

[56] Греческое население, подвластное арабам, помогало Никифору (ср. Атталиат. 227; Прод. Феоф. 476, 480), но не так активно, как это представляется многим современным исследователям, — ведь арабы не преследовали христиан за их веру (*Христидис*. 1984, 184).

[57] Об этой битве рассказывает и историк XI в. Михаил Атталиат (226—227), добавляя, что о замысле арабов прорвать осаду Хандака Никифору стало известно от двух перебежчиков.

[58] Армяне-перебежчики из стран Арабского халифата образовывали особые отряды; о них Лев Диакон упоминает и дальше. Армяне в то время достигали на военной службе самых высоких постов (*Каждан*. 1975).

[59] Всю эту фразу Ф. Лоретто (21) сводит к словам: «... и они поступали, как он сказал».

[60] О том же эпизоде повествует Феодосий (338—345) и Атталиат (228), объясняющий эту жестокость стремлением показать осажденным, что помощь не придет.

[61] Ф. Лоретто (21) понимает последние слова как «... отвергали перемирие».

[62] Описание штурма Хандака очень похоже на описание взятия готской крепости в книге Агафия (32). Сомнительно, чтобы на вооружении у арабов Крита были секиры, какими пользовались готы времен Юстиниана (*Сюзюмов*. 1916, 142—143).

[63] Византийские осадные орудия мало отличались от позднеримских: метательные машины, тараны, «черепахи»; при войске были искусные мастера-техниты по их изготовлению (*Мишулин*. 1940, 383, и сл.). Это были работники государственных мастерских по производству военного снаряжения.

[64] Фемное войско, собранное Никифором, состояло в основном из крестьян-стратиотов: им не хватало опыта в действиях против осажденного города. Поэтому Никифору и пришлось заниматься их военной подготовкой. Лев несколько раз заостряет на этом внимание (ср. Прод. Феоф. 226; Тактика Льва. VII). В неопубликованной пока «Краткой истории» Пселла (XI в.) тоже есть обширный пассаж о занятиях Никифора с воинами: «Крестьян он делал мечниками, упражнял их руки в пускании стрел и дротиков и в метании копья, [учил] стрелять во всадника и поражать бегущих, и всему, что нужно для войны, штурма и осады» (*Маркопулос*. 1985, 1063).

КНИГА ВТОРАЯ

1 Лев по обыкновению не приводит дат. Речь идет о зиме — 6469 г., 4 индикта (960—961 гг.).

2 Хамвдан — Абуль Хасан Али ибн Хамдан (ок. 910—967) из арабской династии Хамданидов — эмир Алеппо, известный в истории Ближнего Востока как Сейф-ад-Даула («меч царства»), неутомимый воин, враг Византии и наиболее опасный ее сосед. Его владения распространялись на Сирию, часть Армении, Верхнюю Месопотамию, Киликию (*Хонигман*. 1935, 93). Набеги Сейф-ад-Даулы на территорию Византии (особенно в середине 950-х годов) наносили большой ущерб населению. Императоры, опасаясь могущества Хамдана, старались вооружить против него багдадского халифа. Только победы, одержанные полководцами из семейства Фок, значительно потрясли государство Сейф-ад-Даулы (*Канар*. 1951; *Васильев*. 1950).

3 Киликия — область, занимавшая бо́льшую часть северо-восточного побережья Средиземного моря. В X в. была в руках арабов и стала ареной упорных боев между византийцами и арабскими эмирами (*Хонигман*. 1935, 80, и сл.). После завоевания ее Никифором Фокой превращена в фему.

4 Выражение «живущих по соседству с Киликией агарян» могло быть заимствовано Львом из литургического текста, воспевавшего перенесение в Константинополь святынь Мембиджа (Алькен. 1963, 256). Эта служба была написана в 967—969 гг. и содержала невероятные славословия Никифору.

5 Подробнее о войне см.: *Леонгардт*. 1887.

6 По Яхъе Антиохийскому (80—82), боевые действия начал Лев Фока (см. ниже), напав на область Тарса. Сейф-ад-Даула, в свою очередь, вторгся в пределы Византии только после начала марта 960 г. (Яхъя. 83).

7 Лев Фока был назначен стратигом Каппадокии еще при Константине VII; впоследствии — доместик схол Востока, доместик схол Запада (*Бурас*. 1981, 186—187). Как и его брат Никифор, был пожалован саном магистра в 960 г. После прихода к власти Никифора II стал куропалатом и логофетом дрома (*Гийян*. 1974). Лев Фока в этом походе как бы мстил за брата Константина, взятого в плен Сейф-ад-Даулой и погибшего.

8 Никифор Фока пытался придать войне против арабов форму крестового похода (см. кн. I, примеч. 54). Но византийская церковь на основании канонических правил не решалась принять тезис, который так воодушевлял впоследствии западных крестоносцев.

Слова «какая-то божественная сила» в устах дьякона звучат странно, не по-христиански. Можно было взывать к богу или святым, но упоминание о «божественной силе» равносильно возведению ее носителя в ранг божества. Правда, в монашеских кругах идея соединения с божеством имела некоторый успех, но Лев Фока вовсе не походил на мистика.

Исключительное обилие восхвалений по адресу семейства Фок дает основание предполагать, что источником для Льва Диакона послужил либо специальный исторический труд, либо официальные записи кого-нибудь из сторонников семейства Фок (*Сюзюмов*. 1916; 1946; *Карышковский*. 1953, 47; *Каждан*. 1961, 116—128). Юношу Льва, учившегося в то время в Константинополе, конечно, не могли не восхищать победы Фок; впоследствии всем версиям о них он предпочитал только панегирические.

9 Истр — античное название нижнего течения Дуная.

10 «Скифы», переправившиеся через Дунай, — это венгры, которые в IX—X вв. появились в Юго-Восточной Европе и стали грабить византийские и болгарские владения. Интересно, что Лев, зная распространенное тогда название «турки», тем не менее считал научным именовать венгров еще архаичнее — «скифы». В то время историки называли народы теми именами, которые были приняты в классической Греции.

11 Победа над венграми относится к 961 г. (Афанасий Афонит. 23, 29). О венгерско-византийских отношениях см.: *Люттих*. 1910; *Макартни*. 1930; *Моравчик*. 1934; 1970.

12 Видимо, именно эту тактику использовали Фоки в войнах против арабов, что послужило основой для написания трактата «О военных схватках», который, хотя и не является трудом самого Никифора Фоки, однако принадлежит кому-то из его окружения. См.: *Кучма*, 1979, 58.

13 В этой речи, несомненно, отразилась практика школьных сочинений. Подражание стилю речей Велизария, как они воспроизведены у Агафия, здесь очевидно.

14 Никаких точных данных о сражении у Льва Диакона нет. Место битвы не названо. По Скилице (250) и Продолжателю Феофана (479), это — Адрасса. Согласно Ватиканскому Анониму (199), сражение происходило в клисуре (ущелье) Килиндр. По Яхъе Антиохийскому (83—84), который датирует битву 8 ноября 960 г., — в клисуре Дарб-Мгарах. Ни одно из этих названий не поддается точной локализации (*Маркопулос*. 1979, 112). Согласно арабскому историку Мискавейху, жители Тарса предупреждали Сейф-ад-Даулу о засаде в ущелье и просили идти другой дорогой. По его же свидетельству, после битвы от войска осталось 300 человек (Там же. 112). О победах над Сейф-ад-Даулой упоминается и в трактате Никифора (О сшибках. 192).

15 Раздел добычи между воинами был узаконен императорами исаврийской династии. Согласно своду «Эклога», при разделе добычи шестую часть следовало отдать в казну, остальное — разделить между воинами. При этом полководец и командиры не участвовали в разделе: они довольствовались жалованьем (Эклога. XVIII; Прохирон. 40). О разделе добычи говорится в «Стратегике» Маврикия и в действовавшей в X в. «Тактике Льва» (XX, 192; см. также: *Дэн*. 1948, 347).

16 Обычай триумфального шествия победителя в столицу (которую Лев обычно называет не Константинополем, а архаически Византием) с добычей и пленными сохранился в Византии почти во всех подробностях со времен Римской республики. Триумф входил в число актов придворного церемониала, его порядок описан в «Книге церемоний» Константина Багрянородного (607—615).

17 Лев пишет о триумфе в театре. Но согласно Книге церемоний, торжество проводилось на ипподроме, а здание Большого театра уже с V в. стало местом казней (*Жанен*. 1950, 190). В Константинополе и его окрестностях было несколько ипподромов (Там же. 177—189) — здесь имеется в виду центральный. Полное исследование об ипподроме и его роли в истории Византии см.: *Гийян*. 1962.

18 Все источники отмечают для второй половины X в. значительный рост числа рабов в связи с победами Византии. Это был не рецидив рабовладельческой формации, а лишь временное приспособление устаревшего общественного института к процессу феодализации. Рабы затем становились и стратиотами, и членами крестьянских общин. Их приток усилил имущественную дифференциацию. Крупные чины фемного войска, имевшие значительные земельные владения, расселяли рабов как зависимых поселенцев. Из рабов-челядинцев составлялась вооруженная свита динатов, которую они использовали для внеэкономического наступления на общину, для прямых захватов крестьянских участков. Таким образом, в исторической ситуации X в. рабство послужило ускорению феодализации (*Сюзюмов*. 1963).

19 Торжественный вывод Льва, хотя и звучит как преувеличение, но подтверждает, что в третьей четверти X в. произошел перелом в отношениях Византии и Арабского халифата. Общность интересов феодализирующейся знати и централизованного государства, использование фемного войска, длительное существование свободной крестьянской общины — вот главные причины, которые обусловили подъем военной мощи Византии во второй половине X в.

20 Перебранка между осажденными и осаждающими была делом обычным. В частности, идентичный эпизод приводит Киннам, когда рассказывает об осаде Мануилом Комнином одной венгерской крепости (Газе. 419).

[21] Все религии, кроме христианства, византийцы считали суевериями, в том числе верования манихеев (имеются в виду павликане) и мусульман. Биография Магомета реалистично изложена Константином Багрянородным (Адм. 90—91), но, как только он переходит к описанию учения пророка, рассказ становится недостоверным.

[22] Нарисованная Львом картина штурма Хандака очень похожа на соответствующий рассказ у Агафия (34—35). Начиная со слов «множество воинов» и до этого места, Лев Диакон позаимствовал у него двадцать семь слов; за исключением зачина, это самая обширная компиляция Льва. Почему из-за подкопа одного участка стены рухнули две башни, можно объяснить, лишь учтя, что Лев сократил более развернутое и логичное описание Агафия.

[23] О страшной резне в Хандаке повествует и Феодосий (1009—1025), но, по его словам, Никифор был озабочен лишь тем, чтобы воины не «запятнали» себя насилием над женщинами-иноверками. Более чем через восемь лет автор диалога «Филопатрис» (330) вспоминал о жестокости византийцев на Крите. Эта расправа, в свою очередь, вызвала антихристианские погромы по всему Ближнему Востоку (*Панайотакис*. 1960, 82—83).

[24] Хандак был взят 7 марта 4 индикта 961 г. (Скилица. 250). Яхъя (84) дает 6 марта, но правоту Скилицы подтверждает надпись на одной иерусалимской рукописи (*Маркопулос*. 1985, 1067).

[25] Керы — демонические существа греческой мифологии; олицетворяли беды и смерть.

[26] Теменос — совр. Канли Кастелли (*Панайотакис*. 1960, 58—59).

[27] Любопытно, что юго-западнее Ираклиона сохранился топоним Арменокампос, т. е. «армянское поле», как раз поблизости от лагеря Финикия (*Панайотакис*. 1960, 57).

[28] Арабские источники сообщают, что ромеи вывезли с Крита 300 кораблей с добычей и пленными. Двери эмирского дворца Никифор послал в Лавру Афанасия на Афон, где они находятся и поныне (*Панайотакис*. 1960, 83).

[29] Неясно, удостоился ли Никифор триумфа сразу же после взятия Крита или, если предпочесть версию Скилицы (250, 252), его не впустили в столицу, а направили в Азию продолжать борьбу против Сейф-ад-Даулы. Распространилось поверье, что взявший Крит захватит императорскую власть, вследствие этого будто бы возникла интрига со стороны Вринги. Лев Диакон пишет о двух триумфах Никифора Фоки — в 961 г. и 963 г. Скилица же упоминает только об одном — в апреле 963 г., после смерти Романа. Можно было бы предпочесть версию Скилицы и Зонары: император немедленно направил Никифора против Сейф-ад-Даулы, который, пользуясь отходом войск европейских фем из-за набегов венгров, возобновил наступление на византийские владения; только после победы над Сейф-ад-Даулой Никифор мог приехать как триумфатор в столицу, везя с собой добычу с Крита и из Веррии (Силица, 253). Тем не менее мы в данном случае предпочитаем версию Льва Диакона. Симеон Магистр (759—760), Продолжатель Амартола (858), Ватиканский Аноним (99) и арабский географ Якут (*Маркопулос*. 1979, 113) также сообщают о триумфе Никифора сразу после покорения Крита. Видимо, люди, благосклонно относившиеся к Никифору, нарочно распространяли слухи о нанесенных ему обидах.

[30] По Скилице (252) и Яхъе (85), Никифор Фока двинулся к Веррии (Халепу) и Аназарбу. Ему удалось овладеть крупными центрами — Аназарбом (10 января 962 г.), Дулухом, Марахом и Рабаном (от 9 апреля до 8 мая 962 г.), Халепом же — только 23 декабря 962 г. (Яхъя, 86; Ватиканский Аноним, 100; Симеон Магистр, 760; Бар-Эбрей, 168 и т. д.). См.: *Маркопулос*. 1979, 113—117.

[31] Эта колоссальная добыча дала возможность создать в византийской армии многочисленные отряды закованных в броню и кольчугу всадников — катафрактов (новелла Никифора XXIII: Ц.—Л., III, 300). Таким образом, часть стратиотов превратилась в мелких рыцарей. Фемная знать разбога-

тела на грабеже арабских владений, и позднее Никифор стремился закрепить за динатами их собственность, не допуская ее распыления между мелкими владельцами.

32 Ф. Лоретто (35) оставил без перевода эти слова.

33 В X в. народное ополчение еще составляло основу военной силы Византии. Стратиоты вели свое крестьянское хозяйство. Зонара (XVI, 23) повествует, что Никифор Фока, после того как ему были предоставлены полномочия набрать войско, «обращал серпы в мечи, плуги в копья»; таким образом, прибегая к выражениям из Священного писания (Иоиль. IV, 10), хронист подчеркивает народный состав армии Никифора. Походы Фоки и Цимисхия знаменовали собой последние победы фемного строя. С конца X в. оно стало слишком дорогим для крестьянства: стратиоты не могли больше покупать необходимое снаряжение. И, самое главное, такое войско перестало быть политически благонадежным: многие стратиоты участвовали в мятежах второй половины X в. Армия начала дифференцироваться по социальному принципу, все большее значение приобретали иностранные наемники.

34 О пристрастии императора к охоте с неодобрением пишет и Продолжатель Феофана (472). Эта рыцарская забава в то время лишь начала распространяться, а настоящую популярность приобрела уже при Комнинах (*Кукулис*. 1952, 5, 388—389). Такая склонность у Романа — один из признаков начавшейся феодализации византийского общества; возросло также значение военных доблестей императора (*Каждан*. 1984, 47—48).

35 По Скилице (253), Роман II умер 15 марта 6 индикта 6471 (963 г.). По Яхъе (89—90), — 16 марта. Одна из кратких хроник сообщает, что Роман прожил 25 лет и 4 месяца, а болел перед смертью пять дней (Шрайнер. 1975, 164). Лев Диакон повторяется, давая еще раз характеристику Романа II (см. I, 2). В упоминании о «женской половине дворца» содержится намек на причастность императрицы Феофано к смерти мужа.

36 Ф. Лоретто при переводе этой фразы, во-первых, оставляет без истолкования «τούτου δὲ ἐξ ἀνθρώπων γεγονότος — когда тот умер», а во-вторых, понимает βασιλείας ἀρχὴν ἐγχειρίζονται — «вручают царскую власть» как «возводят в регенты царства» (36), что спорно, поскольку из источников не ясно, кем стала Феофано — императрицей или регентшей.

37 Полиевкт — патриарх с 3 апреля 956 по 5 февраля 970 г. (*Грюмель*. 1958, 436) — один из наиболее влиятельных иерархов византийской церкви. После неожиданной смерти Романа вопрос о составе правительства был особо важным, и Полиевкт совместно с сенатом (синклитом) приобрел ведущую роль в делах.

38 Синклит — совет высшей византийской знати, главным образом служилой. В него входили протоспафарии, патрикии и магистры. Слова Льва Диакона свидетельствуют о том, что при всех ограничениях, наложенных на синклит Львом VI (Новелла LXXVIII), он в соединении с патриархом мог играть ключевую роль в сложных ситуациях междуцарствия. О синклите см.: *Элиссен*. 1887; *Христофилопулос*. 1949; *Бекк*. 1966.

39 В отличие от Льва Диакона Продолжатель Феофана уверяет (458), что Феофано (ее девичье имя Анастасия) происходила от благородных предков; то же сообщает и Ибн-ал-Атир (Розен, 140). Согласно Скилице (337), Феофано — дочь трактирщика, ставшая императрицей только благодаря красоте, он же сообщает, будто по совету этой женщины молодой Роман принял участие в отравлении своего отца Константина Багрянородного.

40 Лев характеризует Иосифа Врингу явно односторонне, с позиций сторонника Никифора. Между тем Вринга, несомненно, был яркой личностью: к 956 г. он уже — препозит и патрикий; в апреле или мае того же года назначен сакеларием и друнгарием флота. В последние годы жизни Константина VII, по мере того как падало влияние Василия Нофа, Вринга приобрел большую власть. При бездарном Романе II Вринга фактически управлял государством. Вражда его с Никифором Фокой началась, видимо, после взятия Крита в 961 г. Лев Диакон — единственный из авто-

ров, кто приписывает Иосифу зловещие замыслы против Никифора (*Маркопулос*. 1981). Скорее всего, зачинщиком в этом соперничестве были именно Фока и его окружение, недовольное всевластием столичной бюрократии, — ниже Лев прямо говорит о стремлении Никифора совершить переворот (ср. примеч. 42).

41 Паракимомен — собственно, спальник — придворное звание высокого ранга; введено на рубеже VI—VII вв. С IX в. назначался один паракимомен. Им мог быть только евнух (*Икономидис*. 1972, 305). Паракимоменам поручалось выполнять иногда важнейшие функции в правительстве — Вринга, например, был друнгарием флота; иногда доверялось и гражданское управление и военные должности, как, например, Петру Евнуху (см. ниже VI, 11). До Вринги должность паракимомена занимал Василий Ноф. Этот период, как видно также из «Истории» Льва Диакона, — время наивысшего могущества евнухов (*Гийян*. 1967, 183—184). О причинах засилия евнухов в Византии см.: *Аверинцев*. 1977, 20—21.

42 Здесь Лев Диакон «проговорился»: оказывается, Никифор уже в начале апреля 963 г., отправляясь на триумф, хотел поднять мятеж. В дальнейшем, правда, это им оспаривается и вся вина возлагается на Врингу. Характерно, что, не имея командного поста, даже такой важный представитель феодализирующейся знати, как Никифор, был бессилен. Для свершения политической акции необходимо было иметь должность, а не только родичей, челядинцев и сторонников. Централизация государства в Византии еще не была ослаблена феодализацией. Борьба провинциальной знати велась поэтому не против центральной власти, а за овладение ею.

Сам Никифор был сложной, противоречивой личностью. Любовь к военной славе и честолюбие совмещались в нем со стремлением к религиозному аскетизму. Всю жизнь проводя в походах, он в то же время поддерживал связи с монашеством, щедро осыпая милостями монахов-аскетов. Согласно житию Афанасия Афонского (246), Никифор перед Критской кампанией посетил его на пустынной горе Афон и обещал ему закончить жизнь монахом. (О роли Никифора Фоки в истории Афона см.: *Успенский*. 1877, 68—78.) Но к стяжательским монастырям городского типа Никифор испытывал неприязнь, ср. его знаменитую XIX новеллу (Ц.—Л., III, 292—296).

43 Слова «ἀναλαβεῖν τὰς δυνάμεις» Лоретто (36) понимает иначе, чем мы, а именно: «принять из их рук высшее командование».

44 Эта версия в других источниках отсутствует. Мало вероятно, чтобы Вринга мог безнаказанно расправиться с блестящим полководцем. Видимо, так оправдывали мятеж Никифора его сторонники.

45 Так византийцы называли храм Святой Софии, грандиозное здание которого существует и поныне.

46 Победа Никифора была обусловлена не столько поддержкой патриарха и синклита, сколько популярностью полководца среди столичного плебса (*Каждан*. 1960, 389—390).

КНИГА ТРЕТЬЯ

1 Лев Диакон любит щеголять астрономическими познаниями и иногда вместо даты указывает положение Солнца по отношению к созвездиям зодиака. В данном случае имеется в виду период с 21 апреля по 21 мая. Этому вполне соответствует сообщение Ватиканского Анонима (100), что переход Никифора в Азию состоялся 6 индикта, т. е. в 963 г., после пасхи, приходившейся в тот год на 19 апреля.

2 Каппадокия — старинное название центральной части Малой Азии; в X в. центр византийской экспансии на Востоке. В то время в Каппадокии быстро развивалось крупное землевладение военно-феодальной знати. См.: *Ранович*. 1949, 117—126; *Хонигман*. 1935, 43—47; *Каждан*. 1960, 70.

3 Троглодитами Страбон называет людей, которые «жилища свои вырывают

в земле» (XVII, 3, 7). Потому так стали именовать вообще всех, кто ютится в пещерах. Жители Каппадокии часто были вынуждены прятаться от врабских нашествий в тайниках; кроме того, пещеры служили кельями монахам-отшельникам (*Рэмси*. 1890, 293, 356; *Васильев*. 1902, 84).

4 О том, как обучали стратиотов, см. примеч. 64, кн. I. Однако в данном случае Лев Диакон «по-детски», по выражению Газе (428), почти дословно следует Агафию (*Сюзюмов*. 1916, 142).

5 Город Тарс располагался у реки Кидн в Киликии; совр. Тарсус.

6 В данном рассказе можно усмотреть домыслы врагов Вринги, желавших оправдать последующий захват власти Никифором. Эта версия была почерпнута Львом все из того же источника, восхвалявшего род Фок. Она прослеживается в «Книге церемоний» (433), у Скилицы (256), у Зонары (XVI, 13, 75).

7 Мариан, по прозвищу Апамбас, происходил из знаменитого рода Аргиров. В 955 г. он был назначен стратигом Лагувардии и успешно воевал там с арабами. В 959 г. получил пост катепана Запада (ср. примеч. 8, кн. IV). В 961 г. разгромил венгров. Сторонник Вринги (*Фалькенхаузен*. 1967, 37, и сл.; 81; 165, и сл.).

8 Словарь «Суда» поясняет, что обезьяной византийцы могли называть низкорослого человека.

9 Иоанн Цимисхий происходил из армянской фемной знати и состоял в родстве с семейством Куркуасов (Прод. Феоф., 428). Был стратигом фемы Антоликов. Род Цимисхиев существовал до XIII в. (*Гийян*. 1973, 64).

10 Пример непоследовательности Льва Диакона: ниже он пишет (III, 7), что брат Никифора и его отец оставались в Константинополе.

11 Фема Анатолики со столицей Аморий лежала в сердце Малой Азии. Образована около 669 г.

12 Ф. Лоретто (42) понимает это обращение как: «тебя, знаменитого полководца».

13 Эндимион, посягнувший на честь богини Геры, был осужден на вечный сон. Возможно, сравнивая Никифора с Эндимионом, автор намекает на его близость с императрицей.

14 Это единственное в историографии упоминание о родине Вринги. Ф. Лоретто (43) здесь добавляет от себя «по всеобщему несчастью» точно так же, как чуть выше (42) присочиняет целую фразу.

15 Город Кесария — совр. Кейсери — центр фемы Каппадокия, военная база на восточной границе Византии, мощная крепость.

16 Слова «τὰ ξίφη γυμνώσαντες — обнажив мечи» у Льва Диакона повисают в воздухе. Эти же слова у Зонары вполне закономерны: ими он пытается убедить читателя в том, что Никифора силой заставили принять провозглашение. Эта профокадская версия известна из многих источников (Аль-Макин, Ибн-ал-Атир, Скилица, Книга церемоний, Зонара). Прослеживающийся у них общий прототип был знаком и Льву Диакону, но тем не менее от профокадской тенденции в его «Истории» сохранился лишь «осколок» — слова «τὰ ξίφη γυμνώσαντες», остающиеся без объяснения: Лев не готов утверждать, будто Никифор ни в чем не виновен.

17 Лохаг — командная должность в фемном войске; лохагами назначали особо отличившихся стратиотов. Так формировалась фемная знать, стремившаяся посадить на престол своего представителя и настроенная оппозиционно по отношению к городской и чиновной верхушке.

18 О первом браке Никифора нам ничего не известно (*Панайотакис*. 1972, 246).

19 Видимо, Варда был старшим сыном Никифора (назван в честь деда) и к моменту гибели ему вряд ли было больше 20 лет. Трагический случай мог произойти примерно в 958—961 гг. (*Панайотакис*. 1972, 247—250).

20 О характере родства Плевса с Вардой ничего нельзя сказать наверняка. Видимо, он приходился ему двоюродным братом по материнской линии, а не по линии Фокадов (*Панайотакис*. 1972, 251—264).

[21] Видимо, у Льва нашла отражение официальная версия, согласно которой инициатором мятежа был Цимисхий. Но историк здесь противоречит сам себе, так как ранее писал, что, уже собираясь в Константинополь перед триумфом, Никифор хотел поднять мятеж (см.: кн. II, 11, и примеч. 16). В немецком переводе этой фразы опущены слова «καὶ τῶν σκήπτρων ἀνθέξεσθαι» — и домогаться скипетра» (Лоретто. 44).

[22] Право носить пурпурную обувь принадлежало только императору, ее самовольное ношение расценивалось как претензия на престол. По Скилице (256), провозглашение Никифора императором состоялось 2 июля 6 индикта (963 г.). В тоне Льва Диакона явно чувствуется осуждение Никифора, прорывающееся сквозь профокадскую в целом версию провозглашения его императором.

[23] Вся эта фраза опущена в немецком переводе (Лоретто. 46).

[24] Ф. Лоретто (46) понимает выражение «τούτων εἰδεκότι μηδέν» иначе: «я, который не причинил ему никакого зла».

[25] Евксин (Понт Евксинский) — Черное море. Никифор стремился во что бы то ни стало овладеть всеми приморскими городами, которые могли оказать помощь Константинополю. Стратиг Понта Евксинского имел резиденцию, видимо, в Боспоре Фракийском. В его компетенцию, как считает Н. Икономидис (1972, 358, примеч. 393), входила защита черноморского побережья от возможных нападений русских.

[26] Авидос находился в самом узком месте пролива Дарданеллы. Здесь была таможня, которая регулировала движение кораблей к Константинополю и взимала с купцов пошлины (*Антониадис-Бибику*. 1963, 93, 181—182). Заняв этот город, Никифор мог воспрепятствовать доступу к столице и овладеть всеми таможенными доходами.

[27] Лев Диакон снова упоминает о Тихи-судьбе в языческой трактовке. О божьей помощи он здесь как бы стесняется говорить, поскольку Никифор был клятвопреступником: ведь он дал патриарху обещание не поднимать мятеж. О сложностях сочетания божьего промысла и случая для византийцев см.: *Медведев*. 1976, 104—123.

[28] Евхаита — совр. Меситезю в 55 км к западу от Амасьи. Митрополия с конца IX в. Недалеко от нее лежала Евхаиня, где покоился прах Феодора Стратилата (ср. примеч. 63, IX). См.: *Икономидис*. 1986.

[29] «Скифским посланием» образно называли полный угроз ультиматум (Латышев. 1948, 291—296).

[30] Пасхалий происходил, видимо, из армянского рода Кринитов (*Адонц*. 1935, 537). Имел титул протоспафария, был стратигом Лагуардии в 943/44 г., смещен с должности за хлебные спекуляции. В 944 г. ездил на Запад за невестой для Романа II. В 951 г. назначен стратигом Калаврии. В 961 г. участвовал в заговоре против Романа II, за что был сослан, но вскоре прощен. Высказываются, впрочем, и сомнения, что это послужной список только одного человека (*Фалькенхаузен*. 1967, 80; 98—99).

[31] Братья Лев и Николай Торники были пожалованы саном патрикиев за участие в заговоре против сыновей Романа I в пользу Константина VII вместе с Марианом и братьями Фоками (*Гийян*. 1973, 57). Торники — выходцы с Кавказа, знаменитый род, давший до середины XII в. много полководцев (*Каждан*. 1974, 63, 89—90, 146, 212).

[32] Иосиф, очевидно, хотел противопоставить Никифору Фоке как главе малоазийских фемных отрядов знать балканских фем и опереться на «македонскую фалангу», т. е. на стратиотов фемы Македония с центром в Адрианополе.

[33] Иерия (совр. Фенербахчи) — порт на азиатском берегу Босфорского пролива. Авидос и Иерия выполняли сходные таможенные функции: первый — со стороны Средиземноморья, второй — со стороны северных путей (*Жанен*. 1950, 147—149; *Антониадис-Бибику*. 1963, 16—79, 91—93).

[34] Храм св. Софии был основным церковным убежищем. Люди, преследуемые властью, даже из других городов стремились укрыться именно в нем:

здесь право убежища, как правило, не нарушалось. Но во время политических переворотов никакая сила церковной «святости» не спасала беглецов. Это знала собравшаяся у собора толпа — она-то и вырывала Варду, отца Никифора и Льва, из рук сторонников Вринги (Книги церемоний. 435).

35 Варда Фока командовал византийскими войсками на Востоке в 40—50-х годах (*Васильев*. 1902, 256, и сл., 286, и сл.). В 941 г. он участвовал в войне с Русью и упомянут в «Повести временных лет» как «Фока патрекий» (ПВЛ, 33).

36 Участие Мариана в обороне столицы было, видимо, столь активным, что отголоски этих событий в описании армянского историка XI в. Асохика выглядят так: «Воцарился в Константинополе какой-то Марин. Никифор и Кир-Жан со всеми войсками явились на берег греческого моря, вступили в Константинополь и свергли Марина» (Асохик. 127).

37 Народ был разъярен, поскольку Иосиф Вринга грозил ему голодной смертью и подстрекал хлебопеков прекратить выпечку хлеба (Книга церемоний. 436). Вряд ли можно «ὕπαιθρον φυγήν — в явное бегство» переводить как «на свежем воздухе» (Лоретто. 49).

38 Женщина, бросающая на голову вождя тяжелый предмет с крыши дома, — литературное клише. Так погиб Пирр (Плутарх. Пирр, XXXIV, 2—4); так пытались убить императора Никифора во время народного волнения (IV, 7).

39 Роман I, по прозванию Лакапин, в юности служил на флоте и, начав с низших чинов, стал затем друнгарием флота. В 919 г. он совершил переворот и был провозглашен василеопатором (см. примеч. 34, кн. VII), женив на своей дочери Константина VII. С 921 г. — самодержец. В политике опирался на столичное чиновничество. В 944 г. свергнут сыновьями. Умер в ссылке в июле 948 г.

40 Василий родился между 910 и 920 гг. В 941 г. стал протовестарием. В борьбе Константина VII с сыновьями Романа I Стефаном и Константином Василий Ноф выступил против своих сводных братьев; после победы Константина (в 945 г. Лакапиниды были свергнуты и вскоре убиты) начал участвовать в управлении: в 948 г. он был произведен в патрикии, назначен паракимоменом. При Романе II попал в немилость, будучи оттеснен Иосифом Врингой, так что их взаимная неприязнь вполне объяснима (см.: *Броккаар*. 1972, 199—216). Карьера Василия на этом не оборвалась. Главный успех ждал его впереди (см. примеч. 6, кн. VI).

41 Видимо, мать Василия была болгаркой. Смешанное происхождение не считалось недостатком, а наоборот, достоинством и причиной энергии и ума. Византийцам была чужда этническая антипатия: свое превосходство над «варварами» они усматривали только в культурно-государственной сфере.

42 У Василия, как и у многих сановников того времени, было множество слуг и челядинцев. Помощь этого отряда городскому плебсу оказалась решающей: народ фактически овладел столицей и стал расправляться со сторонниками Вринги. Это случилось 9 августа 963 г.

43 Участие синклита в народном возмущении началось уже после того, как результат борьбы оказался очевидным. В Книге церемоний (438) сообщается, что толпа стала громить дома синклитиков, даже не принадлежавших к числу сторонников Вринги: городские верхи, естественно, старались ускорить вступление Никифора в столицу, чтобы тем прекратить брожение масс.

44 Монастырь Авраамитов, построенный в VI в., находился на европейской стороне, недалеко от входа в город через Золотые ворота (*Жанен*. 1953, 8—11). Он назывался «нерукотворным» потому, что там хранилась икона богоматери, признававшаяся чудотворной.

45 Защитники Большого дворца в восточной части Константинополя (*Жанен*. 1950, 107, и сл.), по-видимому, еще сопротивлялись. Это объясняет, почему Никифор не переправился прямо от Иерии, располагавшейся напротив дворца на другой стороне пролива, а вынужден был плыть к монастырю Авраамитов.

46 Иосиф был сослан в Пафлагонию (Скилица. 260), где и умер через два года в монастыре Асикрит (*Маркопулос.* 1981, 106).

47 Золотые ворота (совр. Едикуле) — въезд в Константинополь в юго-западной части городских стен (*Жанен.* 1950, 252—255). Оттуда путник попадал на центральную улицу города — Месу (*Стжиговский.* 1893).

48 Год въезда Никифора в Константинополь Лев указал неверно: следует читать 6471. Индикт назван правильно. Точную дату находим у Скилицы (259), в Книге церемоний (438) и у Яхъи (96) — 22 раджеба 352 г. хиджры, т. е. 16 августа 963 г.

49 Совершенно иначе описывает Никифора посол германского императора Лиутпранд (177); для него Фока — «совершенное чудовище, пигмей с тучной головой, с небольшими глазами, как у крота; он обезображен короткой, широкой, разросшейся полуседой бородой, его уродует тонкая, как палец, шея; весь он оброс густыми волосами, лицом он темный, как эфиоп, которого не захочешь встретить ночью! У него торчащий живот, сухие ягодицы, бедра применительно к его короткой фигуре очень долги, голени коротки... Одет Никифор в виссон, но очень бесцветный, от длительного ношения ветхий и вонючий, со стертыми украшениями. Речь у него бесстыдная, по уму он — лисица, по вероломству и лживости подобен Улиссу».

Словесные портреты императоров в сочинениях их современников исчезли из византийской исторической литературы после Юстиниана I. Портрет вернулся в византийскую литературу в X в. (*Хэд.* 1980). Однако портретные характеристики, даваемые Львом Диаконом Никифору, Цимисхию (VI, 3) и Святославу (IX, 11), выгодно отличаются реалистичностью деталей и свежестью взгляда. Они произвели, видимо, столь сильное впечатление на современников, что были изъяты из текста «Истории» и распространялись отдельно, в частности попали впоследствии в одну из рукописей Скилицы (ср. примеч. 16, кн. VI). Большой мастер портрета Михаил Пселл является в этом смысле учеником Льва Диакона.

50 Здесь снова Лев демонстрирует чисто языческое представление о всесилии Тихи (богини судьбы).

51 Кесарь — с IV до конца XI в. — высший византийский титул, даровавшийся ближайшим родственникам императора или наследнику (*Икономидис.* 1972, 293).

52 В VI в. куропалатом назывался начальник дворцовой стражи. Впоследствии — высокая дворцовая должность, еще в X в. резервировавшаяся за членами императорской фамилии (*Икономидис.* 1972, 293).

53 Согласно Зонаре (XVI, 28, 91), впервые титул проедр (дословно — председатель) появился именно тогда, когда им был пожалован паракимомен Василий. О проедре и его функциях при дворе см. Книгу церемоний (440—443). Номинально это был высший гражданский чин, но реальная власть при Никифоре II была сосредоточена в руках куропалата (*Диль.* 1924, 105—117). Со второй четверти XI в. титул стал даваться нескольким лицам сразу, но до середины века проедром по-прежнему мог быть только евнух. Последнее упоминание о проедре относится к середине XII в. (*Икономидис.* 1972, 299).

54 С точки зрения православной церкви принципиальное вегетарианство было недопустимо. Лицо, отвергающее ядение мяса «ради благочестия», согласно канонам Гангрского собора, подвергалось анафеме. Никифор наложил на себя эти суровые ограничения, по-видимому, после смерти сына (*Панайотакис.* 1972, 247). Однако монахи, в частности Афанасий, негодовали, что, презрев данный им обет уйти в монастырь, Никифор предпочел царство (Афанасий Афонит. XXV, 246).

55 Видимо, такая версия женитьбы на Феофано распространялась официальными кругами, дабы опровергнуть скандальные слухи о том, что переворот явился результатом страсти к ней Никифора.

56 Этот пассаж многое говорит о самостоятельности мышления Льва Диакона: ведь здесь он рассуждает уже не о недостатках того или иного правителя, а о прочности самовластия как такового.

[57] Намек на то, что Феофано красотой могла бы сравниться с Еленой Троянской, женой Менелая, бывшего царем Спарты, т. е. Лакедемона. Но это уподобление может иметь и «второе дно»: красота Феофано — как некогда красота Елены — стала причиной гибели многих знаменитых мужей.

[58] Духовное родство было серьезным препятствием к браку. Как светские законы (Код. Юст. V, 4, 26, 530; Эклога. II, 2; Прохирон. VII, 27; Эпанагога. XII, 31; Василики. XXVIII, 5, 14), так и каноническое право запрещали брак между лицами, принимавшими участие в крещении детей, и их родителями. 53-й канон Трулльского собора объявил браки лиц, связанных духовным родством, не менее кровосмесительными, чем между близкими родственниками.

[59] Этим титулом (пропущенным, кстати, в немецком переводе — см.: Лоретто. 53) называли в Византии императрицу, родившую императору детей (*Миссиу*. 1982, 489—499).

[60] Значительно сложнее описано это затруднение у Скилицы (264). Первоначально против брака Никифора с Феофано выступили и афонские монахи, но Никифор своими благодеяниями сумел заставить их признать этот брак (*Успенский*. 1877, 74). Несмотря на оправдание Никифора, молва об обмане им церкви распространялась. Лиутпранд (197) прямо называет брак Никифора прелюбодеянием. Бракосочетание состоялось 20 сентября 963 г. (Скилица. 260).

[61] Слова «κατὰ τὸν ἀέρα» Ф. Лоретто (53) понимает как «против воображаемого врага».

[62] Хотя Никифор провел зиму 963/64 г. в Константинополе, военные действия против арабов продолжались, их вел тогда доместик схол Востока Цимисхий (Скилица. 268).

[63] Согласно Льву, поход начался ранней весной. Согласно Яхъе — в декабре 963 г. (95). Скилица (268) датирует его июлем 964 г., что вероятнее, поскольку вместе с Никифором отправилась и его жена Феофано с малолетними детьми. Ко времени этого похода относится стихотворная переписка между Никифором и багдадским халифом Аль-Мути (Розен. 109—122).

[64] Если понятие „ἀναγκαίων“ в этом пассаже Ф. Лоретто многословно передает как «...средств пропитания и других нужных вещей», то целую фразу «εἶχε μὲν καὶ τὸν Κύδνον τὸ ἔρυμα» он вообще не переводит (Лоретто. 54). (В настоящее время река Кидн сильно обмелела и изменила русло.)

[65] Адана — город в Киликии на судоходной реке Сар; ныне Адана — административный центр вилайета Сейхан в Турции.

[66] Анаварза (чаще именовалась Аназарба) — важный город римской провинции Киликии II. Назывался также Кесарией, Юстинополем, Юстинианополем. При арабском владычестве неоднократно перестраивался, последний раз — Сейф-ад-Даулой. Совр. Анаварза в 28 км к югу от г. Козана в Турции (*Гоф*. 1952). По другим источникам, город был взят в кампанию 962 г. (*Маркопулос*. 1979, 113—114).

[67] Мопсуэстия — старинный город в Киликии, совр. Мисис. Согласно Льву Диакону, был завоеван Никифором в 964 г., но остальные наши источники — Яхъя, Скилица, Мискавейх, Якут — называют 965 г. (*Апостолопулу*. 1982, 165—166).

[68] Пирам — совр. Джейхан, река в Турции.

[69] В созвездии Стрельца солнце находится с 23 ноября по 22 декабря (240—269°), а в созвездии Козерога — с 23 декабря до 20 января (270—299°), следовательно, согласно Льву Диакону, в 20-х числах декабря 964 г. Никифор распустил войско и отправился на зимовку в Каппадокию. Если прав обычно более точный в хронологии Яхъя, то можно предположить, что Лев Диакон ошибся: Никифор отошел от Мопсуестии в Каппадокию, а весной снова отправился с войском и овладел городом, как это писал Яхъя (97—98), — 13 июля 965 г.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

[1] Ш. Газе считал, что здесь Лев цитирует Гомера (Ил. XI, 390), но это допущение не обязательно.

[2] Цифра преувеличена Диаконом: 400 тысяч — число фантастичное. Во-первых, военные трактаты этого времени никогда не упоминают таких армий, во-вторых, в конце четвертой книги Лев пишет, что для осады Антиохии был оставлен отряд лишь в 1500 человек.

[3] Сведения о Вавилоне и Семирамиде Лев, видимо, получил в период учебы в Константинополе, на уроках риторики. Эти предания очень популярны в византийской литературе.

[4] Иерусалимские стены подробно описаны Иосифом Флавием в книге «Иудейская война» (V, 4).

[5] Весна 965 г.

[6] Фраза «καὶ τὸ ἴδιον ὅπλον ἀποβαλὼν — и бросив свое оружие» Ф. Лоретто (58) не переведена.

[7] Членовредительские наказания были широко распространены в Византии (ср. VI, 9). Описанный у Льва проступок законом предусмотрен не был, но бросившего оружие на поле брани ждала смертная казнь.

[8] Дука — должность, существовавшая в начале только как воинская. Но с конца X и особенно в XI в. дука (подобно доместику схол) стал получать, помимо командования фемными войсками, гражданскую власть над фемой или рядом фем, где происходила война. Почетным званием дуки (катепана) жаловались крупные военные деятели, но одновременно были и дуки небольших местностей, имевших, однако, особое военно-стратегическое и политическое значение. Титул дуки был дарован Цимисхию за то, что он в продолжение зимы и весны 965 г. самостоятельно и успешно вел боевые действия против арабов.

[9] Тидей — прославленный в Илиаде герой, неукротимый воин (IV, 373—400). Следует вспомнить, что, согласно мифу, Тидей убил своих двоюродных братьев: быть может, Лев Диакон намекает на трагическую развязку отношений Цимисхия с его кузеном Никифором Фокой.

[10] Пассаж навеян словами Гомера о том, что смерть от голода самая жалкая (Од. XII, 342).

[11] Согласно Мискавейху, византийцы купили у горожан красивые одежды и передали им вьючных животных для путешествия, так как своих те съели во время осады. Никифор дал им охрану, и пять тысяч тарсийцев отправились в Антиохию. Якут пишет, что средства перевозки достались горожанам за треть их имущества (*Апостолопулу*. 1982, 164—165). Лев и Скилица приводят более суровые условия сдачи.

[12] Согласно Яхъе Антиохийскому (98), Тарс сдался императору Никифору 16 августа 965 г. После этого область Тарса была объявлена фемой. Скилица (269) пишет, что сдачу принял Лев Фока.

[13] Скилица (270) сообщает, что названные сокровища тарсийцы захватили при разгроме византийского войска, напавшего на Тарс под командованием доместика схол Стипиоты при Романе I.

[14] Зима 965/66 г.

[15] Лев Диакон употребляет античное слово «мисяне». Так называли жителей древней Фракии. Лев под мисянами подразумевает славянскую народность болгар, формирование которой завершилось в начале X в. Впоследствии обозначение «мисяне» сделалось в Византии обычным в отношении болгар (см.: *Моравчик*. 1958, II, 180—181), но Лев Диакон первым употребил его. Одновременно так же стал называть болгар поэт Иоанн Геометр.

[16] Эту дань Византия платила Болгарии с 927 г. Подобные выплаты были обычным инструментом имперской внешней политики, и потому описанное дальше Львом «негодование» Никифора нельзя не счесть лицемерным.

[17] Выше (см. кн. II, примеч. 10) Лев называет скифами венгров, а здесь — уже болгар. Отметим, что вся придуманная Львом речь Никифора нахо-

дится в вопиющем противоречии с реальностью болгаро-византийских отношений X в.

18 Если считать, что болгарское посольство прибыло в Константинополь зимой 965/66 г., тогда непонятно, как датировать этот упомянутый Львом Диаконом поход: ведь весной 966 г. Никифор отправился войной в Сирию. Мало вероятно, чтобы он мог за одну весну провести две военные кампании в противоположных концах империи. Скорее, встреча Никифора с болгарами произошла зимой 966/67 г., и поход в Болгарию следует тогда отождествить с той инспекционной поездкой в июне 967 г., о которой пишет Скилица (276—277): по его версии, император, проезжая вдоль болгарской границы, послал письмо царю Петру, требуя, чтобы тот перестал пропускать через болгарскую территорию венгров, грабящих византийские владения. Поскольку Петр уклонился от обещаний, Никифор по возвращении в Константинополь отправил, как об этом сообщает и Лев Диакон, патрикия Калокира на Русь. О войне — ни слова. Большинство исследователей пытались совместить рассказ Скилицы с изложением Льва, но эти попытки остались неудачными. Мы полагаем, что заслуживает доверия версия лишь одного из источников и что предпочтение следует оказать Скилице. Слухи о том, что ромейской державной гордости было нанесено якобы неслыханное оскорбление со стороны болгар и что Никифор смыл позор кровью, могли распространяться в 967 г. и из официальных источников: таким способом император, возможно, рассчитывал восстановить свой пошатнувшийся авторитет среди подданных (*Иванов*. 1981).

19 Цитата из Гомера (Ил. XVI, 110—111).

20 Гем — совр. Стара-Планина, Родопы — горы в Болгарии.

21 Не странно ли, что Никифор узнал о характере местности Болгарии только во время похода? Да и мог ли он, всю жизнь воевавший в горах, так опасаться их? Мотивы внезапного прекращения войны, приведенные Львом, столь же неубедительны, как и мотивы ее начала (*Иванов*. 1981).

22 Очевидно, речь идет о разгроме византийского войска болгарами при Никифоре I в 811 г. (ср. ниже: VI, 9).

23 По Скилице (277), Калокир был сыном протевона (видного представителя городской верхушки) Херсона. Род Калокиров, очевидно, принадлежал к знати: Лев Диакон упоминает Калокира Дельфина (X, 9); сохранилось письмо 997 г., в котором молодой Калокир фигурирует как курьер дипломатической миссии к Оттону III (Шрамм. 1925, 98, 100).

Посольство Калокира было отправлено на Русь, по-видимому, в 967 г. (*Знойко*. 1907, 213—258; *Карышковский*. 1952, 138).

24 Имя «тавроскифы» впервые встречается у Птолемея (III, 5, 11), помещающего этот народ в низовьях Днепра. Там же помещают тавроскифов (называемых иногда скифотаврами) эпитоматор Страбона и Юлий Капитолин. Большинство же авторов считают, что это племя жило в Крыму: Плиний Старший, Страбон, Арриан, Юлий Солин, Псевдо-Арриан, Синесий, Зиновий, Амвросий, Евстафий Солунский, Иоанн Цец и др. Наименование «тавроскифы» не ученая выдумка: оно фигурирует и в надписях, в частности в титуле боспорских царей. Видимо, под названием «тавроскифы» имелись в виду тавры горного Крыма, подвергавшиеся сильному влиянию скифской державы, расцвет которой падает на I—II вв. н. э. Тавроскифы представлялись реальным народом еще Прокопию (Постр. III, 7, 10), но в «Житии Иоанна Готского» (IX в.) и «Житии херсонских мучеников» (X в.) упоминание этого народа — уже явная архаизация в духе позднеантичной традиции (*Соломоник*. 1962).

Лев Диакон первым использовал данное этническое наименование применительно к русским. Видимо, его выбор определяло то, что они приблизились к византийским владениям с севера. Существует, впрочем, и такая точка зрения (*Талис*. 1974, 90—99), что здесь отразилось воспоминание о том времени, когда в Крыму действительно жили русские.

В «Истории» русские названы скифами — 63 раза, росами — 24, тавроскифами — 21 и таврами — 9 раз. В то же время Скилица, использовавший

общий с Львом источник, говорит лишь о скифах и росах. Таким образом, «тавроскифы» — нововведение Льва Диакона (*Карышковский.* 1960, 43—44), после которого этот атникон прочно утвердился за русскими: им пользовались и Пселл, и Атталиат, и Анна Комнина, и Никита Хониат, и др.

25 В Византии были широко распространены представления о скором конце света. Часто цитировалось библейское пророчество Иезекииля о «Гоге и Магоге князя Рос» (ср. примеч. 39, кн. IX). Созвучное со словом «Русь» слово «рос» стало прилагаться и к появившемуся в середине IX в. на исторической сцене новому народу. В это время патриарх Фотий, говоря о русских как о неизвестном дотоле народе, называет его «θρυλλούμενον — пресловутый», намекая на то, что народ Русь и есть загадочные «Рос» Иезекииля (*Сюзюмов.* 1940, 121—123). Лев Диакон, разумеется, был осведомлен об этом толковании, см. ниже: IX, 6.

26 15 кентинариев составляют около 455 кг. Впрочем, реальное содержание кентария могло сильно меняться (см.: *Дагрон, Моррисон.* 1975, 148—152). Если учесть, что согласно Константину Багрянородному, русский наемник получал ежегодно 30 номисм, то окажется, что сумма рассчитана на 3600 человек. Такой армии было бы явно недостаточно для завоевания Болгарии. Но киевский князь Святослав не был наемником: военная помощь входила в условия договора Руси с Византией от 944 г. (ПВЛ. 37—38). Таким образом, переданные через Калокира деньги были лишь подарком. Его миссии благоприятствовали дружественные в то время отношения между Византией и Русью: Лиутпранд (190) сообщает, что в бухте Константинополя он видел 20 июля 968 г. два русских корабля. Направить против неприятеля соседнюю дружественную страну было обычным приемом византийской дипломатии.

27 Из слов Льва можно заключить, что император предложил русским полностью овладеть страной. Но у Скилицы (372) сказано иначе: «выступить в поход против болгар». Тут, видимо, отразилась неясность самого договора, который Святослав понял в том смысле, который передан Львом и который соответствовал его планам (см.: *Греков.* 1953, 328 и сл.; *Левченко.* 1956, 254, и сл.), тогда как Никифор хотел получить только помощь от русских.

28 Инцидент на ипподроме, согласно Скилице (275), произошел вскоре после пасхи 967 г. (31 марта), т. е. в начале апреля. Эпизод изложен Львом крайне сбивчиво, видимо, по собственным детским воспоминаниям. Истинную логику событий можно восстановить из Скилицы: на пасху произошли серьезные волнения среди населения столицы, так что эпарх Сисиний даже пострадал от толпы; Никифор, пишет далее Скилица (275—276), хотел устрашить горожан демонстрацией военной силы на ипподроме, а народ понял ато как замысел возмездия за беспорядки, и началась та паника, о которой рассказывает Лев.

29 Случившаяся в 968 г. засуха вызвала голод, на котором наживались члены императорской семьи. Сам факт, что они занимались хлебными спекуляциями, показывает, что в условиях развитого товарного хозяйства представители провинциальной феодализирующейся знати стремились извлекать доходы теми же методами, что и купцы и ростовщики. Между тем, закон запрещал знатным лицам заниматься торговлей (Василики. 56, I, 21; Код. Юст. IV, 63, 3; Книга эпарха. VI, 10; XVI, 4).

30 Стремясь увеличить доходы казны, Никифор притеснял церковь (см. примеч. 18, кн. VI), аннулировал льготы, уменьшал награды для членов синклита. Особенно возмущало народ серьезное повышение цен на хлеб (Скилица. 277—278; Зонара. XVI, 28, 88; Лиутпранд. 193).

Скилица (275) и Зонара (XVI, 25, 83) резко осуждают Никифора за так называемый «тетартерон»: был введен двойной курс номисмы (византийской денежной единицы), причем от вносивших налог требовалась полновесная монета, а казна расплачивалась более легкой. Вопрос о «тетартероне» вызвал острую полемику в научной литературе; попытка денежной реформы Никифора, видимо, не имела серьезных последствий (см.:

Книга эпарха. 194—198; *Дэльгер.* 1961, 339; *Арвейлер.* 1963, 2, 7—8; *Хенди.* 1972. 57, и сл.).

Согласно Зонаре (XVI, 25, 82), последствия произвола чиновников при Никифоре были «ничуть не лучше вражеского нашествия». В трактате «О сшибках с неприятелем» (XIX) высказан энергичный протест против хозяйничанья сборщиков налогов, которые наживают много талантов золота, грабя стратиотов, проливающих кровь за государей. Особенно ярко описывает тяжесть повинностей арабский историк Ибн-Хаукаль (Розен. 278—279). По его словам, Никифору удавалось организовать крупные военные походы, не тратя денег казны, а прибегая лишь к налогам. «Взимание этих денег... и было причиной, почему христиане его ненавидели, проклинали его царствование, гневались на его продолжительность и боялись повторения им походов на земли мусульманские». Последовавший дворцовый переворот может быть объяснен в первую очередь желанием военной верхушки избежать назревавшего восстания.

31 Официальная церковь запрещала занятия астрологией, но тем не менее она процветала, в том числе и при императорском дворе. Как видим, для Льва, хотя он и был духовным лицом, мудрость звездочета не уступает провидению аскета.

32 В V в. в восточной части Константинополя был выстроен небольшой дворец, от которого к самой воде спускалась мраморная лестница, увенчанная скульптурой льва, терзающего быка. По этой скульптуре дворец и получил название Вуколеон. Никифор чуть западнее и дальше от берега построил новый дворец, ставший его излюбленной резиденцией. Дворец был укреплен стеной, внутри которой располагались кладовые, пекарни, конюшни (*Гийян.* 1949; 1950; 1951; 1952). Император готовил его на случай осады.

33 Праздник Вознесения в 967 г. приходился на 9 мая.

34 Пиги (совр. Балыкли) — пригород Константинополя за западной стеной. Это слово означает «источник»: возле дворца и церкви в этом районе действительно был родник, считавшийся чудотворным (*Жанен.* 1950, 140—141).

35 Армянские наемники составляли столичный гаризон. По словам Скилицы, беспорядки были начаты родственниками тех, кто погиб во время паники на ипподроме (ср. примеч. 28).

36 Лев Диакон либо употребляет слово «претор» вместо термина «эпарх», либо имеет в виду логофета претория, управляющего тюремным ведомством (Книга церемоний. 717). Преторий — помещение ведомства эпарха и тюрьма.

37 «Проастий» значит пригород. Но в таком городе, как Константинополь, имения, возникнув как проастии, разрастались и превращались в районы, которые называли проастиями лишь по традиции.

38 Анарата — пригород Константинополя на азиатском берегу Босфора между совр. Бейлербеем и Анатолигисаром (*Жанен.* 1950, 442—443). Известно, что наиболее важных преступников сжигали обычно на площади Быка в особой металлической полой статуе, имевшей форму быка (*Жанен.* 1950, 74). Однако Никифор на этот раз не осмелился произвести казнь в центре города, видимо, опасаясь мятежа.

39 Согласно одним источникам, возраст «μειράκιον — отрока» не мог превышать 18 лет, согласно другим — 20 (*Томадакис.* 1972/1973, 14—15). Только это фраза Льва и дает возможность примерно определить время его рождения — около 950 г.

40 Школы в Константинополе были центром светского образования. Выпускник мог рассчитывать на получение должности при дворе и в рядах чиновной бюрократии. Распространенность такого образования среди византийской знати придавало ей особый облик.

41 Согласно Скилице (276), Никифор был в панике и едва спасся от ярости народа.

42 Праздновался день Вознесения, а в Византии обычно церковные торжества сопровождались пиршествами. Пьянство в Константинополе было широко распространено. Этот порок приписывали и Константину VII, и Цимис-

хию (VI, 3), и Иоанну Куркуасу (IX, 5). Гибель полководца Пастилы (I, 4) Лев объясняет тем, что воины были совершенно пьяны. Китайский путешественник, побывавший в Константинополе в VIII в., с удивлением писал, что его жители работают 6 дней, а седьмой день пьют до глубокой ночи (Бичурин. 11, 331).

43 Лев Диакон путается в хронологии: описанный им ниже поход начался 24 октября 964 г. (Шрайнер, 1975, 338) и закончился на исходе 965 г., а он переходит к нему от событий 967 г.

Имеется в виду экспедиция против сицилийских арабов; их набеги разоряли южную Италию, где византийцы постепенно укрепляли свое положение, организовав фемы Лагувардию и Калаврию. Весь X в. продолжалась упорная борьба с завоевателями за освобождение Сицилии (*Шлюмберже*. 1890, 435—471; *Гэ*. 1904, 290—291). Сохранилось письмо Симеона Магистра, в котором он призывает монахов Олимпа молиться «за наш богоспасаемый флот, посланный в Калаврию» (Даррузес. 1960, 149) — речь идет об экспедиции Никиты.

44 Согласно Скилице, патрикий Никита был друнгарием флота. В Житии Никифора Милетского он назван «стратигом всех сил» (*Фалькенхаузен*. 1967, 126). До нас дошел автограф этого человека на одной из рукописей, перепиской которых он занимался в плену: «Никита протоспафарий... брат патрикия-препозита и веста Михаила, который был протовестиарием Никифора, христианнейшего императора» (*Гийян*. 1973, 62—63). См. о нем также примеч. 3, кн. V.

45 Патрикий Мануил Фока был сыном Льва Фоки, дяди Никифора II (*Гийян*. 1973, 63). О Льве см. ниже: VII, 7.

46 Гимера лежала у совр. Буонфорнелло.

47 Тавромений (совр. Таормина) — город на восточном побережье Сицилии, был захвачен арабами в 902 г., но в 912—913 гг. возвращен, вновь попал к ним в 962 г. (*Фалькенхаузен*. 1967, 26).

48 Леонтины (совр. Лентини) — местечко к северу от Сиракуз.

49 Причину неудачи сицилийского похода Лев видит опять-таки не в плохой его организации, а лишь в действиях коварной Тихи — судьбы. Разгром византийцев описан в арабских и в латинских источниках (Лиутпранд. 195; Луп Протоспафарий. V, 52—63).

50 Имеется в виду фатимидский правитель Египта эмир Аль-Муиз.

51 В изложении Льва битва была одна, но на самом деле их было две: сухопутная — у Раметты и ожесточенный морской бой в Мессинском проливе (*Эйкхоф*. 1966, 349—351). Этот разгром произошел в конце 965 г. Византийский флот понес такие потери, что новый стратиг Никифор Эксакионит был вынужден потребовать от италийского населения, чтобы оно само строило корабли для новой экспедиции на Сицилию (Житие св. Нила Нового. 105 А).

52 Имеется в виду поход 966 г., который длился с ранней весны до декабря (Скилица, 270—271). Яхъя (105—108) утверждает, что в июне состоялся обмен пленными с Сейф-ад-Даулой, однако вскоре военные действия возобновились. 7 октября Никифор взял Мембидж (см. ниже примеч. 69), а затем еще ряд городов. В течение недели его войска стояли под стенами Антиохии, но потом осада была снята. Лев Диакон не сообщает об этом походе никаких подробностей.

53 Здесь как бы заканчивается сделанное Львом хронологическое отступление, и он, «перескакивая» через первую половину 967 г., переходит сразу ко второй его половине. Землетрясение произошло 2 сентября 967 г. (Скилица, 277).

54 Клавдиополь — совр. Болу. Город относился не к Галатии, а к Гонориаде. (*Ремси*. 1890, 451). Лев путает его с Неоклавдиополем.

55 Вопрос о причинах землетрясений был одним из популярнейших у византийских книжников, но из всех существовавших в античности объяснений Византия запомнила лишь Аристотелево, иногда соглашаясь с ним в той или иной форме (как Фотий, Атталиат), иногда отвергая его в угоду

«божественному» (Филосторгий, Косьма Индикоплов, Иоанн Лид и т. д.). Последних было несравненно больше. Предпринимались также и попытки скомбинировать обе версии (Симеон Сиф, Евстратий Никейский), встречались и случаи колебаний (Пселл, Никита Хониат). Позиция историков (Аммиана Марцеллина, Агафия, Феофилакта Симокатты) в этом вопросе также была двойственной, но в целом они склонялись к сверхъестественным объяснениям в ущерб научным. Данный пассаж Льва Диакона навеян соответствующими размышлениями Агафия (II, 14), однако он отказывается от двусмысленного морализаторства этого историка и прямо обращается к Библии (2 Царств. XXII, 8; Иеремия. X, 10) и особенно к псалмам (XVII, 8), авторство которых приписывалось царю Давиду. Подробнее см.: *Кроук*. 1981; *Дагрон*. 1984.

56 Период с 22 июня по 22 июля.

57 Этот необычный дождь, вызвавший у византийцев опасение, не начинается ли новый всемирный потоп, выпал 5 июня 968 г. (Лиутпранд. 176). Очевидно, Лев вспоминает здесь собственные впечатления.

58 В Библии сказано, что после прекращения потопа между богом и людьми был заключен завет: «Я полагаю радугу Мою в облаке, чтобы она была знамением завета...» (Бытие. IX, 13).

59 Выбор слов в этом месте навеян Библией (Исход. IX, 8). Лев явно описывает последствия вулканического извержения. И действительно, в 968 г. произошло извержение Везувия (Альфано. 1924, 30—31). До сих пор «История» не использовалась для определения спорной датировки этого извержения.

60 Антиохия (совр. Антакья) — знаменитый город, основанный в 300 г. до н. э. у реки Оронт. Местопребывание антиохийского патриарха. Арабы захватили Антиохию в 637 г. Под их владычеством город потерял свое былое значение, хотя и оставался крупным торговым и военным центром.

61 Яхъя (116—117) пишет, что осада Антиохии Никифором продолжалась три дня (19—22 октября 968 г.).

62 Ф. Лоретто (69) понимает «κόσμῳ τῶν ὅπλων — образцовым строем своего войска» как «блеском своего оружия».

63 Христианская география представляла центром земли Иерусалим (именно поэтому вряд ли правильно переводить «μεσογαίαν — середина земли» как «тыл». Лоретто. 69). Характеризуя Палестину, Лев цитирует Библию (Исход. III, 8; 17; XIII, 5; XXXIII, 3; Числа. XIII, 28; Второзаконие. VIII, 7—10; и т. д.). На самом деле Никифор не доходил до Палестины, а упоминание о ней свидетельствует, может быть, о стремлении придать походам религиозную окраску (Лоретто. 173). И хотя в целом идеи крестовых походов не получили в Византии распространения, именно Никифор был им очень привержен — задолго до западных крестоносцев (*Канар*. 1936).

64 Эдесса — древняя Бамбика-Урха в Месопотамии на реке Скирте. Город славился христианскими реликвиями — «портретом» Христа и его письмом к Авгару (*Бекк*. 1959, 192); в 639 г. был завоеван арабами и переименован в Урхай, Урфа (*Хонигман*. 1935, 96, и сл.).

65 Топарх — полунезависимый князек в пограничной с империей области (Кекавмен. 298—306, 405).

66 Рассказ Льва расходится с подробным и обстоятельным сообщением Яхъи (107), который относит овладение святыней легендарного Авгара к 966 г. Эдесса не входила в Палестину, и сообщения о ней Льва (*Леонгардт*. 1887, 46—48) следует считать ошибкой, так как налицо путаница: Эдессой назван Эмес, где византийцы овладели другой реликвией — головой Иоанна Крестителя (*Хонигман*. 1935, 96).

67 Античным словом «пеплос» Лев Диакон называет знаменитый «мандилий». Последний был захвачен византийцами в 944 г. действительно в Эдессе — это, видимо, и ввело в заблуждение Льва Диакона. Приводимая им легенда зародилась в III—IV вв., но мотив «чудотворной иконы» появился лишь в конце VI в.; впервые встречаем его у Евагрия. В VII—VIII вв. пре-

дание несколько видоизменилось: место иконы занял «плат». Особую популярность эта легенда приобрела в период борьбы с иконоборчеством (ср. X, 5, примеч. 32). Часто «мандилий» отождествляют со знаменитой «Туринской плащаницей», но для этого нет никаких оснований, поскольку все источники согласны, что на нем было изображено только лицо Иисуса (*Кэмерон*. 1980).

Приводимая Львом легенда о черепице имеет параллель как в греческой, так и в латинской средневековой литературе, хотя его рассказ обладает рядом нигде не повторяющихся особенностей (*Добшютц*. 1899, 50*, 51*, 147*, 173).

68 Имеется в виду церковь в Фаре, на территории Большого дворца (*Жанен*. 1950, 117).

69 Мемпетце (совр. Мембидж) — город, с середины VII в. занятый арабами. По Яхъе (107), Никифор Фока не штурмовал его, а удовлетворился передачей ему святыни: черепицы с изображением Христа. Однако произошло это в 966, а не в 968 г. Лев, несомненно, перенес на Эдессу рассказ, традиционно относимый к Мемпетце: ведь, согласно легенде, Фаддей нес свою реликвию в Эдессу — так зачем же ему было ночевать под стенами этого города и куда отправляться дальше?

70 Триполи — старинный город на Средиземном море. Завоеван арабами в 636 г. Согласно Яхъе (116—119), мимо Триполи Никифор прошел 5 ноября 968 г.

71 Арка — соседний с Триполи город в Финикии. Был разграблен византийцами 7 ноября 968 г. (Яхъя. 119).

72 Согласно Скилице (279), это было не в четвертом, а в третьем часу дня, 22 декабря 968 г. Видел его и возвращающийся из Константинополя Лиутпранд (211—212). Лев Диакон отмечает, что затмение было полным, и это подтверждается астрономическим расчетом (*Грюмель*. 1958, 464). Лев сравнивает данное затмение с тем, которое, согласно Евангелиям, случилось при распятии Христа (Матф., XXVII, 45).

73 Таким образом, обучение Льва продолжалось не менее полутора лет (ср. выше, IV, 7).

74 Со времен поздней античности первым городом считался Константинополь, вторым — давно потерянная византийцами Александрия.

75 Видимо, имеется в виду какая-то неизвестная ныне античная басня.

76 Согласно Яхъе (118; см.: Розен. 76), Никифор поручил Аль-Бурджи, т. е. Михаилу Вурце, крупному представителю византийской фемной знати, начальство над построенной около Антиохии крепостью. Эту крепость Яхъя (119) называет Баграс. По Скилице (272), Никифор оставил вместо себя Вурцу, почтив его саном патрикия и назначив начальником охраны города Мавра. Михаил в дальнейшем играл важную роль в падении Никифора и в сирийских походах.

77 Никифор провел в столице зиму 968/69 г.

КНИГА ПЯТАЯ

1 «Стать добычей мисян» — старинная поговорка, означает «подвергнуться опустошению огнем и мечом» (ср. Демосфен, 18, 72; Аристотель. Риторика, 1372 в, 33). В X в. она вдруг приобрела актуальность, так как болгары, населявшие страну древних мисян, совершали многочисленные походы против Византии. Выражение «добыча мисян» широко распространено у историков X—XII вв.

2 Под правителем карфагенян подразумевается эмир Египта — здесь Лев Диакон тоже прибегает к архаизму, называя арабов именем древнего народа. Об этом же эмире — «катархонте афров» см. примеч. 50, кн. IV.

3 По словам Лиутпранда (186), Никита был выкуплен за сумму, «много большую, чем он стоил».

[4] Преклонение перед Никифором характерно и для многих других византийских авторов: блестящие победы императора как бы оправдывали все отрицательные стороны его правления. Восторженным поклонником Никифора был поэт Иоанн Геометр, посвятивший ему ряд стихотворений (Иоанн Геометр. 901 С-902 С; 910 А-911 А; 920 А-В; 927 А; 932 А-В; 934 А; 941 В).

[5] Титул «архонт» являлся официальным титулом киевского князя в Византии, значение его было определено нечетко. Термин же «катархонт», используемый Львом, еще более расплывчат: так он называет и иноземцев (V, 1; IV, 8; VI, 6), и соотечественников воинных (I, 3; II, 1; 11; III, 1; VII, 8) и гражданских (III, 3; 6; V, 6).

[6] Это общее суждение о «варварах» широко распространено уже в позднеантичной литературе: так писали о них и Приск, и Прокопий. Оно основывалось на том, что константинопольскому двору действительно удавалось, одаривая вождей «варваров», отвлекать их от набегов на империю и направлять воинственный пыл племен, переживавших стадию военной демократии, на их соседей. Почти слово в слово со Львом поучает сына Константин Багрянородный: «Итак, знай, что все северные племена по природе своей жадны до денег, алчны и совершенно ненасытны. Их натура поэтому всего жаждет и до всего вожделеет, и не положены пределы ее влечениям; всегда ей хочется большего, и из малой пользы она желает извлечь большие выгоды» (Конст. Багр. Адм. I, 66, 14—19).

[7] Значение миссии Калокира в событиях, связанных с походом Святослава на Балканы, остается во многом неясным. Вряд ли можно сомневаться, что часть населения Древней Руси еще видела в войне выгодный промысел. Однако во внешнеполитической деятельности русских князей явственно выступают вполне конкретные государственные задачи. Возможно, Святослав и независимо от миссии Калокира мог после удачных войн с хазарами стремиться к распространению своего государства на Балканы. Наконец, весьма важно, что по договорам с Константинополем, сохранявшим в то время свою силу, Древняя Русь являлась союзником империи (ср. примеч. 26, кн. IV). Тот факт, что для столь важной миссии был выбран Калокир, отражает давние связи Древней Руси с Херсоном.

[8] Вряд ли прав Лев Диакон, утверждая, что Калокир сразу стал призывать Святослава к войне против империи. Согласно Скилице (288), это случилось позднее, уже при Цимисхии, что более правдоподобно. И в самом деле, Лев в своем повествовании объединил два похода Святослава в один так, что, помимо прочих недоразумений, произошло смешение целей начальной и последующей деятельности Калокира. Очень возможно, что лишь тогда, когда Калокир получил сообщение об убийстве Никифора, он решил при опоре на Святослава поднять мятеж и захватить власть. Это тем более вероятно, что Калокир, возведенный Никифором в сан патрикия, считался его приверженцем и не мог надеяться на успех своей карьеры при Цимисхии, убийце Никифора. Более убедительным представляется, что версия о начальном этапе действий Калокира, изложенная Львом, исходила от официальных кругов правительства Иоанна Цимисхия. Реальные истоки интриг Калокира следует искать в недовольстве военной аристократии по поводу расправы над Никифором и возведения на престол его убийцы; также необходимо сопоставить активность Калокира с выступлением Фок, происшедшим как раз в это время.

[9] Транскрипция этого имени в форме «Сфендославос» позволяет заключить, что в то время в славянском языке сохранялись носовые гласные.

[10] Сообщение Льва о численности русского войска некоторые исследователи признают преувеличением (*Левченко*. 1956, 259—260): трудно себе представить, как Святослав мог перевезти такое войско на лодках-однодеревках и прокормить его во время следования через голодную причерноморскую степь.

Отметим путаницу на этот счет в английской историографии: в «Истории I Болгарского царства» С. Рансимена (1930, 201) сказано, что войско

Святослава состояло из 16 тыс. От него эта ошибка перекочевала к другим исследователям (см., напр.: *Броунинг*. 1975, 71; *Ланг*. 1976, 67).

Следует, однако, иметь в виду, что уходившее в 971 г. из Болгарии русское войско, после многочисленных боев и пережитого в Доростоле голода, насчитывало все еще более 20 тыс. воинов.

11 Побратимство было знакомо каноническому праву и юридической практике в Византии (см.: *Бекк*. 1959, 62), но подобный союз с чужестранцем рассматривался как измена (*Шангин*. 1941, 40—41).

12 Скилица (277) относит начало похода Святослава на Болгарию к августу 11 индикта, т. е. к концу лета 968 г. (см.: *Карышковский*. 1952, 127, и сл.). Время года было удобно для похода: урожай в Болгарии был уже собран, и Святослав мог быть уверен, что войско будет обеспечено продовольствием.

13 Доростолум, Дористол, Дристра (совр. Силистра) — древнефракийский город на Дунае, был основной военной базой Святослава во время его кампании на Балканах.

14 Петр Болгарский, сын Симеона, правил с 927 г. В отличие от своего воинственного отца он в течение всего царствования сохранял дружественные отношения с Византией. Лев Диакон выражает Петру явное сочувствие, что, впрочем, не мешает ему именовать царя «ἡγέτωρ — предводитель», хотя официально титул «василевс болгар» и был признан за ним в Константинополе (ср. примеч. 23). Вскоре после кончины Петр был канонизирован болгарской церковью. Дата его смерти — 30 января — устанавливается по сохранившимся литургическим текстам; что касается года, то он точно неизвестен (*Иванов*. 1970, 383—385). Большинство ученых ныне принимает 970 г., а не 969.

15 Лев Диакон описывает один поход, между тем их было два: первый — в августе 968 г., второй годом позже (Скилица. 277; ПВЛ. 47—50). В промежутке Святослав вынужден был вернуться на Русь, поскольку печенеги осадили Киев — видимо, не без наущения Константинополя, стремившегося убрать из Болгарии опасного союзника. Однако в 969 г. русские снова появились на Дунае, на этот раз уже явно вопреки византийским интересам. Описанные Львом Диаконом приготовления Никифора относятся ко второму походу: император готовился не только к наступательной войне, но и к обороне столицы со стороны моря.

16 Это, несомненно, так называемые катафракты. С появлением тяжеловооруженной конницы катафрактов в среде стратиотов фактически оформилась особая социальная прослойка, впоследствии сомкнувшаяся с прониарами, а возможно, и давшая начало этой новой категории военной знати в империи (*Острогорский*. 1971, 11; см. также: *Рубин*. 1955, 264, и сл.).

17 Имеется в виду цепь, преграждавшая вход не в Босфорский пролив, а в бухту Золотой рог: башня Кентинарий находилась в северо-восточной части Константинополя, у подножия Акрополя, а башня Кастеллий — на противоположном берегу Золотого Рога, в Галате (*Гийян*. 1955, 88—120; *Жанен*. 1950, 275, 420).

18 На основании этой фразы Льва высказывались предположения, что уже при Никифоре существовал союз между Святославом и болгарами, направленный против Византии (*Мутафчиев*. 1931, 77—94; *Карышковский*. 1951, 101—105). Однако из данного абзаца, стоящего в оптативном (желательном) наклонении, можно делать вывод только о предусмотрительности Никифора, которого устрашили быстрая победа Святослава и тот факт, что народные массы Болгарии не проявили особой враждебности к его войску. Никифор потерпел неудачу: он надеялся, что Святослав, разгромив Болгарию, вернется с добычей в Киев, а тот прочно укрепился на севере Болгарии и подчинил ее своему влиянию; об объединении сил болгар и Руси против Византии уже при Никифоре мы не имеем сведений.

19 Никифор предпочел вести переговоры с болгарами, потому что совместная борьба с ними против Святослава дала бы ему возможность упрочить влияние в Болгарии. Лев Диакон имеет в виду, что болгары были христианами: Болгария приняла христианство от Константинополя в 865 г.

[20] Семейство Эротиков было довольно известным в Византии. Прослеживается с X до середины XI в. Из него вышел ряд крупных столичных чиновников (*Каждан*. 1974, 125—126, 161).

[21] Епископ эпархии Евханты Филофей, очевидно, был опытным дипломатом: он неоднократно возглавлял различные миссии (III, 6—7; Скилица. 310). Ср. примеч. 28, кн. III.

Датировка посольства Филофея и Никифора Эротика связана с известием о том, что болгарские невесты прибыли ко двору императора Никифора только незадолго до его убийства, т. е. приезд послов в Преслав можно датировать осенью 969 г. (Ср. *Анастасиевич*. 1932, 51—60; *Карышковский*. 1952, 136.) Вряд ли можно признать удачной попытку П. Мутафчиева (1931, 85, примеч. 25) и М. В. Левченко (1956, 262) отнести дату посольства к началу 968 г. Смысл этой попытки состоял в том, чтобы как-то объяснить дружеский прием, оказанный болгарскому послу в Константинополе в июне 968 г. (о чем нам известно от Лиутпранда, 185—186). Действительно, если бы в 967 г. болгаро-византийские отношения были разорваны, а к июню 968 г. восстановлены, то необходимо замирение сторон датировать 967/68 г. Но это явное насилие над источником: во-первых, Лев Диакон связывает посольство Филофея и Эротика с русским нападением на Болгарию, начавшимся лишь в августе 968 г., а во-вторых, с соглашением о династическом браке. Болгары могли замешкаться с отправкой принцесс в Константинополь, но не на полтора же года. Почести, с какими встречали при дворе в июне 968 г. болгарских послов, свидетельствуют лишь о том, что в 967 г. не было разрыва болгаро-византийских отношений.

[22] Лев Диакон, духовное и придворное лицо, не мог не знать, что в Болгарии к тому времени было широко распространено еретическое учение богомильство. Видимо, оно еще не осознавалось в Византии как опасное для церкви и для власти: ни в одном византийском источнике X в. нет упоминаний о нем.

[23] Лев Диакон упоминает «царский род», а чуть ниже — «царскую кровь» болгарских владетелей. Еще в 913 г. Симеон Болгарский силой принудил Византию признать за ним царский титул. Мирный договор 927 г. официально закрепил титул «βασιλεύς τῶν βουλγάρων — василевс болгар» за сыном Симеона Петром, но византийские авторы упоминали об этом неохотно. Лев Диакон не составляет исключения: он предпочитает называть болгарского царя «ἀρχηγός — вождь», «ἄρχων — князь», «ἡγήτωρ — предводитель».

[24] Сыновьям императора Романа II Василию — будущему императору Василию II Болгаробойце (976—1025) и Константину — будущему Константину VIII (1025—1028) было соответственно 13 и 10 лет. Что касается болгарских девушек, то степень их принадлежности к царскому дому неизвестна: возможно, это были дочери старшего брата Петра — Михаила.

Поскольку в международной иерархии государей, созданной Константинополем, византийскому императору не было равных, династические браки считались унизительными для империи. От них горячо предостерегал сына Константин VII (Конст. Багр. Адм. 70—76). Однако политическая конъюнктура довольно часто заставляла византийцев поступаться державной гордостью: Константин V был женат на дочери, а Юстиниан II — на сестре хазарского хагана; Петр женился на византийской принцессе Марии, внучке Романа I, а киевский князь Владимир Святославич — на сестре Василия II и Константина VIII Анне.

[25] Это свидетельствует о том, что столица Болгарии Преслав не была к тому времени занята войсками Святослава. Вряд ли Святослав, покидая Болгарию, мог повсюду оставлять свои гарнизоны. Скорее его власть простиралась только на некоторые дунайские города, а с царем Болгарии Борисом II был заключен мир.

[26] Арабский писатель ал-Бекри рассказывает о болгарах: «Цари их ездят на больших телегах. В углах их четыре крепкие подпоры, и к ним привешен

крепкими цепями кузов, который обивается шелком. И потому не трясется сидящий в нем так, как трясется телега» (Куник, Розен. 1878, 57).

27 Мысль о непрочности человеческого благополучия была очень распространена в античной поэзии. В данном тексте Лев Диакон почти дословно воспроизводит знаменитые строки Овидия: «Все на земле как будто на тоненькой нити повисло — Грянет лишь случай какой — счастье сменится бедой». Нет оснований полагать, что Лев Диакон знал латинский язык — просто Овидиева мысль могла проникнуть в широко известные в Византии сборники разных изречений («Пчелы»).

28 Мысль древних о том, что боги завидуют человеческому счастью, странным образом соединилась у Льва с верой во всемогущество христианского бога. То образование, которое получил Лев, причудливо вплетало в христианскую догматику языческие мотивы.

29 Возгордившиеся сыновья Алоэя (Ил. V, 386; Од. XI, 305—320) От и Эфиальт сначала сковали бога Ареса, потом взобрались на Олимп, стремясь попасть на небо, но были сокрушены Аполлоном.

30 О Навуходоносоре упоминают все византийские хроники (см., напр.: Кедрин. I, 293, и сл.). Эти рассказы восходят к библейской книге пророка Даниила: в ней говорится об установлении Навуходоносором золотой статуи (III, 1) и о страшном падении возгордившегося царя (IV, 28—30). Нередко упоминают хронисты и о гордыне Александра Македонского. Во время пребывания в Египте в 332 г. до н. э. Александр совершил паломничество в оазис Сива, к оракулу бога Амона, который устами жрецов объявил его своим сыном (Арриан. VII, 3, 2; Диодор. XVII, 50; Курций Руф. IV, 7, 16 и т. д.). Царь принял это провозглашение, чем вызвал недовольство соотечественников.

31 В рассуждениях о превратности людских судеб отдельные выражения заимствованы Львом у Агафия (IV, 2).

32 Римская идеология провозглашала право Рима властвовать над другими народами. Как видим, традиции римского «империализма» не были забыты еще и в X в.

33 Взятие Антиохии — крупнейшая победа над арабами — датируется Яхъей (124—125) и Кемаль-эд-Дином 28 октября 969 г. — в ночь на 13 зулхиджи 358 г. хиджры.

34 Согласно Скилице (273) и Зонаре (XVI, 26, 85), Никифор приказал не предпринимать никаких военных операций против Антиохии, — может быть, император считал падение города неизбежным. Но Вурца (см. примеч. 38), возможно, в надежде на добычу при взятии города штурмом, нарушил это приказание. Никифор разгневался, и, согласно Яхъе (122), Вурца был наказан под предлогом жестокого обращения с жителями Антиохии.

35 Стратопедарх (начальник военного лагеря) — древнее название, забытое в Византии, но воскрешенное Никифором II в качестве обозначения должности, специально созданной для патрикия Петра, ср. примеч. 36 (*Гийян*. 1967, 392, 498). Должность практически дублировала функции доместика, с той лишь разницей, что была доступна евнуху. Возможно, ее введение имело причиной начавшуюся опалу доместика Цимисхия, о которой см. ниже (*Икономидис*. 1972, 334—335).

36 Патрикий Петр — военачальник, успешно воевавший против арабов и русских. Назначенный главнокомандующим против восставшего Варды Склира, был побежден и убит в битве при Липаре в 977 г. Многие исследователи (Н. Адонц, А. Грегуар, Г. Шлюмберже, И. Джурич) считают Петра побочным сыном куропалата Льва Фоки и племянником Никифора II, хотя это мнение не бесспорно (*Гийян*. 1967, I, 172, 446—447, 499; II, 367; *Он же*. 1973, 68).

37 Согласно трактату «О стычках с неприятелем» (III, 8), таксиарх — начальник воинской части в 1000 человек. В данном случае, однако, таксиарх — командир, выполняющий особое поручение.

38 Михаил Вурца (у Яхъи — аль-Бурджи) — крупный военный и политический деятель, выходец из Малой Азии. Принимал участие в низвержении Ни-

кифора, сделал блестящую карьеру при Цимисхии. При Василии II был назначен дукой Антиохии, получил сан магистра. В гражданских войнах занимал колеблющуюся позицию. Впоследствии Вурца командовал византийской армией, действовавшей против арабов. В сентябре 994 г. потерпел поражение от войск фатимидского халифата; в 995 г. Василий II отправил Вурцу в изгнание (Розен. 33). У города Оркистос в Западной Фригии найдена надгробная стела Михаила Бурджи. Можно полагать, что там находилось его имение, в котором он и умер (*Кельдер.* 1956, 75). Михаил — первый представитель известного еще в XII в. рода Вурц, давшего в XI в. пятерых полководцев (*Каждан.* 1974, 126, 142, 201).

39 Впервые Никифор появился под стенами Антиохии в 966 г., второй раз — в 968 г. Скилица (272) пишет о существовавшем тогда поверье: император умрет вслед за взятием Антиохии. Никифор якобы знал о нем и поэтому не велел Вурце предпринимать активных действий против города. Но Вурца взял Антиохию и подвергся опале.

40 Праздник в честь сонма бесплотных сил отмечался 8 ноября — в день архистратига Михаила.

41 В дошедшей до нас заупокойной службе по Никифору также говорится: «Из-за молитв ты возлежал не на ложе, но на земле» (Панихида. 406). Встречается этот мотив и в народной славянской «Повести об убиении Никифора Фоки»: «Егда хотяше починути, имеше в полате своей камение остро яко и ножеве, и на том почиваше, а постела царска стояше люди ради» (*Турдяну.* 1976, 63).

42 Михаил Малеин (ум. 961) — крупнейший малоазийский землевладелец, дядя Никифора Фоки по женской линии, в конце жизни монах, игумен Киминской лавры в Пафлагонии, приобретший особенную славу за свои аскетические подвиги. Никифор считал, по-видимому, что мантия святого спасет его от ударов судьбы (см.: *Лопарев.* 1897, 358—363).

43 Гавань, названная в честь Софии, жены Юстина II, находилась к западу от Вуколеонского дворца, воздвигнутого Никифором. Теперь эта местность называется Кадиргалимани (*Жанен.* 1950, 133—134, 223—224; 322—393).

44 Слова «προσλιπαροῦσά τε καὶ ποτνιωμένη — заклинала и слезно молила» оставлены немецким переводчиком без передачи (Лоретто. 81).

45 Вступив в конфликт с братом Никифора Львом, Цимисхий подвергся изгнанию в Халкедон. Именно с ним вошла в тайный сговор императрица Феофано. Никифора подозревали в желании обеспечить трон своему роду; ради этого он якобы вознамерился оскопить сыновей Романа (Розен. 140). Феофано решила избавиться от мужа (Скилица. 279; Зонара. XVI, 28). Подробно обо всем этом см.: *Сырку.* 1883; *Шлюмберже.* 1890, 745—756; *Гийян.* 1952.

46 Потеряв к Цимисхию доверие, Никифор сместил его с должности доместика схол Востока. Утверждение Льва, что Иоанн был отправлен в изгнание, более вероятно, чем сообщение Зонары, будто его назначили логофетом дрома (*Гийян.* 1973, 64).

47 К. Газе (Лев Диакон. 85) и Ф. Лоретто (82) толкуют это место в том смысле, что Цимисхию было запрещено появляться во дворце. Так излагает события Скилица, однако у Льва выражена другая мысль (*Гляйкснер.* 1962, 332).

48 Эти слова — аллюзия на Псалтырь (VII, 15).

49 Род Педиасимов прослеживается, хотя и глухо, вплоть до XII в. Все его представители принадлежали к гражданской аристократии (*Каждан.* 1974, 125, 151).

50 О предупредительной записке упоминает и Скилица (280), но при этом иначе рассказывает об отношении к ней Никифора.

51 Евнух Михаил, брат патрикия Никиты, был патрикием, препозитом и протовестиарием Никифора II (*Гийян.* 1973, 62; см. примеч. 44, кн. IV).

52 Невесты — те самые девушки царского рода, привезенные из Болгарии для брака с Василием II и Константином VIII.

53 В другом преломлении тот же анекдот о роли, отведенной в заговоре жен-

щинам, мы узнаем от арабского историка Ибн-ал-Атира: «И послала она к Ибн-ал-Шмишку (Цимисхию)... и условилась с ним, что он придет к ней в одежде женской, и с ним еще несколько человек, а она скажет своему мужу, что к ней пришли в гости несколько ее родственниц» (Розен. 141). Вообще, романтический сюжет об убийстве Никифора послужил материалом не менее чем для пяти современных художественных переработок (Турдяну. 1976, 54—55).

54 По догадке Р. Гийяна (1952, 122—135), заговорщики лишь высадились в Вуколеоне, а само убийство произошло в Большом дворце.

55 Известна миниатюра из Мадридской рукописи хроники Скилицы (26—2), изображающая Феофано в момент, когда она опускает Цимисхию корзину; миниатюру сопровождают такие слова: «Какое же блаженство ты испытала во время убийства? Себя пожалей — из-за своего преступления печальную долю нашла ты в поцелуях!» (*Шевченко*. 1969/70, 189). Подробно описывают убийство Никифора Скилица (279—281) и Зонара (XVI, 28, 89), они называют участниками убийства Михаила Вурцу, таксиарха Льва Авалаята (Лев называет его Валантом), темнокожего Феодора Аципофеодора.

56 Последняя фраза отсутствует в немецком переводе (Лоретто. 84).

57 С X по XII в. известны многие представители семьи Валантов, которую арабский поэт Абу Фирас (X в.) называет одной из знатнейших в Византии (*Адонц, Канар*. 1936, 454).

58 Любопытно, что обращения к богородице появляются на византийских монетах именно с середины X в. (*Грирсон*. 1982, 194).

59 Это сравнение заимствовано из Илиады (IX, 644). Здесь содержится намек на то, что Никифор так же унизил Цимисхия, как некогда Агамемнон — великого Ахилла.

60 Слово «акуфий» появляется здесь единственный раз, больше в византийской литературе оно не встречается. Видимо, происходит от арабского названия «ануф» (*Грегуар*. 1962, 45; Турдяну. 1976, 96—97). Экзотичность слова подтверждает сам Лев, сочтя нужным объяснить его и прервав для этого свой драматический рассказ. Никто из авторов, описывавших это убийство, не упомянул об акуфии — однако сочинитель славянской «Повести» знал это слово и даже пытался перевести его, исходя из вульгарной греческой этимологии (*Турдяну*. 1976, 97). Очень вероятно, что в основу славянской легенды так или иначе лег текст «Истории» Льва Диакона.

61 Дату убийства Никифора — в ночь с 10 на 11 декабря 969 г. — приводят и Скилица (279), и Яхъя (131). Продолжительность его царствования Лев Диакон исчисляет от дня вступления Никифора в Константинополь, Зонара — от дня провозглашения его императором в лагере у Кесарии (XVI, 28).

62 Хрисотриклин — «золотая палата», роскошный центральный зал в главном императорском дворце, где происходили торжественные приемы императором послов; имел форму восьмиугольника и венчался куполом с 16 окнами. Хрисотриклин постоянно упоминается в Книге церемоний. Подробное его описание см.: *Беляев*. 1891, 11—44; 1893, 6—51; см. также: *Жанен*. 1950, 114—117.

63 В храме Святых апостолов в Константинополе находилась официальная усыпальница византийских императоров (Дауни. 37—40).

64 Константин I Великий — римский император в 306—337 г. С 325 г. — единодержавный правитель. В 330 г. перенес столицу империи в Константинополь, который и отстроил на месте древнего Византия. Он основал церковь Святых апостолов и первый был в ней похоронен.

65 Армянское čmušk — от персидского čamšak, означает «туфля». Слово «μουζακίζης» нигде больше в византийской литературе не встречающееся, истолковано в словаре Софоклиса (1900, 770) как «человечек». В действительности же это другое армянское слово персидского происхождения, также означающее туфельку — mučak (*Ачарян*. 1977, 629—630). В Константи-

нополе жило много армян, и ряд армянских слов был хорошо знаком византийцам. Существует, впрочем, гипотеза и о грузинском происхождении Цимисхия (*Тихая-Церетели*. 1934).

КНИГА ШЕСТАЯ

[1] Это место — единственное у Льва Диакона, где год от сотворения мира (969 г.) написан словами и указан верно. Вероятно, там, где даты указаны неверно, следует винить не Льва, а переписчика, спутавшего буквенные обозначения цифр (*Карышковский*. 1953, 40). Ср. также краткие хроники: Шрайнер. 1975, 158.

[2] Иоанн, как и Никифор, считался императором наряду с законными багрянородными Василием и Константином. Поэтому формула провозглашения нового императора обязательно включала их имена. Однако правление юных василевсов было столь номинальным, что Цимисхий, согласно версии Матвея Эдесского, услал их в провинцию (*Адонц*. 1934, 367).

[3] С Цимисхием Василия связывали давние отношения: еще в 958 г. они вместе разгромили Сейф-ад-Даулу и взяли Самосату (*Броккаар*. 1972, 214). О карьере Василия см. примеч. 40, кн. II. Фактически он был временщиком уже при Цимисхии, а после его смерти в течение девяти лет до 985 г. единовластно правил делами государства. О его дальнейшей судьбе см. примеч. 56, кн. X.

[4] Из этого замечания ясно, сколь ненавистны были Льву городские низы, сколь напряженной была социальная атмосфера Константинополя; грабежи и поджоги начинались очень быстро, как во время переворотов, так и при землетрясениях (*Рудаков*. 1917, 134—135).

[5] Здесь очевидны симпатии Льва Диакона к Фокам. Однако его тон по отношению к Цимисхию очень скоро изменится: новый император своими благодеяниями как бы искупит жестокость совершенного им убийства.

[6] Друнгарий флота командовал императорским военным флотом (в отличие от провинциального флота морских фем) и был одним из высших военачальников в Византии (см.: Кекавмен. 628).

[7] Друнгарий виглы — начальник дворцовой охраны в Константинополе. Эта должность появилась в 791 г. Люди друнгария виглы, помимо дворца, несли стражу на ипподроме и в суде (*Икономидис*. 1972, 331).

[8] Хотя городская полиция подчинялась эпарху Константинополя, функции тайной полиции и охрана порядка в ночное время возлагалась на ведомство друнгария виглы, которого поэтому и называли «ночным эпархом» (*Икономидис*. 1972, 319—320). Ф. Лоретто, по всей видимости, считает друнгария и ночного эпарха разными лицами, отчего соединяет их сочинительным союзом (90).

[9] Согласно Скилице (284), вест Никифор был разлучен с отцом и сослан на остров Имврос.

[10] О топархе см. примеч. 65 и кн. IV. Однако в данном случае имеются в виду стратиги провинций.

[11] Амасия (совр. Амасья) — город в феме Армениаки, митрополия. Центр земельных богатств фамилии Фок (*Шульце*. 1913, 90—117).

[12] О дуках см. примеч. 8, кн. IV. Быстрый рост влияния дук начался как раз во второй половине X в. Однако в табели о рангах Филофея, относящейся к середине этого столетия, такая должность, как дука Халдии, поставлена значительно ниже стратига Халдии: возвышение дук в это время, следовательно, еще не началось (*Успенский*. 1898, 112, 119). Халдия — одна из фем (образована, видимо, в 824 г.) на северо-востоке Малой Азии со столицей в Трапезунде (*Хонигман*. 1935, 53—54).

[13] Слово «ψυχή — душа» пропущено в рукописи Льва Диакона, мы восстанавливаем его по тексту Скилицы (312), заимствовавшего это описание у Льва, но пользовавшегося более исправной рукописью, чем та, что сохранилась.

[14] Имеется в виду Одиссей, победивший всех женихов Пенелопы в стрельбе из лука (Од. XXI, 409—422).

[15] Аллюзия на Третью книгу Царств (XVII, 16), где, правда, речь идет не о «метафорическом», а о настоящем масле. Под пророком подразумевается Илья.

[16] На этом примере особенно очевидна неоднозначность характеристик, даваемых Львом Диаконом своим героям. Видимо, это было столь ново для византийского читателя, что данная глава оказалась изъята из текста «Истории» и попала в одну из семи рукописей Скилицы (XXX, 312—313).

[17] В Византии VII—IX вв. церковная коронация не считалась абсолютной необходимостью. Первым в 602 г. в церкви был коронован Фока. Храм св. Софии использовался для этой цели с 641 г. (*Трейтингер.* 1956, 27—30).

[18] Патриарх Полиевкт за постоянное вмешательство в дела мирские враждовал уже с императором Константином Багрянородным; Никифор также был недоволен своеволием патриарха в делах церкви. В данном абзаце упомянут изданный Никифором «томос», ущемлявший интересы церкви. Полагали (Делгер. Регесты № 772; *Острогорский.* 1963, 254), что речь идет об известной новелле XIX императора Никифора 964 г. (Ц.-Л. III, 292) о монастырях. Однако, судя по тексту Льва Диакона, это не так. В «томосе» синоду давался запрет: не принимать каких-бы то ни было постановлений по делам церкви без санкции императора. В новелле же об этом нет ни слова, она лишь запрещает давать завещания на земли в пользу монастырей и церкви. Новелла XIX распространялась на всех граждан империи и монастыри, тогда как «томос» — только на синод. Полиевкт требовал от Цимисхия аннулирования «томоса», а не новеллы (ср. *Томас.* 1983, 286—287).

При Никифоре без его согласия нельзя было избирать епископов. Кроме того, после смерти епископа имперские чиновники ревизовали доходы и расходы епископии и конфисковали все, что им казалось излишками (Скилица, 274). Епископ Левкаты жаловался гостившему у него Лиутпранду, что из-за антиклерикального законодательства Никифора иерархи совсем обеднели (Лиутпранд. 211). Всеобщее возмущение византийского клира вызывали меры Никифора, направленные против основания новых монастырей и обогащения старых, а также его требование, чтобы церковь признавала святым всякого воина, погибшего в бою.

[19] Видимо, здесь имеется в виду остров Принкип — самый большой из Принцевых островов недалеко от столицы (совр. Канали Ада). По сообщению Скилицы, императрица была сослана в Проконис (285). Бежав оттуда в Константинополь, она нашла убежище в св. Софии. Однако паракимомен Василий приказал вывести ее оттуда (при этом она отбивалась и всячески поносила Цимисхия и Василия) и на сей раз сослал в далекую фему Армениаки, заточив в монастырь Дамидию. Судьба императрицы не вызвала сочувствия подданных — до нашего времени сохранилась сатирическая песня, написанная простонародным языком и изобилующая издевательствами в адрес Феофано. По-видимому, около года спустя после того, как песня была сочинена, ее исполняли на торжествах по случаю женитьбы Цимисхия на Феодоре (ср. примеч. 40, кн. VII). Текст песни и комментарий см. Морган. 1954.

Молодой Василий II осмелился освободить мать из ссылки лишь после смерти Иоанна Цимисхия (Яхъя. 133). Она была похоронена в церкви Святых апостолов, рядом с двумя своими царственными супругами (Доуни. 37, 41).

[20] Острогорский (1963, 243) называет это унижение Цимисхия перед Полиевктом «Каноссой», подобной унижению отлученного от церкви германского императора Генриха IV перед папой Григорием VII. Острогорский считает, что слова «вернул синоду грамоту» означает аннулирование новеллы 964 г., обосновывая это тем, что одна из рукописей (Ц.-Л. III, 292) после текста новеллы XIX содержит надпись, вероятно, читателя: «Эта новелла отменена Цимисхием, потому что она была плоха!» Новелла XIX действительно была отменена, но в 988 г.: это сделал Василий II в новелле XXVI

(Ц.-Л. III, 303—304). Очевидно, читатель или писец спутал Цимисхия с Василием. Канонист XII в. Вальсамон также считает новеллу 988 г. отменой несправедливого закона Никифора. Подлинность новеллы 988 г. признана (*Каждан*. 1960, 74; *Зворонос*. 1964, 22, 29; *Томас*. 1983). Полиевкт же добился только денонсации «томоса», а не новеллы. Второе требование — о наказании убийц — также не было выполнено до конца. Правда, согласно Скилице (285), Цимисхий вернул из ссылки епископов, сосланных Никифором за отказ признать его нововведения.

21 По словам Феодора Вальсамона, помазание на царство сняло с Цимисхия смертный грех убийства (Вальсамон. 1156). Коронация состоялась 25 декабря 969 г. (Скилица. 286).

22 Цитата из книги Иова (I, 3).

23 Больница располагалась на северном берегу Золотого Рога, возле устья реки Барбисс (ср. примеч. 5, кн. VIII). Она была построена императором Константином (Обино. 1975, 80—82; 96; 99—100).

24 Рога выплачивалась регулярно на пасху должностным лицам и просто титулованным особам. Поскольку величина роги являлась процентом от вступительного взноса (примерно 9,7%), который вносился для получения титула (*Литаврин*. 1977, 181), смысл благодеяния состоял именно в том, что Цимисхий увеличил рогу без соответствующего увеличения взноса.

25 Из немецкого перевода получается, что убийц было несколько (Лоретто. 94).

26 Христофор, урожденный Иса, родился в Багдаде; патриархом Антиохии стал в 959 г. Будучи ставленником Сейф-ад-Даулы (см. примеч. 2, кн. II), сохранял ему верность и бежал из Антиохии, когда там поднялось восстание против эмира. После его победы вновь занял патриарший престол. Христофор был убит 22 мая 967 г. в обстановке антивизантийского угара. Его голова была сожжена, тело брошено в Оронт, а резиденция разграблена (Яхъя. 109—111; *Зайят*, 1952).

27 Образ церкви как невесты бога восходит к Ветхому завету. Ср. также: «Мужья, любите своих жен, как и Христос возлюбил церковь» (Эфес. V, 25). Ср. еще 2 Коринф. II, 2.

28 Неизвестно, из какой Колонии происходил Феодор, каппадокийской или армянской. Вероятнее, что он был армянином, как и Цимисхий (*Канар*. 1953, 566). Феодор I занимал патриарший престол с 23 января 970 г. до 29 мая 976 г. После смерти Христофора временным местоблюстителем был Евстратий. Арабоязычные антиохийские христиане — «мелькиты» лишились после византийского завоевания своей автономии.

29 Полиевкт (см. примеч. 37, кн. II) умер 5 февраля 970 г. (*Грюмель*. 1958, 436). Впрочем, если основываться на указании Скилицы (287), что патриарх прожил 35 дней после воцарения, то получается 29 января. До нас дошла прочувственная стихотворная эпитафия на его смерть, написанная Иоанном Геометром (948—950).

30 Впервые концепция священства и царства была сформулирована Юстинианом I (527—565). См.: Новеллы. VI, 1.

31 В Византии церковь находилась в зависимости от государства. В частности, выбор патриарха фактически определялся императором. Тем не менее Цимисхий счел нужным сослаться на положение Эпанагоги, византийского свода законов, о равноправии светской и духовной власти.

32 Олимп — гора в Вифинии, недалеко от города Прусы (Брусы). Центр монашества, где в разное время пребывали Феодор Студит, Кирилл (Константин) и Мефодий, Михаил Пселл (*Бекк*. 1959, 209; *Ментон*, 1935).

33 Патриарший дворец представлял собой комплекс зданий, включавший как резиденцию патриарха, так и его канцелярию. Располагался недалеко от храма св. Софии (*Жанен*. 1950, 174; 372—373; *Фогт*. 1940, 86—88).

34 13 февраля. Имеется в виду Синод 843 г., восстановивший иконопочитание (*Грюмель*. 1958, 454).

35 Василий I Скамандрин был Константинопольским патриархом до марта (?) 974 г. (*Грюмель*. 1958, 436). «Вселенским» патриарх Константинополя стал называться с конца VI в.

36 Русская угроза явственно обозначилась уже в последние месяцы правления Никифора: составленный в это время диалог «Филопатрис» упоминает о набегах «скифов» (334, 342). Очевидно, второе появление Святослава в Болгарии с самого начала носило антивизантийский характер.

37 Это был поход объединенных сил мусульман во главе с Захаром (Скилица. 287). По Яхъе (142—145), пятимесячная осада Антиохии окончилась неудачей.

38 Патрикий Николай получил для защиты Антиохии под свое командование войска стратига Месопотамии (Скилица. 287). Этого Николая дважды, при Никифоре и Цимисхии, посылали для переговоров к халифам (*Гийян*. 1974, 66).

Цимисхий, не чувствуя еще себя на троне уверенно, поставил во главе войска евнуха, со стороны которого не могло быть опасности мятежа.

39 Таким образом, дело не должно было ограничиться суммой в 15 кентинариев. Цимисхий предложил Святославу выплатить остальные деньги за поход. По-видимому, пока Никифор сохранял мирные отношения с русскими в течение 968 г., Святослав также получал от него еще какие-то суммы: «...и седе княжа ту в Переяславце емля дань на грецех», — сообщает летописец (ПВЛ. 47).

40 Эти слова дали многим историкам пищу для предположений о существовании приазовской Руси. Но данная гипотеза зиждется лишь на неточности перевода, как латинского — Газе, так и старого русского — Попова (*Карышковский*. 1960, 40—43). Однако Д. Л. Талис считает, что Боспор недаром связывался в сознании Льва Диакона с Русью: ведь арабские писатели называют Боспор Россией, и это далеко не единственный топоним с корнем «рос» в Крыму. Тогда по-новому встал бы вопрос об употреблении применительно к русским этнонима «тавроскифы» (*Талис*. 1974). Впрочем, археологических свидетельств русского присутствия в Крыму до конца X в. нет (*Гадло*. 1968, 65).

Итак, несмотря на то что дискуссия о причерноморской Руси ведется давно (*Половой*. 1961; *Цанкова-Петкова*. 1970; *Литаврин*. 1972, и т. д.), вопрос этот по-прежнему остается открытым (*Удальцова*. 1969, 129; *Арвейлер*. 1971).

41 В обмен на уступку Мисии ромеям Цимисхий признавал право Древней Руси на владение Керченским проливом. Фактически он предлагал Святославу продолжать завоевания в Северном Причерноморье, где в то время кочевали печенеги. Согласно русской летописи, и Ольга была недовольна походами Святослава в Болгарию, усматривая главную опасность в кочевниках; такой взгляд являлся вполне реалистичным не только в ситуации того времени, но и для дальнейшей истории Древней Руси.

42 В действительности все было наоборот: со второй четверти IX в. историческая Македония (за исключением области Фессалоники) входила в состав первого Болгарского царства. Для имперских идеологов, однако, северной границей Византии по-прежнему оставался Дунай, как и сотни лет назад. О расширительном толковании термина «Македония» в Византии см.: *Амантос*. 1924, 44.

43 Котраги (кутригуры) — тюркское племя, жившее у Азовского моря в V—VII вв. (*Моравчик*. 1958, II, 165). По Феофану (356), это народ, одноплеменный с болгарами. См.: *Лишев*. 1954, 352; *Цанкова-Петкова*. 1954.

44 В рукописи Льва Диакона — «харары», но это явная описка. Ранние известия о хазарах относятся к IV в. Кочевали в Западно-Прикаспийской степи. В течение нескольких столетий Хазарский хаганат был великой державой Восточной Европы. В 965 г. хазары были разгромлены Святославом (*Данлоп*. 1954; *Гумилев*. 1966).

45 Народ хунавов упоминается также у Псевдо-Каллисфена (792); кроме того, во многих источниках фигурирует епископство Хунавия на западе Балкан. В «Слове о полку Игореве» встречаются некие «хинова» (см.: Словарь-справочник. 1984, 120—122). Видимо, все это разные звучания этнонима

«кун»; племя с таким названием образовало восточную часть половцев (*Добродомов*. 1978, 103; 125). Ср.: *Моравчик*, 1958, II, 347.

46 Константин IV Погонат был византийским императором в 668—685 гг. Болгары появились на Дунае в 70-х годах VII в.

47 Имя Булгара, якобы родоначальника болгарского народа, впервые встречается в латинском переводе Феофана Анастасием Библиотекарем, на основании чего издатель К. де Боор произвел конъектуру греческого текста (*Моравчик*. 1958, II, 98). См.: *Ангелов*. 1971, 346. Упоминание о Булгаре имеется и у Иосифа Генесия (85—86). Кроме того, в рукописи, опубликованной Сп. Ламбросом (1917, 112) и представляющей собой род краткого справочника, есть фраза, буквально соответствующая тексту Льва Диакона. Историк мог воспользоваться одним из таких справочников, или же, наоборот, автор справочника Ламброса мог списать фразу у Льва. Наконец, имя Булгара известно Михаилу Сирийцу (Михаил. 110).

48 Это — единственное место, где Лев называет Болгарию ее собственным именем. Данный экскурс ничем, кроме упоминания о котрогах, не напоминает знаменитый экскурс Феофана (368—369; 372—375); источник сведений Диакона неизвестен.

49 Леонтий совершил переворот против Юстиниана II в конце 695 г. и был свергнут сам в результате восстания на флоте в 698 г. Он был также лишен носа и сослан.

50 Юстиниан II взошел на престол в 685 г. Свергнутый в 695 г. и сосланный в Херсон, он бежал оттуда сначала к хазарам, а затем к болгарам. В 705 г. Юстиниан во главе болгарского войска подошел к Константинополю и сверг Тиверия III. Убит в 711 г.

51 Херсон, древний Херсонес, Корсунь русских летописей — центр византийских владений в Крыму.

52 Меотида — древнее название Азовского моря.

53 Первое упоминание о протоболгарах относится к IV в. Тогда они кочевали в Приазовье. Во второй половине VI в. протоболгары разделились: часть их ушла на Запад, в Панонию (это, очевидно, и имеет в виду Лев, говоря об их «блуждании» по Европе), а часть осталась в Приазовье, известная под названием кутригуров («котрагов» — у Льва). В последней трети VII в. произошло второе разделение протоболгар: под давлением хазар часть их ушла на Среднюю Волгу, а часть — во главе с ханом Аспарухом — дошла до Дуная и поселилась в Южном Поднестровье, в так называемом Онгле. В 680 г. Константин IV предпринял неудачный поход против них, после чего болгары утвердились в Мисии и Добрудже вплоть до Варны.

54 Лев Диакон ошибается в определении территории, обещанной болгарам Юстинианом II: к 705 г. болгары уже четверть века жили к югу от Дуная, после же воцарения Юстиниана II им была уступлена область Загорье (район совр. Сливена). Данный пассаж обнаруживает незнакомство Льва с трудами как Феофана, так и Константина Багрянородного.

55 Уже в 708 г. византийцы предприняли неудачное нападение на болгар. С 712 г. болгарский хан Тервель, в свою очередь, начал опустошать византийскую Фракию.

56 Никифор I (Лев называет его «древним» в противоположность Никифору Фоке) пришел к власти в 802 г. в результате переворота, когда была свергнута императрица Ирина. Внешняя политика Никифора была неудачной: при нем вновь перешли в наступление арабы и болгары. В 811 г. император предпринял поход против Болгарии и занял ее столицу Плиску. Но на обратном пути 26 июля его войско было атаковано болгарами в горных проходах и целиком уничтожено; сам Никифор I при этом погиб.

57 Константин V, сын императора Льва III, вступил на престол в 741 г. Население столицы с неприязнью относилось к новому императору и дало ему прозвище «копроним-гноеименитый». Военные предприятия Константина были успешны: он отразил натиск арабов; совершал походы против болгар в 756, 763, 768, 773—774 гг.; вамышлял полностью подчинить Болгарию,

и некоторые круги болгарской знати сочувствовали его планам. Однако флот, посланный в 766 г. для завоевания Болгарии, был рассеян бурей, а дальнейшие походы были безрезультатны. Умер Константин в 775 г.

58 Константин VI был внуком Константина V и сыном Льва IV. Со смертью последнего в 780 г. его вдова Ирина стала регентшей при малолетнем Константине VI. Внешнее положение Византии в тот период резко ухудшилось. В 789 г. болгары вторглись в Македонию. Константин VI выступил против них и был разбит. Попытка реванша, предпринятая им в 796 г., также оказалась не вполне удачной. В 797 г. по приказу матери Константин был ослеплен.

59 Эти слова могли быть написаны лишь до решающих побед Василия II над болгарами. Но вопрос в том — какие победы Василия следует отнести к решающим? Так мы сможем определить дату, *ранее* которой написал свою «Историю» Лев Диакон. М. Я. Сюзюмов считал, что данный пассаж не мог быть написан после победы над болгарами в 991 г., когда был взят в плен царь Роман (Сюзюмов. 1916, 138; 1971, 128). По мнению же П. О. Карышковского, поражение Болгарии в 991 г. не было решающим: во-первых, болгары немедленно после этого перешли в наступление; во-вторых, Роман уже давно лишь номинально был правителем Болгарии — реальной властью обладал Самуил. Таким образом, отправной датой становится 996 год — время Сперхейской битвы (*Карышковский*. 1953, 41, примеч. 5). Следует учитывать, однако, что Лев Диакон говорит о поражении болгар «на их собственной земле». В 991—994 гг. Василий II не решился вторгнуться во внутренние области Болгарии, в 996 г. Никифор Уран разгромил Самуила в сердце Греции, на реке Сперхей, вдали от болгарской земли. Значит, данный пассаж мог быть написан в любое время до 1001 г.

60 Видимо, власть Святослава все же не распространялась на западную часть Болгарии, которая в дальнейшем стала очагом болгарского сопротивления византийской экспансии.

61 Филиппополь — город во Фракии на реке Эвр (Марица), ныне Пловдив. Основан в IV в. до н. э. Филиппом Македонским на месте фракийского поселения Пулпудева.

62 Цифра 20 тыс. — очевидное преувеличение, тем более, что, как явствует из «Истории», это была даже не бо́льшая часть населения города. Но самый факт террора в Филиппополе достоверен: по сообщению Скилицы (285), Цимисхий вскоре переселил туда значительное число «манихеев» из Малой Азии — видимо, город совсем обезлюдел. На то же самое указывает и русская летопись: «И поиде Святослав ко граду, воюя и грады разбивая, иже стоят и до днешняго дня пусты» (ПВЛ. 50). О разгроме Филиппополя пишет и Анна Комнина (394—395). Расправа над Филиппополем свидетельствует, что не только среди болгар не было единства в отношении к Святославу, но и политика самого Святослава в Болгарии была неоднозначной. Филиппополь находился недалеко от византийской границы, и проимперские настроения явно были там сильнее, чем в северной Болгарии.

63 В этих запальчивых словах Святослава могло отразиться смутное воспоминание о тех временах, когда славяне в VII в. заняли практически весь Балканский полуостров (*Литаврин*. 1986, 378).

64 Имеются в виду мирные договоры Византии с Русью 907, 911 и 944 гг. Ссылка на божье посредничество содержится во всех трех договорах. 907 г.: «. . . целоваше сами крест, а Олега водиша и мужей его по роту по русскому закону»; 911 г. — «. . . честным крестом с Святою единосущною троицею единого истинного Бога нашего. . . мы же кляхомся ко царю вашему, иже от Бога суще, яко Божие здание, по закону и по покону языка нашего не преступати на нем, ни иному от строки нашея от уставленных слов мира и любви»; 944 г.: «Аще кто преступит ее. . . да будет клят от Бога и от Перуна».

[65] Игорь княжил с 912 г. Объединил восточнославянские племена между Днестром и Дунаем; в 941 г. предпринял неудачный поход на Византию; в 944 г. заключил с нею договор.

[66] Имеется в виду договор Олега. Многие исследователи считают его поход легендарным, но данное упоминание Льва — единственное в византийской литературе — доказывает его истинность (*Сюзюмов*. 1916, 165; *Васильев*. 1951, 176—177).

[67] Число 10 тыс. фигурирует во многих источниках. Оно известно Скилице (229), Зонаре (III, 476), Нестору (49). Более правдоподобно сообщение Лиутпранда о тысяче кораблей.

[68] Данный пассаж может служить доказательством знакомства Льва Диакона с житием Василия Нового, тоже повествующим о походе Игоря (*Карышковский*. 1960, 47), где читаем: «...едва спаслись в свою землю, чтобы рассказать о том, что с ними случилось» (Василий Новый. 86, см. также 84).

В Константинополе знали о приближении Игоря. И хотя византийский флот был в это время далеко на Востоке, протовестиарий Феофан, возглавивший оборону столицы, отремонтировал по приказу Романа I несколько старых торговых судов и снабдил их «греческим огнем». 8 июля 941 г. у входа в Боспорскую гавань русский флот был подожжен и отступил. В то время как большая часть русских сил высадилась на черноморском побережье и продолжала боевые действия до сентября, сам Игорь сразу же вернулся в Киев (*Половой*. 1961), так что сведения Льва Диакона верны (см. также примеч. 42, кн. IX).

[69] Игорь был убит у Искоростеня, в земле древлян, при попытке вторично собрать с них дань осенью 944 г. (ПВЛ. 39—40). Упоминание о германцах загадочно. В Византии IX—XII вв. так называли французов. Может быть, Лев Диакон или писец со слуха приняли форму Βερβιανοί (так называет древлян Константин Багрянородный) за Γερμανοί, но возможно — историк хотел здесь средствами традиционной книжности подчеркнуть, что это племя живет на западе Руси (*Диттен*. 1984). В летописях есть прямые указания на то, что земли древлян не причисляли к русской земле (*Насонов*. 1952, 29; 55—56). Это племя отличалось от племен, составивших ядро древнерусской народности, и по происхождению, и по обрядам, и по диалекту (*Третьяков*. 1948, 136): Лев Диакон счел нужным как-то маркировать эту обособленность древлян и связал ее с их местоположением на западе русской земли.

[70] Ошибочные переводы этого слова у Газе (Лев Диакон. 106) и Попова (66) породили предположение, будто русские имели в своем флоте огненосные суда (см., напр.: *Чертков*. 1843, 194; *Шлюмберже*. 1896, 43). В действительности же πύρφορος — это жрец-факелоносец, сопровождавший в походах армию лакедемонян и являвшийся неприкосновенным. Гибель неприкосновенного жреца очень рано стала метафорой гибели всего войска: см., напр.: Геродот (VIII, 6), Михаил Пселл (II, 27). В. Г. Васильевский, приводя примеры ошибок в переводе Д. Попова, в этом месте и сам ошибся (1909, 99).

[71] «И посла къ грекомъ глаголя „хочю на вы ити и взяти градъ вашъ"», — сообщает летописец (ПВЛ. 50). Угроза Святослава вызвала в Константинополе панику. Именно к этому времени, согласно Скилице, относится эпитафия, начертанная на надгробье Никифора Фоки митрополитом Иоанном Мелитинским. Вот отрывок из нее: «...ныне восстань, о владыка, и построй пеших, конных, лучников, свое войско, фаланги, полки: на нас устремляется росское всеоружие. Скифские племена рвутся к убийствам. Все те народы, которые раньше трепетали от одного твоего образа ... ныне грабят твой город... Если же ты не сделаешь этого, тогда прими нас всех в свою могилу» (Скилица. 282—283). Ср.: *Карышковский*. 1953, 228. Можно предположить, что к этому же времени относится пророчество, начертанное на цоколе конной статуи, стоявшей на площади Тавра, — по словам автора анонимного трактата «Древности Константинополя», написанного

около 995 г., на нем «вырезаны рассказы о последних днях города, когда росы будут готовы разрушить этот город» (Древности. 176).

72 Презрительное упоминание о «трудах рук своих» могло содержать намек на византийское фемное войско, которое все еще состояло из стратиотов-крестьян, ведших хозяйство, тогда как в дружину Святослава входили воины-профессионалы.

73 «Мужи крови» — цитата из Второй книги Царств (XVI, 7—8). Это выражение встречается у Льва Диакона и в других местах (см.: III, 1; 4). Ясно, что если Лев и пользовался архивными материалами (*Карышковский*. 1953, 53), то в своем труде их не цитировал, а свободно пересказывал: ведь библейская реминисценция не могла прийти в голову язычнику Святославу.

74 Армянский историк Асохик упоминает «отряд пехоты, называемый отрядом саларов (военачальников)» (128), который, видимо, тождествен отряду «бессмертных»; комплектовался из детей погибших воинов, часто упоминается в источниках конца XI—начала XII в. (*Икономидис*. 1972, 332—333).

75 Варда Склир (ок. 920—март 991) — одна из самых ярких фигур этого периода (см. о нем: *Зейбт*. 1976, 29—58). Его биография прослеживается в дальнейшем Львом Диаконом. Знаменитый малоазийский род Склиров известен с IX до XII в. Эта семья дала многих выдающихся полководцев, и ее влияние не было сломлено (как это произошло, к примеру, с родом Фок) гонениями Василия II против военной знати (*Каждан*. 1974, 125, 141).

76 Мария Склирина, дочь Фотиноса, умерла до 969 г. (*Зейбт*. 1976, 29). Об этом, согласно Льву Диакону (V, 5), напоминала Феофано Никифору Фоке, говоря о необходимости женить Цимисхия.

77 Эта стычка со «скифами», походя упомянутая Львом Диаконом, имела, очевидно, большее значение, чем то, которое он пытается ей придать. Об этом свидетельствует хотя бы участие в битве Петра. Вообще события 970 г., отраженные в русской летописи, не освещены в греческих источниках (*Сюзюмов*. 1916, 163—164). Видимо, сражение имело неблагоприятный для византийцев исход: вплоть до битвы у Аркадиополя успех сопутствовал русским.

78 Имеется в виду остаток зимы 969/70 г.

79 Можно полагать, что Лев говорит о языках врагов (славянском и норманском). Но более вероятно, что имеется в виду греческий и славянский. Роль таких соглядатаев могли выполнять те болгары, которые приняли византийское подданство; в X в. русские и болгары, несомненно, свободно понимали друг друга.

80 В X в. под этниконом «гунны» подразумевались венгры (*Моравчик*. 1958, II, 235), ср. примеч. 10 к кн. II. Скилица называет их турками (288), как и Константин Багрянородный.

81 Скилица различает характер взаимоотношений русских с болгарами и их отношения с венграми и печенегами, которые, хотя и были союзниками Святослава, действовали, однако, отдельно (Скилица. 289).

82 Род Алакасов имел печенежское происхождение, возвысился в первой половине XI в. (*Каждан*. 1974, 126; 139).

83 Согласно Скилице (289), задача патрикия Алакаса состояла не только в разведке: его отряд должен был спровоцировать противника и, изобразив притворное отступление, завлечь его в засаду.

84 О численности ромеев Скилица приводит правдоподобную цифру: 12 тыс., но русских, по его уверению, было 308 тыс., что совершенно невозможно (Скилица. 288).

85 Константин Склир — брат Варды и муж Софии, дочери Льва Фоки. Во время мятежа, возглавленного Вардой Склиром, успешно командовал армией повстанцев в битве при Рагеа в 977 г. После подавления мятежа бежал в 979 г. вместе с братом в Багдад. Умер 11 марта 991 г. (*Зейбт*. 1976, 58—60).

86 Скилица утверждает (290), что попали в засаду и погибли одни печенеги, и только после этого между собой столкнулись главные силы.

87 По словам самого Льва Диакона, исход битвы был долго неясен, поэтому приводимые им цифры потерь сомнительны.

88 Сражение под Аркадиополем (совр. Люле-Бургаз) весной 970 г., описанное Львом, часто отождествлялось с битвой, о которой повествует русская летопись, — предпринимались даже попытки усомниться в правдивости рассказа Льва Диакона (см., напр.: *Белов*. 1873, 172—175; *Дринов*. 1876, 469—470). Однако нельзя усматривать в обобщенном изложении летописи (ПВЛ. 50) указание на какое-либо конкретное сражение.

89 Это сообщение Льва Диакона трудно объяснить: ведь малоазийские войска, находившиеся под командованием Варды Склира, были переправлены в Европу перед аркадиопольской битвой (Скилица. 288) и немедленно вернулись в Азию для подавления вспыхнувшего там восстания Фоки. Это известно и самому Льву Диакону (VII, 3). Попытка Ф. Лоретто объяснить это место путем добавления при переводе фразы слов «еще дополнительные войска» (Лоретто. 104) — ничего не дает. Видимо, Лев поставил данный пассаж не на свое место, и он должен быть отнесен к концу следующей, VII книги (*Сюзюмов*. 1916, 160).

90 Если высказанное только что предположение верно, то имеется в виду весна 971 г. Эти же слова читаем в восьмой главе VII книги (см. примеч. 37, кн. VII).

КНИГА СЕДЬМАЯ

1 Парсакута — местечко в феме Армениаки, где, по-видимому, были главные поместья Фок и куда на жительство были сосланы родичи Никифора Фоки после его убийства. Местоположение Парсакуты не установлено (*Шлюмберже*. 1896, 61, примеч. 1).

2 Братья не примыкали впоследствии к апостасиям (мятежам против правительства) времен Василия II. Напротив, Варда разбил при Авидосе флот мятежника Склира, а Никифор посредничал при сдаче последних сторонников Склира во Фракисийской феме в 980 г. (*Гийян*. 1973, 67). Малоазийский род Парсакутинов угас уже при Василии II.

3 К Фоке примкнули лица из «συνήθων — своих», т. е. уже традиционно связанных политически и экономически с семейством Фок.

4 Лев здесь почти буквально повторяет мысль Агафия (III, 11).

5 Апостасия обосновывалась необходимостью поставить вместо «плохого» самодержца «хорошего», который, конечно же, обещал улучшить положение народа — эти обещания находили отклик в массах. Поэтому апостасии иногда переплетались с крестьянскими движениями.

6 Ампела можно считать руководителем крестьянского восстания, примкнувшим к апостасии Фоки. Поскольку Скилица (291—292) называет Ампела патрикием, следует думать, что он сумел выдвинуться после перехода на сторону правительства. Газе (467) приводит сведения, согласно которым Ампел стал впоследствии патроном монастыря Никифора Милетского.

7 Под «македонцами» Лев подразумевает стратиотов европейской фемы Македония (ср. примеч. 32, кн. III).

8 Дикастирии — учреждения светского суда в Константинополе. Характерно, что в данном случае епископа предварительно судили светские судьи, и только потом дело было передано церковной инстанции — синоду епископов, что противоречило каноническому праву.

9 Версия об ослеплении ошибочна. Как выясняется из дальнейшего рассказа Льва (IX, 3), Цимисхий отменил этот приказ. Точнее об этом у Скилицы (294). Тот факт, что Лев не исправил ошибку, свидетельствует о незавершенности «Истории».

10 До описываемого времени титул «стратилат» не был конкретным. С тех пор как в 970 г. он был дан Склиру, источники начинают упоминать некую «тагму стратилатов». В XI в. появляются стратилаты Востока и Запада.

но четкое значение термина определить трудно (*Икономидис.* 1972, 332).

[11] Дорилей (совр. Эски-Мехир) — город во Фригии (*Рэмси.* 1890, 204; 473).

[12] Ее звали София.

[13] У Скилицы (292) текст писем не приводится, хотя и говорится о посланцах от Склира к мятежнику. Можно предполагать, что Лев Диакон имел возможность ознакомиться с этими письмами, содержание или текст которых он передал, используя лексику Агафия (Газе. 470).

[14] Сентенции о пользе разумного совета рассеяны у многих античных авторов: Геродота (VII, 16), Софокла (Антигона, 1031—1032), Ксенофонта (Анабасис, VI, 4) и т. д.

[15] По Скилице (292), войска Склира от Дорилея двинулись по направлению к Кесарии Каппадокийской: возможно, там, у реки Галис, и находилось селение Дипотам.

[16] Следовательно, в войске мятежника было много бедняков, от которых лазутчики не хотели отличаться (*Каждан.* 1952, 92).

[17] Патрикий Диоген Андралест (Скилица называет его Адралест) — видимо, потомок того Адралеста, который был при Романе I доместиком схол (*Гийян.* 1974, 59). Согласно Скилице (292), к Склиру переметнулись и Парсакутины.

[18] С уходом Ампела Варда Фока фактически остался без войска. Следовательно, Ампел был не одиночкой-изменником — вместе с ним отошли от мятежа и широкие массы. Более четко об этом сказано у Скилицы (292—293).

[19] Псалтырь. XXXIV, 1.

[20] Этот эпизод почти дословно приводит и Скилица (293), использование общего источника здесь очевидно (у Скилицы есть некоторые подробности, которых нет у Льва).

[21] Крепость Тиранов лежала на пути от Гераклеи (Эрегли) к Адане (*Хонигман.* 1935, 46, примеч. 1). Впрочем, Грегуар (1935) предлагает здесь конъектуру — вместо «Тиранов» читать «Тианы» (старинный город-крепость южнее Кесарии в Каппадокия). Рэмси (1891, 140—141; 355—356) предлагает другую конъектуру — Тирианнон (совр. Ильхин). У Скилицы крепость названа Тиропион (293). Что касается названия Антигус, то оно есть в арабских источниках: это местечко юго-западнее Кесарии, у совр. Тосия (*Васильев.* 1903, 93, примеч. 4).

[22] Вардаэтта — дословно «поражение Варды». Локализовать этот топоним не представляется возможным (*Грегуар.* 1935, 252). Рэмси (1891, 140) считает, что это Месомакта юго-восточнее Дипотама; другое название этого места было «Варетта» (совр. Ах-Шехер-Гюле) — его-то Лев и переосмысливает в духе «народной этимологии».

[23] Тифловивария — «пляска слепых».

[24] Лев Фока, сын Никифора Фоки Старшего, был родным братом кесаря Варды, деда того Варды, о котором здесь упоминает Лев Диакон.

[25] Дословно «горе Льва». Это место упоминается и в других источниках. Скилица (211) приводит первый вариант названия, Продолжатель Феофана (396) — второй. Может быть, это совр. Голаита в Галатии (*Грегуар.* 1936, 538—539).

[26] Лев VI Мудрый — византийский император в 886—912 гг.

[27] Александр правил с 11 мая 912 г. до 6 июня 913 г.

[28] Константину VII Багрянородному было тогда 8 лет.

[29] Зоя Карбонопсида — четвертая жена Льва VI, мать Константина.

[30] Болгарский царь Симеон (878—927) правил с 893 г., вел упорную борьбу с Византией. Он разбил ее войска в 894—896 гг., принудил к территориальным уступкам в 904 г. В 912 г. Симеон появился под стенами Константинополя, и патриарх Николай Мистик вынужден был короновать его как кесаря (впрочем, это спорный вопрос в науке), а его дочь объявить невестой юного Константина VII. Византийцы, однако, вскоре отказались от этих уступок, и в 914 г. Симеон вновь начал военные действия, не прекращавшиеся вплоть до его смерти.

[31] Хронология симеоновых притязаний не вполне ясна. Златарский (1918, 399) отнес провозглашение Симеона императором, а болгарской епископии — патриархией к 918 г. Рансимен (1930, 163, примеч. 2) обратил внимание на то, что данный пассаж Львом Диаконом не датирован. В действительности Симеон объявил себя «императором и самодержцем ромеев и болгар» в 925 г. (там же. 173), но примерно с 915 г. византийцы перестали именовать его даже более скромным титулом «император болгар», который был признан за ним в 912 г. (*Острогорский*. 1934, 282—285). Видимо, восстановления этого титула и требовал Симеон перед анхиальской битвой, а Лев Диакон допустил здесь хронологическую неточность, перенеся на это время притязания Симеона, выраженные им в 925 г.

[32] Битва произошла 6 августа 5 индикта (917 г.), по другим известиям — 20 августа (*Златарский*. 1918, 405). Скилица, подробно описав и битву и последующий мятеж Фоки (205—211), приводит две версии, объясняя поражение византийцев, — одна совпадает с версией Льва Диакона, по другой — византийское войско обратилось в бегство, увидев, как Лев Фока упал с коня.

[33] Лев называет битву по близлежащему городу Анхиалу, а другие авторы — по реке Ахелою. Анхиал — совр. Поморие, около Несебра в Болгарии. Поле, на котором произошла битва, и по сей день именуется Кокыла, что по-гречески значит «кости» (*Недев*. 1975).

[34] Василеопатор — дословно «отец императора». Этот титул был введен Львом VI в 899 г. для временщика Стилиана Заутцы. Роман I Лакапин стал василеопатором в 919 г., когда женил юного Константина VII на своей дочери Елене (*Лерой-Молинген*. 1968).

[35] В рассказе о событиях 917—920 гг. Диакон использовал источник, явно враждебный семейству Фок. В 920 г. мятеж Льва был подавлен, в 921 г. Роман I был провозглашен императором (см. примеч. 39, кн. III).

[36] Почти дословно повторяется и у Скилицы (293), который называет этого смельчака Константином Хароном.

[37] Судя по общему развитию событий, это была весна 971 г. Зонара (XVII, 2) сообщает, что император отправился в поход на втором году своего царствования. Если он вступил на престол в декабре 969 г., то весна второго года царствования — это 971 г. (ср. примеч. 40).

[38] Куркуасы — одна из феодальных фамилий, известных с IX по XII в. (*Каждан*. 1974, 125, 149), происходит с Кавказа. Иоанн Куркуас Старший прославился победами над арабами в правление Романа I и Константина VII (Прод. Феоф. 415; 426). Роман Куркуас принимал участие в провозглашении Никифора Фоки императором (Ватиканский Аноним. 100). Иоанн Куркуас, которого Лев здесь изображает как пьяницу (см. о нем IX, 5) — сын Романа Куркуаса. При Василии II другой Иоанн Куркуас был катепаном Италии.

[39] Адрианополь в восточной Фракии (совр. Эдирнэ) стал базой византийских войск для дальнейших действий против Святослава. Суда могли подходить к городу из Эгейского моря по реке Эвр (совр. Марица).

[40] Это место стало камнем преткновения в спорах о дате похода Цимисхия против Святослава. Скилица пишет (294), что Цимисхий вознамерился отправиться в поход против русских на втором году правления. Но как это понимать? Считать ли от момента провозглашения или от индикта того года, когда император занял престол? И то, и другое счисление используется в византийских источниках. В первом случае война со Святославом произошла в 972 г., во втором — в 971 г. Проблему решает Яхъя (132), сообщая, что бракосочетание Цимисхия с Феодорой, о котором рассказывает Лев, состоялось в 359 г. хиджры, т. е. до 3 ноября 970 г., а от того же Льва мы знаем, что император выступил в поход весной следующего, т. е. 971 г.

КНИГА ВОСЬМАЯ

[1] Храм Христа на Халке — надвратная часовня, построенная Романом I. Цимисхий поместил там вывезенные с Востока христианские реликвии (ср. X, 4), впоследствии был в нем похоронен (*Жанен*. 1953, 544).

[2] Храм Богородицы во Влахернах — один из наиболее почитаемых храмов в Константинополе (*Жанен*. 1950, 169—179). Влахерны — северо-западная часть столицы.

[3] Влахернский дворец был тогда еще не очень популярен. Резиденцией императоров он стал лишь с конца XI в. (*Жанен*. 1950, 124—128; 303—304).

[4] Имеется в виду не пролив Босфор, а место разгрузки судов, пристань залива Золотой Рог. Теперь там главный вокзал Стамбула.

[5] Речь идет о побережье в районе Влахерн, где располагались пристани (*Жанен*. 1950, 225—227). Деревянный мост через Золотой Рог соединял 14-й район с противоположным берегом; именно на этот мост и смотрел Цимисхий с высоты Влахернского храма (Там же. 232). Река, о которой пишет Лев, — Барбисс (совр. Кагитане Су) впадает в Золотой Рог.

[6] Монерия — судно с одним рядом весел. Термин начал употребляться с IX в. вместо обобщающего — дромон (*Арвейлер*. 1966, 383, 413). Слово «галея» впервые появляется в «Тактике» Льва; означает быстроходное судно, использовавшееся для разведки и патрулирования (*Кахане*. 1958, 428—439).

[7] Весь пассаж о Фисоне отражает шедшие в Византии церковно-«географические» споры. Согласно Библии, из рая вытекало четыре реки (Бытие. II, 10—14); существовало несколько версий того, какой реальной реке соответствовал библейский Фисон — Инду, Гангу или Дунаю (*Поповић*. 1936). Колеблется в этом вопросе и Лев Диакон; его рассказ близок к анонимному сочинению «О четырех реках рая» (1056—1057): и там, и здесь Фисон скрывается под землю; и там и здесь он впадает в Понт пятью рукавами. Смарагдом Лев по античной традиции называет «зеленый камень» Библии.

[8] Миф об основании Орестом Орестиады — Адрианополя — есть у Страбона (VII, 7, 8).

[9] Адриан был римским императором в 117—134 гг. Город был им перестроен в 125 г. Под «скифами», скорее всего, подразумеваются сарматы.

[10] Легенда об основании города Орестом приводится и у Элия Лампридия, добавляющего, что Адриан в построенном Орестом святилище Дианы излечился от безумия и за это украсил город (Жизнеописание Адриана. 228). Почти то же самое, что и Лев, сообщает об Адрианополе Продолжатель Феофана (387).

[11] Клисура — ущелье, защищаемое особым гарнизоном под руководством клисурарха. Цимисхий шел к Преславе через клисуру Сидера, совр. Ришкийский проход (*Тыпкова-Заимова*. 1958, 60—61).

[12] Пасха в 971 г. приходилась на 16 апреля (*Грюмель*. 1958, 310). Переход через клисуры совершался в страстную неделю с 9 по 12 апреля.

[13] Император Лев VI (Новелла LIV) законодательно запретил работать по воскресеньям. Роман Лакапин в одном из писем к Симеону Болгарскому специально указывает на пасху как на время мира.

[14] Преслава (юго-западнее совр. Шумена) — столица Болгарского царства, перенесенная Симеоном из Плиски в 893 г. Мощная крепость, крупный центр ремесла и металлургии.

[15] Метафора восходит еще к Гомеру (Ил. X, 173). Встречается у Геродота (VI, 11), Прокопия (I, 24, 28) и др.

[16] Как видим, император апеллирует к гражданскому сознанию подданных, а не к их лояльности по отношению лично к нему (*Бекк*. 1975, 399—400).

[17] Скилица (295) дает другие цифры — 5 тыс. пеших и 4 тыс. всадников.

[18] Весь отрывок представляет собой подражание Агафию.

[19] Неподготовленность русских к войне можно объяснить тем, что в 970 г. Святослав заключил с Византией перемирие (*Сахаров*. 1982, 155), нарушенное Цимисхием.

[20] О «шедших против него (Цимисхия) под прикрытием своих щитов» упоминает и Асохик (128). В поэме «Искандер-Намэ» также говорится, что русские воевали, «щитом прикасаясь к щиту». Продолговатые щиты они сменили на круглые во второй половине X в. (*Кирпичников*. 1971, 33—37).

[21] В 970 г. русские привлекли на помощь венгерскую и печенежскую конницу, но к 971 г. они остались без этих союзников. Хотя всадники Святослава и уступали византийцам, они не были столь беспомощны в седле, как это трижды в разных местах подчеркивает Лев Диакон: археологические данные показывают, что конница на Руси в X в. существовала (*Кирпичников*. 1973, 5; 25).

[22] Скилица (296) называет ту же цифру, но не погибших, а участвовавших в сражении росов.

[23] Лев Диакон верно сообщает, что Святослава не было в Преславе. У Скилицы же (295—296) говорится, что Святослав был там и ободрял русских. Здесь Скилица явно ошибся: продолжая повествование, он сам пишет: «Святослав, узнав о падении Преславы...» (298).

[24] Следующий день — это 13 апреля 971 г. Четверг у византийцев считался пятым днем недели: первым было воскресенье. Д. Попов (83) ошибочно перевел «четверг» как «пятница» (то же см.: *Чертков*. 1843, 64; 196).

[25] Сфенкела (у Скилицы, 296 — Сфангел, в некоторых рукописях — Сфагелл) по сходству имен историки отождествляли со Свенельдом русской летописи, который был наиболее близок к Святославу. Однако Сфенкел был убит, тогда как Свенельд пережил Святослава (см.: *Гедеонов*. 1876, 235—238).

[26] Как показали археологические раскопки, высота внешней стены Преславы составляла 3,35 м. По гребню ее шла платформа с частоколом (*Лисицов*. 1974, 34—35).

[27] Феодосий Месоникт участвовал в 989 г. в мятеже Варды Фоки. В 1040 г. ослеплен за участие в заговоре (Скилица. 338, 412).

[28] Ширина южных ворот (в юго-восточном углу стены), через которые византийцы проникли в город, — 3,5—4 м. С южной и западной стороны стена огибала холм Зыбуите, с восточной шла по берегу реки Тичи, с северной представляла собой прямую линию. Общая площадь города составляла 3,5 км (*Овчаров*. 1982. 100—120).

[29] Скилица (297) рассказывает, что ромеи, догоняя бегущих скифов, убивали их, «а женщин и детей порабощали». Отсюда явствует, что массы защитников города были из местных жителей.

[30] Сыновья царя Петра Борис и Роман находились долгое время в Константинополе в качестве заложников; однако после смерти или пострига Петра они были отпущены в Болгарию — византийцы рассчитывали, что царевичи возглавят проимперскую партию. Святослав также стремился привлечь Бориса на свою сторону: судя по тому, что молодой царь был захвачен вне цитадели, он пользовался свободой передвижения в занятом русскими Преславе, продолжал носить корону, имел казну (*Мутафчиев*. 1931, 78—80).

[31] Употреблено странное сочетание «κοίρανος τῶν Βουλγάρων — владыка булгар». Это единственное место, где Лев называет болгар их собственным именем: можно предполагать, что перед нами точная цитата из речи, с которой Цимисхий обратился к Борису. Подробно об этом: *Иванов*. 1982.

[32] Толщина стен преславской цитадели колебалась от 2 до 2,25 м. Ворота были расположены с северной и южной стороны (*Лисицов*. 1974, 35).

[33] Видимо, среди верхушки болгарского общества существовали разные политические течения (см.: *Тихомиров*. 1947; *Карышковский*. 1951; 1952; 1953; 1955). Что же касается Святослава, то он вряд ли сознательно руководствовался стремлением помочь болгарскому народу в борьбе против социального гнета: иначе его отношение к царю Борису было бы другим.

[34] Первым «стратигом Фракии и Иоаннополя» был назначен протоспафарий Лев Саракенопул (*Йорданов*. 1982, 32).

[35] Константин I Великий, легализовавший христианство, стал героем многих христианских легенд. В частности, легендарный характер имеет и сообщение о постройке им Дористола (см. примеч. 13, кн. V). Впрочем, например,

Псевдо-Кодин приписывает ему основание уже не только Дористола, но и Плиски, и Преславы (Кодин. 23). Отметим, что многие христианские мученики потерпели во времена гонений именно в Дористоле, который, стало быть, существовал до Константина, и это не могло не быть известно придворному диакону Льву. Но жанр светской истории ставил занятный анекдот выше сакрального предания.

36 По преданию Константин увидел на небе крест со словами «сим победиши» в канун битвы при Красных скалах 27 октября 312 г., решившей исход гражданской войны, и это якобы сыграло главную роль в его обращении в христианство. Однако эта легенда имеет множество версий — крест появлялся в разное время суток, в разные годы, в разных местах. Лев Диакон, сам того, видимо, не сознавая, следует за еретической, арианской традицией в ущерб официальной церковно-исторической традиции, шедшей от Евсевия. Ариане стремились в один ряд с Константином поставить его сына Констанция, покровителя арианства, и приписывали ему видение креста перед битвой с Магнецием, происшедшей при Мурса, в Иллирике. Путаница в легендах об отце и сыне и дала гибридную версию (*Грегуар, Оржельс*. 1956, 132—133), которую мы находим у Льва. Версия ночного знамения — также арианская, она идет от Филосторгия (*Биде*. 1935, 408—409; 424; *Грегуар, Оржельс*. 1956, 145). Сочинения арианских писателей пользовались большей популярностью, чем Евсевий, и далекий их отголосок у Льва Диакона — лучшее тому подтверждение.

37 Скорее всего, речь идет о вторжении готов на Балканы в 323 г. (*Раппапорт*. 1899, 110—112). В этом сообщении Лев Диакон опирается на агиографический памятник «Страсти св. Иоанна и Павла». Во-первых, Лев явно локализует победу Константина на берегу Дуная, между тем как в 323 г. готы были разбиты гораздо южнее, — точно так же и автор «Страстей» (*Грегуар, Оржельс*. 1956, 136) путает события 323 г. с событиями 332 г., когда император совершил экспедицию на Дунай. Во-вторых, и Лев, и автор «Страстей» называют готов скифами (Там же. 137; 146). Наконец, и «Страсти», и разбираемый пассаж Льва Диакона лежат в русле арианской традиции.

38 Плиска — первая столица Болгарии, центр крупного строительства и ремесла с земледельческо-скотоводческой окраиной (*Лишев*. 1970, 27—31).

39 Диния находилась между Преславой и Плиской. Это был многолюдный город, центр виноградарства. В настоящее время село Смядово (*Лишев*. 1970, 58) или, что вероятнее, село Войвода в 8 км от Плиски (*Милчев-Дамянов*. 1972).

40 Скилица (301) также сообщает, что ряд городов направил к Цимисхию послов с изъявлением покорности. Это показывает, что в болгарских городах влияние византинофильской знати имело некоторую опору в ремесленных и торговых кругах. Согласно Скилице (301), перешел на сторону Цимисхия и город Констанция; Станеску (1971, 12) считает, что это — Констанца на берегу Черного моря, Васильевский же (1910, 211) идентифицировал Констанцу с одним из задунайских городов.

41 По русской летописи, у Святослава было лишь 10 тыс., что более вероятно. Однако следует отметить, что приводимые здесь Львом Диаконом цифры все же правдоподобнее как фантастических подсчетов Скилицы, так и собственных его выкладок в начале «Истории».

42 Римляне называли свою колонию Durostorum, византийцы транскрибировали его как Δορόστολον (см. выше примеч. 13, кн. V), а славяне назвали его Драстар, отправляясь от фракийского названия Драстра, сообщенного им местным населением (*Романски*. 1933, 657). Греческое название «Δρίστρα» представляющее собой транскрипцию славянского «дръстра» (форма родительного падежа), впервые встречается в эпоху Льва VI. Славянское имя города распространилось среди византийцев в период симеоновых войн, когда он играл большую стратегическую роль, и настолько утвердилось, что использование классической номенклатуры требовало оговорки, что мы

и видим у Льва Диакона (*Силистра*. 1927, 112—113; *Цанкова-Петкова*. 1970, 224—231).

43 Этот бой в предместьях Доростола происходил, по Скилице (300), 23 апреля, когда праздновали день св. Георгия. Следовательно, от Преславы, которую Цимисхий покинул после пасхи, до Доростола он был в пути около недели. Видимо, нигде ни со стороны росов, ни со стороны болгар Цимисхий не встречал сопротивления, иначе он не смог бы пройти это расстояние столь быстро.

КНИГА ДЕВЯТАЯ

1 Слова «ἐρυμνῷ χάρακι — мощным валом» оставлены в немецком переводе без внимания (Лоретто. 130).

2 Копать ров для лагеря, согласно стратегике Никифора, требовалось только в том случае, если угрожала опасность нападения врагов, утомлять войско напрасной работой было не принято (см.: Кулаковский. 1903). В словоупотреблении Лев опять следует Агафию (Газе. 482).

3 Толщина стен Дористола достигала 4,7 м (*Лисицов*. 1974, 37).

4 Вся эта вводная фраза пропущена в немецком переводе (Лоретто. 131).

5 О «греческом огне» см. примеч. 25, кн. I. Лев Диакон единственный, кто называет его мидийским (*Арвейлер*. 1966, 119), видимо, стремясь к архаизации.

6 Участники похода Игоря на греков, предаваясь воспоминаниям, видимо, производили большое впечатление на молодежь рассказами о действии «греческого огня». Явно преувеличивая его мощь, спутники Игоря стремились оправдать свое бегство (*Щапов*. 1972, 205, и сл.). Из византийских источников только Житие Василия Нового приписывает «греческому огню» решающую роль в победе над русскими, за Житием следует «Повесть временных лет», византийские же хроники отмечают это обстоятельство лишь попутно.

7 Лев везде называет боевой одеждой русских ἁλυσίδωτος θώραξ «панцирь, сделанный из цепных звеньев». Он единственный из византийских авторов, кто дает довольно точные сведения о русском вооружении (*Шрайнер*. 1981, 226).

8 Скилица ничего не сообщает о Феодоре Лалаконе. По-видимому, Лев включил в рассказ сведения о каком-то из своих знакомых или родственников. Лалаконы — род, существовавший с IX по XI в. и давший в IX—X вв. ряд крупных полководцев (*Каждан*. 1974, 125, 140).

9 Скилица (302) пишет еще об удачной вылазке русских из Доростола для добычи продовольствия, которое они не успели запасти до осады. Он считает, что это случилось 28 июня, Зонара — что 23.

10 Монастырь Пиламис находился на азиатском берегу Босфора в проастии Пиламидион в окрестностях Халкедона (Скилица. 303; См.: *Жанен*. 1950, 459).

11 Церковь св. Фоки в Константинополе была расположена у восточной приморской стены. Точное местонахождение не выяснено (*Жанен*. 1953, 513—514). О калитке не сообщает ни один источник, кроме Льва (Там же. 277).

12 Сфоракий — район Константинополя (*Жанен*. 1950, 393) находился к северо-западу от храма св. Софии, правее улицы Месы, простираясь до площади Константина (*Шульце*. 1913, 177, и сл.).

13 *Σύστημα* — вообще ремесленная корпорация, здесь — одна из государственных мастерских, работники которых составляли особые объединения, изготовлявшие свою продукцию для дворца.

14 Впоследствии друнгарий Лев был назначен протовестиарием. Возглавлял армию Василия II против мятежника Склира; в 977 г. разбит и пленен им при Рагеа (*Гийян*. 1973, 65). Скилица добавляет (303), что захватом заговорщиков руководил ректор Василий.

15 Калоним — остров в группе Принцевых островов. Скилица (303) утверждает, что мятежники были сосланы на остров Прота.

16 Яхъя (133) пишет, что Фока был ослеплен по приказу императрицы Феодоры.

[17] Подробности, с какими Лев рассказал о заговоре Фок, заставляют предполагать, что будущий историк сам находился в то время в Константинополе и тем самым не мог быть очевидцем войны с русскими.

[18] Свидетельство о грабежах византийцев в Болгарии позволяет заключить, что занятые ими болгарские города рассматривались как завоеванные. Впрочем, действия Куркуаса, согласно закону, приравнивались к святотатству, за что он, по Льву Диакону, и понес кару.

[19] Анемас (по-арабски, видимо, Аль-Ну'Ман) — сын и соправитель эмира критян Абд-эль-Азиза, взятый в плен Никифором Фокой в 961 г. (Скилица. 249—250; Прод. Феоф. 477). Не исключено, что от него пошел род Анемадов, известный до XII в. Арабская знать, таким образом, довольно быстро врастала в византийскую.

В Скандинавии найдена критская монета чеканки 961 г. — одна из последних монет, выпущенных Абд-эль-Азисом. Это дало пищу романтической гипотезе, будто Анемас хранил ее как знак своего царского происхождения, а после его гибели она досталась какому-то варяжскому воину (*Майлз*. 1970, 82—83). Возражения см.: *Христидис*. 1984, 119.

[20] Оборот «τοῦ δὲ πεσόντος — когда он погиб» в немецком переводе выпущен (Лоретто, 136).

[21] Это сражение, по Льву Диакону, должно было произойти 23 июля, так как ниже он указывает, что следующий день приходился на пятницу 24 июля. Однако дата, приведенная Львом, ошибочна, ибо 24 июля 971 г. было воскресеньем. На пятницу же этот день приходился в 974 г. (ср. *Анастасиевич*. 1929, 1—20; 1931, 337, и сл.). Анастасиевич старался доказать, что война при Цимисхии продолжалась три года, т. е. до 974 г.; возражения см.: *Дельгер*. 1932, 375 сл.; *Грегуар*. 1937, 267, и сл.; *Карышковский*. 1952, 136, и сл.). Согласно Скилице (304), предпоследняя битва (с участием Икмора) происходила 20 июля, тогда последняя битва должна быть отнесена к 21 июля, поскольку именно 21 июля 971 г. была пятница. Переписчики рукописей часто путают буквенные обозначения цифр: замена α (1) на δ (4) в рукописи XIV в. вполне возможна, так что скорее всего день недели Лев Диакон назвал правильно, а число июля (24 вместо 21) — ошибочно. Таким образом, считаем наиболее вероятным отнести решающую битву к 21 июля 971 г. (*Сюзюмов*. 1974).

[22] Это место требует особого внимания. Дело в том, что в 971 г. в ночь с 20 на 21 июля было почти новолуние и видеть что-либо издали не представлялось возможным. Отнести же битву к 970 г., когда действительно было полнолуние в ночь с 20 на 21 июля, тоже нельзя. Наиболее вероятно, что Лев Диакон допустил в этом месте ошибку, сообщая то, что ему передали очевидцы о каком-нибудь другом сражении в 970 г. Скилица (305) говорит об этой ночи только, что русские после неудачного сражения громко оплакивали погибших, но не упоминает при этом ни о полнолунии, ни о ритуалах. Видимо, Лев интересовался языческими обрядами, расспрашивал о них очевидцев и для вящего драматизма объединил все имевшиеся у него сведения в рассказе о ночи перед решающей битвой. Сообщение о полной луне добавляло рассказу достоверности.

[23] Сожжение русскими своих покойников засвидетельствовано Ибн-Фадланом (143), Ал-Бекри, Истахари, Ибн-Хадисом, Масуди и другими арабскими авторами (Куник, Розен, 1878, 62; *Заходер*. 1967, 103—104).

[24] Обряд жертвоприношения пленных у славян отмечен и западными хронистами: Длугошем, Титмаром, Гельмольдом. Свидетельства о жертвоприношении на могиле умершего принадлежавших ему женщин носят массовый характер. В византийской литературе об этом применительно к славянам рассказывают Маврикий и Лев VI, в западной — Титмар и Бонифаций, в арабской — Ибн-Фадлан, Ал-Бекри и многие др.

[25] Именно такой способ ритуального убийства у славян засвидетельствован Ибн-Русте, Исхаканом Ибн-ал-Хусаином, Ибн-Фадланом и др. (*Заходер*. 1967, 113).

[26] Убийство славянами младенцев засвидетельствовано византийским автором VI в. Псевдо-Кесарием. О том же обряде у прибалтийских и западных славян сообщают Герборд (II, 18, 33), Эккерхард (a. 1125).

[27] Обычай славян топить петуха в качестве жертвоприношения широко засвидетельствован в источниках (см.: *Толстой, Толстая*. 1981). Ср. сообщение Константина Багрянородного (Адм. 60, 73—78). В мифологии петух связан со смертью (*Гаек*. 1934, 56; 94—105; 151). Это подтверждается как археологами (*Левицкий*. 1963, 58), так и этнографами — у многих славянских народов и по сей день существует обряд принесения в жертву петуха, как правило черного (*Дуйчев*. 1976, 33—34).

[28] Слово «эллин» означало для византийцев одно — язычник. Именно это подразумевает Лев, рассуждая об эллинской учености (IV, 9). Однако в данном контексте он употребляет слово дважды, и это не кажется тавтологией; во втором случае «эллинскими обрядами», несомненно, названы обряды языческие, но в первом случае Лев явно намекает на их древнегреческое происхождение. Тем самым слову «эллин» историк придает его исконное значение. Подобное новаторство Льва — объяснимое с точки зрения его архаизирующего стиля — не так уж и смело, если учесть сходные тенденции в языке Константина Багрянородного. См.: *Лехнер*. 1954, 43—52. В древнерусских обличительных сочинениях тоже содержатся выпады против поклоняющихся «Матери бесовьстеи Афродите богине... и Артемиде проклятеи», Дыю (Зевсу), Дионису и даже «триподе Дельфичьстеи», т. е. оракулу (*Аничков*. 1914, 109). Возведение русского язычества к греческому носит, несомненно, схоластический характер.

[29] Анахарсис — скиф-философ, сведения о котором относят к 590 г. до н. э. Легенды о нем приводит Геродот (IV, 76—77). Анахарсис — яркая и очень почитаемая в греческой литературе фигура. Он воспринимался как образец древней добродетели, уже утраченной греческим миром. Некоторая идеализация «варварского» первобытного общества, для которого были якобы характерны прямота и честность, долго оставалась основой представлений о морали «варваров». Непосредственность росов, чуждых коварства, признается, таким образом, отвечающей идеалам Анахарсиса: поскольку росов называли «тавроскифами», было естественным считать, что он их духовный наставник.

[30] Замолксис — скиф-гет, жил в рабстве у Пифагора, позднее распространил у скифов его учение; стал впоследствии почитаться богом, был врагом вина и роскоши, проповедником вегетарианства (Страбон. VII, 3, 5; Геродот. IV, 94—96).

Почитание двух этих мудрецов христиане переняли у киников, для системы представлений которых «варварское» происхождение Анахарсиса и Замолксиса имело важное значение (*Куклина*. 1971, 124).

[31] Флавий Арриан, плодовитый и разносторонний писатель, жил между 95 и 175 гг. н. э. «Плавание вокруг Понта Евксинского» написано им в 131—132 гг. Лев Диакон, несомненно, имеет в виду это произведение, но приводимых историком данных там нет; Арриан писал лишь о культе Ахилла на Белом острове. Вероятно, Лев почерпнул свою информацию у Псевдо-Арриана (V в. н. э.). Об этих сведениях имеются рассуждения в комментариях Евстафия Фессалоникийского (XII в.), который пишет и о мирмидонянах, и о тавроскифах, и о Замолксисе (Греческие географы. 270—271, 313).

Версия о том, что Ахилл был скифского происхождения, восходит к эллинскому времени. На северо-западном побережье Черного моря культ Ахилла установился в результате микенской колонизации. О нем имеются данные у Диона Хрисостома и Арриана. Наличие такого культа в Северном Причерноморье подтверждается и археологией (Латышев. 152). См.: *Хоммель*. 1981, 53—62. К тому же имя Ахилла связывалось с легендами об Ифигении, которая стала жрицей тавров. Таким образом, связь Ахилла с «тавроскифами» с мифологической точки зрения выглядела вполне обоснованно.

32 Мирмикий — поселение к северу от современной Керчи; Страбон писал: «Дальше от Мирмикия на азиатской стороне против него лежит деревня, называемая Ахиллием» (VII, 4, 5; ср. XI, 2, 6). В. Г. Васильевский (1909, 287) считал, что одного этого соседства уже достаточно для проведенного Львом сближения. Но последнему способствовало также и то, что название Мирмикий происходило от слова «μύρμηξ — муравей», а согласно греческому мифу, племя мирмидонцев, которым правил Ахилл, произошло от муравьев. В свою очередь, византийские авторы сближали это племя то с болгарами (Малала. 91), то с русскими (Атталиат. 87). В древнерусской литературе не было попыток возвести происхождение русских к Ахиллу, между тем как Иоанн экзарх Болгарский предлагал такую генеалогию для болгар (*Калайдович*. 1924, 180).

Можно предположить, что само название Мирмикий было на слуху у Льва Диакона благодаря апокрифическим «Деяниям апостола Андрея», в которых фигурирует этот город (*Липсиус*. 1883, 603—606), причем его название в некоторых версиях передается как «Мирмидон». Те же сказания могли способствовать и географической путанице с Ахиллом, поскольку в них апостол Андрей странствовал, согласно одним изводам, вдоль Понта, согласно другим — по Греции (Там же. 608—610).

33 Таким образом, Лев Диакон пытается примирить «неканонический» миф о происхождении Ахилла с классическим, выводящим его из Фессалии. Упоминание о «соратниках Ахилла» позволяет дополнить недосказанную часть мифа, сочиненного Львом: он дает понять, что после гибели Ахилла под Троей его соратники вернулись на родину и привезли туда греческие мистерии.

34 Если русские князья действительно носили длинный плащ (корзно), застегивавшийся на правом плече (Древняя одежда. 1986, 45), то у Гомера Ахилл нигде не появляется в плаще.

35 В действительности же все гомеровские герои сражаются пешими, а скифы, напротив, в античной литературе всегда — всадники. На этом примере особенно хорошо видно, как поменяло оттенок слово «скифы»: если античный литературный топос причислял их к народам Востока, которые якобы всегда сражаются верхом, то у Льва Диакона скифы — один из северных народов, а для них у греков существовали свои клише.

36 Еще Ксенофан высказал гипотезу о связи между географической средой и внешностью обитающих в той или иной среде народов; ему первому принадлежит образ голубоглазых и белокурых северных «варваров» (Диль. 14) Вслед за тем Гекатей Милетский высказал мысль о зависимости от среды даже национального характера; на этом тезисе построена вся античная этнография. С особой последовательностью он проводился у стоиков и в распространившейся в поздней античности «астрологической этнографии». У Льва Диакона здесь также нашел отражение античный стереотип «северных варваров».

37 Илиада. I, 177.

38 Разрешение споров путем поединка было распространено среди «варварских» народов, но у нас нет данных, чтобы говорить об особой склонности к этому славян. Характерно, что, когда Цимисхий предлагал Святославу закончить войну единоборством, тот с презрением отклонил его предложение (Скилица. 307—308).

39 В действительности цитата из пророчества Иезекииля звучит так: «Вот Я — на тебя, Гог, князь Роша, Мешеха и Фувала!» (Иез. XXXIX, 1. Ср.: Бытие. XLVI, 21). В Библии слово «Рош» является ошибкой греческого перевода (*Кениг*. 1916, 92—96; *Флоровский*. 1925, 505—525), однако византийцы неизменно понимали его как название народа и начиная с V в. прилагали к различным «варварским» племенам, реально угрожавшим империи. Когда в IX в. на исторической арене появились росы, эсхатологическое сознание византийцев немедленно связало их с библейским «Рош». Первым такое сближение произвел патриарх Фотий, но текст Иезекииля непосредственно применен к русским в первый раз в житии Василия Но-

14*

вого: «Варварский народ придет сюда на нас свирепо, называемый Рос и Ог и Мог» (Житие Василия Нового. 88—89). Здесь, так же как и у Льва Диакона, библейский текст искажен. Именно это схоластическое отождествление и побудило византийцев называть Русь «Рос», тогда как латинские источники сохраняют правильное наименование Russi. Так и родилось слово «Россия» (см.: *Брим.* 1923; *Сюзюмов.* 1940; *Васильев.* 1946; *Соловьев.* 1947; и др.).

Что же касается Гога и Магога, то они уже в Апокалипсисе названы народами (XX, 7—8). Начиная с Евсевия, их на протяжении всего средневековья отождествляли с враждебными племенами (*Ленорман.* 1882). Наиболее распространено было представление о том, что это скифы (*Карышковский.* 1961, 49), отчего схоластическое сближение с Русью получило еще одно подтверждение.

40 По Льву Диакону, это было 23 июля, но согласно Скилице (304) — 20.

41 По поводу обозначения совета Святослава словом «коментон» существует обширная литература. Все попытки найти корень этого слова в германских и славянских языках оказались тщетными. Не удалось объяснить его происхождение и с помощью тюркских языков (*Моравчик.* 1951, 225—231).

Термин восходит к латинскому conventus, однако после VIII в. он перестал употребляться в значении сходка: в начале X в. слово меняет значение (см. *Ставриду—Зафрака.* 1977/1978). Н. Икономидис (1987) считает, что параллельно с греческим термин в его исконном значении существовал в языке романизованного населения Подунавья. По мнению ученого, именно от местных лазутчиков ромеи узнали о совете у Святослава. Ср. Скилица, 460.

42 В «Повести временных лет» (51) тоже говорится о совещании у Святослава и также приведено мнение сторонников заключения мира: «аще не сотворим мира со царем, а увесть царь яко мало нас есть пришедшие оступятъ ны во граде. А русска земля далече».

43 Воинственные слова, влагаемые Диаконом в уста Святослава, очень близки к его речи в изложении «Повести временных лет» (50): «Уже нам нѣкамо ся дѣти, волею и неволею стати противу; да не посрамимъ землѣ Рускиѣ, но ляжемъ костьми, мертвые бо срама не имамъ. Аще ли побѣгнемъ, срамъ имамъ. Не имамъ убѣжати, но станемъ крѣпко, аз же предъ вами поиду: аще моя глава ляжетъ, то промыслите собою». Эту речь, безусловно, следует связывать не с переяславецкой, как в летописи, а с доростольской битвой (*Карышковский.* 1954, 175, и сл.).

Сходство речи Святослава у Льва Диакона и в «Повести» — важный аргумент теории А. А. Шахматова (121—130; 465—468) о болгарском источнике русской летописи.

44 Как это ни странно, у Льва Диакона нигде не сказано о крещении Руси. Видимо, вся его информация о русских относилась к предшествующему времени, а позднее он не возвращался к своему сочинению.

45 Представление о рабстве в потустороннем мире можно усмотреть и в формуле договора Игоря с греками: «И да будутъ раби въ весь и вѣкъ в будущий» (ПВЛ. 35). Однако смерть от собственного оружия упомянута в текстах договоров как страшная кара за вероломство (там же. 52), так что утверждение Льва о самоубийстве у росов сомнительно.

Сходные представления были распространены среди тюрок и венгров в средние века (*Моравчик.* 1955) — Лев мог перенести на русских те сведения, которые получил о верованиях других современных ему народов.

46 Как указано выше (примеч. 21), сообщение Льва Диакона явно повреждено переписчиками — нужно читать не 24, а 21 июля.

47 Лев Диакон использует архаические выражения Агафия; нарисованная им картина боя малоправдоподобна. Согласно Скилице (308), Цимисхий предпринял обходный маневр, послав магистра Варду Склира, патрикия Романа

и стратопедарха Петра в тыл русским с целью отрезать их от Дористола. Этот маневр удался. Именно зайдя с тыла, Анемас бросился на Святослава, но был изрублен.

[48] Скилица (308) утверждает, что это был день памяти великомученика. В действительности церковь праздновала день Феодора Стратилата 17 февраля. Что же касается 21 июля, то это был день мучеников Феодора и Георгия (Синаксарь. 1902, 834). Видимо, только после победы над Святославом этих мучеников превратили в святых воинов, которым впоследствии посвящались на этот день особые молебствия (*Грегуар, Оргельс*. 1954, 141—142). Грегуар отмечает, что Феодор Стратилат считался в Византии заступником именно против русских (1936, 605; 1938, 279—282).

[49] Все это придаточное предложение оставлено без внимания как русским (Попов. 95), так и немецким переводчиком (Лоретто. 141).

[50] В переводе Д. Попова ошибочно дана цифра 15 тыс. (96). Эта ошибка перекочевала в труды исследователей, изучавших «Историю» не в подлиннике (*Чертков*. 1843, 90; *Багалей*. 1878, 21 и т. д.).

[51] Качество русских мечей высоко ценилось. В восточной литературе упоминания о них не исчезают до XV в. Византийские же мечи, по мнению арабов, были недостаточно крепки (*Кирпичников*. 1966, 46—47).

[52] Лев Диакон приводит те условия мира, которые предложил Святослав. Эти сведения дают представление о подлинной обстановке при окончании войны. У Скилицы (309) таких подробностей нет, есть только указание на восстановление союзных отношений между Русью и Византией. Приведенное «Повестью временных лет» (52) соглашение Святослава с Цимисхием (датированное: месяц июль, индикт 14, год 6479, т. е. 971), наоборот, не включает условий прекращения военных действий, но является уже союзным договором. Главное в нем — обязательство Руси оказывать военную помощь Византии. (Анализ порядка заключения соглашения о мире и его формулировок см.: *Каштанов*. 1972, 213—215.) Нет никаких оснований рассматривать договор как полную капитуляцию Святослава (см.: *Карышковский*. 1955, 29). Он лишь продолжил прерванные в 970 г. переговоры, отказавшись только от требования дани.

[53] В том виде, как соглашение изложено в русской летописи, там не указано условие, касающееся торговли, но заключенный договор фактически восстанавливал те льготы, которыми обладали русские до войны.

[54] «Се же слышав, царь рад бысть» (ПВЛ. 51). Можно полагать, что Цимисхий и в самом деле хотел сделать русских союзниками, чтобы развязать себе руки для ведения войн в Азии. Уже в начале своего правления он мечтал о союзе с Русью (см.: VI, 8). Русские могли послужить Византии «противовесом» печенегам, отношения с которыми в тот период ухудшились.

[55] Такого запаса хватило бы примерно на 1,5 месяца; медимн — видимо, сыпучий модий — для этого времени мера содержания воина, включавшая около 26 литр зерна (т. е. до 8—10 кг). 2 медимна — примерно около 20 кг зерна. Впрочем, объем модия (медимна) в империи сильно колебался (см.: *Шильбах*. 1970, 96—100).

[56] В данном месте вряд ли нужно подвергать особому сомнению данные Льва. Принимая во внимание, что обсуждался вопрос о количестве продовольствия для возвращения русских на родину, цифру 22 тыс. можно принять за истинную. Что же касается потерь русских, то они, по всей вероятности, были значительными (см.: Скилица. 309).

[57] Словом «приближенные» мы передаем греческое «ἑταίροις», так как Святослав и верхушка его дружины сидели в лодке, хотя в тексте читаем «ἑτέροις — другим». Оба эти слова произносились византийцами одинаково, т. е. мы предлагаем конъектуру, которую предусматривал уже Газе.

[58] Греческое „θάτερον" ученые переводят по-разному: некоторые — как «с обеих» (*Рансимен*. 1930, 213; Газе. 157; Лоретто. 143; *Силистра*. 1927, 152; и др.), другие — как «с одной» (*Оленин*. 1814, 58; *Левченко*. 1956, 207; *Златарский*. 1972, 533; Попов, 97; *Гедеонов*. 1876, I, 361; *Террас*, 1965.

402 и т. д.). Иногда полагают, что прическа Святослава — далекий образец малороссийского чуба, однако более близкой представляется связь с обычаями степняков (о внешности князя см.: *Шевченко*. 1965).

Облик киевского властителя должен был производить ошеломляющее впечатление на византийцев, ибо противоречил их собственным нормам самым вопиющим образом: ромеи стригли волосы только по случаю траура или судебного осуждения. Ходить стриженым представлялось уделом шута или фокусника. Усы мужчины, видимо, брили, зато бороды отпускали. Наконец, серьги среди мужчин носили только дети и моряки (*Кукулис*. 1951, 356—360; 386).

59 Лев Диакон так описывает мирные переговоры, как будто сам был их очевидцем. Но вряд ли это так. Он, возможно, правильно — по рассказам очевидцев — рисует наружность Святослава, но повествование его не вызывает доверия из-за особого пристрастия подражать древним авторам. В данном случае, как показал Газе (489), описание наружности Святослава напоминает описание Приском Аттилы.

60 Такая обстановка переговоров обусловливалась соображениями безопасности и была обычным делом: согласно Феофилакту Симокатте, с лодки разговаривал с аварским хаганом византийский полководец Приск в конце VI в. (262—263); по Константину Багрянородному, так же вели переговоры с печенегами имперские послы (Адм.). Однако тот факт, что Святослав сидел перед императором, имел, может быть, особый смысл.

61 О так называемых фтирофагах рассказывают Геродот (IV, 109), Страбон (XI, 2, 14; 19), о них упоминают Плиний Старший, Помпоний Мела, Арриан, Птолемей и др. Слово «φθείρ» имеет два основных значения: «вошь» и «шишка». Что здесь хотели сказать античные авторы, не совсем ясно (не снимает вопроса и специально посвященная этому статья Беляева (1964), в которой, кстати, Лев Диакон не упомянут). Однако можно быть уверенным, что наш историк пишет именно о «вшеядности» печенегов: хотя само слово заимствовано из геродотовой традиции, на что указывает и употребленное далее «ἁμαξόβιοι — живущие в повозках», также встречающееся у Геродота (IV, 121). Возможно, что Лев Диакон привязал к стереотипу известные ему факты: арабский путешественник X в. Ибн-Фадлан, вряд ли испытавший на себе влияние Геродота, во время пребывания на Волге видел, как аборигены поедали вшей, и описал это во всех ужасающих подробностях (Ибн-Фадлан, 130).

62 Печенеги — союз тюркских племен, появившийся в Северном Причерноморье в конце IX в. Набеги печенегов на Русь продолжались до 1036 г. Об этом народе см.: *Васильевский*. 1872; *Моравчик*. 1958, I, 78—90; II, 247: *Плетнева*, 1958. Лев Диакон презрительно отзывается о печенегах (что было в обычае у византийцев, когда они писали о кочевниках), а в его рассказе о гибели Святослава чувствуется симпатия к русским.

Во время похода Святослава 970 г. печенеги были его союзниками. Их отношения ухудшились к моменту соглашения с Цимисхием. Скилица (310) отмечает, что печенеги были очень недовольны тем, что Святослав заключил союз с Византией. По Скилице, Святослав попросил императора об отправке посольства к печенегам, чтобы договориться с ними о пропуске росов через их пределы. Согласно «Повести Временных лет» (50), печенеги были враждебными Святославу («ратными») еще до заключения мира под Доростолом.

В качестве посла к печенегам был отправлен епископ Евхантский Феофил, оформивший договор 971 г. с русскими, но они будто бы отказались пропустить росов. Считается, что византийская дипломатия натравила печенегов на Святослава. Однако мы сомневаемся в этом. Цимисхий хотел сохранить добрые отношения со Святославом. Союз с Русью был выгоден для Византии. Интересно, что русская летопись вовсе не обвиняет византийцев в предательстве. По «Повести временных лет», русские отправились домой с богатейшей добычей и пленными («везет именье много от грек и полон бесчислен...»). Святослав, конечно, отпустил пленных византийцев,

но по условиям мира вовсе не требовалось возвращения всей добычи, которая досталась в войне с болгарами. По летописцу, не византийцы, а жители Переяславы (т. е. болгары) оповестили печенегов о том, что войско Святослава незначительно, а добыча колоссальна (ПВЛ. 52). Можно полагать, что именно наличие большой добычи было причиной того, что Святослав отказался возвращаться на конях, как ему советовали, а отправился на ладьях, морским и речным путем, и, избрав этот опасный путь, погиб весной 972 г. Печенежский хан Куря велел сделать из черепа убитого князя чашу.

63 Скилица (309) утверждает, что Феодорополем был назван город Евхаиия (см. примеч. 28, кн. III; *Делеайэ*. 1923, 129—134; *Шульце*. 1930, 121—123). Но недавно найденные в Болгарии византийские печати доказывают, что там был город, переименованный в Феодорополь, хотя это и не был Преслав (*Икономидис*. 1986, 330).

64 О том же пишет и Скилица (310). С прекращением византийско-русской войны вся северо-восточная Болгария стала византийской провинцией, и Цимисхий стал укреплять власть Византии как на границах, так и внутри захваченных земель. Раскопки показали наличие укреплений на крутом правом берегу Дуная в слоях конца X в. (*Диакону*. 1969, 43—49; *Божилов*. 1970, 75—96).

65 То же самое несколькими столетиями позднее сделал император Иоанн Комнин (Киннам. I, 5; Сафа. 195). Религиозная окрашенность триумфа должна была подчеркнуть провиденциальный характер побед Византии — едущая в триумфаторской колеснице богородица была зримым воплощением этой идеи (*Александер*. 1962, 346).

Культ девы Марии начал распространяться в Византии позже, чем на Западе: ее изображение на монетах зафиксированы лишь с начала X в., а изображение богородицы, увенчивающей императора, начинает появляться только при Никифоре Фоке (*Грирсон*. 1982, 37). Однако уже с начала VII в. Приснодева считалась защитницей Константинополя (*Кэмерон*. 1978.)

66 Регалии болгарского царя, как мы видим, ничем не отличались от византийских, и это понятно, если учесть притязания Симеона на константинопольский престол и глубину проникновения византийской культуры в Болгарию в X в.

67 После пышного триумфа, который с восторгом описан и Скилицей (310) и Зонарой (XVII, 4), Цимисхий ликвидировал независимость Болгарии, лишив Бориса эмблем царской власти и сделав его византийским вельможей. По Скилице, это случилось не во дворце, а «на глазах горожан», по Зонаре — на Плакотийской площади.

68 Болгария, однако, еще не исчезла как государство и сохраняла некоторый международный вес, но помыслы Цимисхия все больше связывались с Малой Азией. Он стремился к захвату новых территорий для малоазийской знати. Западная же Болгария не была покорена, это явствует из того, что 23 марта 973 г. послы болгар были на приеме у императора Оттона I в Кведлинбурге (Титмар Мерзебургский. II, 31, 68; Ламперт Герсфельдский. 973 г., 32; Анналы Альтаенские, 973 г., 787). Можно предположить, что эти послы представляли Западную Болгарию, где еще сохранялась местная власть, и что боровшиеся за независимость болгары вступили в контакт с венграми. Лев Диакон не интересовался судьбой Болгарии при Цимисхии.

КНИГА ДЕСЯТАЯ

1 Имеется в виду лето 972 г. (по Газе, 488 — 973 г.). Яхъя Антиохийский дает самую точную хронологию событий второй половины 972 г.: «И когда вернулся Цимисхий из Болгарии, он пошел войной на страны Ислама и перешел Евфрат около Малатии в зулхидже 361 г. (с 13 сентября по 11 октября 972 г.), пошел в Диар-Рабию с большим войском и вступил в Нисибин в субботу 1 мухарама 362 г. (12 октября 972 г.)» (Розен. 184). Сообщаемое Яхъей может настораживать тем, что он пишет о немедлен-

ном отправлении Цимисхия после победы над Святославом против арабов. Если война в Болгарии окончилась в июле, а поход в Сирию состоялся в сентябре, то можно подумать, что Яхъя и поход против Святослава относит к 972 г., но ведь он точно датирует этот поход 971 годом; Яхъя пишет, что в 360 г. хиджры (4 ноября 970—23 октября 971 г.) египетские войска пять месяцев стояли под Антиохией — и в то время «Цимисхий находился в Болгарии» (Яхъя, 182). И все же некоторая неясность сохраняется: по мнению Анастасиевича, Яхъя ошибочно отнес к 972 г. поход Цимисхия 974 г.; что же касается 972 г., в этот год поход в Месопотамию возглавлял доместик Востока (*Анастасиевич.* 1929/1930; 1930). С Анастасиевичем согласились многие ученые (*Хонигман.* 1935, 97—98; *Брейе.* 1947, I, 205). Однако эта версия напрочь опровергается письмами арабских владетелей, опубликованными М. Канаром (1950, 99—108). Из них с непреложностью следует, что Цимисхий лично участвовал в военных действиях осенью 972 г.

2 Лев снова проявляет свое увлечение схоластикой (см. примеч. 7, кн. VIII). По Библии (Бытие. II, 10—14), из Эдема вытекала река, разделявшаяся на четыре рукава, один из которых — Евфрат.

3 Немецкий переводчик понимает это место иначе: «Снарядился для похода» (Лоретто. 146).

4 Видимо, рассказ о Никите — еще один эпизод из жизни знакомых Льва. Не исключено, что именно через эту семью Лев имел протекцию при дворе — недаром он с такой почтительностью пишет об отце Никиты.

5 Эмет, Амида (совр. Диаберкир) — город в верхнем течении реки Тигр.

6 Миефарким (Мартирополь) — армянский город в Месопотамии, ныне Хильван (Турция) у Евфрата (*Хонигман.* 1935, 154). Характерно, что Лев, расхвалив город, не знает старого его названия.

7 Нисибис, Низибия, город южнее Мартирополя, в течение ряда веков был яблоком раздора между Персидской державой, Арменией и Римом, между Византией и арабами. Согласно Яхъе, Нисибис был взят 12 октября 972 г.

8 Это сказание приведено у Феодорита Киррского (II, 26). Имеются в виду события 337—338 гг. (Ср. *Петерс.* 1920, 317—318).

9 Экбатаны — древнее название города Хамадан (Персия). Известия о богатствах Экбатан могли быть заимствованы из древней литературы о походах Александра Македонского. Однако в данном месте Лев Дьякон допустил ошибку: желая показать свои познания в старинной литературе, он, по-видимому, принял название Экбатаны за старинное название современного ему Багдада, который, действительно, слыл тогда самым богатым городом в мире.

10 Слова историка «где установлена власть агарян» Лоретто (147) понимает как «где находится дворец князя агарян».

11 Кармания — область у Персидского залива, простирающаяся в сторону Каспийских ворот (Страбон. XI, II, 9, 14). В действительности имеется в виду пустыня Джебель-Хамрин на пути к Багдаду (*Хонигман.* 1935, 99, примеч. 1).

12 Серскими назывались ценные шелковые ткани, вывозившиеся из Индии (Книга эпарха. 149).

13 Низложение патриарха произошло весной 974 г. Насколько была острой внутрицерковная борьба во второй половине X в., можно судить по сохранившимся трактатам (Даррузес. 1966), в которых говорится о попытках митрополитов захватить власть в церкви и лишить патриарха всякого влияния. С одной стороны, сторонник патриарха Никита Амасийский жалуется, что два-три митрополита захватили всю власть, а патриарха, словно раба, тащат куда хотят. С другой — некий аноним протестует против права Константинопольского патриарха вмешиваться в выборы епископов и митрополитов. Лев Дьякон, как кажется, сочувственно относится к смещенному патриарху. Очевидно, Василий Скамандрин был неугоден епископам, и против него началась кампания клеветы.

14 Скамандр — река в Малой Азии во Фракисийской феме. О каком монастыре идет речь, неизвестно.

[15] Антоний III Студит был патриархом с 974 по 979 г. (*Грюмель.* 1958, 436).
[16] Студийский монастырь основан в 463 г. Играл большую роль в византийской истории VIII—IX вв. Позже руссние монахи имели связи со Студийским монастырем. Находился недалеко от Золотых ворот (*Жанен.* 1953, 444—445), у совр. мечети Мирахорсами (*Жанен.* 1950, 46; 282; 395—396).
[17] Синкел — советник при епископе или патриархе. Это почетное звание появилось в X в. В X—XI вв. синкел был первым после патриарха духовным лицом и являлся как бы его наследником. В табели о рангах «Книги церемоний» (530—532) синкел стоял выше митрополита. Впоследствии синкелы появились и у епископов, с середины XI в. титул синкела теряет (особенно при Комнинах) свое значение.
[18] Этот мотив популярен и в библейских (Иов. VIII, 9; Псалмы. CXLIII, 4 и др.), и в античных текстах (Пиндар. Пифийские. VIII, 95; Софокл. Аякс, 125 и т. д.), так что источник его появления у Льва Диакона установить трудно.
[19] Не совсем точное извлечение из послания апостола Павла к Эфесянам (III, 13).
[20] Странно, что Лев, с таким восторгом отзываясь об Антонии, ни словом не обмолвился о преемнике Антония — Николае II Хрисоверге. Очевидно, патриархи, правившие после Антония, его не интересовали. Можно думать, что именно в 979 г., после патриаршества Антония, Лев перешел на должность придворного диакона. В отношении преемника Антония в источниках очень много неясного. Опираясь на данные Скилицы (328), можно допустить, что четыре года после смерти Антония патриарший престол был свободен; согласно же обычно точному Яхъе (Розен. 14), Николай Хрисоверг вступил на престол именно в 979 г., а четырехлетний период вакансии престола приходится на 991—995 гг. В настоящее время принято считать, что интронизация Николая состоялась в 979 г., а период вакансии относят к 992—996 г. (*Грюмель.* 1958, 436; *Бекк*, 1959, 803).
[21] Эта мемуарная вставка показывает, что Лев Диакон был в 70-х годах в Малой Азии, может быть, выполняя поручения патриарха Василия, на стремление которого все разузнавать он сетует (см. выше: X, 2).
[22] Новая экспедиция на Восток началась в апреле 975 г. (*Уолкер.* 1977, 314). Несмотря на блестящие успехи Цимисхия, его поход мало конкретизирован не только у Льва Диакона, но и у Скилицы. Более подробные сведения дают сирийские и армянские источники (см.: Там же. 301—305). Матвей Эдесский (XIII в.) приводит письмо Цимисхия армянскому царю Ашоту III Багратиду, который был верным союзником Цимисхия (Кучук-Иоаннесов. 1903, 91, и сл.). Некоторые детали письма сходятся с фактами, передаваемыми византийскими хронистами. Цимисхий преувеличивает успехи византийских войск, сообщает, что вся Сирия и Палестина освобождены от арабов; однако о взятии Иерусалима при этом не говорится.
[23] См. примеч. 63, IV. Видимо, Лев никогда сам не бывал в Палестине.
[24] См. примеч. 69, IV. Выше (IV, 10) Лев ошибочно сообщал, что город взят Никифором. В действительности он был захвачен византийцами в 974 г. (*Уолкер.* 1977, 315, примеч. 43).
[25] Согласно письму Цимисхия к Ашоту, эти реликвии были захвачены в городе Габаоне (Габала-Зебель). Однако, если верить Яхъе (89), этот город был уже занят Никифором.
[26] Имеется в виду храм Богородицы во Влахернах.
[27] Апамея (совр. Калат-Алмудик) — мощная крепость в Сирии, вряд ли была взята Цимисхием, ибо в том же году она находилась в руках арабов (*Хонигман.* 1935, 101).
[28] Арабский писатель Ибн-ал-Каланиси рассказывает о взятии Дамаска: правитель города Аль-Птекин во главе трехсот человек вышел навстречу Цимисхию, «упал на землю перед императором... и поцеловал землю, что тому очень понравилось». Цимисхий «обратился к дамаскцам с ласковыми словами и обошелся с ними милостиво» (так же он вел себя и при встрече с Борисом Болгарским!). Затем он наложил на Дамаск подать в 100 тыс. дир-

хемов и осмотрел город. Увидев, сколь искусен Аль-Птекин в верховой езде, Цимисхий восхитился: «император был всадником и любил всадников» (*Канар*. 1973, 294—295) — вспомним, что Лев Диакон в своей характеристике Цимисхия (VI, 3) также упоминает о его искусном наездничестве. Дамаск был занят 29 мая 975 г.

[29] Ворзо (Барвуя) — сильная крепость, сдавшаяся, согласно Яхъе (161), Цимисхию без боя. Совр. Калат-Берзе.

[30] Валанея — совр. Банийас.

[31] Согласно письму Цимисхия, он из Дамаска отправился в Палестину, занял множество городов и чуть не освободил Иерусалим (Кучук-Иоаннесов. 1903, 96—101), однако другие источники этого не подтверждают: они едины в том, что из Дамаска Цимисхий двинулся к Бейруту, а от него — на север (*Уолкер*. 1977, 319—322). В любом случае маршрут, приводимый Львом, выдает незнакомство с географией этого района.

[32] Образ Спасителя, пронзенного копьем, согласно письму Цимисхия к Ашоту, захватили не в Бейруте, а в Габаоне; в письме приведена та же легенда, что и у Льва Диакона. Перед нами антииконоборческий памфлет, появившийся в VIII в. Имеется множество версий этой легенды (Афанасий. 795—824), отличающихся от рассказа Льва Диакона некоторыми деталями.

[33] В анонимном рассказе о перенесении в Константинополь черепицы с изображением лика Христа (ср. примеч. 4, кн. II) сказано и об этой реликвии: кровь с водой, лившиеся якобы из иконы Спасителя, были обретены Никифором Фокой в Мемпеце в 966 г. одновременно с черепицей (Алькен. 1963, 254). Однако сама икона в этом документе не упомянута.

[34] Триполис — совр. Триполи. Осада была снята с города до середины июня 975 г. (*Уолкер*. 1977, 322). У Скилицы (311—312) и Зонары (XVII, 4, 103) о походах Цимисхия 974—975 гг. почти ничего не говорится. Очевидно, поздние хронисты не считали нужным подробно сообщать о них, поскольку эти завоевания Цимисхия были эфемерными.

Походы Иоанна против арабов имели, помимо политического, и социальный смысл. Он хорошо понимал потребности укрепляющейся феодальной знати, которая тяготела на данном этапе, в 70-х годах X в., к организации в военно-землевладельческое сословие; стратиоты-всадники в это время превращались в мелких феодалов. Цимисхий писал Ашоту: «Все арабы, жившие там в огромном количестве, попались нам в плен и были розданы нашим всадникам...» (Кучук-Иоаннесов. 1903, 100). Всадники-катафракты, безусловно, превращали пленных в зависимых земледельцев. Происходили значительные изменения в среде стратиотов, из которых стала выделяться феодальная знать, группировавшаяся вокруг виднейших военных фамилий и совершенно не связанная с крестьянской общиной. Крупные военные кланы в условиях фемного строя все более делались не агентами императорского правительства в фемах, а сеньорами своих вассалов — фемный строй стал изживать себя, не отвечая интересам феодализирующегося военного сословия. Фемное войско делалось ненадежным в глазах центрального правительства; на сцену выходили наемники и отряды из людей, зависимых от феодальной знати. Начиналась эра апостасий, мятежей, завершившаяся в 1081 г. переходом полной власти в руки феодализирующихся магнатов во главе с Комнинами.

[35] Появление кометы, упоминаемой Львом Диаконом и Скилицей (311), можно отнести к 3 августа 975 г. (*Грюмель*. 1958, 472).

[36] Магистр Симеон — очевидно, Симеон Метафраст — знаменитый составитель сборника житий (*Васильевский*. 1879, 379, 436; *Моравчик*. 1958, I, 321—323). Стефан — проедр, т. е. митрополит Никомидии, возведен в сан в 976 г. Был противником Симеона Нового Богослова по литургическим вопросам. Известен как автор многих богословских трудов и, по всей вероятности, автор сборника житий «Менологий Василия II» (*Бекк*. 1959, 501—502).

[37] О смерти Иоанна Цимисхия сказано в конце книги. Начиная с седьмой главы, Лев Диакон забегает вперед, чтобы показать, как отразилось появление кометы на судьбах Византии.

[38] Варда Склир принадлежал к той знати, которая была недовольна антиземлевладельческой политикой Василия II. Дорогостоящие войны Никифора Фоки и Цимисхия требовали от населения, задавленного налогами и повинностями, чрезвычайного напряжения. Поэтому легко было привлечь к мятежу народную массу. Источники о мятеже Варды Склира многочисленны. Кроме Скилицы (314—323) и Зонары (XVII, V и VII), относительно подробно описывает восстание Михаил Пселл (I, 4—7). Из восточных источников о восстании Склира особенно ценна по точности хронологии «История» Яхъи Антиохийского (Розен. 2—4, 12—14). Поскольку в гражданские войны в Византии вовлекались и кавказские народы, очень важны армянские источники: Аристакес Ластивертци (XI в.) (56—65) и Асохик (XI в.) (135, и сл.).

[39] Скилица (315) сообщает, что, вступив на престол, Василий II очень боялся интриг честолюбивого Склира, поэтому лишил его власти доместика схол Востока, сослал в Месопотамию на должность стратига этой фемы, а его сообщника Михаила Вурцу — в Антиохию. Но именно это и ускорило начало мятежа. Положение дел в среде византийской провинциальной знати, правда, в несколько более поздний период, но в такой же ситуации мятежа описывает Аристакес Ластивертци: «Собралось множество ромейской знати, которых император по разным причинам лишил сана, и они рычали, подобно львам, попавшим в клетку!» (63). Согласно Яхъе (Розен. 1), как только Склир приехал в отведенную ему местность Халиб, он напал на город Мелитину, захватил там василика (царского налогового чиновника) с деньгами и объявил себя императором. К нему немедленно присоединилось «много народу из греков, армян и мусульман». Возможно (см.: Скилица, 321), именно знать армянских мелких фем и проявила инициативу в мятеже Склира. Восстание быстро распространилось на всю Малую Азию. Василий II послал против Склира Михаила Вурцу, но тот тоже перешел на сторону восставших (Розен. 2).

[40] Стратопедарх магистр Петр, согласно Яхъе (Розен. 2, 90—91), участвовал во взятии Антиохии византийскими войсками при Никифоре (ср. примеч. 36, V). Петр был стольником императора, потом Василий II назначил его стратопедархом. По данным Скилицы (315), Петр — начальник войска восточных фем, т. е. доместик Востока. Лев ошибочно относит его гибель к битве у Ликанда — в действительности он пал при Рагее в 977 г. (Розен. 2; Скилица. 322).

[41] Скилица (319) называет эту местность Ликанд (совр. Кеюй-Иере) в Каппадокии. Битва произошла осенью 976 г.

[42] Император Василий решил простить Варду Фоку за его мятеж в 970 г. и послать для подавления восстания Склира. В марте 978 г. он назначил его доместиком схол Востока. У семейства Фок имелись большие владения в Халдии, где было много грузинского населения; опираясь на свои связи с грузинским правителем Тао, куропалатом Давидом, Фоки могли выступить против Склира и его армянских сторонников. Они пообещали Давиду уступить ряд пограничных местностей, если он поможет подавить мятеж Склира. Давид действительно оказал помощь, отправив против Склира «князя князей» Гогика и Торника, «и стали они опустошать греческую страну, подвластную тирану Склиру» (Асохик. 135) (см.: *Месхия*. 1979, 100).

[43] Аморий — город во Фригии, центр фемы Анатолики. Панкалия — долина неподалеку от Амория, у реки Галис (Скилица. 326). Совр. Хамза-Хаджи (*Рэмси*. 1891, 231).

[44] Согласно Льву и Яхъе, сражение при Панкалии окончилось поражением Варды Фоки, тогда как у Скилицы (326) — неточность: он связывает с этой битвой решающую победу над Склиром войск Василия II под начальством Фоки.

45 Никея (совр. Изник) — старинный город, место проведения первого вселенского собора 325 г.; митрополия (*Бекк*. 1959, 165). По Константину Багрянородному (Фем. 25), это митрополия и центр четвертой фемы — Опсикий.

46 Атталия (совр. Анталья) — старинный город в провинции Памфилия, центр морской фемы Кивирреоты (*Арвейлер*. 1966, 108).

47 В немецком переводе опущены слова «τῆς 'Ασίας — азиатский» (Лоретто. 154).

48 Скилица (291) не упоминает Варду, говоря только о Феодоре и Никифоре. Может быть, Варда — второе имя Феодора. (О Паркутинах см. примеч. 2, кн. VII.) Яхъя (Розен, 3) рассказывает, что первое поражение Склира произошло в Антиохии, где местное население, разочаровавшись в нем, провозгласило вновь царем Василия. Сторонники Склира из армии, пытавшиеся восстановить его власть, были разбиты местными жителями.

49 Решающую помощь в наборе войск из фемы с грузинским населением оказал Фоке Давид, куропалат Тао (Скилица. 326; Ластивертци. 64; см.: *Адонц*. 1938, 143—156; *Авалихвили*. 1933, 177—202).

50 Лев Диакон не называет места окончательного поражения Склира. Скилица (326) называет, но путает первую битву с последней. Склир, согласно Яхъе, потерпел поражение 21 шабана 368 г. хиджры (24 марта 979 г.). Он бежал в Диарбекир и просил помощи у эмира Адуд-ал-Даулы (Розен. 12), который затребовал Склира в Багдад (Экбатаны по Льву).

51 Лев не дал описания императора. Высокого роста, энергичный, Василий II производил сильное впечатление — он не был похож на отца, деда или прадеда ни обликом, ни, главное, настойчивостью в делах. Р. Дженкинз (1966, 500, и сл.) предположил даже, что императрица Феофано родила его от какого-то варяжского наемника. Есть также версия, что некоторые черты характера Василий унаследовал от прабабушки Евдокии Ингерины — скандинавки. О характере Василия см.: *Антониади*. 1953—1955.

52 Речь идет о восстании болгар против византийского господства. Из-за противоречивых сведений источников до сих пор не решен вопрос, когда вспыхнуло восстание в Западной Болгарии, и была ли она вообще под властью Византии. Во всяком случае, после смерти Цимисхия ромеи были изгнаны из всей Болгарии.

53 Обвиняя императора, находящегося у власти, в неблагоразумии, Лев не мог рассчитывать на то, что его труд увидит свет. Возможно, положение Василия казалось ему плачевным, и он решил писать «Историю» в надежде опубликовать ее уже при другом императоре. Если бы Василий узнал, как его характеризует придворный дьякон, даже духовный сан не спас бы Льва от расправы: Василий побил иерусалимского патриарха Сергия, приказал бросить в море с камнем на шее архиепископа Иллариона, у епископа Захария велел вырвать язык (*Антониади*. 1953—1955, 250; 257).

54 Сардика, римская колония Ульпия Сердика, Триадица — совр. София. В начале IX в. покорена болгарами. Являлась крупным военно-политическим и экономическим центром Болгарии. Лев называет город Тралица.

55 Имеются в виду события, описанные в Илиаде (IV, 75—76; 116—140).

56 Дом Василия, так называемый Дом Варвара, находился в квартале Аркадианы (*Броккаар*. 1972, 233). Из арабских источников можно заключить, что разногласия между всесильным евнухом и молодым императором начались уже в 982 г. (Там же. 230—232). Проедр Василий попал в опалу в 985 г. (Розен. 20; 170—175). Он был сослан в Стенон, где умер в 989 г. Все хрисовулы, изданные при нем, были аннулированы (*Гийян*. 1967, 183).

57 Лев находился при войске в качестве императорского дьякона в 986 г., а не в 981, как утверждает Газе (XVIII) (см.: *Фишер*. 1886, 354). Льву Диакону тогда было около 35 лет. Некоторое время в историографии обсуждался вопрос, был ли он вообще придворным дьяконом? Газе (XVIII) первым усомнился в этом. Фишер (1886, 376), однако, показал, что положение Газе лишено аргументации. Опубликование энкомия Льва Диакона Василию II не оставляет сомнений, что именно этот император приблизил его ко двору в качестве дьякона (Энкомий. 19).

58 Лев Диакон по памяти цитирует Библию (Псалтырь. XXII, 2), допуская поэтому неточности.

59 Поражение византийцев точно датировано у *Яхъи* — 17 августа 986 г. (Розен. 21).

60 В датировке начала мятежа источники расходятся; согласно Скилице (332), это случилось 15 августа 15 индикта, по Яхъе (Розен. 23), который дает полную дату, — в среду, 14 сентября 987 г., в праздник Воздвижения креста. Дата приведена и по селевкидскому календарю, и по хиджре.

За год до этого Склира выпустили из багдадской тюрьмы, где он сидел с 979 г., и Яхъя сообщает, что давние противники — Варда Фока и Варда Склир — заключили после этого соглашение, по которому первому доставались — европейские фемы с Константинополем; второму — азиатские. Но Варда Фока, желая устранить соперника, вскоре заключил его в крепость, а сам провозгласил себя императором. Он опирался на фемное войско и флот и имел мощную отборную гвардию из грузин. Этот мятеж оказался настолько грозным для Василия, что он решил просить помощи у киевского князя Владимира, обещав скрепить союз браком Владимира с сестрой императора Анной и ставя условием крещение Владимира (Розен. 23; 200, 203; Скилица. 336; Пселл. 1926, 11; см. интересный текст Абу-Шоджи (391—395) об участии русских в этой войне.)

61 Мелиссины — один из древнейших византийских родов, известный с VIII до рубежа XII—XIII вв. (*Каждан*. 1974, 125, 146). Лев Мелиссин находился под подозрением у Василия II уже в 986 г. (Скилица. 331).

62 Хрисополь (совр. Скутари) — город на азиатском берегу против Константинополя (*Жанен*. 1950, 450—451).

63 Никифор Фока, вест и патрикий, сын куропалата Льва Фоки, уже принимал участие в мятеже при Цимисхии (VII, 1—2). Поскольку он был ослеплен, то командование его являлось, видимо, лишь номинальным. Патрикий Дельфин, реальный командующий — первый известный нам представитель этой фамилии. Возможно, именно он был в 982 г. катепаном византийской Италии (*Гийу*. 1970; Кекавмен. 528). Нет никаких данных, чтобы отождествить этого человека с Калокиром, участником эпопеи Святослава.

64 О битве при Хрисополе Скилица (336) сообщает, что император «снарядил ночью корабли и посадил на них русских (ведь он тогда призвал их на помощь как союзников, архонта их Владимира сделал свойственником, женив его на своей сестре Анне); переправившись с ними на другой берег, он неожиданно напал на врагов и легко победил их». Помощь со стороны Владимира была оказана в духе договора 971 г., но тем не менее Василий вынужден был скрепить союз предложением династического брака.

65 Битва при Авидосе происходила, согласно Яхъе (Розен. 25), в субботу, 3 мухарама 379 г., т. е. 13 апреля 989 г.; подробно о ней см. у Скилицы (336—337) и у Пселла. У Варды Фоки особенно отличились в битве грузинские воины, у императора — русская дружина. По Скилице (338), взятый в плен Лев Мелиссин был пощажен императором.

66 Нельзя не отметить крайне невнимательное отношение Льва Диакона к личности Василия II. Михаил Пселл в своей «Хронографии» так рисует картину гибели Варды Фоки: во время битвы он, размахивая мечом, помчался на Василия впереди своего войска, а тот также выехал вперед, держа образ богоматери. Неожиданно Фока рухнул с коня и умер. Пселл считает, что причиной этого явилась икона богоматери. Этот эпизод у Льва опущен, хотя он как придворный дьякон, конечно, знал эту версию. Скорее всего, Фока был отравлен своим слугой, которого подкупил Василий, как об этом пишет Скилица (337).

67 По неизвестной причине Лев не упоминает о втором восстании Склира, о котором кратко сообщает Скилица, и о продолжении восстания Льва, сына Варды Фоки (Розен. 26). Варда Склир находился в заключении в крепости под присмотром жены Варды Фоки, но был ею отпущен: он снова немедленно провозгласил себя императором и начал военные дей-

ствия. Этот мятеж был очень опасен для Василия II, так как его отношения с Русью испортились, и недавний союз с Владимиром сменился войной, в ходе которой Владимир сумел захватить Херсон. В такой обстановке Василий решил договориться с Вардой Склиром, которому было дано прощение и пожалованы земли и титул куропалата. Варда Склир (Розен. 25) сдался 1 реджеба 379 г. хиджры, т. е. 11 октября 989 г. Последний очаг мятежа был погашен через месяц после этого Михаилом Бурцей. Склир умер в марте 991 г.

68 Из текста не вполне ясно, возвращается ли Лев к комете 975 г. или переходит к рассказу о другой комете, подробное описание которой дано несколькими строчками ниже и появление которой отнесено Асохиком к середине августа 989 г. (Асохик. 179), а Яхъей — к 27 июля (Розен. 29). Комета была видна 20 дней.

69 «Огненные столбы» — вероятно, аллюзия на Апокалипсис (X, 1). Описанный феномен напоминает северное сияние. Розен (28; 214—215) и другие исследователи отождествляли его с тем «огненным столбом», который был виден в апреле 989 г. в Каире. Однако О. М. Рапов справедливо указал, что у Яхъи описаны скорее результаты вулканического извержения (*Рапов.* 1984, 37), следовательно, мы не можем точно датировать «столбы» Льва Диакона.

70 Византийские источники, как ни странно, не упоминают о крещении Руси. Коль скоро оно последовало за взятием Херсона князем Владимиром, крайне важно узнать, когда пал этот город. Русская летопись дает 988 г. (ПВЛ. 59—83). Яхъя указывает (Розен. 23), что к тому моменту, как Василий II обратился к русским за помощью против мятежников, Владимир был врагом Византии. Поскольку уже весной 989 г. в империю прибыла союзная русская дружина, то переговоры о крещении князя и его браке с принцессой Анной следует отнести к 988 г. В таком случае Херсон вполне мог быть взят до этого времени, но в том же 988 г. Но такой датировке на первый взгляд противоречит рассказ Льва Диакона: даже если отказаться от старой привязки «огненных столбов» к апрелю 989 г. (см. выше), все равно наш историк явно сближает это явление с кометой, точно датируемой летом 989 г. Значит, русские взяли Херсон в 989 г.? А ведь в 988 г. они были союзниками Василия II. Высказывалось предположение, что ромеи не выполнили условий договора, и Владимир захватил Херсон, чтобы принудить их к этому. Напротив, А. Поппе (1978) считает, что город отложился от империи и князь действовал против него как союзник Василия. Н. М. Богданова, однако, справедливо замечает, что употребленный Львом оборот «συμβᾶσαν... ἅλωσιν παρεδήλουν» не означает предзнаменования: появление столбов «указывало на уже свершившийся захват» и, стало быть, сообщение Льва не противоречит другим источникам (*Богданова.* 1986, 44—46).

71 Веррия, совр. Верия, мощная крепость; суффрагант-епископия (*Бекк.* 1959, 137). Ее взятие датировалось второй половиной 989 г. (*Злотарский.* 1918, 681), но по указанным выше соображениям должно быть отнесено к более раннему времени. Византийцы вновь овладели ею лишь в 1001 г. (Скилица. 344).

72 День св. Димитрия — наиболее популярного военного святого в Византии и в Болгарии — отмечается церковью 26 октября (Синаксарь. 163—165). Скилица (331) относит землетрясение к октябрю 15 индикта 6495 г., т. е. к 986 г. Нужно думать, Лев Диакон, современник события, особенно приверженный тому, чтобы устанавливать тесную связь между бедствиями и астрономическими явлениями, заслуживает большего доверия. К тому же Яхъя (Розен. 26) относит землетрясение к четырнадцатому году правления Василия (это 989 г.) и к 379 г. хиджры (также 989 г.). Это землетрясение упоминается и у поэта Иоанна Геометра, и у армянского историка Асохика, и у латинских хронистов. О характере разрушений в куполе св. Софии см.: *Эмерсон. Найс.* 1943.

[73] Данное место особенно важно для определения даты написания труда Льва Диакона. Шестой год после землетрясения — 995-й. Однако Яхъя (Розен. 26—27), хронология которого заслуживает доверия, относит это событие к восемнадцатому году правления Василия, т. е. к 993 г. (ср. *Пападопуло-Керамевс.* 1908, 115). Конечно, Лев Диакон, и как константинополец, и как лицо, близкое к великой церкви, должен был знать эту дату лучше. Поэтому ряд историков считали 995 г. годом завершения работы над «Историей» (Розен. 225—226; *Васильевский.* 1875, 118). Но обнаруживается новое недоразумение: русских Лев изображает язычниками, тогда как к 995 г. Русь уже была христианской. Да и общий настрой десятой книги «Истории» напоминает скорее о 989 г., а не о 90-х годах. Как же решить дело с обновлением собора св. Софии через шесть лет? Можно предположить, что данная фраза является вставкой переписчика (читателя) либо самого Льва Диакона, просматривавшего свою рукопись впоследствии. Это небольшое вставное предложение как бы прерывает рассуждение о бедствиях; дальнейший рассказ представляется естественным продолжением предыдущей фразы, причем слово «καί — и» после слов о восстановлении купола является совершенно неуместным (*Сюзюмов.* 1916, 139).

[74] Лев Диакон имеет в виду район Евтропия (ἐν τοῖς Εὐτροπίου), который находился между Халкидоном (в состав которого он, вероятно, входил) и Иерией, на азиатском берегу, между совр. Фенербахчи и Кадыккеем (*Жанен.* 1950, 452—454). Но в районе существовал и особый монастырь Евтропия, где подвизался упомянутый Львом «монашек».

[75] Монах стилит-столпник проявлял свое религиозное рвение тем, что непрерывно стоял на высоком столбе. Знаменитый Лука Столпник простоял на столбе, как описывает его житие, 45 лет, и тоже на берегу моря, в монастыре Евтропия. Полагать, что данный монах и есть Лука Столпник, невозможно, так как Лука умер 11 декабря 979 г., и в его житии ничего не сказано о подобной его кончине (Синаксарь, 301—304).

[76] Эти слова можно понять по-разному. Возможно, речь идет о том, что история (как наука) вообще когда-нибудь расскажет об этих бедствиях (Газе. XVIII). Но в то же время слова «κατὰ μέρος» (по порядку) дают основания думать, что в дальнейшем автор сам хочет изложить все эти явления (*Фишер.* 1886, 355—357; *Крумбахер.* 1897, 267). Слова «в свое время» следовало бы понимать в таком случае как намек на невозможность описать подобные горестные события в данный момент, т. е. в царствование Василия II.

[77] Лонгнада — правильнее Лонгиннада — населенный пункт в Киликии недалеко от города Аназарба (см.: *Рэмси.* 1890, 348), вблизи среднего течения реки Пирам.

[78] Дриза — недалеко от Тианы (центра провинции Каппадокии II) на реке Феба (*Рэмси.* 1890, 347). Скилица (311) называет еще Поданд на реке того же названия.

[79] Согласно Скилице (311—312), Цимисхий, проходя мимо владений Василия, поразился нищете населения. Вельможа-евнух почувствовал, что близок к опале; чтобы предупредить беду, он решил устранить Цимисхия физически (см.: *Шлюмберже.* 1896, 308). Осуждение Василия содержится уже в общем источнике Льва Диакона и Скилицы; из этого следует, что он мог быть написан лишь после его опалы в 985 г. (*Сюзюмов.* 1916, 126).

[80] Атроада лежала у озера Аскания к Вифинии (*Рэмси.* 1890, 189), Атроадский монастырь был расположен у подножия горы Олимпа (Бекк. 1959, 209, 259).

[81] См. примеч. 32, VI.

[82] Роман был сыном Константина, младшего сына Романа Лакапина. Принимал участие в войне с Русью (Скилица. 308).

[83] Должность севастофора — личного посланника и глашатая императора, носившего его знамя, — появилась между 963 и 975 гг. Замещалась евнухами. Уже в XI в. превратилась в почетный титул (*Икономидис.* 1972, 303).

[84] Лоретто (160) оставляет без внимания слова «καὶ ὑποσχέσεσι δωρεῶν παρακλαπέντα»

[85] Эти слова немецкий переводчик понимает, как «за свое здоровье» (Лоретто. 160).

[86] Версия об отравлении Цимисхия возникла в кругах, враждебно относившихся к всесильному евнуху Василию. Симптомы заболевания, однако, говорят о том, что Цимисхий заболел тифом (*Острогорский*. 1963, 247).

[87] В античности «священной болезнью» считалась эпилепсия, но христианские авторы часто называют так проказу (Обино. 1975, 87—88). Ср. примеч. 23. VI.

[88] Николай, митрополит Адрианопольский, известен своими письмами. С апреля 979 г. по 16 декабря 991 г. он была патриархом Константинопольским (Николай II Хрисоверг) (Скилица. 328).

[89] Ср. примеч. 58, V; 65, IX.

[90] Дата смерти Цимисхия приведена Львом Диаконом неточно; индикт правилен, дата 10 января спорна, год 6485 неверен; 10 индикт соответствует 6484 г. (976 г.). Скилица (314) приводит дату начала правления Василия II, относя ее к декабрю 4 индикта (975 г.) — видимо, Цимисхий был в это время уже недееспособен. Точно и полно дата смерти Цимисхия приведена у Яхъи (Розен. 1) — вторник 11 января 1287 г. по селевкидскому календарю, т. е. 976 г. Рядом этот писатель привел дату и по хиджре — 7 джумада 1, 365, что соответствует 12 января, среде. Поскольку хронисты редко ошибаются в днях недели, то дату по календарю селевкидов — 11 января 976 г. — нужно признать правильной.

[91] «Хронография» Михаила Пселла начинается следующими словами: «Вот так расстался с жизнью император Иоанн Цимисхий». Крупнейший византийский писатель, таким образом, как бы подхватывает рассказ Льва Диакона, и в этом самая высокая похвала автору, труд которого мы анализировали выше.

ЭНКОМИЙ, ИЛИ ЛЬВА ДИАКОНА К ИМПЕРАТОРУ ВАСИЛИЮ СЛОВО

[1] Энкомий — хвалебная речь, произнесенная Львом Диаконом, вероятно, в качестве «затрапезного слова» — тоста. Сохранился в Бодлейановской библиотеке, рукопись 141, по письму — XIV век (Сикутрис. 1933, 425—434). При изучении энкомия в первую очередь встает вопрос, к какому времени он относится. В заголовке не сказано, какой Василий имеется в виду — I или II. Но этот вопрос легко проясняется содержанием энкомия. В абзацах 6 и 8 читаем, что Василий имел знаменитых предков. У Василия I их не было. Далее говорится, что он уже в ранней молодости стал императором, — это можно отнести только к Василию II.

Второй вопрос: можно ли этот энкомий приписать нашему историку Льву Диакону? Трудно допустить, что при дворе императора Василия II одновременно были два дьякона, оба Льва... Судя по манере письма, обращению к архаическим образам, энкомий вполне мог быть произнесен Львом-историком. Никаких аргументов против такого допущения мы не находим. Более того, если считать, что автором энкомия был наш Лев Диакон, содержание этой застольной речи делается понятнее. Свою «Историю» Лев не опубликовывал, но не исключено, что он показывал ее друзьям, которые могли как-нибудь доложить о ней императору. Можно думать, что в энкомии Лев хотел предупредить эту возможность и объяснить, почему при описании событий, происходивших при Василии II, он не говорит о личной деятельности и доблестях императора. Лев Диакон не сразу стал жарким сторонником Василия, и это тоже нужно было объяснить в речи. Короче говоря, энкомий — не только и не столько хвалебное слово, сколько самооправдание человека, перешедшего на сторону Василия после долгого

критического к нему отношения, что с очевидностью явствует из его «Истории».

Что касается общего впечатления от энкомия, то думается, что автор этой льстивой речи хотел продвинуться по служебной лестнице. Должность придворного дьякона могла быть ступенью к более высоким должностям в духовной иерархии, тем более, что в то время, когда произносилась эта речь (примерно в 994—996 гг.), в Византии не было патриарха (вплоть до 12 апреля 996 г.), а следовательно, всякое возведение в сан епископа или митрополита всецело зависело только от императора. Возможно, усилия Льва не остались втуне, и он добился какого-нибудь высокого поста.

2 В этом абзаце Лев самоуничижительно оправдывается, что так долго не выступал с хвалебной речью.

3 Ссылка на Илиаду. VI, 265—266:

Зевсу вино возлиять неумытой рукою
Я не дерзну...

Использование широко известной цитаты из Гомера — ловкий прием, с помощью которого Лев Диакон старается объяснить, почему в «Истории» он не вознес хвалы доблести Василия в его борьбе против мятежников.

4 Слова о военной славе, об удивительных трофеях не могли быть сказаны в начальный период правления Василия — тогда ему нечем было похвастаться. Они могли лишь послужить поводом для обвинения в насмешках над императором! Данный пассаж позволяет уточнить хронологию энкомия: вероятно, он был составлен после побед в Болгарии и Сирии (взятие в плен болгарского царя Романа в 991 г., отражение арабских войск и победы Василия в 995 г. в Сирии, укрепление Византии в Закавказье).

5 Лев признает свою вину в том, что так поздно выступил с энкомием.

6 Употребляя выражение «намордник молчания», Лев объясняет свою пассивность при дворе скромностью. Но, как видно из «Истории» Льва, причиной молчания был его пессимистический взгляд на положение Византии в правление Василия.

7 Выражение «из прекрасных прекрасный» заимствовано у Платона (Менексен, 237а). Лев говорит о сравнении доблестей Василия с достижениями его предков. В своей «Истории» Лев не только не возвеличивал предков Василия, но, наоборот, восторженно относился к Никифору и Цимисхию — узурпаторам! Здесь он как бы просит за это извинения.

8 Лернейская гидра — девятиглавое чудовище, у которого вместо каждой отрубленной головы вырастали две новые. Слово «лерна» означало беду. Так Лев характеризует первый период правления Василия, когда беда следовала за бедой. Энкомиаст старается показать, как трудно было Василию в такой обстановке сохранить самообладание.

9 У Платона (О законах, 963а) есть рассуждение о четырех доблестях, причем первая — ум, влечет за собой три другие — доблесть судовождения, врачевания и военного дела. Эти три сестры следуют за старшей.

10 Нужно отметить, что хвалебные отзывы Льва об аскетической твердости императора не являются чистой лестью: суровый воин, жестокий, но последовательный правитель, Василий отдал все силы приумножению мощи Византии в интересах военно-бюрократической прослойки господствующего класса.

11 Амалфея — божественная коза, молоком которой кормили малютку-Зевса. Рог Амалфеи, случайно обломанный, стал «рогом изобилия». Этим сравнением Лев хочет сказать, что уже с самого начала правление Василия было счастьем для подданных.

12 Под нарушителями престолонаследия следует понимать не только Никифора и Цимисхия, но и вождей апостасий — Склира и Фок, которые действительно довели империю до того, что она «едва дышала». Разумеется, про Никифора и Цимисхия это сказать трудно. Убеждение Льва, что империя находится на краю гибели, было доминирующим в момент завершения им работы над «Историей».

13 Начиная с абзаца 9, Лев говорит о том этапе, когда Василий одержал окончательную победу над претендентами и укрепил свою власть.

14 Лев имеет в виду, что после страшных казней (Дельфина, например, посадили на кол) Василий не только простил Варду Склира, причинившего столько бед Византии, но и вернул ему все права и титул куропалата; несмотря на неоднократные измены, император и Михаила Вурцу оставил на командных постах.

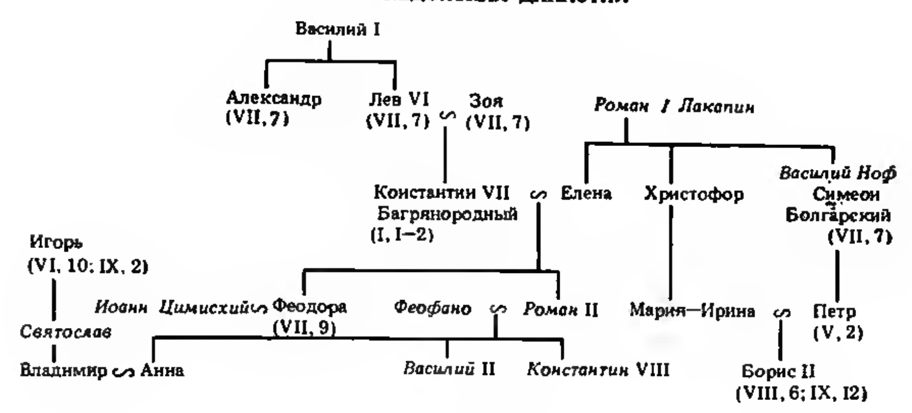
15 В абзаце 12 Лев говорит о внутренней политике Василия. Это место, несомненно, свидетельствует о борьбе Василия с мощной военно-землевладельческой знатью, чрезвычайно усилившейся за время правления представителей провинциальных динатов, Никифора и Цимисхия, а также в период гражданских войн.

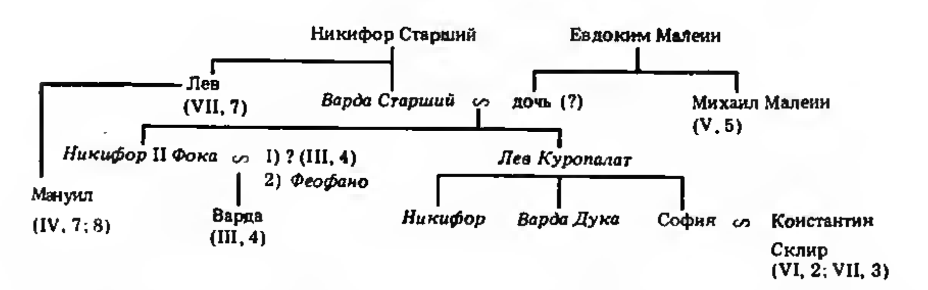
Лев говорит о «πλεονεκτικὴν βίαν» — в полном соответствии с текстом новеллы от 1 января 996 г. Трудно сказать, выступал ли Лев после ее издания или воспользовался теми выражениями, которые слышал от окружения Василия. Во всяком случае, Лев произнес энкомий в период наиболее суровых мероприятий против динатов.

16 «Λημᾶ κολοκύνταις — как гнилая тыква» — ироническое выражение Сократа в его разговоре с Стрепсиадом в комедии Аристофана «Облака» (237).

17 В «Истории» Лев пишет, что был дьяконом, но умалчивает, что непосредственно входил в императорскую свиту, — это подтверждают слова «приблизил к себе». Близость Льва ко двору заставляет нас несколько иными глазами взглянуть на него как на историка, поскольку он имел возможность пользоваться документами императорских канцелярий.

18 Пожелание «отличаться щедростью» должно быть истолковано не в абстрактном смысле как помощь ближним, а как конкретный совет: увеличивать денежные подарки и ρογα представителям бюрократических и церковных кругов.

На схемах даны имена лиц, фигурирующих только в „Истории" и примечаниях к ней. Курсивом выделены главные герои Льва Диакона; возле имен лиц второстепенных в скобках указаны главы, в которых они упомянуты.

БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОЧНИКИ

Абу-Шоджа — Кримськнй А., Кезма Н. Оповідання арабського історнка Абу-Шоджі Рудраверського про те, як охрестнлася Русь // Збірка на пошану акад. Д. И. Багалія. Кнів, 1947.
Агафнй — Agathiae Historia. Bonnae, 1828.
Алькеи — Halkin F. Inédits byzantins d'Ochrida, Candie et Moscou. Bruxelles, 1963.
Анна Комнина — Анна Комнина. Алексиада. М., 1965.
Анналы Альтаиейские — Annales Altanenses maiores // MGHS. 1912. Vol. 20.
Аристакас Ластивертци — Повествование вардапета Арнстакэса Ластивертцн / Пер. К. Н. Юзбашяна. М., 1968.
Аррнан — Arriani epistula ad Traianum (Adrianum) in qua Periplus Ponti Euxini // Geographi graeci minores. P., 1855. T. 1.
Асохик — Всеобщая нстория Степаноса Таронского Асолика по прозванию, писателя XI столетия / Пер. Н. Эмина. М., 1864.
Атталиат — Michaelis Attaliotae Historia. Bonnae, 1853.
Афанасий — Athanasii De miraculo Berythi edito // PG, 1857. Vol. 28.
Афанасий Афонит — Vita Athanasii Athonitae // Analecta Bollandiana, 1907. Vol. 25.
Бар-Эбрей — Ex Gregorii Abulpharagii Chronico syriaco // Leo Diaconus (см. ниже).
Бичурин — Бичурин И. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950.
Броунинг — Browning R. The correspondance of a tenth century Byzantine Scholar // Byzantion. 1954. N 24.
Вальсамон — Theodorus Balsamon. In Canones XII concilii Ancyrani // PG, 1865. Vol. 137.
Василики — Basilicorum libri LX / ed. G. E. Heinbachi // Lipsiae, 1833—1870.
Василий Новый — Веселовский А. Видение Василия Нового о походе русских на Византию в 941 г. // ЖМНП. 1889. № 26.
Ватиканский Аноним — Markopulos A. Le témoignage du Vaticanus Gr. 163 pour la période entre 945—963 // Σύμμεικτα. 1979. T. 3.
Газе — Примечания К. Газе // Leo Diaconus (см. ниже).
Генесий — Genesios Josephus. Basileia eis 4 biblia. Bonnae, 1834.
Греческие географы — Geographi graeci minores / Ed. C. Mullerus. P., 1855—1861. Vol. 1—2.
Георгий Монах — Георгий Амартол. Хронограф // Учен. зап. Отд. рус. яз. Имп. АН. 1861. Т. 11.
Даррузес — Darruzes J. Epistoliers byzantins du Xe siècle. P., 1960; Idem. Documents inedits d'ecclésiologie byzantine // Archives de l'orient chrétien. P., 1966. T. 10.
Добшютц — Dobschütz E. von. Christusbilder. Untersuchungen zur christlichen Legend. Leipzig, 1899.
Доуни — Downey G. The Tombs of the Byzantine Emperors // Journal of Hellenic Studies, 1959. Vol. 79.
Древности — Patria Constantinoupoleos // Scriptores originum constantinopolitanarum / Ed. Th. Preger. Lipsiae, 1907. Fasc. 2.
Жизнеописание Адриана — Spartiani De vita Hadriani // Scriptores historiae augustae. Lipsiae, 1965. Vol. 1.
Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1967. Т. 2.

Зайят — Zayat H. Vie du patriarche melkite d'Antioche Cbristophore (967) pвr le protospathare Ibrahim b. Iubanna. Document inédite de X s. // Proche Orient Chrétienne. 1952. Vol. 2.
Зонара — Ioannis Zonarae Epitome historiarum libri XIII—XVIII. Bonnae, 1897.
Ибн-Фадлан — Ковалевский А. П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956.
Иоанн Геометр — Johannis Geometrae poemata // PG, 1863. Vol. 106.
Иоанн Камениата — Johannis Cameniatae De expugnatione Thessalonicae // Theophanus Continuatus. Bonnae, 1838.
Кедрин — Georgii Cedreni Synopsis bistoriarum. Bonnae, 1838. Vol. 1.
Кекавмен — Советы и рассказы Кекавмена / Пер. и коммент. Г. Г. Литаврина. М., 1972.
Кельдер — Calder W. M. Monuments Asiвe Minoris antiqua. Monuments from Eastern Phrygia. Manchester, 1956. Vol. 7.
Книга церемоний — De cerimoniis aulae Byzantinae libri II Constantini VII Porphyrogeniti. Bonnae, 1828—1830.
Книга эпарха — Сюзюмов М. Я. Византийская книга эпарха. М., 1962.
Кодин — Georgii Codini Excerpta / Ed. I. Bekkeri. Bonnae, 1843; Verpeaux J. Pseudo-Kodinos, Traité des offices. P., 1966.
Конст. Багр. Адм. — Constantine Porpbyrogenitus. De administrando imperio / Ed. Gy. Moravcsik; R. I. H. Jenkins. Budapest, 1949.
Конст. Багр. Фем. — Constantino Porphyrogenito. De tbematibus. Introductione, testo critico. Citta dei Vaticano, 1952. (Studi e testi. N 160).
Кулаковский Ю. Военный лагерь византийцев в X в. // ВВ. 1903. Т. 10.
Куник А., Розен Р. Известия Ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. СПб., 1878. Ч. 1.
Кучук-Иоаннесов Х. Письмо Цимисхия Ашоту III // ВВ. 1903. Т. 10.
Ламперт Герцфельдский — Lamperti monachi Herzfeldendis Annales. B., 1957. (Ausgewählte Quellen zur deutscben geschicbte des Mittelalters. Bd. 13).
Латышев В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ, 1948. № 4.
Лев Диакон — Leonis Diaconi Caloensis Historiae libri decem / E recensione C. B. Hasii. Bonnae, 1828.
Лоретто — Nikephoros Phokas «Der bleiche Tod der Sarazenen» und Johannes Tzimiskes. Die Zeit von 959 bis 976 in der Darstellung des Leo Diakonos / Übers. von F. Loretto. Graz; Wien; Köln, 1961.
Лиутпранд — Die Werke Liutprands von Cremona / Ed. J. Becker. Hannover, 1915.
Луп Протоспатарий — Lupus Protospatbrius Parensis Rerum in Regno Neopolitano gestarum chronikon breve sive Annales 855—1102 / Ed. L. Muratori // Rerum italicarum scriptores. Città di Castello, 1905. Vol. 5.
Малала — Johannis Malalae Cbronographia / Ed. L. Dindorf. Bonnae, 1831.
Миллер — Miller K. Itineraria Romana. Stuttgart, 1916.
Михаил Сириец — Altbeim F., Stiehl R. Michael der Syrer über Bulgaren und Chazaren // Byzantion. 1958. Vol. 28.
Никифор Фока (О стычках) — Nicephori Phocae De velitatione bellica // Leo Diaconus (см. выше).
Новеллы Льва VI — Noaille P.; Dain A. Les nouvelles de Leon VI le sage. P., 1944.
Обино — Aubineau M. Zoticos de Constantinople. // Analecta Bollandiana. 1975. Vol. 93.
Павел Латрский — Delehaye H. Vita Pauli Latrensis // Analecta Bollandiana. 1891. Vol. 11.
Панихида — Petit L. Office inédit en l'honneur de Nicephore Phocas // BZ. 1909. Bd. 13.
ПВЛ — Повесть временных лет. Текст, перевод. М., 1950. Ч. 1.
Попов — История Льва Диакона Калойского и другие сочинения византийских писателей / Пер. Д. Попова. СПб., 1820.
Прод. Феоф. — Theophanes Continuatus / Ed. B. Niebuhrii. Bonnae, 1838.

Прохирон — Imperatorum Basilii, Constantini et Leonis Prochiron. Heidelberg, 1837.
Псевдо-Каллисфен — Pseudo-Kallisthenes nach der Leidener Handschrift von H. Meusel. Leipzig, 1871.
Пселл — Michael Psellos. Chronographie / Ed. E. Renauld. P., 1926.
Розен В. Р. Император Василий Болгаробойца: Извлечения из летописи Яхъи Антиохийского. СПб., 1883.
Сафа — Σύνοψις χρονική // Σαθας Κ. Μεσαιωνική βιβλιοθήκη. Π., 1894. Т. 7.
Сикутрис — Συκουτρῆς Ι. Λέοντος τοῦ Διακόνου ἀνέκδοτον ἐγκώμιον εἰς Βασίλειον τὸν Β // ΕΕΒΣ. 1933. Т. 10.
Симеон Магистр — Symeonis Magistri Annales // Theopanes Continuatus. Bonnae, 1838.
Синаксарь — Synaxarium Ecclesiae Constantinopolitanae e codice Sirmondiano / Ed. H. Delehaye. Bruxelles, 1902.
Скилица — Iohannis Scylitzae Synopsis Historiarum / Rec. I. Thurn. Berolini; Novi Eboraci, 1973.
Слово Христолюбца — Памятники древнерусской церковноучительной литературы. СПб., 1897. Вып. 3.
Стратегика Никифора — Стратегика императора Никифора, Изд. Ю. А. Кулаковский // Учен. зап. Отд. ист. фил. Имп. АН. 1908. Т. 8. № 9.
Тактика Льва — Leonis imperatoris Tactica // PG. 1863. Vol. 107.
Титмар Мерзебургский — Thietmar von Merseburg Chronik. B., 1956 (Ausgewälte Quellen zur deutschen Geschichte des Mittelalters, Bd. 9).
Феодорит — Theodoreti Historia ecclesiastica // PG, 1864. Vol. 87.
Феодосий — Theodosii diaconi De Creta capta / Ed. H. Criscuolo. Leipzig, 1979.
Феофан — Theophanis Chronographia / Ed. C. de Boor. Lipsiae, 1883.
Феофилакт — Theophylacti Simocattae Historia / Ed. C. de Boor. Lipsiae, 1887.
Цолакис — Τσολάκης Ε. 'Η. συνέχεια τῆς χρονογραφίας τοῦ 'Ιωάννου Σκυλίτση. Θεσσαλονικη. 1968.
Ц.—Л., III — Zacbariae a Lingenthal C. E. Ius graeco-romanum. Lipsiae, 1857.
Шрайнер — Schreiner P. Die byzantinischen Kleinchroniken. Wien, 1975—1977. Vol. 1—2.
Шрамм. — Schramm P. E. Neun Briefe des byzantinischen gesandten Leo von seiner Reise zu Otto III aus Jahren 997—998 // BZ. 1925. Bd. 25.
Эклога — Ecloga Leonis et Constantini, Epanagoge Basilii, Leonis et Alexandri. Lipsiae, 1852.
Яхъя — Histoire de Yahya-ibn-Sa-id d'Antioche continuateur de Said ibn Bitrig / Ed. et trad. en français par I. Kratschkovsky, A. Vasiliev // Patrologia Orientalis, 1924. Vol. 18.

ИСТОРИОГРАФИЯ

Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977.
Анастасиевич Д. Царский год в Византии // SK. 1940. Т. XI.
Ангелов Д. Образуване на Българската народност. София, 1971.
Аничков Е. В. Язычество и древняя Русь. СПб., 1914.
Артамонов М. И. Воевода Свенельд // Культура Древней Руси. М., 1966.
Ачарян Г. А. Этимологический коренной словарь армянского языка. Ереван, 1977. Т. III.
Багалей Д. И. История Льва Дьякона как источник для русской истории // Изв. Киев. ун-та. Ист.-филол. отд-ние. 1878.
Белов Е. Борьба Святослава Игоревича с Иваном Цимисхием // ЖМНП. 1873. Дек.
Беляев Б. Ф. Обзор главных частей Большого Дворца византийских царей. СПб., 1891; *Он же.* Еженедельные и воскресные приемы византийских царей и праздничные выходы их в храм св. Софии в IX—X вв. СПб., 1893.

Беляев В. Ф. К вопросу о толковании и этнической принадлежности древнегреческого этнонима Phtheirophagoi // ВДИ. 1964. № 3.
Благоев Н. Критичен поглед върху известита на Лъвъ Дяков // Македонски Прегледъ. 1930. VI, № 1.
Богданова Н. М. О времени взятия Херсона князем Владимиром // ВВ. 1986. Т. 47.
Божилов Ив. Към въпроса за византийското господство на Долния Дунав в края на X век // Проучвания на случай II конгрес по балканистика. София, 1970. Т. II.
Брим А. Происхождение термина Русь // Россия и Запад. Пг., 1923. Т. 1.
Васильев А. А. Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов во время Македонской династии. СПб., 1902.
Васильевский В. Г. Византия и печенеги // ЖМНП. 1872. Т. 164; *Он же.* Варяго-русская и варяго-английская дружина // ЖМНП. 1875. Т. 176, 177, 178; *Он же.* О жизни и трудах Симеона Метафраста // ЖМНП. 1879. Т. 208; *Он же.* Материалы для истории византийского государства // ЖМНП. 1882. Т. 222; *Он же.* Русско-византийские отрывки // Труды. СПб., 1908. Т. 1; Т. 2, вып. 1; *Он же.* Труды. М., 1930. Т. 4.
Гадло А. С. Проблема приазовской Руси и современные археологические данные // Вести. ЛГУ. История. Яз. Лит. 1968. Вып. 3, № 14.
Гедеонов С. А. Варяги и Русь. СПб., 1876. Ч. 1.
Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953.
Гумилёв Л. Н. Открытие Хазарии. М., 1966.
Ђурић И. Породица Фока // ЗРВИ. 1976. Т. 14.
Добродомов И. Г. О половецких этнонимах в древнерусской литературе // Тюркологический сборник, 1975. М., 1978.
Древняя одежда народов Восточной Европы. М., 1986.
Дринов М. Южные славяне и Византия в X в. М., 1876.
Дуйчев И. К вопросу о языческих жертвоприношениях в Древней Руси // Культурное наследие Древней Руси. М., 1976.
Златарски В. История на българската държава през средните векове. София. 1972.
Знойко Н. О посольстве Калокира в Киев // ЖМНП. 1907. № 8.
Иванов Й. Богомилски книги и легенди. София, 1970.
Иванов С. А. Византийско-болгарские отношения в 966—969 гг. // ВВ. 1981. Т. 42; *Он же.* Κοίρανος τῶν Βουλγάρων (Иоанн Цимисхий и Борис II в 971 г.) // Общественное сознание на Балканах в средние века. Калинин, 1982.
Каждан А. П. Крестьянские движения в Византии в X веке // ВВ. 1952. Т. V; *Он же.* Деревня и город в Византии IX—X вв.: (Очерки по истории византийского феодализма). М., 1960; *Он же.* Из истории византийской хронографии X в. // ВВ. 1961. Т. XX; *Он же.* Социальный состав господствующего класса Византии в XI—XII вв. М., 1974; *Он же.* Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI—XII вв. Ереван, 1975.
Калайдович К. Иоанн Экзарх болгарский. М., 1924.
Карышковский П. О. Русско-болгарские отношения во время Балканских войн Святослава // ВИ. 1951. № 8; *Он же.* О хронологии русско-византийской войны при Святославе // ВВ. 1952. Т. V; *Он же.* К вопросу о первоисточниках по истории походов Святослава // КСИС. 1952. № 9; *Он же.* Балканские войны Святослава в византийской исторической литературе // ВВ. 1953. Т. 6; *Он же.* О мнимом болгарском источнике летописных сводов // Труды Одес. ун-та. 1954. Т. 144; *Он же.* К истории балканских походов Руси при Святославе // КСИС. 1955. № 14; *Он же.* Лев Диакон о Тмутараканской Руси // ВВ. 1960. Т. 17.
Каштанов С. М. О процедуре заключения договоров между Византией и Русью в X в. // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972.

Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Л. 1966. Вып. 1; *Он же.* Древнерусское оружие. Л., 1971. Вып. 3; *Он же.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв. Л., 1973.
Куклина И. В. Анахарсис // ВДИ. 1971. № 3.
Кучма В. В. Командный состав и рядовые стратиоты в фемном войске Византии в конце IX—X в. // Византийские очерки. М., 1971. Т. 2; *Он же.* Византийские военные трактаты IV—X вв. как исторический источник // ВВ. 1979. Т. 40.
Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956.
Лисицов С. Крепости и защитни съоръжения на първата българска държава // Годишшник на националния политихнически музей. София, 1974. Т. 34.
Литаврин Г. Г. Новые сведения о Северном Причерноморье // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972; *Он же.* Византийское общество и государство в X—XI вв. М., 1977; *Он же.* Византийцы и славяне — взаимные представления // The 17th International Byzantine Congress. Major Papers. New Rochell. N. Y., 1986.
Лишев С. Прабългарското и българското народностно име в Европе около начало на V в. // Известия на института на българска история. 1954. Т. 5; *Он же.* Българският средновековен град. София, 1970.
Ломоури Н. Ю. К истории восстания Варды Склира // Труды Тбил. ун-та. 1957. № 67.
Лопарев Хр. Описание некоторых греческих житий святых // ВВ. 1897. Т. IV.
Медведев И. П. Византийский гуманизм XIV—XV вв. М., 1976.
Милчев А., Дамянов С. Археологнчески раскопки на късноантичната крепост при с. Войвода, Шуменски окръг // Известия на археологически институт. 1977. Т. 33.
Мишулин А. В. Греческие полиоркетики об осаде городов // ВДИ. 1940. № 3—4.
Моравчик Д. Коментон — печенежское или русское слово // АААН. 1951. Т. 1.
Мутафчиев П. Русско-болгарские отношения при Святославе // SK. 1931. Т. IV.
Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1952.
Недев С. Сражението при река Ахело през 917 г. // Военноисторически сборник. 1975. № 4.
Овчаров Д. Византийски и български крепости V—X век. София, 1982.
Оленин А. Облик или портрет вел. кн. Святослава Игоревича // Сын Отечества. 1814. № 2.
Пападопуло-Керамевс А. И. К истории греческих этимологиков // ЖМНП. 1908. № 9.
Плетнева С. А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // МИА. 1958. Т. 62.
Половой Н. Я. К вопросу о первом походе Игоря против Византии // ВВ. 1961. Т. XVIII.
Поповић П. Четири рајске реке // Глас Српске краљевске Академије. 1936. Т. 171, № 88.
Поппе А. О причинах похода Владимира Святославича на Корсунь // Вестн. МГУ. Сер. 8. История. 1978. № 2.
Ранович А. Восточные провинции Римской империи. М.; Л., 1949.
Рапов О. М. Принятие христианства князем Владимиром и киевлянами // ВИ. 1984. № 6.
Романски Ст. Имената на два крайдунавски града // Сборн. Милетич. София, 1933.
Рудаков А. П. Очерки византийской культуры. М., 1917.
Сахаров А. Н. Дипломатия Святослава. М., 1982.
Силистра и Добруджа. София, 1927.
Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Л., 1984. Вып. 6.
Соловьев А. И. Византийское имя России // ВВ. 1957. Т. XII.

Соломонік Е. И. Про вначення терміна «тавроскіфи» // Археологічні памятки УРСР. 1962. Т. XI.
Сырку П. Византийская повесть об убиении императора Никифора Фоки. СПб., 1883.
Сюзюмов М. Я. Об источниках Льва Дьякона и Скилицы // Византийское обозрение. 1916. Т. 2; *Он же.* К вопросу о происхождении слов «Рос, Россия» // ВДИ. 1940. № 2; *Он же.* О социальной сущности законодательства Василия // ВВ. 1953. Т. VI; *Он же.* Мировоззрение Льва Диакона // АДСВ. 1971. Т. VII; *Он же.* Дофеодальный период // АДСВ. 1972. Т. VIII; *Он же.* Вспомогательные исторические науки и внутренняя критика источника при датировке событий // Вспомогательные исторические дисциплины. Свердловск, 1974.
Талис Д. А. Росы в Крыму // Сов. археология. 1974. № 3.
Тихая-Церетели М. Г. К вопросу о племенном происхождении Иоанна Цимисхия // Труды Института славяноведения АН СССР. 1934. Т. 2.
Тихомиров М. Н. Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII в. // Славянский сборник. М., 1947.
Толстой Н. И., Толстая С. М. Заметки по славянскому язычеству // Руссий фольклор. 1981. Т. 221.
Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. М.; Л., 1948.
Тъпкова-Заимова В. Към въпроса за военните пътища през първото българско царство // ИП. 1958. Т. 1.
Удальцова З. В. Советское византиноведение за 50 лет. М., 1969.
Успенский П. История Афона. Киев, 1877. Т. III.
Успенский Ф. И. Византийская табель о рангах // ИРАИК. 1898. Т. III.
Флоровский А. Князь Рош у пророка Иезекииля // Сборник в чест на В. М. Златарски. София, 1925.
Хоммель Х. Ахилл-бог // ВДИ. 1981. № 1.
Цанкова-Петкова Г. Бележки към началния период от историята на Българската държав // Известия на Института за българска история. 1954. Т. 5.
Чертков А. Д. Описание войны великого князя Святослава Игоревича. М., 1843.
Шангин М. «Записка греческого топарха» как источник о войне русских на Балканах // Ист. журнал. 1941. № 9.
Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.
Шестаков С. П. Аноним Cod. Paris. Graec. 1412 в пределах хронографии Феофана // Учен. зап. Имп. Казан. ун-та. 1897. Т. 64. Май—июнь; Июль—август.
Щапов Я. Н. Русская летопись о политических взаимоотношениях древней Руси и Византии // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972.
Авалихвили — Avalicbvili Z. La succession du curopolate David d'Iberie, dunaste de Tao // Byzantion. 1933. Vol. 8.
Адонц — Adonz N. Notes armeno-byzantines // Ibid. 1934. Vol. 9; Idem. Les Taronites en Armenie // BZ. 1935. Bd. 10; Idem. Tornik le Melne // Byzantion. 1938. Vol. 12.
Адонц, Канар — Adonz N., Canard M. Quelques noms de personnages byzantins dans une piece du poete arabe Abu Firaz (X siècle) // Ibid. 1936. Vol 11.
Александер — Alexander P. J. The strengtb of Empire Capital as seen through Byzantine eyes // Speculum, 1962. Vol. 37, N 3; Idem. Historiens byzantines et croyances eschatologiques // Actes du XII congrès international d'études byzantines. Beograd, 1964.
Алькен — Halkin F. Le règne de Constantin d'après la chronique inédit au Pseudosimeon // Byzantion. 1959—1960. Vol. 29—31.
Альфано — Alfano G. Le eruzioni del Vesuvio tra il 79 e il 131. Valle di Pompei. 1924.

Анастасиевич — Anastasievič D. Die Zahl der Araberzüge des Trimiskes // BZ. 1929—1930. Bd. 30; Idem. La chronologie de la guerre russe de Tzimiscès // Byzantion. 1931. Vol. 6.
Антониадис-Бибику — Antoniadis-Bibicou H. Recherches sur les Douanes à Byzance. P. 1963.
Арвейлер — Ahrweiler H. Byzance et le Mer. P., 1966; Les relations entre les byzantins et les russes au IX s. // Eadem. Byzance: les pays et les territoirs. L., 1976.
Бекк — Beck H.-G. Kirche und Theologische Literatur im Byzantinischen Reich. München, 1959; Idem. Senat und Volk von Konstantinopel. Probleme der byzantinischen Verfassungsgeschichte. München, 1966; Idem. Res publica Romana // Das byzantinische Herrscherbild. Darmstadt, 1975.
Бернарди — Bernhardy G. Leon Diakonos // Berliner Jahrbuch für wissenschaftliche Kritik. 1832. Bd. 1.
Биде — Bidez I. Fragments nouveaux de Philostorge sur la vie de Constantin // BZ. 1935. Bd. 10.
Болонья — Bologna G. Uno storico bizantino Leone Diacono. Milano, 1950.
Брейэ — Brehier L. La marine de Byzance du VII au XIe siècle // Byzantion. 1949. Vol. 19.
Броккаар — Brokkaar W. Basil Lacapenus // Studia Byzantina et Neohellenica Neerlandica. Leiden, 1972.
Броунинг — Browning R. Byzantium and Bulgaria. L., 1975.
Бурас — Bouras L. The reliquary cross of Leo Domesticos tes Dyses // Byzantium and the classical Tradition. Birminghan, 1981.
Вартенберг — Wartenberg G. Das geschichtswerk des Leon Diaconos // BZ. 1897. Bd. 6, 106—111; Idem. Leon Diaconos und die Chronisten // Ibid. 285—317.
Васильев — Vasiliev A. A. Medieval Ideas of the End of the World. West and East // Byzantion. 1942—1943. Vol. 16; Idem. The Russian attack on Constantinople in 860. Cambridge (Mass.), 1946; Idem. Byzance et les Arabes / Ed. M. Canard. Bruxelles, 1950. T. 2, Pt. 2; Idem. The second Russian Attack on Constantinople // DOP. 1951. № 6.
Гаек — Gajek I. Kogut w worzeniach ludowych. Lwow, 1934.
Георгеску — Georgescou A. Contributon à l'étude de la reception du «Nomos Georgikos» dans les principautés Danubiennes // Byzantina. 1969. T. 1.
Гийу — Guillou A. Notes sur la société dans ie katépanat d'Italie au XIe siècle // Guillou A. Studies on Byzantine Italy. L., 1970.
Гийян — Guilland R. Le palais de Bukoleon // BS. 1949. Vol. 10; 1950. Vol. 11; 1951. Vol. 12; 1952. Vol. 13; Idem. Etudes sur l'hippodrome de Byzance // BS. 1962. Vol. 23; 1964. Vol. 25; 1965. Vol. 26; Idem. Recherches sur les institutions byzantines. B., 1967. Bd. 1—2.
Гляйкснер — Gleixner H. — Рец. на кн.: Лоретто (см. выше) // BZ. 1962. Vol. 55.
Гоф — Gough M. Anazarbus // Anatolian Studies. 1952. Vol. 2.
Грегуар — Gregoire H. Notes de Geographie byzantine // Byzantion. 1935. Vol. 10; Idem. Goeléonta-Golanta // Ibid. 1936. Vol. 11; Idem. Miscellanea epica et etymologica // Ibid.; Idem. La dernière campagne de Jean Tsimisces contre les russes // Ibid. 1937. Vol. 12; Idem. Thèodore le Stratèlate et les russes d'Igor // Ibid. 1938. Vol. 13; L'histoire et la legende d'Oleg, prince de Kiev // La nouvelle Klio. 1952. Vol. 4; Idem. La carrière du premier Nicephore Phocas. Thessalonique, 1953; Idem. Les Bylines russes. Miettes d'épopées // Bulletin de la classe des lettres. Académie royale de Belgique. 1962. Ser. 5. Vol. 48.
Грегуар, Оржельс — Grégoire H., Orgels P. Les invasions russes dans le Synaxaire de Constantinople // Byzantion. 1954. Vol. 24; Iidem. Gallicanus, Consul et Martyr dans la Passion des SS. Jean et Paul, et sa vision «constantinienne» du Crucific // Bulletin de la classe des lettres. Académie royale de Belgique. 1956. Sér. 5. Vol. 42.
Грирсон — Grierson Ph. Byzantine coins. L., 1982.

Грюмель — Grumel V. Les regestes des actes du Patriarcat de Constantinople. P., 1947. Vol. III; Idem. La chronologie. P., 1958.
Гфрёрер — Gfrörer A. Fr. Byzantinische Geschichte. Graz, 1877. Vol. 3.
Гэ — Gay J. L'Italie méridional et l'empire Byzantin depuis l'avenement de Basil jusqu'à la prise de Bari par les normans. P., 1904.
Дагрон — Dagron G. La romanité chrètienne en Orient. L., 1984.
Дагрон, Морриссон — Dagron G., Morrisson C. Le Kentinarion dans les sources byzantines // Revue numismatique. 1975. Vol. 17.
Данлоп — Dunlop D. Tbe History of tbe Jewish Khazars. Princeton, 1954.
Делейэ — Delebaye H. Euchaita et le legende de saint Theodore // Anatolian Studies presented to Sir W. W. Ramsay. Manchester, 1923.
Дельгер — Dölger F. Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches. Regesten von 505—1025. München, 1924. Tl 1; Idem. Die Chronologie der Grossen Feldzuges des Kaisers Iohannes Tzimiskes gegen die Russen // Bz. 1932. Bd. 32; Idem. Das Kaiserjahr der Byzantiner // Sitzungsberichte der Bayer. Akad. d. Wissensch., Phil-hist. Kl., 1949. Bd. 1; Idem. Finanzgeschichtliches aus der byzantischen Kaiser-Kanzlei des XI Jh. // Paraspora. 1961.
Дженкинз — Jenkins R. Byzantium. The Imperial Centuries A. D. 610—1071. L., 1966.
Диаконy — Diaconu P. Une information de Skylitzes et Cedrenus à la lumière de l'archèologie // Revue des études sud-est européennes. 1969. Vol. 7.
Диль — Diehl Ch. De la signification du titre de «proedros» à Byzance // Melaoges offerts a G. Schlumberger. P., 1924.
Диттен — Ditten H. Zu Germanoi-Derevljane in Leon Diakonos' Gescbichtswerk, VI, 10 // BS. 1984. Vol. 45.
Дэн — Dain A. Le partage de butin de guerre d'après les traitė juridiques et militaires // Actes de VI Congrès international d'ètudes byzantines. P., 1948. Vol. 1.
Жанэн — Janin R. Constantinople byzantine (developpement urbain et rėpertoire topographique). P., 1950; Idem. La gèographie ecclésiastique de l'empire byzantin. Les ėglises et monasteres. P., 1953. Vol. 3.
Зворонос — Svoronos N. La synopsis major des Basiliques. P., 1964.
Зейбт — Seibt W. Die Skleroi. Wien, 1976.
Икономидис — Oikonomides N. Les listes de preseance byzantines des IX et X siècles. P., 1972; *Idem*. Le dédoublement de S. Thėodore // AB. 1986. Vol. 104; *Idem*. Valaques au service de Byzance? // RESEE. 1987. Vol. 25.
Йорданов — Yordanov I. Etablissement administratif byzantine à Preslav aux X—X s. // Akten des XVI Internationalen Byzantinistenkongress. Wien, 1982. Bd. 2.
Канар — Canard M. La date des expéditions mėsopotamiennes de Jéan Tzimiscès // Mèlange H. Grègoire. Bruxelles, 1950; Idem. Histoire de la dynastie des H'amdanides des Jazira et de Syrie. Alger, 1951; Idem. Les sources arabes de l'histoire byzantine aux confins des X et XI siècles // Canard M. Byzantium et les musulmans du Proche Orient. L., 1973.
Кахане — Kabane H. et R. Two Nautical Terms of Greek Origin // Etymologica. Tübingen, 1958.
Кениг — König E. Zur Vorgeschichte des Namens «Russen» // ZDMG. 1916. Bd. 70.
Кроук — Croke B. Two Early Byzan tine Earthquakes and Their Liturgical Commemoration // Byzantion. 1981. Vol. 51.
Крумбахер — Krumbacher K. Geschichte der Byzantinischen Litteratur. B., 1897.
Кукулис — Koukolès P. Vie et civilisation byzantines. Athenes, 1951. Vol. 4; 1952, Vol. 5.
Кэмерон — Cameron Av. Agathias. L., 1970; Eadem. The Theotokos in VI century Constantinople // Journal of Theological Studies. Nov. ser. 1978. N 29.
Лампсидис — Lampsidis O. Ein unbekanuter Kunstgriff des Nikephoros Phokas bei der Landung auf Chandax // BZ. 1976. Bd. 69.
Ланг — Lang D. The Bulgarians. L., 1976.
Левицкий — Lewicki T. Les rites funeraires païens des slaves occidentaux et des

anciens Russes d'après les relations — remontant surtout aux IX—X siècles — des voyageurs et des ecrivains arahes // Folia Orientalia, 1963. Vol. 5.
Лемерль — Lemerle P. Le premier humanisme hyzantin. Notes et remarques sur renseignement et culture à Byzance des origines au Xe siècle. P., 1971.
Ленорман — Lenormant F. Magog // Le Museion, 1886. Vol. 1.
Леонградт — Leonhardt K. Kaiser Nicephorus II Phocas und die Hamdaniden. Halle, 1887.
Лерой-Молинхэн — Leroy-Molinghen A., Karlin-Hayter P. Basileopator // Byzantion. 1968. Vol. 38.
Лехнер — Lechner K. Hellenen und Barbaren. München, 1954.
Липсиус — Lipsius R. A. Die Apokryphen Apostelgeschichten und Apostellegenden. Braunschweig, 1883. Bd. 1.
Люттих — Lüttich R. Die Ungarnzügen in Europa X Jh. B., 1910.
Майлз — Miles G. The Coinage of the Arah Amirs of Crete. N. Y., 1970.
Маккартни — Macartney C. A. The Magyars in the Ninth Century. Cambridge, 1930.
Ментон — *Menthon B.* Une terre de légende: L'Olympe de Bithynie. P., 1935.
Миллес — Milles G. Byzantium and the Arabs. Relations in Crete and the Aegean Area // DOP. 1964. Vol. 18.
Миссиу — Missiou D. Institutionelle Rolle des hyzantinischen Kaiserin // Akten des XVI Internationalen Byzantinistenkongress. Wien, 1982. Tl. 2.
Моравчик — Moravcsik Gy. Les sources byzantines de l'histoire Hongroise // Byzantion. 1934. Vol. 9; Idem. Zum Bericht des Leon Diaconos uher der Glauben au die Dienstleistung im Jenseits // Studia antiqua. Pragae, 1955: Idem. Byzantinoturcica. B., 1958. Vol. 1—2; Idem. Byzantium and the Magyars. L., 1970.
Морган — Morgan G. A Byzantine satirical Song? // BZ. 1954. Bd. 47.
Острогорский — Ostrogorsky G. Geschichte des Byzantinischen Staates. 3 Ausg. München, 1963; Idem. Ohservation on the aristocracy in Byzantium // DOP. 1971. Vol. 25.
Прехтер — Praechter K. Die römische Kaisergeschichte bis auf Diokletian in cod. Paris, 1712 // BZ. 1895. Bd. 5.
Рамбо — Rambaud A. L'Empire grec au X s. P., 1870.
Рансимен — Runciman St. History of the First Bulgarian Empire. L., 1930.
Раппапорт — Rappaport B. Die Einfälle der Gotten in das römische Reich bis auf Constantine. Leipzig, 1899.
Рубин — Ruhin B. Die Enstehung der Kataphrakten Reiteres in Lichte der chworesmischen Ausgrahungen // Historia. 1955. Bd. 4.
Рэмси — Ramsy W. M. The Historical Geography of Asia Minor. L., 1890.
Стэнеску — Stăneseu E. Byzance et les Pays Roumains aux IX—XV siècles // XIV Congrès international des études byzantines. Bucarest, 1971.
Террас — Terras V. Leo Diaconus and the Ethnology of Kievan Rus // Slavic Review. 1965. Vol. 24.
Томас — Thomas J. A Disputed Novel of Basil II // Greek, Roman and Byzantine Studies. 1983. Vol. 24.
Томашек — Tomaschek W. Zur historischen Topographie v. Kleinasien in Mittelalter // Sitzungsherichte d. Königl. Akad. d. Wissensch., Wien. 1891. Bd. CCCIV.
Трейтингер — Treitinger O. Die Oströmische Kaiser- und Reichsidee. München, 1956.
Турдяну — Turdeanu E. Le dit de l'empereur Nicephore II Phocas et son épouse Théophano. Thessalonique, 1976.
Уолкер — Walker P. The «Crusade» of John Trimisces in the light of Rew Arahic Evidence // Byzantion. 1977. Vol. 47.
Фалькенхаузен — Falkenhausen V. von. Untersuchungen über die hyzantinische Herrschaft in Süditalian vom 9 bis ins 11 Jh. Wieshaden, 1967.
Фишер — Fischer W. Beiträge zur historischen Kritik des Leo Diaconos und Michael Psellos // Mitteilungen des Institutes für österreichische Geschichtsforschung. 1886. Bd. 7.
Фогт — Vogt A. Le palais patriarcal // Echos d'Orient. P., 1940.

Хауссиг — Haussig H.-W. Kulturgeschichte von Byzant. Stuttgart, 1959.
Хед — Head C. Physical Description of the Emperors in the Historica Writings // Byzantion. 1980. Vol. 50.
Хенди — Hendy M. F. Light Weight Solidi, tetartera, and the Book of the Prefect // BZ. 1972. Bd. 65.
Хонигман — Honigmann E. Die Ostgrenze des Byzantinischen Reches von 363 bis 1071. Bruxelles, 1935.
Христидис — Christides V. The Conquest of Crete by the Arabs ca. 824. Athens, 1984.
Хунгер — Hunger H. Reich der neuen Mitte. Graz; Köln, 1965.
Цанкова-Петкова — Cankova-Petkova G. L'établissement des Slaves et Protohulgares en Bulgarie du Nord-Est actuelle et le sort de certaines villes riveraines du Danuhe // Etudes historiques. Sofia, 1970.
Цахариэ-Лингенталь — Zachariä a Lingenthal K. E. Geschichte der griechisch-römischen Recht. B., 1894.
Шевченко — Ševčenco I. Sviatoslav in Byzantine and Slavic Miniatures // Slavic Review, 1965. Vol. 24; Idem. Poems on the Deaths of Leo VI and Constantine VII in the Madrid Manuscript of Scylitzes // DOP. 1970. Vol. 13—14.
Шильбах — Schilhach E. Byzantinische Metrologie. München, 1970.
Шлюмберже — Schlumherger G. Un empereur byzantin au dixième siècle, Nicephore Phocas. P., 1890; Idem. L'épopée hyzantine à la fin du Xe siècle. P., 1890—1900. Vol. 1—2.
Шрайнер — Schreiner P. Zur Austrüstung des Krieges in Byzanz, im Kiewer Rußland und in Nordeuropa nach bildlichen und literarischen Quellen // Les pays du Nord et Byzance. Uppsala, 1981.
Шульце — Schultze V. Altcbristliche Städte und Landschaften. Güterloch, 1913—1930. Bd. 1—2.
Эйкхов — Eickhoff E. Seekrieg und Seepolitik zwischen Islam und Abendlang. B., 1966.
Элиссен — Elissen O. Der Senat im Oströmischen Reiche. Göttingen, 1887.
Эмерсон, Найс — Emerson W., Nice R. H. Sophia, preliminary report of a examination of its structure // AJA. 1943. Vol. 48. N. 4.
Амантос — Ἄμαντος Κ. Παρατηρήσεις τινες είς τήν Μεσαιωνικήν γεωγραφίαν // ΕΕΒΣ. 1924. Т. 1.
Антониади — 'Αντωνιάδη Σ. Δοκίμο γιά τήν ήθική άποκατάσταση Βασιλείου τοῦ// Μακεδονικά. 1953/1955. Т. 3.
Апостолопулу — 'Αποστολοπούλου Σ. 'Η'άλωση τῆς Μοψουεστίας καί τῆς Τάρσου άπό Βυζαντινές καί άραβικής πηγές // Graeco-Arabica, 1982. Т. 1.
Караяннопулос — Καραγιαννόπουλος Γ. Αἱ πηγαί τῆς Βυζαντινῆς ἱστορίας. Θεσσαλονίκη, 1970.
Маркопулос — Μαρκόπουλος Α. Ιωσήφ Βρίγγας — προσωπογραφικά προβλήματα καί ἰδεολογικά ρεύματα // Σύμμεικτα. 1981. Т. 4; Idem. Νέα στοιχεία γιά τήν έκστρατεία τοῦ Νικηφόρου Φωκά στήν Κρήτη // Βυζαντινά. 1985. Т. 13, N 2.
Панайотакис — Παναγιωτάκης Ν. Θεωδόσιος ὁ Διάκονος καί τό ποίημα αύτου „Αλωσις τῆς Κρήτης". 'Ηρακλείον, 1960; Idem. Λέων ὁ Διάκονος. Α. Τά βιβλιογραφικά. Β. Χειρόγραφα καί ἔκδοσις. 'Αθῆναι, 1965; Idem 'Η βυζαντινή οἰκογενειά τῶν Πλευστῶν // Δωδών, 1972. Т. 1.
Ставриду-Зафрака — Σταυρίδου—Ζαφρακά Α. 'Η σημασία τῆς λέξης „κομβέντον" σε έπιστολή τοῦ Νικολάου Μυστικοῦ // 'Ελληνικά. 1977—1978. Т. 30.
Томадакис — Τομαδάκης. Β. Φωτίου, ήλικίαι τῶν ἀνθρώπων // Ἐπιστημονική 'Επετηρίς τῆς Φιλοσοφικῆς Σχολῆς τοῦ Πανεπιστημίου 'Αθηνῶν. 1972/1973. Т. 23.
Христофилопулос — Χριστοφιλόπουλος Α. 'Η σύγκλητος είς τό Βυζαντίνων κράτος // 'Επετηρίς τοῦ 'Αρχείου τῆς ἱστορίας τοῦ 'Ελληνικοῦ λαοῦ. 1949. Т. 23.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДСВ	— Античная древность и средние века
Вас.	— Василики
ВВ	— Византийский временник
ВДИ	— Вестник древней истории
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения
ЗРВИ	— Зборник радова византолошког института
ИРАИК	— Известия Российского археологического института в Константинополе
Ил.	— Гомер. Илиада
ИП	— Исторически преглед
Код. Юст.	— Кодекс Юстиниана
КСИС	— Краткие сообщения Института славяноведения
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
Од.	— Гомер. Одиссея
ПВЛ	— Повесть временных лет
Прод. Феоф.	— Продолжатель Феофана
AAAH	— Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungariae
BS	— Byzantinoslávica
BZ	— Byzantinische Zeitschrift
DOP	— Dumbarton Oaks Papers
ΕΕΒΣ	— 'Επετηρὶς 'Εταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν
MGHS	— Monumenta Germaniae Historica. Scriptores
PG	— Patrologia Graeca
SK	— Seminarium Kondakovianum
ZDMG	— Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора 5

ИСТОРИЯ

КНИГА ПЕРВАЯ 7
КНИГА ВТОРАЯ 14
КНИГА ТРЕТЬЯ 23
КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ 33
КНИГА ПЯТАЯ 43
КНИГА ШЕСТАЯ 51
КНИГА СЕДЬМАЯ 60
КНИГА ВОСЬМАЯ 68
КНИГА ДЕВЯТАЯ 75
КНИГА ДЕСЯТАЯ 84

ДОПОЛНЕНИЯ

Энкомий, или Льва Диакона к императору Василию слово (перевод М. Я. Сюзюмова) 95

Царствование Романа, сына Константина Багрянородного (перевод М. Я. Сюзюмова) 99

Ватиканский Аноним (перевод С. А. Иванова) . . . 105

Провозглашение императором Никифора (Фоки), бывшего до того доместиком схол Востока, христолюбивого и храбрейшего (перевод С. А. Иванова) . . . 107

История захвата Никифором Фокой императорского престола (перевод М. Я. Сюзюмова) 110

Недостатки правления Никифора (перевод М. Я. Сюзюмова) 118

О войне с Русью императоров Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия (перевод С. А. Иванова) 121

Из Иоанна Геометра (перевод С. А. Иванова) . . . 133

Повесть временных лет 135

ПРИЛОЖЕНИЯ

Лев Диакон и его время (М. Я. Сюзюмов) 137

Комментарий (М. Я. Сюзюмов, С. А. Иванов) . . . 166

Генеалогические схемы 227

Библиография 228

Список сокращений 238

ЛЕВ ДИАКОН
ИСТОРИЯ

Утверждено к печати
Отделением истории
Академии наук СССР

Редактор издательства Л. А. Зуева
Художественный редактор Н. Н. Власик
Технический редактор Н. П. Кузнецова
Корректоры Р. В. Молоканова, Л. В. Щеголева

ИБ № 36184

Сдано в набор 20.08.87
Подписано к печати 2.12.87
Формат $60\times90^1/_{16}$. Бумага книжно-журнальная импортная.
Гарнитура академическая. Печать высокая. Усл. печ. л. 15.
Усл. кр. отт. 16,1. Уч.-изд. л. 18,9. Тираж 50 000 экз.
Тип. зак. 1926. Цена 2 р. 60 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука».
117864, ГСП-7, Москва, В-485
Профсоюзная ул., 90

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

ЛЕВ ДИАКОН · ИСТОРИЯ

ЛЕВ ДИАКОН

ИСТОРИЯ

